

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ФГБОУ ВПО
«МГУ им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2013
(№ 85)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионологии

- 9 **Ю. В. Ставропольский.** Социологическая регионология в Канаде
- 19 **В. И. Антонова, О. В. Федотова, В. В. Антонова.** Понятие «регион» в ракурсе информационной конвергенции

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 28 **А. В. Дахин, О. С. Данилова, В. Н. Денисов.** Региональная политика модернизации: административное пространство, факторы, сценарии
- 41 **Л. А. Васильева.** Конструирование советского мифа вождизма и его транслирование каналами средств массовой информации

Региональные проблемы науки и образования

- 47 **И. А. Иванова, А. С. Колантаева.** Анализ инновационной деятельности регионов России
- 57 **О. В. Савина.** Развитие корпоративных университетов в регионе
- 62 **Е. А. Коваль.** Нормативно-этическая характеристика этнокультурного образования
- 69 **Т. Н. Суконкина.** Региональные аспекты реализации этнокультурного образования в начальной школе региона
- 76 **Н. И. Наумкин, Н. Н. Шекшаева, В. Ф. Купряшкин, Е. Н. Панюшкина.** Педагогика сотрудничества как технология методики обучения инновационной деятельности в региональных летних научных студенческих школах
- 85 **Круглый стол «Методология науки: проблемы и перспективы развития»:**
- 85 **В. А. Писачкин.** Интеграционность науки и методологическая компетентность
- 88 **В. В. Ильин.** Проблема демаркации: гносеология versus социология

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 93 **А. А. Гагаев, П. А. Гагаев.** Антропологическая субстратная составляющая фундаментальной социологической теории в модели воспитания и образования
- 96 **П. Н. Киричѐк.** Интеграционные аспекты методологии наук
- 99 **А. А. Сычев.** Философско-методологические основания интегративного подхода
- 102 **Ф. А. Айзатов.** Особенности современной методологии
- 104 **Ж. Ю. Бакаева.** Методологические основания современных социосистем
- 107 **В. В. Козин.** Трансформация российских социальных институтов: некоторые направления анализа
- 109 **С. В. Полутин.** Интеграция государства, науки и бизнеса в контексте теории «тройной спирали»
- 112 **К. В. Фофанова.** Методологические основания исследования межэтнической консолидации
- 115 **Г. А. Шулугина.** Наука в системе экономической интеграции общества
- 117 **М. М. Рогожа.** К вопросу о методологии прикладной этики
- 119 **Е. В. Мочалов.** Проблемы региона в этноконфессиональном и этическом аспекте
- 120 **А. И. Пантюшин.** Интеграция в методологии науки
- 121 **Б. А. Никитина.** Интегративная сущность методологии исследования экологических потоков
- 123 **М. Э. Рябова.** Философско-методологические основания анализа лингвистической компетенции как фактора развития личности
- 126 **В. М. Сидоркина.** Социальное проектирование в регионе
- Экономика региона**
- 129 **Г. В. Ридевский.** Экономическая типология регионов Белоруссии на основе анализа структуры занятости населения
- 141 **Е. Н. Жарова, Г. В. Морозова.** Влияние системы налогообложения на уровень жизни населения
- 149 **Е. О. Шебанова.** Материально-техническое обеспечение управления производством промышленных предприятий региона

- 155 **С. М. Макейкина, Р. И. Панкова.** Финансовое обеспечение программных мероприятий энергоэффективного производства и энергосбережения в регионе
- 164 **В. Ю. Жданов, В. Е. Рыгин.** Теоретический анализ понятий «несостоятельность» и «банкротство» предприятия
- 171 **И. А. Сидорин, Ю. А. Сидорин.** Экономические предпосылки снижения рисков и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций в регионах России
- 178 **С. П. Бурланков, И. В. Захватова.** Туристский рынок России и перспективы его развития в Мордовии
- Социология региона**
- 185 **Е. И. Долгаева.** Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения
- 196 **А. А. Салатова.** Безработица в условиях глобализации
- 207 **И. В. Климычев.** Социальная мобильность и миграционные настроения сельской молодежи региона
- 217 **М. А. Павлова.** Особенности социализации детей в условиях специфической организации труда родителей
- Народы России: возрождение и развитие**
- 227 **М. Ю. Грыжанкова.** Национально-культурная специфика этнического языкового сознания
- 232 **О. Ю. Кузиванова.** Национальные движения финно-угорских народов через призму идей М. Хроха
- 241 **Н. Н. Азисова.** Семейные традиции и ценности татар Мордовии
- Региональная история и историография**
- 252 **В. Ф. Батяев.** Значение общественных объединений второй половины XIX — 20-х гг. XX в. в удовлетворении духовных потребностей белорусов
- Философия в регионе**
- 259 **Г. П. Туманова.** Правовые отношения в дискурсе информационной культуры
- 264 **Н. Н. Синдянкин.** Информационно-правовые отношения социума
- 271 **А. А. Черевко.** Этический аспект статуса судей региона
- 277 **В. П. Изергина.** «Белая» идеология в творчестве И. А. Ильина швейцарского периода эмиграции
- Провинциальная культура**
- 286 **Н. Л. Новикова, А. В. Лебедев.** Проблемы лингвокультурологической интерпретации библейского текста в переводоведении

- 297 **Е. А. Скопцова.** Дискуссии о литературе в культурном пространстве российских кружков XVIII в.
- 307 Круглый стол «Музыкальная культура финно-угорских народов: проблемы изучения, сохранения и преемственности»:
- 307 **Ж. Пяртлас.** Звуковысотный строй и манера пения как социальные маркеры в песенной традиции сету в юго-восточной Эстонии
- 309 **С. А. Исаева.** Функционирование финно-угорской музыкальной культуры в современном социокультурном пространстве
- 310 **И. А. Галкина.** Б. С. Урицкая и музыкальная культура Мордовии
- 312 **Н. И. Бояркин.** Мордовские обрядовые программные наигрыши, связанные с культурами деревьев и воды
- 314 **Л. Б. Бояркина.** Литературные тексты музыкальных сочинений композиторов Мордовии
- 315 **И. Е. Молоствова.** Пластические миры мордовского композитора Н. В. Кошелевой
- 317 **Л. Р. Мухаева.** Деятельность диаспор по сохранению родной культуры
- 318 **М. Г. Хрущева.** К проблеме психологии исполнителей — носителей традиционного песенного фольклора
- 319 **Т. Н. Гулая.** Обработки и аранжировки композиторов Мордовии для детей
- 321 **Е. В. Герасимова.** Творчество Л. П. Кирюкова в педагогической практике учебных заведений Мордовии
- 322 **Э. Н. Киласония.** Музыкальный фольклор как средство воспитания детей
- 323 **Ю. Л. Колесникова.** Становление творческого стиля студентов в процессе овладения навыками народно-хорового исполнительства
- 325 **С. В. Колесникова.** Специфика народно-певческого исполнительского искусства мордвы
- 326 **Т. В. Тюрина.** К проблеме сценического воплощения фольклора
- 327 **М. В. Медведева.** Претворение фольклорных интонаций в кантате А. Г. Шнитке «Песни войны и мира»
- 329 **Н. П. Трегулова.** Хоровые обработки в творчестве композиторов Мордовии
- 330 **М. В. Бутусова.** Проявление фольклорных и неофольклорных стилевых тенденций в вокально-хоровых сочинениях Г. Г. Вдовина
- 332 **Л. В. Кинякина.** Обработка мордовской народной песни для хора в творчестве Н. И. Бояркина
- 333 **И. Г. Коленченко.** Значение и развитие феномена духовного стиха

REGIONOLOGY

Scientific-
publicistic
journal

Founders:

Ministry of Education
and Science of
the Russian Federation

Government of the
Republic of Mordovia

Institute of Regionology
Federal state-financed
academic institution of
higher education
«N.P. Ogarev Mordovia
State University»

Published since
October 1992 г.

Goes out trimestral

4/2013
(№ 85)

CONTENTS

Theoretical Problems in Regionology

- 9 **Yu. V. Stavropolsky.** Sociological Regionology in Canada
- 19 **V. I. Antonova, O. V. Fedotova, V. V. Antonova.** Notion «Region» in the Dimension of Information Convergence

Regional Political Space and Territorial Administration

- 28 **A. V. Dakhin, O. S. Danilova, V. N. Denisov.** Regional Modernisation Policy: Administrative Space, Factors, Scenarios
- 41 **L. A. Vasilyeva.** Development of the Soviet Myth of Leaderism and its Translation by Mass Media Channels

Regional Problems Science and Education

- 47 **I. A. Ivanova, A. S. Kolantaeva.** Analysis of Innovative Activity in Russian Regions
- 57 **O. V. Savina.** Development Experience of Corporate Universities in the Region
- 62 **E. A. Koval.** Normative and Ethic Characteristics of Ethno-Cultural Education
- 69 **T. N. Sukonkina.** Regional Aspects of Ethno-Cultural Education in Elementary School in the Region
- 76 **N. I. Naumkin, N. N. Shekshaeva, V. F. Kupryashkin, E. N. Panyushkina.** Pedagogics of Cooperation as Technology for Innovative Activity Training Methods in Regional Summer Scientific Student Schools
- 85 Panel «Science Methodology: Problems and Development Perspectives»:
- 85 **V. A. Pisachkin.** Integrity of Science and Methodological Competence
- 88 **V. V. Pyin.** Demarcation Problem: Gnoseology Versus Sociology
- 93 **A. A. Gagaev, P. A. Gagaev.** Anthropologic Substructure Component of Fundamental Sociologic Theory in Upbringing and Educational Model
- 96 **P. N. Kirichek.** Integration Aspects in Science Methodology

Editorial board:

A. I. SUKHAREV
(Editor in chief)
P. F. ANISIMOV
N. M. ARSENTEV
I. V. BAKHLOV
S. M. VDOVIN
V. D. VOLKOV
N. I. VORONINA
V. I. GRISHIN
D. V. DOLENKO
V. V. IVANOV
L. V. KALACHINA
 (Executive editor)
B. F. KEVBRIN
V. V. KOZIN
 (Deputy editor in chief)
V. V. KONAKOV
N. S. KRUTOV
G. F. KUTSEV
N. P. MAKARKIN
V. V. MARESEV
M. V. MOSIN
V. A. NEZH DANOV
V. A. NECHAEV
S. V. POLUTIN
V. A. YURCHENKOV

- 99 **A. A. Sychev.** Philosophic and Methodological Basis for Integrative Approach
- 102 **F. A. Aizyatov.** Modern Methodology Peculiarities
- 104 **Zh. Yu. Bakaeva.** Methodological Basis for Modern Socio-System
- 107 **V. V. Kozin.** Russian Social Institutes Transformation: Some Analysis Trends
- 109 **S. V. Polutin.** Integration of State, Science and Business in the context of «Triple Helix» Theory
- 112 **K. V. Fofanova.** Methodological Basis for Inter-Ethnic Consolidation Research
- 115 **G. A. Shulugina.** Science in the Society Economic Integration System
- 117 **M. M. Rogozha.** To the Issue of Applied Ethics Methodology
- 119 **E. V. Mochalov.** Problems of the Region in Ethno-Confessional and Ethic Aspects
- 120 **A. I. Pantyushin.** Integration in Science Methodology
- 121 **B. A. Nikitina.** Integrative Essence of Methodology for Ecological Streams Research
- 123 **M. E. Ryabova.** Philosophic and Methodological Basis for Analysis of Linguistic Competence as Factor for Personality Development
- 126 **V. M. Sidorkina.** Social projects in the region
- Regional Economics**
- 129 **G. V. Ridevsky.** Economic Typology of Belarus Regions on the Basis of Population Employment Structure Analysis
- 141 **E. N. Zharova, G. V. Morozova.** Taxation System Influence on Population Life Quality
- 149 **E. O. Shebanova.** Material and Technical Provision for Production Management at Industrial Enterprises of the Region
- 155 **S. M. Makeykina, R. I. Pankova.** Financial Provision for Programme Measures at Energy-Efficient Production and Energy-Saving in the Region
- 164 **V. Yu. Zhdanov, V. E. Rygin.** Insolvency and Bankruptcy at an Enterprise: the Problem of Correlation
- 171 **I. A. Sidorin, Yu. A. Sidorin.** Economic Preconditions for Risks Reduction and Emergencies Mitigation in Russian Regions

- 178 **S. P. Burlankov, I. V. Zakhvatova.** Tourist Market in Russia and its Development Perspectives in Mordovia

Regional Sociology

- 185 **E. I. Dolgaeva.** Paternalism or Effective State: Population Social Expectations
- 196 **A. A. Salatova.** Unemployment in Globalisation Conditions
- 207 **I. V. Klimychev.** Social Mobility and Migration Preferences of Rural Youth of the Region
- 217 **M. A. Pavlova.** Peculiarities in Children Socialisation in the Conditions of Specific Labour Organisation of Parents
- Peoples of Russia: Revival and Development**
- 227 **M. Yu. Gryzhankova.** National and Cultural Specificity of Ethnic Language Consciousness
- 232 **O. Yu. Kuzivanova.** Finno-Ugric Peoples National Movements through the Prism of M. Hroch's Ideas
- 241 **N. N. Azisova.** Family Traditions and Values of Tatars in Mordovia

Regional History and Historiography

- 252 **V. F. Batyaev.** Importance of Public Associations of the Second Half of the XIX — the 20es of the XX Centuries in the Byelorussians Moral Requirements Satisfaction

Philosophy in the Region

- 259 **G. P. Tumanova.** Legal Relations in Information Culture Discourse
- 264 **N. N. Sindyankin.** Information and Legal Relations in the Society
- 271 **A. A. Cherevko.** Ethic Aspect of Judges Status in the Region
- 277 **V. P. Izergina.** «White» Ideology in Creative Work of I. A. Ilyin in the Swiss Period of Immigration

Provincial Culture

- 286 **N. L. Novikova, A. V. Lebedev.** Problems in Lingvo-Cultural Interpretation of the Bible Text in the Theory of Translation
- 297 **E. A. Skopstova.** Discussions on Literature in the Cultural Space of Russian Coteries in the XVIII Century
- 307 Panel «Musical Culture of the Finno-Ugric Peoples: Problems in Studies, Preservation and Succession»:
- 307 **Zh. Pyartlas.** Height of Pitch and Singing Manner as Social Markers in Singing Tradition of Setu in the South-Eastern Estonia
- 309 **S. A. Isaeva.** Finno-Ugric Musical Culture Functioning in the Modern Socio-Cultural Space

- 310 **I. A. Galkina.** B. S. Urtskaya and Musical Culture of Mordovia
- 312 **N. I. Boyarkin.** Mordovian Ceremonial Programme Folk-Tunes Connected with the Tree and Water Cults
- 314 **L. B. Boyarkina.** Literature Texts in Musical Works of Mordovian Composers
- 315 **I. E. Molostvova.** Plastic Worlds of Mordovian Composer N. V. Kosheleva
- 317 **L. R. Mukhaeva.** Diasporas Activities on Original Culture Preservation
- 318 **M. G. Khrushcheva.** To the Problem of Psychology of Singers — Bearers of Traditional Folklore
- 319 **T. N. Gulaya.** Versions and Orchestrations of Mordovian Composers for Children
- 321 **E. V. Gerasimova.** Creative Work of L. P. Kiryukov in Pedagogic Practice of Educational Institutions Mordovian
- 322 **E. N. Kilasoniya.** Musical Folklore as Means for Children Upbringing
- 323 **Yu. L. Kolesnikova.** Students Creative Style Formation in the Process of People's Chorus Performance Skills Obtaining
- 325 **S. V. Kolesnikova.** Specificity of Mordva People's Singing Art
- 326 **T. V. Tyurina.** To the Problem of Folklore Stage Impersonation
- 327 **M. V. Medvedeva.** Transformation of Folklore Intonations in Cantata «Songs of the War and the Peace» by A. G. Schnittke
- 329 **N. P. Tregulova.** Chorus Orchestrations in Mordovian Composers Creative Work
- 330 **M. V. Butusova.** Folklore and Non-Folklore Stylish Tendencies Development in Vocal and Chorus Works of G. G. Vdovin
- 332 **L. V. Kinyakina.** Orchestration of the Mordovian Folk Song for Chorus in Creative Work of N. I. Boyarkin
- 333 **I. G. Kolenchenko.** Significance and Development of Moral Verse Phenomenon

Ю. В. СТАВРОПОЛЬСКИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ В КАНАДЕ

Ключевые слова: социология, регионология, развитие, анализ, неравенство, исследование, Канада

Key words: sociology, regionology, development, analysis, inequality, research, Canada

В статье выявляются причины незначительного вклада канадской социологии в регионологию, определяются общее и особенное между англоязычной и франкоязычной канадской социологией.

Reasons for insignificant contribution of Canadian sociology to regionology are presented. The common and the peculiar between the English and the French Canadian sociology are determined.

Когда регионология как научное направление возникла в конце 50-х гг. XX в., предполагалось, что она станет междисциплинарной областью исследований, включающей большинство социальных наук. Как полагал У. Айзард, основное место должна была занимать социология¹. Несмотря на это, вклад социологии в регионологию оказался в тот период небольшим. Доминировать внутри дисциплины стали экономисты и географы. Безучастное отношение со стороны социологов негативно отразилось на регионологии. Дж. Фридман и Ч. Уивер отметили ряд проблем, возникающих в теориях регионального развития, которые вынуждены были решать регионоведы в связи с отсутствием выраженной социологической составляющей в регионологии².

Франкофонные квебекские социологи увлечены регионологией больше, чем их коллеги в других канадских провинциях. Дистанцирование между социологией и регионологией в Канаде можно понять, обратившись к изучению особенностей англоязычной и франкофонной социологии. Основное различие между канадской англоязычной и франкофонной социологией состоит в том, что первая тяготеет к детер-

СТАВРОПОЛЬСКИЙ Юлий Владимирович, доцент кафедры общей и социальной психологии Национального исследовательского Саратовского государственного университета, кандидат социологических наук.

минимуму и структурализму, тогда как вторая в провинции Квебек ориентируется на конструктивизм³. Канадская англоязычная социология занимается в первую очередь созданием теорий, объясняющих дисбаланс между регионами. Франкофонная считает приоритетной разработку проектов по трансформации регионов. В этом отношении в последней больше инструментализма. Поэтому франкофонная квебекская социология более открыта для других дисциплин.

Англо-канадских социологов интересуют вопросы экономического развития и спада в контексте сравнения Канады и США. Проблема неравномерного развития канадских регионов стала привлекать внимание ученых в конце 70-х гг. По своей важности она занимает второе место после проблемы неравенства в развитии Канады и США. Многие теории, при помощи которых сегодня объясняются различия в региональном развитии Канады, создавались для объяснения отношений Канады с южным «соседом». В исследовании регионального неравенства выделяются два исторических этапа: для первого характерны культурологические объяснения, для второго — политэкономические. Первый этап ориентировался на объяснение региональных различий с точки зрения культурного недоразвития, например, отсутствием духа предпринимательства. При таких объяснениях не требовалось крупных структурных преобразований. Было необходимо только культурное развитие, например, внедрение в сознание населения региона желательных норм, ценностей и установок. Социологам предназначалась роль обучения коренного населения тому, как вести себя по-американски или хотя бы так, как ведут себя жители ближайшей к США провинции Онтарио.

С конца 60-х гг. в канадских научных кругах появились националистические антиамериканские настроения. В англоязычной Канаде отказались от представления о том, что для решения канадских проблем надлежит быть похожими на американцев. К подобным утверждениям стали относиться как к мифу, насаждаемому американской социологией, служащей американскому империализму. В свою очередь в депрессивных канадских регионах их начали воспринимать как миф, насаждаемый учеными из Торонто, которые состоят на службе у империализма провинции Онтарио. Потребовались новые теории, которые могли бы противостоять

прежним, волюнтаристским, теориям и показать, что вина за региональное неравенство лежит не на депрессивном регионе, а на внешних силах, которые неподвластны региону. В поисках основы для новых теорий англо-канадские социологи обратились к трем источникам: теория зависимости (новая теория, появившаяся в Латинской Америке), сырьевая теория (исторический вклад англоязычной Канады в политэкономии), марксизм.

В конце 60-х гг. в Канаде теория зависимости вызвала значительный энтузиазм, поскольку в ней критиковалась основополагающая парадигма модернизации. Кроме того, в ней увидели самобытные корни и сочли ее дополнением к канадской сырьевой теории и доморощенной школе исторического развития. Эту теорию популяризировали в качестве альтернативы статичной, абстрактной, идеально-типической концепции Канады, заимствованной из США. Сторонники теории зависимости видели единственный выход в социалистическом планировании и справедливом пользовании государственной собственностью. Критики теории зависимости отмечали, что в ней отношения обмена главенствуют над производственными отношениями, что она будет иметь ценность лишь после объединения с марксистской теорией. Так сложился переход ко второму этапу исследований регионального неравенства, на котором критика велась с позиции марксистской теории, сильно дополненной структурализмом. В данном случае термин «структурализм» употребим не в чисто альтюссероном смысле, а с целью указания на то, что в подобного рода теориях акцентируются внешние структуры, а не региональный фактор.

Подобные тенденции возникли в работах У. Клемента и других авторов, критически высказывавшихся по поводу того, что теоретические конструкты, построение моделей и эмпирические исследования в малой степени опираются на теорию зависимости⁴. Такое положение отчасти объясняется тем, что теория зависимости исследует не классовые, а географические различия. У. Клемент пытался показать, что региональная эксплуатация возникает тогда, когда капиталистическая элита отдает предпочтение одним регионам перед другими. Тем самым он пытался донести мысль о том, что проблемы создаются не регионами, а управленческими решениями. Решение проблем следовало искать в перестройке институтов, в которых коренится неравенство.

Критика теории зависимости другими авторами велась не в направлении поиска причин проблем, а в попытках выстраивания таких теоретических конструкций, внутри которых очевидной становилась бы логика развития капитализма. Под этим углом зрения отставание атлантических регионов Канады в развитии объяснялось в контексте марксистской концепции резервной промышленной армии. Иными словами, логические и структурные требования капитализма с неизбежностью вынуждают компенсировать замедление темпов роста прибыли за счет региональной безработицы. В этом виделся корень неравномерного регионального развития.

Другое направление анализа канадского регионализма почти никак не связано с теорией зависимости и формально находится в еще более марксистской позиции. С этой точки зрения структурные требования современного финансового капитализма вызывают концентрацию капитала, вследствие которого в регионе формируется класс капиталистов. Это приводит к варьированию региональной классовой структуры. Экономика периферийных регионов, в которых выше процент рабочих, развивается медленно из-за малых объемов капитальных инвестиций. Эти аналитические направления задавали тон доминантного дискурса по региональным проблемам в англо-канадской социологии в течение 70—80-х гг. и обусловили рассмотрение регионального неравенства в качестве нормального структурного процесса при капитализме, а отнюдь не результата институциональной дисфункции.

Существовала также особая точка зрения, отличавшаяся от вышеприведенных трех направлений анализа и изучавшая взаимодействие между различными режимами капиталистического способа производства. Ее лейтмотивом служило представление о том, что региональное неравенство вызвано крупными структурными компонентами капитализма, неподконтрольными локальным акторам. Сторонники этой идеи были уверены в необходимости более реальных перемен в масштабе, значительно более крупном, нежели отдельный регион. Таким образом, создавалось впечатление, что локальные акторы не могут изменить сложившееся положение.

Социологи затрудняются классифицировать региональные исследования, проводимые в провинции Квебек. Попытки изолированно рассматривать квебекский социологический дискурс только увеличивают затруднения. Эти исследования

оказываются междисциплинарными в значительно большей степени, чем англо-канадские. Разделение на социологов, историков, географов и экономистов в квебекском случае не только затруднительно, но и контрпродуктивно, поскольку они все придерживаются аналогичных конструктов и теоретических перспектив. Кроме того, сравнению двух социологий в вопросе о региональном неравенстве мешает национализм. Там, где англо-канадские социологи рассматривают проблематику места, занимаемого провинциальными сообществами в более широких государственных, континентальных и международных контекстах, обращаясь к вопросам регионального диспаритета либо регионального неравенства, франко-квебекская социология склонна видеть проблематику национального неравенства. Придание большого значения национальному вопросу повлекло за собой существенные различия в подходе к региональным исследованиям.

Одно подобное различие связано с единицами анализа. В то время как англо-канадские социологи, занимающиеся исследованиями регионального неравенства, склонны брать в качестве единиц анализа провинции либо группы провинций, франко-квебекские социологи, изучающие региональный диспаритет, обращаются к территориям внутри провинций, при этом Квебек рассматривается как особая территория, а не регион Канады, а квебекцы — как нация. В результате англо-канадская социология изучает неравенства, существующие между провинциями, тогда как франко-квебекская — исследует неравенства, существующие на внутрорегиональном уровне.

С учетом этого различия сходства между франко-квебекской и англо-канадской социологией основаны на том, что они опирались на теории модернизации, признавали важность культуры и применяли структурный анализ к исследованию функций различных структурных уровней. Однако за этими сходствами скрыты значительные трудности. Прежде всего англо-канадские социологические исследования были преимущественно теоретическими, в то время как в Квебеке они были тесно связаны с практическим формированием квебекского сообщества. Англо-канадские социологи разрабатывали теории, объяснявшие региональные различия, в то время как франко-квебекские социологи (на энергетической волне «тихой» революции 60-х гг.) участвовали в проектах

по применению науки и технологий в исправлении регионального неравенства. В подобных проектах, осуществлявшихся Бюро по обустройству восточного Квебека (ВАЕО), социологии отводилась главная роль. Следует отметить, что в то время роль социологии в региональном развитии Квебека была близка к той, о которой говорил У. Айзард, т. е. она стремилась к достижению регионального равновесия путем рационализации использования имеющихся ресурсов⁵.

Другое важное различие между теориями модернизации, применявшимися англо-канадскими теоретиками в 60-е гг., и той научной работой, которая проводилась в Квебеке, касается главных целей социологов, исследовавших проблематику регионального развития и стремившихся к суверенизации местного населения через организацию коллективных мероприятий. Была глубокая вера в то, что модернизация квебекского общества должна пойти по пути более широкого вовлечения местного населения в современные «модернизационные» социальные институты. Стремление к суверенитету и понимание того, что прямолинейная программа ВАЕО невозможна, вывели социологов на новый путь исследования региональной проблематики — этап критики структур, тормозящих интеграцию местного населения в общеканадские процессы. Однако в отличие от англо-канадской социологии основным объектом критики стали не ограничения классового или собственно капиталистического характера, а технократические ограничения. Под влиянием опыта программ ВАЕО во франко-квебекской социологии появились две противоположные перспективы. С одной стороны, продолжалась приверженность идеям функционализма и развитию суверенизации, с другой — пришло понимание того, что усилия по организации коллективных мероприятий не приводят к эскалации активности населения, которое не разделяет идей организаторов. Соответственно, технократия стала рассматриваться в качестве главного препятствия на пути к партисипаторной модели общества.

В 70—80-е гг. социологи занимались региональными исследованиями под эгидой противостояния технократии. Программы ВАЕО заклеили пособничеством интересам технобюрократии в ущерб интересам местных сообществ. Экспертов ВАЕО обвиняли в провоцировании активности населения для противодействия демократически избранным

представителям. Наряду с критикой в адрес технократии, была поддержка альтернативному проекту, именовавшемуся либо «партисипаторное общество», либо «самоуправляемое общество», либо «самоопределяющееся общество». Одни социологи занимались описанием технократических ограничений, препятствующих достижению общества подобного типа, другие интересовались возможными средствами преодоления этих ограничений. Одни социологи анализировали новые региональные политические и административные механизмы в Квебеке, другие исследовали возможности общественных движений в масштабе региона по изменению существовавшего порядка. Возникший в начале 70-х гг. интерес к политическим движениям был направлен на способность локальных акторов играть главную роль в формировании региональных сообществ. Причем марксистский структурализм, столь очевидный в англо-канадской социологии, не был полностью исключен из франко-канадского социологического дискурса. В первой половине 70-х гг. он пользовался большой популярностью и до сих пор занимает весьма заметное место.

В связи с проблематикой регионального развития эта теоретическая традиция позволяла исследовать периферийные регионы Квебека на языке социологических конструкций. В частности, критике подверглось представление о том, что колонизация Квебека проходила под влиянием клерикализма и национализма. С позиций теории зависимости было показано, что колонизация и последующее отставание Квебека в своем развитии отвечают логике капиталистического развития. Сельскохозяйственная колонизация обеспечивала резерв дешевой и мобильной рабочей силы для лесоперерабатывающей индустрии и порождала отношения зависимости между крупными городскими центрами и периферией.

Франко-канадская националистическая мифология стала также объектом критики, направленной против восприятия социального актора в качестве раба социальных ограничений. Полемика велась против таких теорий социального класса, из которых исключено понятие коллективной воли; против представления о том, что в культуре колонизаторов проявлялась идеология господствовавшего класса. Высказывались утверждения о том, что в тот период национализм в качестве социального движения пытался противостоять капиталистическим тенденциям. Несмотря на начавшийся в

70-е гг. интерес к общественным движениям, марксистская социология начала приходить в упадок примерно в 1978 г.

В 80-е гг. в региональных исследованиях часто применялся структуралистский анализ, занимавший подчиненное положение по отношению к понятию автономного социального актора. Исследования регионального неравенства франко-квебекскими социологами по-прежнему исходили из представления о способности локальных акторов противостоять структурным ограничениям, в то время как англо-канадские социологи отказались от подобного представления. Это особенно примечательно в отношении междисциплинарных исследовательских групп, занимавшихся региональной проблематикой и действовавших в региональных вузах Квебека, особенно Группы междисциплинарных исследований развития восточного Квебека (GRIDEQ) и Группы региональных исследований и мероприятий (GRIR). Например, GRIDEQ исследует возможности локального эндогенного развития в свете таких идеологических изменений, которые обеспечили бы возвращение актора. В связи с этим рассматриваются социальные движения локального масштаба и заложенный в них потенциал изменений. GRIR исследует возможности региональной суверенизации, потенциал ассоциативных движений и локального партнерства для изменений.

Более заметно социологическая регионология представлена в университете Квебека и Монреальском университете. Именно в этих вузах работают многие социологи, являющиеся авторами публикаций в «Canadian Journal of Regional Science» и членами Канадской ассоциации регионологии.

Таким образом, несмотря на то что социологии в 50-х гг. отводилось основное место в развитии регионологии, ее основатели полагали, что уровень ее развития недостаточен для того, чтобы новая дисциплина могла на нее опираться. В 60-х гг. критика позитивизма с эпистемологических позиций воздвигла барьер между социологией и регионологией. Социологи перешли к непозитивистскому критическому анализу социальных институтов. Для англоязычной Канады это означало наличие социологии, занимающейся изучением структурных ограничений, которые воздействуют на канадское общество. Регионология сосредоточилась на исследовании внешних сил, приводящих к отставанию в эндогенном региональном развитии периферийных территорий. Такой

анализ можно назвать фаталистическим, поскольку он представлял региональных акторов неспособными изменить ситуацию в регионах без больших структурных изменений, производимых в регионах «центром». С другой стороны, франко-квебекские социологи испытывали сильное влияние национализма и «тихой» революции 60-х гг. и оптимистично смотрели на возможность переустройства общества. Критически осмысливая структурные барьеры, препятствующие социальному действию, они не отказались от надежды на возможность локальным акторам улучшить свое положение. Для регионального анализа это означало поиск путей для суверенизации регионов. В этом отношении понятна привлекательность регионологии для франко-квебекских социологов, как и игнорирование регионологии англо-канадскими социологами. Продолжающаяся критика фатализма структурного анализа и обнаружившийся интерес к исследованиям социальных движений и положения региональных акторов, например, феминизма, позволяют считать, что англо-канадские социологи, занимающиеся региональной проблематикой, способны в будущем обратиться к регионологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Isard W. The Scope and Nature of Regional Science // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1960. № 6. P. 9—33.

² См.: Friedmann J., Weaver C. Territory and Function: The Evolution of Regional Planning. Berk.: Univ. of California Press, 1979. 234 p.

³ См.: Juteau D., Maheu L. Introduction: Sociology and Sociologists in Francophone Quebec: Science and Politics // Canadian Rev. of Sociology and Anthropology. 1989. № 26. P. 363—393.

⁴ См.: Clement W.A. Political Economy of Regionalism in Canada // Modernization and the Canadian State / ed. by D. Glenday, H. Guindon, A. Turowetz. Toronto: MacMillan, 1978. P. 93.

⁵ См.: Айзард У. Методы регионального анализа. М.: Прогресс, 1966. 660 с.

Поступила 19.07.2012.

REFERENCES

¹ Sm.: Isard W. The Scope and Nature of Regional Science // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1960. № 6. P. 9—33.

² Sm.: Friedmann J., Weaver C. Territory and Function: The Evolution of Regional Planning. Berk.: Univ. of California Press, 1979. 234 p.

³ Sm.: Juteau D., Maheu L. Introduction: Sociology and Sociologists in Francophone Quebec: Science and Politics // Canadian Rev. of Sociology and Anthropology. 1989. № 26. P. 363—393.

⁴ Sm.: Clement W.A. Political Economy of Regionalism in Canada // Modernization and the Canadian State / ed. by D. Glenday, H. Guindon, A. Turowetz. Toronto: MacMillan, 1978. P. 93.

⁵ Sm.: Ajzard U. Metody regionalnogo analiza. M.: Progress, 1966. 660 s.

Yu. V. Stavropolsky. Sociological Regionology in Canada

The article is devoted to the investigation of an insignificant contribution of Canadian sociology into regionology. It is possible to understand distancing between sociology and regionology turning to the research of differences between the Anglophone and Francophone sociology. The main difference between them is that the Anglophone Canadian sociology tends to determinism and structuralism as soon as the Francophone in the Province of Quebec is orientated on constructivism. The Anglophone Canadian sociology is occupied in the creation of theories explaining the misbalance between regions; the Francophone sociology in Quebec counts regions transformation development the priority. In this respect the Francophone Quebec sociology contains more instrumentalism in comparison with the Anglophone sociology. That's why the Francophone Quebec sociology is more open for other disciplines including regionology. Searching for the basis for new theories Anglo-Canadian sociologists turned to three sources. The first one is the dependency theory. It was a new theory originated from the Latin America. The second — the raw-materials theory. This was a historic contribution of the English-speaking Canada into the political economy. The third source — Marxism. The Franco-Quebec sociology tends to view problems of national inequality where Anglo-Canadian sociologists consider the problems of the place occupied by provincial communities in the broader state, continental and international contexts addressing the issues of regional disparity or regional inequality. While Anglo-Canadian sociologists occupied in the research of regional inequality tend to choose provinces or groups of provinces as samples for the analysis Franco-Quebec sociologists occupied in the research of the regional disparity tend to choose territories inside the provinces as analysis samples. At that Quebec is treated as a special nation but not as a region of Canada. As a result the Anglo-Canadian sociology studies the inequalities existing between provinces whereas the Franco-Quebec sociology studies inequalities existing on the interregional level.

STAVROPOLSKY Yuly V., assistant professor of Chair of General and Social Psychology of Saratov National Research State University, candidate of sociological sciences.

В. И. АНТОНОВА, О. В. ФЕДОТОВА, В. В. АНТОНОВА ПОНЯТИЕ «РЕГИОН» В РАКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Ключевые слова: административно-территориальный, информация, информационные технологии, конвергенция, регион, сообщество, средства массовой информации, субъект, функционирование, центр

Key words: information, information technologies, convergence, region, community, mass media, subject, functioning, centre

В статье определяется содержание понятия «регион», влияющее на специфику функционирования региональных СМИ.

The contents of the notion «region» influencing the specificity of regional mass media are determined in the article.

Сегодня трудно найти сферу, в которой не употреблялось бы понятие «регион». В устной и письменной речи встречаются словосочетания «региональное управление», «региональная политика», «региональная экономика», «региональная журналистика» и пр. Слово «регион» является стержневым в экономической теории, социологии, географии, политологии и журналистике. В научной практике Западной Европы регион понимается как «территория, представляющая общность с географической точки зрения, где есть преемственность и чье население разделяет общие ценности и стремится сохранить самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса»¹. В русском языке слово «регион» употребляется с XIX в.² В Энциклопедическом словаре определяются словосочетания «региональная геология», «региональные пакты», подразумевающие «строение отдельных стран, областей, районов», «отношения между

АНТОНОВА Вера Ивановна, профессор кафедры журналистики Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор филологических наук.

ФЕДОТОВА Ольга Викторовна, доцент кафедры журналистики Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

АНТОНОВА Виктория Владимировна, аспирант кафедры культурологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

государствами в какой-либо определенной географической области»³. В «Словаре русского языка» регион трактуется как «большая область, группа соседствующих стран или территории, районы, объединенные по каким-нибудь общим признакам»⁴. По-иному термин представлен в «Новом иллюстрированном энциклопедическом словаре»: «1) То же, что район (в 1-м значении). 2) Территория (акватория), часто очень значительная по размерам, не обязательно являющаяся таксономич. единицей в к.-л. системе терр. членения». В этом же издании: «Региональный (от лат. regionalis — местный, областной), относящийся к к.-л. определен. терр. — району (региону), области, стране, группе стран; построенный по терр. признакам»⁵. Здесь отождествляется смысл понятий «регион» и «район».

Наиболее развернутое определение термина дано в «Словаре иностранных слов»: «Регион (англ. region = лат. regio) — 1) область, район, часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения; 2) группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю район мира»⁶.

Изначально в словарях под регионом понималась какая-либо территориальная (географическая) общность. Сегодня слово «регион» заимствовали многие науки. Э. Б. Алаев справедливо отмечает «многозначность» и «эластичность» термина, акцентирует внимание на его «полифункциональных значениях»⁷. Выяснение семантической полифункциональности слова «регион» в данном случае позволит выявить условия функционирования региональных средств массовой коммуникации.

Современные исследователи региональной экономики раскрывают характеристику термина с точки зрения не только местоположения районов, но и их климатических зон, экономических особенностей. Социологи, регионологи при трактовке слова акцентируют внимание на специфике аудитории СМИ (демографической, национальной и пр.), что позволяет точнее определять тематическую принадлежность

средств информации к тому или иному типу периодики, дифференцировать издания по региональным, социально-демографическим признакам и в соответствии с этим анализировать структурно-содержательные характеристики, темы и проблемы публикаций.

Семантическая многозначность термина выражается в том, что при определении региона как части целого специалисты руководствуются разными подходами. Н. Д. Матрусов утверждает, что в качестве элемента регионального членения выступают зонально-географические особенности с учетом хозяйственно-отраслевых или культурно-исторических критериев. Он отмечает, что на территории современной России используется интегральное районирование: природные территории (север, степь, лесная зона и пр.); национально-исторические области (Центр, Сибирь, Урал, Дальний Восток и пр.); природно-ресурсные комплексы (Байкал, Алтай, Волжский бассейн и пр.); социально-экологические, природно-технические системы — города, энергетические объекты, комплексы (Москва, Кузбасс, Донбасс и пр.); природно-исторические единицы (Валаам, Приокский заповедник, Соловки и пр.)⁸.

Г. А. Аванесова и О. Н. Астафьева подчеркивают, что понимание региона связывается с некой «пространственно-территориальной целостностью, единством и взаимодействием выделенных по некоторым основаниям составных частей. Регион может означать природно-климатическую зону, географическую территорию, административную единицу внутригосударственного членения, межгосударственную территорию, выступающую сферой приложения усилий ряда стран, хозяйственный или хозяйственно-экологический район, историко-культурную местность и др.»⁹. Основным критерием регионального членения выступает административное деление¹⁰.

Имея в виду региональное деление, основанное на административном членении, некоторые авторы акцентируют внимание на регионе как на социокультурной целостности. Выделяют признаки, определяющие социокультурную целостность современных российских регионов: особенности природопользования, состояние структур территории; хозяйственные и социокультурные связи с другими регионами; социально-профессиональные и стратификационные

характеристики населения, его этнический состав, а также характер культурного пространства, система культурных коммуникаций и др. Исследователи рассматривают социокультурное районирование как особую форму разнообразия жизненного пространства¹¹.

Под социокультурным регионом некоторые ученые понимают территорию, отличающуюся от соседних областей такими существенными социокультурными характеристиками и процессами, как стратификационный и национальный состав населения, традиции, этнолингвистические особенности, образ жизни и т. д.¹² По социокультурным признакам выделяются особенности регионов страны, связанные и с проявлением традиционно-исторических, а также ценностно-смысловых качеств жизнедеятельности людей, с разным уровнем их духовной активности, насыщенностью научно-образовательными центрами, рекреационными зонами, учреждениями культуры и мемориалами. Во многих случаях социокультурное районирование связывается с этническими, языковыми особенностями населения региона. Например, некоторые ученые выделяют в качестве социокультурного региона «территориальный мир русской культуры», охватывающей почти всю территорию России: исламский мир, тюркский мир, мир финно-угров, монгольский, угро-сибирский, тунгусо-амурский, палеазиатский мир и др.¹³

Одним из вариантов дифференциации социокультурного пространства России выступает соотношение между местами компактного расселения русских и смешанного населения. Исследователи в данном случае выделяют следующие области России: русская Евразия как область, где русские составляют доминирующую часть и образуют крупные ареалы традиционно компактного расселения (русская Европа — русский Север, Новгородско-Псковская земля, Санкт-Петербург, центральные русские земли, русское Черноморье, русское Предкавказье, русские степные Поволжско-Уральские земли, русский промышленный Урал, русская Сибирь — русская Западная Сибирь, русская Восточная Сибирь, русский Дальний Восток); многонациональные области (Поволжско-Уральская (Коми, Удмуртия, Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Чувашия, Марий Эл); Финско-Карельская (Карелия); Северо-Кавказская, Северная Евразия, Южная Сибирь)¹⁴.

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что к приоритетным признакам целостных социокультурных и культурно-ландшафтных образований относится наличие единого инновационного центра, как правило, совпадающего со столицей; центров второго, третьего и т. д. рангов; очагов традиционной культуры, общности языка; близости религиозных признаков; общности технологий организации образования, досуга, науки. Признаки выделения социокультурных регионов перечисляются по различным основаниям. Соответственно и критерии их выделения в рамках разных предметных областей знания, как правило, неодинаковы. Социокультурные масштабы различных регионов варьируются, а также могут совпадать.

Регионы страны сегодня представляют собой не только административно-территориальные образования, объединенные географическим местоположением, единым центром административного управления, но и социокультурные целостности, обусловленные единым ареалом социокультурного пространства России. Каждый регион представляет собой единый «организм», функционирующий на территории Российской Федерации. Население региона связано географическими рамками, административными статусами, схожестью экономики, а также культурными традициями, этимологической близостью этносов, соотношением представителей тех или иных этнонациональных культур, различных конфессий и т. д.

Современные информационные технологии способствуют динамичному формированию новых сообществ, образов, стилей жизни и возникновению социально-информационных территориальных единиц. Совершенно прав В. В. Тулупов, утверждающий, что центрами управления в современный период становятся не муниципалитеты и органы государственной власти, а так называемые «стратегические площадки, институты интенсивного общения и совместной организации», т. е. наблюдается такой процесс регионализации, который Европа пережила во второй половине XX в., когда в России сложились собственные политические и правовые системы, обладающие собственным социально-культурным потенциалом и характеризующиеся национальным своеобразием. В данном случае не последнюю роль в процессе субъективации российских регионов играют средства массовой

информации¹⁵. Учитывая управленческие функции средств информации в современный период, можно говорить об однородных территориальных, социокультурных образованиях, находящихся под информационным влиянием региональных СМИ. Следовательно, каждый регион представляет собой некую информационную целостность, поскольку его «питают» «собственные» СМИ, ориентирующиеся на удовлетворение информационных потребностей аудитории, проживающей на той территории, на которой данные СМИ функционируют.

В условиях регионального социума циркулирует информация как регионального (местного), так и общегосударственного значения. Иными словами, любая административно-территориальная и социально-культурная общность находится под идеологическим воздействием информационного пространства центра и собственной информационной сферы региона. Если информация центра «рождается» из многообразия реальной действительности страны в целом, то региональная информация исходит из конкретных условий функционирования. Региональная информация обеспечивает определенный регион актуальной новостной информацией, необходимой для его оптимального развития, интенсификации социально-экономических процессов, включения населения территориальной единицы в процессы управления, самоуправления. Региональные СМИ представляют собой определенный информационный, типологически разнородный ряд, необходимый для социальной жизни жителей конкретной территории.

Следствием функционирования СМИ в рамках отдельного региона, а также других средств идеологического воздействия является специфическая атмосфера — информационно-идеологическое состояние региона. Потребляя региональную информацию, население региона развивается, совершенствуется в соответствии с заданными региональными СМИ установками. Информация этих СМИ направлена на удовлетворение социальных потребностей населения, которые в свою очередь являются стимулом к новационному творчеству региональных журналистов.

Таким образом, любой регион, представляющий историческую, территориальную, экономическую, социокультурную равнозначную общность населения и находящийся под информационным воздействием региональных средств массовой коммуникации, представляет собой также информацион-

ную целостность. Интроспективные потребности аудитории в конкретной информации ориентируют журналистов на отображение таких фактов, событий, явлений, действий, которые являются важными на уровне конкретной административно-территориальной единицы. Инфраструктура СМИ отдельно взятого региона, являющаяся неотъемлемой частью общей системы СМИ России в процессе своего становления трансформируется в автономный информационно-идеологический комплекс региона. СМИ региона софункционалируют в ландшафте конкретного информационно-идеологического комплекса как структурная часть целого и способствуют выполнению позитивных общегосударственных, национальных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Regional Development studies. 1966. № 25. P. 29.

² См.: Бурдон И.Ф., Михельсон А.Д. Словотолкователь 32 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. СПб., 1877. 124 с.

³ Энциклопедический словарь / под ред. Б.А. Введенского. М.: Гос. науч. изд-во «БСЭ». Т. 4. С. 84.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. С. 671.

⁵ Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / редкол.: В.И. Бородулин и др. М.: Большая Рос. энцикл., 2000. С. 604.

⁶ Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1982. С. 422.

⁷ См.: Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М., 1983. 358 с.

⁸ См.: Матрусов Н.Д. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. М., 1995. С. 111.

⁹ Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: РАГС, 2001. С. 105.

¹⁰ См.: Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики: инф. вып. М., 1997. № 2. С. 3—4; Тархов С.А. Типы районов и динамика восприимчивости к инновациям // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М., 1995. С. 18—24.

¹¹ См.: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов ... С. 109.

¹² См.: Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998. С. 60, 130.

¹³ Там же. С. 9—11.

¹⁴ См.: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов ... С. 107—108.

¹⁵ См.: Тулупов В.В. Региональная пресса: характер трансформации в переходный период // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Журналистика. 2003. № 2. С. 32—43.

Поступила 19.02.2013.

REFERENCES

- ¹ Regional Development studies. 1966. № 25. P. 29.
- ² См.: Burdon I.F., Mihel'son A.D. Slovovalkovatel' 32 000 inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka, s oznacheniem ih kornej. SPb., 1877. 124 s.
- ³ Jenciklopedicheskij slovar' / pod red. B.A. Vvedenskogo. M.: Gos. nauch. izd-vo «BSJe». T. 4. S. 84.
- ⁴ Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka: 70 000 slov / pod red. N.Ju. Shvedovoj. M.: Rus. jaz., 1990. S. 671.
- ⁵ Novyj illjustrirovannyj jenciklopedicheskij slovar' / redkol.: V.I. Borodulin i dr. M.: Bol'shaja Ros. jencikl., 2000. S. 604.
- ⁶ Slovar' inostrannyh slov. M.: Rus. jaz., 1982. S. 422.
- ⁷ См.: Alaev Je.B. Social'no-jekonomicheskaja geografija: ponjatijno-terminologicheskij slovar'. M., 1983. 358 s.
- ⁸ См.: Matrusov N.D. Regional'noe prognozirovanie i regional'noe razvitie Rossii. M., 1995. S. 111.
- ⁹ Avanesova G.A., Astaf'eva O.N. Sociokul'turnoe razvitie rossijskih regionov: mehanizmy samoorganizacii i regional'naja politika. M.: RAGS, 2001. S. 105.
- ¹⁰ См.: Vedenin Ju.A. Kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie Rossii — orientir kul'turnoj politiki // Orientiry kul'turnoj politiki: inf. vyp. M., 1997. № 2. S. 3—4; Tarhov S.A. Tipy rajonov i dinamika vospriimchivosti k innovacijam // Geograficheskie osnovy tipologii regionov dlja formirovanija regional'noj politiki Rossii. M., 1995. S. 18—24.
- ¹¹ См.: Avanesova G.A., Astaf'eva O.N. Sociokul'turnoe razvitie rossijskih regionov ... S. 109.
- ¹² См.: Turovskij R.F. Kul'turnye landshafty Rossii. M., 1998. S. 60, 130.
- ¹³ Там же. S. 9—11.
- ¹⁴ См.: Avanesova G.A., Astaf'eva O.N. Sociokul'turnoe razvitie rossijskih regionov ... S. 107—108.
- ¹⁵ См.: Тулупов В.В. Региональная пресса: характер трансформации в переходный период // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Журналистика. 2003. № 2. С. 32—43.

V. I. Antonova, O. V. Fedotova, V. V. Antonova.

Notion «Region» in the Dimension of Information Convergence

The notion «region» in its general scientific meaning is the subject for study in the article. Practically in all spheres of scientific and public activity word combinations «regional management», «regional thinking», «regional

politics», «regional economics», «regional psychology», «regional journalism», etc. exist. Authors try to give an etymological explanation for this term referring to the Encyclopaedic Dictionary by B. A. Vvedensky, «Dictionary of the Russian Language» by S. I. Ozhegov, «New Illustrated Encyclopaedic Dictionary» as well as to the Dictionary of Foreign Words.

The semantic polysemy of the term as well as the substantive essence of the category «region» in the economic, geographic, historic, socio-cultural and other aspects are comprehended in the article. Authors suppose that regions of Russia in the common understanding represent not only administrative and territorial but also socio-cultural integrities conditioned by the unique atmosphere of the socio-cultural space of the country. At the same time every region is a local entity characterised by not only geographic frames, administrative statuses but also by national traditions, correlations between representatives of different ethnic cultures, confessions and so on.

The role of mass media is extremely important in the formation of «the mentality» of the population. Every regional community is under the informative influence of regional media that leads to the generation of the certain «information climate» to be transformed into the autonomous information and ideological complex of the region. Consuming mass information from the regional media the population of the region have more possibilities to express introspective needs. At the same time they are optimally developing and modernising themselves in correspondence with the programmed by the region orientations.

ANTONOVA Vera I., professor of Chair of Journalism of Mordovia National Research State University, doctor of philological sciences.

FEDOTOVA Olga V., assistant professor of Chair of Journalism of Mordovia National Research State University, candidate of philosophic sciences.

ANTONOVA Victoria V., post-graduate of Chair of Culturology of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow).

А. В. ДАХИН

О. С. ДАНИЛОВА

В. Н. ДЕНИСОВ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ: АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ФАКТОРЫ, СЦЕНАРИИ

Ключевые слова: российская политика, региональная политика модернизации, региональное административное пространство, политический процесс, политические институты, приватные социальные взаимодействия, публичные социальные взаимодействия, когнитивное моделирование, сценарии модернизации

Key words: Russian politics, regional modernisation policy, regional administrative space, political process, political institutes, private social interactions, public social interactions, cognitive modelling, modernisation scenarios

В статье даны результаты исследования политических особенностей современной модернизации в России. С учетом соотношения элементов

ДАХИН Андрей Васильевич, заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, профессор.

ДАНИЛОВА Ольга Сергеевна, заведующая Информационно-аналитической лабораторией Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат технических наук.

ДЕНИСОВ Владимир Николаевич, преподаватель Информационно-аналитической лаборатории Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

авторитарности и демократичности, публичного и частного, прозрачного и кабинетного определены структура и модель административного пространства региона, в котором реализуется политика модернизации.

The results of the research of modern modernisation political peculiarities in Russia are presented in the article. With the account of the interrelation between the authoritarianism and the democracy, the public and the private, the transparent and the concealed the structure and the model for the administrative space of the region where modernisation policy is implemented are determined.

Тема модернизации стала частью российской политической повестки по целому ряду обстоятельств. В XXI в. России вновь необходимы всесторонние усовершенствования. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства нам предстоит создать умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии. Эта необходимость продиктована прежде всего внутренними причинами, связанными с характером президентского политического цикла в современной России. В 2007—2008 гг. структура власти в Кремле вторично (после ухода Б. Н. Ельцина с поста Президента Российской Федерации в 2000 г.) проходила *ротационную* процедуру смены высшей политической власти. Это событие является одним из ключевых в общем потоке российского политического транзита, поскольку с момента обретения самостоятельности в 1991 г. перед ней встал выбор: либо сохранить *посмертную модель* смены высшей политической власти, которая была в СССР (смена высшего политического руководства происходила после смерти политического лидера), либо перейти к *ротационной модели*¹. Ротационная процедура 2007—2008 гг. была реализована достаточно поверхностно и скреплена феноменом федерального политического тандема — Президент России Д. А. Медведев — Председатель правительства России В. В. Путин. Но и в этой специфической российской политической конструкции (по законам жанра ротационной модели) вместе с новым Президентом Российской Федерации в публичную политику должен был войти новый политический девиз нового президентского политического цикла. Этим девизом стала модернизация. В него вошли несколько идеологем: новое отношение к идеям демократии; идеи антикоррупционности, омоложения федерального политического

бомонда, технологического обновления и др. Другая сторона этой политической ситуации и девиза модернизации — гарантии преемственности политики, источником которых был федеральный политический тандем; сохраненная сеть неономнеклатурной структуры, созданная в 2000—2007 гг., а с ней — доминирующее значение личностных отношений (доверия) должностных лиц над значением институциональных отношений² и признаки коррупционного отягощения этих отношений.

Поэтому импульс модернизации 2008—2011 гг. внутренне противоречив, содержит болезненно напряженную *структуру* политического управления. Правящая политическая элита и институты государственной власти выступают «локомотивом» модернизации. Поэтому на региональном уровне источником модернизационной активности также является власть, а пространство модернизации совпадает с границами административного пространства региона. В рамках нового президентского политического цикла, стартовавшего в 2012 г., этот механизм модернизации сохраняется с той разницей, что лозунг «Модернизация» является внутренним аспектом нового президентского лозунга «Стабильность».

В связи с этим мы связываем процесс модернизации с системой административного пространства, в границах которого модернизация возможна, а за его пределами — нет. Понятие «административное пространство региона» мы определяем с учетом концептуальной основы теорий социального взаимодействия, концепта «организационных полей» и «институционального изоморфизма» П. Дж. Димаджио, У. В. Пауэлла³, концепта «силы межличностных связей» М. Грановеттера⁴, концепции взаимосвязи публичного и приватного пространства социального актора⁵, «сетевых отношений»⁶, а также концепции габитуса П. Бурдьё⁷.

Административное пространство региональной власти — это совокупность ресурсов мест региона, через подключение к которым субъект-власть реализует цели своей региональной политики. Особенность структуры активности власти состоит в том, что наряду с ресурсными местами в этом поле находится также и то, что является результатом политики. Результат деятельности региональной власти — явление сложное, дифференцированное, образующее *пространство результатов политики*. Таким образом, в

целом административное пространство региональной власти включает два подпространства, одно из которых образовано *ресурсными местами* субъекта-власти, а второе — *местами-результатами* региональной политики. Взятые в совокупности эти поля публичных отношений и поля частных отношений отдельного регионального чиновника позволяют описать индивидуальную конфигурацию его административного пространства. Полученное описание административного пространства учитывает совокупность социальных отношений и взаимодействий субъекта власти, которые обеспечивают разработку и реализацию региональной политики модернизации. Характер политики обусловлен тем, на какой конфигурации социальных публичных и частных отношений и взаимодействий она строится.

Для принятия и реализации решений власти необходимы экспертные, информационные, аппаратные, финансовые, правовые и другие ресурсы, доступ к которым субъект-власть получает через подключение к различным ресурсным местам (подчиненные, бюджет, эксперты, СМИ, лоббисты и пр.). Соответственно, административное пространство региональной власти представляет собой совокупность ресурсов мест региона, через подключение к которым субъект-власть достигает цели своей региональной политики. Для подключения к ресурсным местам субъект власти в рамках своего делового пространства вступает во взаимодействие *институционально* (как официальное, должностное лицо) и *персонально* (как физическое лицо). Совокупность институциональных отношений рассматривается как *публичная* сфера административного пространства, а совокупность персональных отношений — как его *приватная* область. В то же время поле административного пространства делится также на сегмент ресурсных мест и сегмент мест-результатов.

Разделение поля административной активности на публичную и приватную составляющие диктует необходимость выявления соотношения роли, значимости того и другого сегментов в текущих практиках деятельности чиновников. Дело в том, что сфера персонально-личностного поведения чиновника характеризуется такими особенностями, как неформальность, непрозрачность, нетехнологичность. Она обладает сильной зависимостью от личности и не может быть

использована в качестве «образца для подражания». Кроме того, персонально-личностная основа функциональных форм поведения чиновника является источником дисфункции (в частности, коррупции или недобросовестного исполнения должностных обязанностей и т. п.).

Для сферы публичных отношений характерны институциональность и формализованность (и соответствие с нормами права и т. п.), прозрачность, технологичность и относительная независимость от индивидуальных особенностей личности чиновника. Поэтому социальные формы поведения, в основе которых лежат публичные отношения государственного служащего, могут тиражироваться в качестве образца и стать предметом обучения, а также являться источником профессионализма в среде государственных служащих.

К числу *публичных отношений* чиновника относятся те, что соответствуют его должностным полномочиям, официальному социальному статусу и связаны с реализацией задач государственной региональной политики. Это функциональные взаимоотношения с подчиненными, вышестоящими руководителями, чиновниками других подразделений, бюджетными и иными средствами, находящимися в зоне его полномочий. Это могут быть как аппаратные функциональные отношения, так и публичные, например, отношения со СМИ, независимыми экспертами, научными центрами и пр. К числу *приватных отношений* чиновника относятся те, что обусловлены его личными связями или интересами, связями или интересами его семьи, друзей, земляков, но не с реализацией официальных задач региональной политики.

Ключевым для анализа структуры ресурсной сферы административного пространства государственного служащего является набор *базовых видов отношений чиновника* — отношений, обеспечивающих доступ к административным, материально-финансовым, коммуникативным ресурсам и ресурсам справедливого разрешения спорных ситуаций. Базовыми являются два блока отношений. Первый блок отношений публичной сферы: «чиновник — подчиненный», «чиновник — вышестоящий руководитель», «чиновник — суд», «чиновник — СМИ», «чиновник — экспертный центр», «чиновник — консалтинговый центр», «чиновник — научный центр», «чиновник — бюджет», «чиновник — банки», «чиновник — партия», «чиновник — университеты», «чи-

новник — НКО», «чиновник — бизнес-сообщество», «чиновник — частный бизнес». Все это ресурсные места, с опорой на которые чиновник осуществляет региональную политику, в том числе в сфере модернизации. Второй блок отношений приватной сферы: «чиновник — услуги за взятку», «чиновник — услуги по "обналичке"», «чиновник — помощь друзей», «чиновник — помощь родственников», «чиновник — помощь криминала», «чиновник — собственный бизнес», «чиновник — коррупция». Все это ресурсные места, с опорой на которые чиновник реализует собственные интересы или интересы своей семьи, друзей, которые не связаны с задачами региональной политики в той или иной сфере.

Основным для анализа структуры результативной сферы административного пространства государственного служащего является набор *базовых видов достижений чиновника* в сфере публичной и приватной деятельности. В *публичной сфере* — это индикаторы, отражающие состояние целевых субъектов (или объектов) региональной политики: региональный деловой климат, количество малых и средних предприятий, состояние инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса региона, устойчивая результативность деятельности бизнес-инкубаторов, модернизация технологически отсталых производств, а также рост социального доверия и престижности того института региональной власти, который чиновник представляет, и пр. В *приватной сфере* — это индикаторы, отражающие состояние субъектов (или объектов) его собственных интересов: рост собственного материального благополучия, развитие собственного бизнеса или бизнеса родственников, знакомых, собственный карьерный рост и своих друзей, родственников и пр.

В контексте этого подхода региональная политика модернизации может быть представлена в виде динамической активности системы регионального административного пространства субъекта-власти, в состав которой входят 20 элементов (факторов), относящихся, с одной стороны, к сферам публичной и приватной институциональной активности государственного служащего, с другой — к сферам ресурсной и результирующей. Элементы системы, использованной для настоящего исследования, представлены в таблице.

Эта модель была принята нами для опытов по когнитивному моделированию, которое, наряду с этой системой,

опирается на систему гипотез, отражающих особенности современной социально-политической ситуации в России. Технология когнитивного моделирования позволила выявить *качественные* сценарии запуска процесса модернизации и *качественные* тренды всех факторов системы.

Таблица

Система факторов опытной модели

-f1	Авторитарность власти	-f11	Партнерство с общественными объединениями предпринимателей
-f2	Работа с подчиненными	-f12	Отношения с коррупцией
-f3	Работа с начальниками	-f13	Отношения с друзьями
-f4	Межведомственное взаимодействие	-f14	Отношения с криминалом
-f5	Партнерство с банками	-f15	Благоприятный деловой климат
-f6	Эффективное взаимодействие с судебными инстанциями	-f16	Рост институциональной бизнес-активности
-f7	Партнерство со СМИ	-f17	Модернизация
-f8	Партнерство с НКО	-f18	Личное обогащение чиновника
-f9	Партнерство с бизнесом	-f19	Личный карьерный рост чиновника
-f10	Партнерство с наукой	-f20	Рост личного (или семейного) бизнеса чиновника

В систему, принятую для когнитивного моделирования, были заложены два принципа. Во-первых, это принцип *внутренних* и *внешних* связей, в рамках которого состояние региональной политики модернизации, поставлено в отношении с региональным институтом государства как ключевым элементом административного климата. Таким образом, в систему закладывается бинарный принцип связей, который отражает фундаментальное требование устойчивости системы. Во-вторых, это принцип «кодирования» базовых гипотез, в соответствии с которым в систему факторов встраивается подсистема, характер связей элементов в которой позволяет моделировать ту или иную базовую гипотезу динамики политического процесса (на ее основе затем разрабатывается когнитивная карта всей системы, а также интерпретируются результаты моделирования).

Система административного пространства организована таким образом, что исходящие от института государства «импульсы» влияния «растекаются» по разным ресурсным местам. Они доходят до результирующего сегмента административного пространства, который в свою очередь реагирует на полученные воздействия своим поведением, которое улавливается региональным институтом государства,

отвечающего на полученные сигналы новыми импульсами своей активности, и движение влияний внутри контура системы начинает новый цикл. Таким образом, замкнутость контура влияний в исследуемой системе отвечает принципу сохранения «энергии» социально-политических влияний, принципу цикличности таких влияний и принципу устойчивости социальной системы.

Основные социально-политические гипотезы, которым должна соответствовать модель, основаны на результатах политологических исследований⁸. Транзитивный характер политической системы России проявляется в том, что политика балансирует между меняющимися уровнями авторитарности и демократичности. Особенность действующей системы власти, принятая в исследовании в качестве базовой гипотезы, состоит в том, что власть сочетает авторитарные и демократические элементы, но авторитарные существенно доминируют. Поэтому в систему введен фактор f1 — «авторитарность власти». При этом предполагается, что «авторитарность» — это одна из обобщающих характеристик власти (мы исходим и из того, что сознательной политической воли, направленной на последовательный, тотальный авторитаризм, в современной России нет), которая возникает от действия различных элементарных факторов (доминирование «вертикальных» механизмов администрирования над «горизонтальными», преобладание коррупционных схем, слабость судебной системы и пр.).

Усиление эффекта авторитарности власти на региональном уровне будет приводить к усилению бюрократических, имитативных методов реализации региональной политики модернизации и к усилению роли неформализованных функциональных отношений в административном деловом пространстве, в том числе коррупции. Такие явления, как личное обогащение чиновников, рост их личного бизнеса и улучшение регионального делового климата, модернизации, имеют разнонаправленную динамику под влиянием усиления авторитарного начала и по-разному влияют на характер активности региональной исполнительной власти. В ситуации сохранения авторитарного характера власти первые два фактора будут ее усиливать, сохранять, а вторые два (благоприятный деловой климат и модернизация) — ослаблять.

Мы полагаем, во-первых, что усиление авторитарной составляющей власти в государстве будет приводить на региональном уровне к усилению бюрократических методов (вертикаль власти) реализации государственной региональной политики модернизации и одновременно к усилению роли неформализованных функциональных отношений административного пространства, в том числе коррупции. Во-вторых, с усилением авторитарной составляющей власти региональный деловой климат и институциональная бизнес-активность будут снижаться, а размеры личного обогащения чиновников, их личная карьера и бизнес будут расти. В-третьих, названное соотношение «публичных» и «приватных» результатов административной активности будет свидетельствовать об ослаблении профессионализма государственных служащих и усилении дисфункции государственного регионального управления.

Исследование различных сценариев «запуска» региональной модернизации с помощью технологии когнитивного моделирования позволило сделать некоторые выводы. В современной ситуации, когда модернизация обусловлена внутренними преобразованиями в системе власти и реализуется по принципу «модернизация сверху», на региональном уровне эффекты модернизации необходимо анализировать в качестве производной от характера активности регионального административного пространства. Принятое в рамках исследования строение административного пространства региона и его системное описание (20-факторная модель) позволяют учитывать текущие особенности соотношения элементов авторитарности и демократичности, публичного и приватного, общественных (институциональных) и личных интересов в политике. Возможны различные сценарии запуска модернизации, отражающие актуальные представления о том, что для модернизации достаточно усиления государственного участия и увеличения финансирования или что для модернизации достаточно усиления только государственного административного влияния в плане как «вертикального», так и «горизонтального» (межотраслевого) администрирования. В обоих случаях модернизационный эффект имеет слабый и кратковременный эффект, после которого значимые для модернизации факторы (участие малого и среднего бизнеса, научное оснащение и др.) снижаются до новых устойчивых

положений со значениями ниже исходных. При этом активность негативных факторов административного пространства (авторитаризм, коррупция, личное обогащение чиновников и др.) возрастают до новых устойчивых положений с более высокими по сравнению с первоначальными значениями.

Практика показала, что позитивный модернизационный эффект может дать активизация борьбы с коррупцией или существенное совершенствование судебной системы (независимость, справедливость). Наиболее реалистические сценарии модернизации связаны с одновременной активизацией «кабинетных» административных факторов и факторов публичной политики. В частности, был проанализирован эксперимент с активизацией «трехкабинетных» факторов (f2, f4, f5) и четырех факторов публичной политики (f7, f8, f9, f10). Моделирование показало, что такая комбинация разрозненных факторов дает восходящий тренд эффекту модернизации и факторам, от которых он является производным: они переходят на другой устойчивый уровень со значениями, превышающими начальные. В то же время негативные факторы административного пространства (коррупция, личное обогащение чиновников и др.) снижаются до нового устойчивого уровня с более низкими по сравнению с начальными значениями. Этот качественный эксперимент позволяет заключить, что для наращивания темпов модернизации активизацию административных («кабинетных») факторов, которая уже становится реальностью (имеется в виду нацеленность на рост финансирования инновационных проектов, усиление «вертикального» контроля за финансированием, стихийная активизация «горизонтальных» практик межотраслевого администрирования), необходимо дополнять столь же существенной активизацией факторов региональной публичной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дахин А.В. Смена высших политических команд в России: анализ одной политологической гипотезы // Полит. наука. 2012. № 1. С. 69—80.

² См.: Дахин А.В. Транзит российской политической власти на рубеже 2008 г.: особенности политического управления (методология анализа) // Политическая наука. Региональная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004—2008 гг. М.: ИНИОН, 2009. № 2. С. 8—26.

³ См.: Димаджио П.Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экон. социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34—56.

⁴ См.: Грановеттер М. Сила слабых связей // Там же. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50.

⁵ См.: Дахин А.В. Социальная инициатива в стратифицированном социокультурном пространстве современной России: искание пути от идеи до действия // Диалог мировоззрений: поиск стратегии в пространстве инициатив и движений. Н. Новгород: ВВАГС, 2008. С. 16—21; Его же. Динамика административного пространства региона в поле региональной политики модернизации (опыт когнитивного моделирования) // Регион в период модернизации: стратегии развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20 апр. 2012 г. Н. Новгород: НИСО, 2012. С. 123—217.

⁶ См.: Вельтер Ф., Каутонен Т., Чепуренко А., Мальева Е. Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия: германо-российское сопоставление // Экон. социология. 2004. Т. 5. № 2. С. 13—36.

⁷ См.: Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 102.

⁸ См.: Дахин А.В. Смена высших политических команд в России ...; Его же. Архитектура власти региональных политических пространств России: транзит и конфликтные риски // Полит. наука. М.: ИНИОН РАН. 2011. № 4. С. 32—39; Его же. The political and economic after-effects of political-administrative reform and of changes in structures and regional authority institutions // Impact of Culture on Human Interaction: Clash or Challenge? Eds. Göttingen: Hogrefe & Huber, 2008. P. 5—16; Его же. Agglomeration of Nizhny Novgorod and regional sustainable development: The way toward good governance (the case of Russia) // Regional Development and Role of Core Cities. Papers of international Conference, November. 12—15, 2010. Busan: Korean Association of Local Studies. 2010. P. 17—28; Дахин А., Макарычев А., Распопов Н. Новые тенденции в развитии политической элиты: федеральный и региональный аспекты // Политическое управление и публичная политика XXI века. М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. С. 116—146.

Поступила 28.06.2013.

REFERENCES

¹ См.: Dahin A.V. Smena vysshih politicheskikh komand v Rossii: analiz odnoj politologicheskoy gipotezy // Polit. nauka. 2012. № 1. С. 69—80.

² См.: Dahin A.V. Tranzit rossijskoj politicheskoy vlasti na rubezhe 2008 g.: osobnosti politicheskogo upravlenija (metodologija analiza) // Politicheskaja nauka. Regional'naja politika i razvitie territorij v uslovijah administrativno-politicheskoy reformy 2004—2008 gg. М.: ИНИОН, 2009. № 2. С. 8—26.

³ См.: Dimadzhio P.Dzh., Paujell U.V. Novyj vzgljad na «zheleznuju kletku»: institucional'nyj izomorfizm i kollektivnaja racional'nost' v organizacionnyh poljah // Jekon. sociologija. 2010. Т. 11. № 1. С. 34—56.

⁴ См.: Granovetter M. Sila slabych svjazej // Tam zhe. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50.

⁵ См.: Dahin A.V. Social'naja iniciativa v stratificirovanom sociokul'turnom prostranstve sovremennoj Rossii: iskanie puti ot idei do dejstvija // Dialog mirovozzrenij: poisk strategii v prostranstve iniciativ i dvizhenij. N. Novgorod: VVAGS, 2008. С. 16—21; Его же. Dinamika administrativnogo prostranstva regiona v pole regional'noj politiki modernizacii (opyt kognitivnogo modelirovanija) // Region v period modernizacii: strategii razvitija: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 20 apr. 2012 g. N. Novgorod: NISO, 2012. С. 123—217.

⁶ См.: Vel'ter F., Kautonen T., Chepurenko A., Mal'eva E. Struktury upravlenija setevymi soobshhestvami malyh predpriyatij i rol' doverija: germano-rossijskoe sopostavlenie // Jekon. sociologija. 2004. Т. 5. № 2. С. 13—36.

⁷ См.: Burd'e P. Prakticheskij smysl. SPb.: Aletejja, 2001. С. 102.

⁸ См.: Dahin A.V. Smena vysshih politicheskikh komand v Rossii ...; Его же. Arhitektura vlasti regional'nyh politicheskikh prostranstv Rossii: tranzit i konfliktogennye riski // Polit. nauka. М.: ИНИОН РАН. 2011. № 4. С. 32—39; Его же. The political and economic after-effects of political-administrative reform and of changes in structures and regional authority institutions // Impact of Culture on Human Interaction: Clash or Challenge? Eds. Göttingen: Hogrefe & Huber, 2008. P. 5—16; Его же. Agglomeration of Nizhny Novgorod and regional sustainable development: The way toward good governance (the case of Russia) // Regional Development and Role of Core Cities. Papers of international Conference, November. 12—15, 2010. Busan: Korean Association of Local Studies. 2010. P. 17—28; Dahin A., Makakarychev A., Raspopov N. Novye tendencii v razvitii politicheskoy jelity: federal'nyj i regional'nyj aspekty // Politicheskoe upravlenie i publichnaja politika XXI veka. М.: RAPN, ROSSPJeN, 2008. С. 116—146.

A. V. Dakhin, O. S. Danilova, V. N. Denisov.

Regional Modernisation Policy: Administrative Space, Factors, Scenarios

The results of the researches of political peculiarities in modern modernisation in Russia including characteristics of theoretical approach to the analysis of regional administrative space, determination of the basic notions «regional administrative space», «resource places» and «places-results» are presented in the article. With the account of the correlation of the authoritarianism and the democracy elements, the public (institutional) and the private (personal), the transparent and the concealed in the modernisation policy the structure and the cognitive model of the administrative space of the region implementing the modernisation policy is determined.

Relying on the experts evaluation main hypotheses highlighting the key tendencies in the regional social and political process including the increase in the authoritarian component of the state power in the state, decrease

in institutional business activity, weakening of state and municipal officials professionalism and strengthening of the dysfunction in state regional administration and municipal self-government have been developed. The established cognitive model includes 20 factors. Their brief definitions are presented in the text of the article. On the basis of the experiments with the cognitive model several scenarios for regional modernisation «launching» are analysed; quality characteristics for modernisation «launching» are determined.

DAKHIN Andrei V., Head of Chair of Philosophy and Polytoogy of Nizhny Novgorod Management Institute — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, doctor of philosophic sciences, professor.

DANILOVA Olga S., Head of Information and Analytics Laboratory of Nizhny Novgorod Management Institute — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, candidate of technical sciences.

DENISOV Vladimir N., lecturer of Information and Analytics Laboratory of Nizhny Novgorod Management Institute — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Л. А. ВАСИЛЬЕВА

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОВЕТСКОГО МИФА ВОЖДИЗМА
И ЕГО ТРАНСЛИРОВАНИЕ
КАНАЛАМИ СРЕДСТВ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Ключевые слова: миф, акторы, харизматический лидер, СМИ, миф вождизма

Key words: myth, actors, charismatic leader, mass media, leaderism myth

В статье дан анализ создания и трансляции советскими СМИ мифо-концептов, которые влияли на облик политической системы и лидеров политического режима.

The analysis of the establishment and the translation of mythic concepts influencing the image of the political system and political regime leaders by the Soviet mass media is presented in the article.

Атмосфера прославления вождей посредством СМИ окружала советского человека с самого рождения. Так воспитывались поколения, «беззаветно преданные делу коммунизма». По верному замечанию Х. Арендт, «перед тем как вожди масс приходят к власти, их пропаганда, в целях подгонки реальности под свою ложь, отличается особым презрением к фактам как таковым. По их мнению, факт полностью находился во власти человека, способного сфабриковать его»¹.

Отождествление в общественном сознании индивида и его мифического прототипа зависит от соответствия публичных действий этого индивида своему прототипу. Такое соответствие, по мнению В. Полосина, может достигаться двумя путями: «1) непосредственно — в случае констатации обществом прямого положительного результата личных действий индивида по реализации нравственного идеала: победа, триумф, сбывшееся предсказание; 2) опосредованно — через ритуально-символическое вхождение индивида в соответствующий миф»². Согласно классической типологии

ВАСИЛЬЕВА Людмила Алексеевна, профессор кафедры сервиса и туризма Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук.

М. Вебера, «культ политических руководителей — составной элемент сакрализации власти. Он является воскрешением языческого идолопоклонства»³.

Советский герой — вождь; если не бог в прямом смысле этого слова, то создание высшего порядка. Наиболее распространенными в этом мифе были образы самой примитивной тотемической мифологии. В поисках адекватного сравнения самый главный человек эпохи обезчеловечивался, он приравнивался к солнцу, светочу. Мифы подвергались тщательной обработке и приспособлялись к требованиям времени. Высшие и низшие боги, верховный владыка в советском обществе обладали всей полнотой власти. Их описывали словами «великий», «гениальный», «титанический» и др. Авторитарному явлению, культу уделяется особое внимание, так как обожествление — доминантный элемент режима. Советские СМИ утверждали образ героя-вождя, абсолютно правильного лидера. Он, превращаясь в харизматического предводителя, примерял на себя судьбу мифического героя, а мифическая трансформация соответствовала стадиям развития личности. Толчком к усиленной мифологизации образа вождя во всех советских СМИ стало покушение на В. И. Ленина. Политически грамотно был использован повод — внушить населению правильность действий органов ОГПУ по поводу нападения на вождя. С сентября 1918 г. по октябрь 1919 г. в ходе «красного террора» были убиты 1,3 млн чел. При этом на страницах пролетарских газет тиражировался миф о сверхчеловеке, мыслителе, «земном боге» — Ленине. По мнению А. Цуладзе, «стержнем магического восприятия власти и ее верховного политеса является убеждение подданных, что все в стране зависит от первого лица государства. Дальше простая логика подсказывает, что все проблемы страны может решить только сверхчеловек, наделенный неограниченной властью»⁴.

Во времена правления И. В. Сталина большевистская пропаганда унифицировала культ вождя. Мифологические тексты содержали традиционные схемы пути становления героев. Н. Г. Щербинина характеризует эту ситуацию так: «Очередным змееборцем “на троне” стал Иосиф Сталин. Его драконоборческий имидж не был случайным или чисто рациональным техническим приемом вождизма, т. е. не носил исключительно камуфляжной нагрузки. Представляется, что,

напротив, в змееборчестве диктатора воплотился романтический дух сталинской личности»⁵. После разгрома оппозиции он и его соратники получили свободу политического маневра, в результате чего возникли предпосылки для культа вождя-героя. Его прообразом стала личность В. И. Ленина, уже превратившаяся в неотъемлемый институт общественной жизни в стране. Одним из политических мотивов было желание И. В. Сталина и его окружения укрепить свою власть в период, когда в стране начинали набирать темпы индустриализация и коллективизация. Основополагающий тезис мифологии культа вождя афористично сформулировал А. Барбюс: «Сталин — это Ленин сегодня». Его харизма представляла собой динамическое сочетание из полярно противоположных и в то же время взаимосвязанных сфер, синтез мифологического и сознательного.

Для достижения личностью, государством, политическим движением статуса харизмы необходима была пропаганда. Особую систему убеждений можно считать идеологией харизмы. Харизматическая пропаганда — это распространение СМИ системы образов по созданию мифологического единства идеологии с реальной жизнью. Советская пресса транслировала миф, символ вождя и придерживалась этого мифа в течение целой эпохи от превознесения до его падения. Но вождь был талантливым актером и режиссером своих ролей: «Сталин поднимался до высот шекспировского театра. Его главное “достижение” — собственный автопортрет, созданный, вылепленный им, при соавторстве СМИ образ “отца всех народов”, “корифея всех наук”. Создать такой образ, поощрять и поддерживать свой культ — задача далеко не элементарная. Сталин решил ее блестяще»⁶. Он ассоциировался в сознании масс с определенным мифологическим героем, а психоэнергетизм «дьявольских» личностей вызывает психическое заражение. В сталинских мифах он уже был существом высшего порядка. Он — титан, почитаемый герой. Соответственно, почитание героя переходит в религиозный культ, ему молятся миллионы людей, он наделяется эпитетами («стали крепче имя твое», «солнца ярче слава твоя», «меда слаще слово твое», «сокол ясноокий» и др.).

Аутоэротизм владыки имел стойкую психофизиологическую основу (физические недостатки, оспины, сухорукость) и компенсировался славословием в его честь. Такой образ

соответствовал патриархальной и патримониальной мифо-символике.

Методы и приемы СМИ в пропаганде образа И. В. Сталина сводились к распространению и закреплению в сознании масс иллюзорного, параллельного, мифического образа вождя. На этом фоне объяснима ситуация с раздуванием «троцкистско-бухаринской опасности», так как дискредитировать своего политического противника Сталину нужно было и для фальсификации истории Октябрьской революции, Гражданской войны. Подобным мифам придавал характер действительности только тотальный страх перед «посадкой».

Без принесения жертвы не обходился ни один ритуал. 30 сентября 1928 г. в «Правде» появилась статья Н. И. Бухарина «Заметки экономиста», главной целью которой было показать, насколько догматичен Сталин в трактовке идей социалистического строительства. Н. И. Бухарин сделал вывод о том, что Сталин думает о сохранении не социализма, а собственной власти. Наоборот, его ставленникам надобно убирать тех, кто думает об этой экономике и подлинной диктатуре пролетариата (а не бюрократа). Ритуальное убийство было совершено, автор был принесен в жертву.

Пропагандистские установки советских СМИ опирались на систему координат «герой — антигерой». Это оправдывалось с точки зрения потребителей информации. По мнению Г. Почепцова, им было «необходимо зрелищное событие, отличное от его серых будней. Но не всякая неординарная ситуация представляет интерес с точки зрения государства, на нее необходимо наложить еще государственную ценность»⁷. Вчерашние герои становились героями показательных судов. Репортажи, статьи из залов суда занимали первые полосы всех центральных и местных изданий.

Мифоконцепты героев (вождей, транслируемых СМИ) проникали во все сферы жизни общества, так как пресса была повернута только в одну сторону и шла по дороге с односторонним движением (ежедневные фото, статьи, репортажи). Изменение порядка шло от вербального плана, визуальное пространство также организовывалось в виде улиц, площадей, памятников имени вождей. Когда Сталин решил переписать историю русской революции, то пропаганда его версии включала вместе с уничтожением ранних книг и документов и уничтожение их авторов и читателей⁸.

Единомыслие как основной закон советского государства не должно было нарушаться инакомыслием. Если это происходило, то в действие вступала диффамация, распространение через СМИ порочащих сведений. Тексты 20—30-х гг. XX в. представляли собой жесткую систему координат, построенную вождем (враги, уклонисты, троцкисты). Вождь призывал: «Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат, если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытающихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу политику к вкусам советской буржуазии и спасовать, таким образом, перед трудностями нашего социалистического строительства, — если мы все это допустили, то, что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы готовы спустить на тормозах революцию?»⁹.

Конструирование советских мифов вождизма и их трансляция каналами СМИ способствовали возвышению их лидерской роли. Авторитет вождей мифологизировался десятилетия. Все это искусственно возвышало роль вождей, усиливало веру в их силу и могущество, порождало идолопоклонство, влияло на перемены в массовом сознании народа. Задача СМИ — преобразовать историческую интенцию в вечность — была выполнена. Миф вождизма, широко транслируемый СМИ, приобрел историческую реальность, определяемую тем, как сами люди ее создавали либо использовали.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 462.
- ² Полосин В. Миф. Религия. Государство. М., 1999. С. 186.
- ³ Вебер М. Пророк // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 112—122.
- ⁴ Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003. С. 125.
- ⁵ Щербинина Н.Г. Герой и антигерой в политике России. М., 2002. С. 68.
- ⁶ Цуладзе А. Политическая мифология.
- ⁷ Щербинина Н.Г. Герой и антигерой в политике России.
- ⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 452.
- ⁹ Сталин И.В. Вопросы партийного руководства. М., 1951. Т. 12. С. 105.

Поступила 15.04.2013.

REFERENCES

- ¹ Arendt H. Istoki totalitarizma. M., 1996. S. 462.
- ² Polosin V. Mif. Religija. Gosudarstvo. M., 1999. S. 186.
- ³ Veber M. Prorok // M. Veber. Izbrannye proizvedenija. M., 1990. S. 112—122.
- ⁴ Culadze A. Politicheskaja mifologija. M., 2003. S. 125.
- ⁵ Shherbinina N.G. Geroj i antigerov v politike Rossii. M., 2002. S. 68.
- ⁶ Culadze A. Politicheskaja mifologija.
- ⁷ Shherbinina N.G. Geroj i antigerov v politike Rossii.
- ⁸ Arendt H. Istoki totalitarizma. S. 452.
- ⁹ Stalin I.V. Voprosy partijnogo rukovodstva. M., 1951. T. 12. S. 105.

**L. A. Vasilyeva. Development of the Soviet Myth of Leaderism
and its Translation by Mass Media Channels**

The atmosphere of leaders glorification by means of mass media wrapped the person since the birth. This was the way generations were brought up. The main attention is paid to authoritarian phenomena and cult as idolisation is the dominant element of the totalitarian political regime. In their turn Soviet mass media propagandised the image of the hero — an absolutely proper leader. The attempt on V. I. Lenin became a push for the intense mythologizing of the image of the leader in all Soviet mass media.

In the times of Stalin the Bolshevik propaganda unified the cult of the leader. Mythological texts contained schemes for heroes formation. Propagandistic orientations of Soviet mass media rested on the coordinate grid «hero — antihero» and this was justified from the point of view of information consumers. Mythological concepts of hero-leaders translated by mass media penetrated into all spheres of the society. Single-mindedness, the main law of the Soviet state, could not be interfered with the dissidence. When it happened, denigration and distribution of discredit information by means of mass media came into action. Text of the 20s and 30s of the XX century represented a strict coordinate grid constructed by the leader (enemies, escapists, Trotskyists). Construction of Soviet myths of the leaderism and their translation by mass media channels promoted exaltation of their leadership role. The authority of the leaders mythologized through decades and was accompanied with the corresponding ideological adaptation. The objective of mass media — to turn the historical intention into the eternity — was reached.

VASILYEVA Lyudmila A., professor of Chair of Service and Tourism of Far Eastern Federal University, candidate of historic sciences.

И. А. ИВАНОВА А. С. КОЛАНТАЕВА

**АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ¹**

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, развитие, кластерный анализ, регрессия, корреляция

Key words: innovations, innovative potential, development, cluster analysis, regression, correlation

В статье предлагается методика анализа инновационного потенциала регионов России с использованием кластерного анализа на однородные группы по уровню инновационного развития и корреляционно-регрессионного анализа.

The methods for the analysis of Russian regions innovative potential with the application of the cluster analysis on the homogeneous groups by the innovative development level and by the correlation and regression analysis are offered in the article.

Одной из актуальных проблем российской экономики является проблема активизации инновационной деятельности. Интерес к анализу инновационных процессов диктуется значением технологического развития как фактора кон-

ИВАНОВА Ирина Анатольевна, доцент кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

КОЛАНТАЕВА Анна Сергеевна, магистрант специальности «статистика» Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

курентоспособности регионов². В условиях глобализации и возрастающей международной конкуренции инновационный вариант развития российской экономики безальтернативен. Вместе с тем в практике управления еще не до конца выработаны подходы к анализу инновационного уровня развития регионов России, что препятствует адекватной оценке результативности государственной инновационной политики как на федеральном, так и на региональном уровне.

Оценка инновационного потенциала представляет собой описание возможностей региона по достижению целей за счет реализации инновационных проектов. Эффективность использования инновационных ресурсов оценивается инновационной активностью субъекта.

Инновационная активность — это целенаправленная деятельность субъекта по внедрению новых форм, методов организации труда, а также способов управления производством. Этим показателям близка характеристика инновационной восприимчивости, но под ней понимается способность субъекта реагировать на внедрение новых методов, форм организации труда и производства.

В силу недостаточного уровня интенсивности инноваций использование официальных и охватывающих все регионы России статистических данных далеко не полностью отражает формирование инновационных процессов, условия их стимулирования и препятствующие этому причины. В связи с этим на основании косвенных статистических показателей нами рассмотрены основные составляющие инновационного процесса. Например, наукоемкие и информационные технологии, интеллектуальные ресурсы, качество использования основных фондов и др.

Целью нашего исследования стала разработка методики сравнительного анализа развития регионов страны, которая позволила бы на основе полученных результатов предложить адекватный инновационный режим. Для оценки инвестиционной привлекательности регионов нами проведена кластеризация регионов. Кластерный анализ позволяет рассмотреть достаточно большой объем информации, сделать ее компактной и наглядной, т. е. можно рассматривать не регион в отдельности, а группы регионов, при этом сравнивать их между собой. Для проведения кластерного анализа воспользуемся ППП «Statistica».

В ходе анализа были выделены факторы регионального развития: X_1 — количество организаций, проводящих научные исследования и разработки; X_2 — число аспирантов, чел.; X_3 — количество используемых передовых производственных технологий; X_4 — затраты на технологические инновации, млн руб.; X_5 — объем инновационных товаров, работ, услуг, % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; X_6 — степень износа основных фондов, %; X_7 — оборот организаций, млрд руб.; X_8 — сумма прибыли организаций, млн руб.; X_9 — инвестиции в основной капитал, млн руб.; X_{10} — индекс потребительских цен.

Часто признаки имеют разный масштаб и единицы измерения. Признак, имеющий большую изменчивость (дисперсию), вносит больший вклад в величину расстояния между объектами, чем другие признаки, при проведении кластерного анализа. И наоборот — признаки с малой изменчивостью не влияют на величины. Поэтому при больших различиях изменчивости рекомендуется проводить стандартизацию данных и находить на этой основе кластерное решение.

Как правило, общее количество кластеров и их примерный состав заранее не известны. Для отыскания и исследования кластеров применяются вычислительные алгоритмы, использующие различные способы измерения сходства объектов и их групп и схемы поиска кластерного решения. Мы используем в качестве алгоритмов кластерного анализа иерархический и k -средних.

С помощью иерархического анализа (метод Уорда) нами сделан предварительный анализ. Москва явно превзошла все остальные регионы по уровню инновационного развития. Поэтому целесообразнее всего будет исключить ее из рассмотрения, так как в дальнейшем это не поможет объективно взглянуть на общую оценку инновационной деятельности в целом по России. Далее будут рассмотрены 75 регионов³.

Метод Уорда показывает разделение исследуемой совокупности регионов на 3 кластера. Окончательная кластеризация возможна методом k -средних. Эта дифференциация оптимальна, так как в ней нет совпадений средних нормированных значений признаков по кластерам. По характеру распределения выявлены 3 страты: регионы с низкой, средней и высокой инвестиционной привлекательностью.

Более многочисленным оказался 1-й кластер, в который вошли 42 региона (они распределены крайне неравномерно). При этом в состав этого кластера вошли регионы преимущественно из Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, в числе которых республики Мордовия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия; Астраханская, Волгоградская, Курганская, Новосибирская, Томская и Омская области; Ставропольский и Алтайский края. Эти регионы характеризуются относительно средним инновационным развитием. Для них характерны минимальные значения по количеству организаций, проводящих научные исследования и разработки; обороту организаций; сумме прибыли организаций и инвестиций в основной капитал.

Регионы второго кластера в отношении уровня инновационного развития имеют самую низкую оценку. Сюда вошли 25 регионов России. К их числу относятся все регионы Дальневосточного федерального округа, большинство регионов Сибирского федерального округа, а также Ивановская, Калужская, Смоленская, Калининградская, Ленинградская, Ростовская и Челябинская области; Краснодарский край; республики Дагестан и Кабардино-Балкария. Для них характерны наименьшее значение числа аспирантов; используемых передовых производственных технологий; затрат на технологические инновации; удельного веса объема инновационных товаров, работ услуг; степени износа основных фондов. В соответствии с невысоким инновационным потенциалом инновационная активность здесь невысока.

В третий кластер вошли 8 субъектов Российской Федерации с высоким инновационным развитием: Московская, Саратовская, Нижегородская, Самарская, Свердловская и Тюменская области, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан и Ханты-Мансийский автономный округ. Эти регионы характеризуются высоким уровнем экономического развития, что обуславливает высокие значения по всем изучаемым показателям. Высокий уровень инновационной активности соответствует благоприятному инновационному климату.

Одним из основных показателей, характеризующих уровень инновационного развития, является объем внутренних затрат на научные исследования и разработки. Именно этот показатель мы и возьмем в качестве результативного (Y) для регрессионного анализа, который будем проводить в

каждом кластере по данным за 2011 г. В качестве показателей возьмем те же факторы регионального развития, которые использовались в кластерном анализе.

Проведя расчеты коэффициентов корреляции для первого кластера между результативным показателем и факторными признаками, получим матрицу парных коэффициентов корреляции R (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции для первого кластера

Факторы	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈	X ₉	X ₁₀
r _{yx_i}	0,84	0,72	0,36	0,18	0,14	-0,03	0,59	0,32	0,48	0,23

После анализа коэффициентов парной регрессии становится очевидным то, что наибольшее влияние на результирующую переменную оказывают количество организаций, проводящих научные исследования и разработки (X₁), число аспирантов (X₂) и оборот организаций (X₇). В результате получим следующее уравнение регрессии:

$$Y = -1220,3 + 122,3X_1 - 0,1X_2 + 0,4X_7. \quad (1)$$

Коэффициенты регрессии показывают, что при увеличении количества организаций, проводящих научные исследования и разработки, на одну, внутренние затраты на научные исследования и разработки увеличатся в среднем на 122,3 млн руб. При увеличении числа аспирантов на 1 чел. сократятся внутренние затраты на научные исследования и разработки на 0,1 млн руб. При увеличении оборота организаций на 1 млрд руб. внутренние затраты на научные исследования и разработки увеличатся в среднем на 0,4 млн руб. Множественный коэффициент корреляции (R = 0,836) говорит о сильной линейной взаимосвязи между результативным признаком и факторными признаками, включенными в уравнение регрессии. Если рассматривать нормальный график остатков, то можно сделать вывод о том, что наблюдаемые остатки нормально распределены, так как все значения располагаются вблизи прямой линии (рис. 1).

При проведении расчетов коэффициентов корреляции для второго кластера между результативным показателем и факторными признаками получим парные линейные коэффициенты корреляции R (табл. 2).

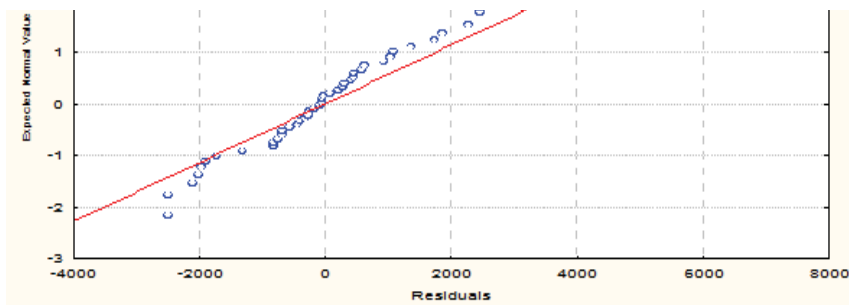

Рис. 1. График остатков регрессии для первого кластера

Таблица 2

Коэффициенты корреляции для второго кластера

Факторы	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}
r_{YX_i}	0,74	0,62	0,81	0,77	-0,13	0,28	0,70	0,47	0,38	-0,06

Анализ парных коэффициентов корреляции показывает, что наибольшее влияние на результирующую переменную оказывают количество организаций, проводящих научные исследования и разработки (X_1), количество используемых передовых производственных технологий (X_3) и затраты на технологические инновации (X_4). В результате получим уравнение регрессии:

$$Y = -639,4 + 73,6X_1 + 0,1X_3 + 0,2X_4. \quad (2)$$

Согласно коэффициентам регрессии, при увеличении количества организаций, проводящих научные исследования и разработки на одну, внутренние затраты на научные исследования и разработки увеличатся в среднем на 73,6 млн руб. При увеличении количества используемых передовых производственных технологий на одну произойдет увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки на 0,1 млн руб. При увеличении затрат на технологические инновации на 1 млн руб. внутренние затраты на научные исследования и разработки увеличатся в среднем на 0,2 млн руб. Множественный коэффициент корреляции ($R = 0,907$) говорит о сильной линейной взаимосвязи между результирующим признаком и факторными признаками, включенными в уравнение регрессии. Если рассматривать нормальный график остатков, то можно сделать вывод, что наблюдае-

мые остатки нормально распределены, так как все значения располагаются на графике вблизи прямой линии (рис. 2).

Проведя расчеты коэффициентов корреляции для третьего кластера между результирующим показателем и факторными признаками, получим таблицу парных коэффициентов корреляции (табл. 3).

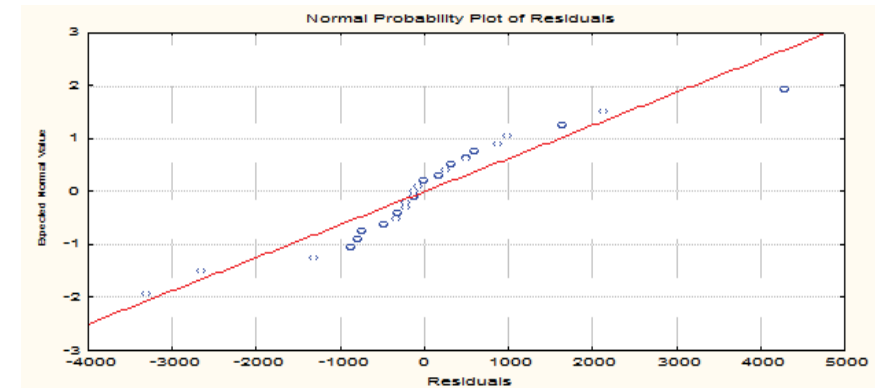

Рис. 2. График остатков регрессии для второго кластера

Таблица 3

Коэффициенты корреляции для третьего кластера

Факторы	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}
r_{YX_i}	0,90	0,55	0,57	-0,29	0,03	-0,79	0,46	-0,23	-0,39	0,30

Анализ коэффициентов парной регрессии показал, что наибольшее влияние на результирующую переменную оказывают количество организаций, проводящих научные исследования и разработки (X_1), количество используемых передовых производственных технологий (X_3) и степень износа основных фондов (X_6). В результате получим уравнение регрессии:

$$Y = -22139,1 + 222,1X_1 + 2,2X_3 + 89,8X_6. \quad (3)$$

Коэффициенты регрессии показывают, что при увеличении количества организаций, проводящих научные исследования и разработки на одну, внутренние затраты на научные исследования и разработки увеличатся в среднем на 222,1 млн руб. При увеличении количества используемых

передовых производственных технологий на одну произойдет увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки на 2,2 млн руб. При увеличении степени износа основных фондов на 1 % внутренние затраты на научные исследования и разработки увеличатся в среднем на 89,8 млн руб. Множественный коэффициент корреляции ($R = 0,954$) говорит о высокой линейной взаимосвязи между результативным признаком и факторными признаками, включенными в уравнение регрессии. Если рассматривать нормальный график остатков, то можно сделать вывод, что наблюдаемые остатки нормально распределены, так как все значения располагаются на графике вблизи прямой линии (рис. 3).

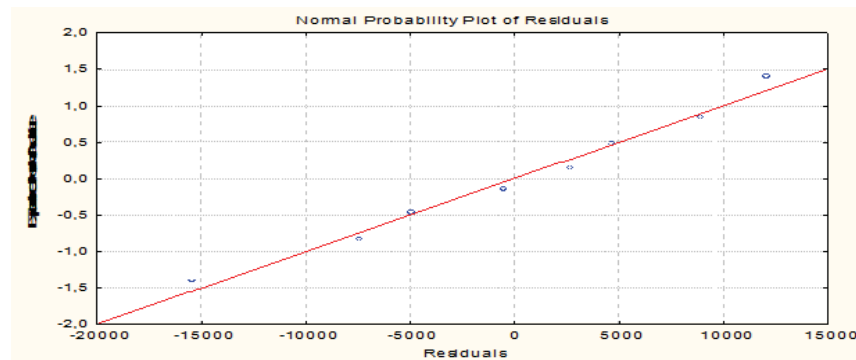

Рис. 3. Нормальный график остатков регрессии для третьего кластера

Характерными признаками наиболее инновационно развитых регионов является большое количество предприятий, занимающихся научными исследованиями и разработками (на 30 % превышает средний соответствующий показатель по второй стране), а также количество созданных передовых производственных технологий (почти на 40 % превышает средний уровень по второй стране). Этот фактор также следует учитывать при определении инвестиционной привлекательности, так как большинство предприятий, специализирующихся на инновациях, требуют серьезных затрат ввиду долгосрочной перспективы окупаемости полученных продуктов. Поэтому для достижения наибольшего развития необходимо уже сейчас вкладываться в эти регионы.

Таким образом, в оценке инвестиционной привлекательности прослеживается существенная дифференциация регионов. Чтобы хотя бы частично сгладить экономические риски, необходимо разработать и осуществить целенаправленную государственную политику в области поддержки научно-технической деятельности и инновационного предпринимательства.

Для достижения целевых показателей инновационного развития следует применить меры по нескольким направлениям, определяющим спрос и предложение инноваций, а также их институциональную инфраструктуру⁴.

Реализация различных федеральных целевых программ, направленных на поддержку развития инновационной деятельности в регионах (комплекс программ «Развитие высоких технологий»), формирование устойчивого развития экономики (комплекс программ «Дальний Восток»), помогают снизить дифференциацию регионов. Главным инструментом технологического прорыва является «поворот» инвестиций к инновациям, инновационному предпринимательству, на что следует направить имеющиеся у государства силы и средства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ № 13-06-00200 А «Математическое и геоинформационное моделирование инновационного развития сельского хозяйства».

² См.: Иванова И.А. Оценка инновационной деятельности регионов Приволжского федерального округа с использованием кластерного и корреляционно-регрессионного анализа // Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов: материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. 8 нояб. 2012 г. Киров, 2012. С. 24—27.

³ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели (2012 г.). URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2012/region/soc-pok.rar (дата обращения: 10.05.2013).

⁴ См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 10.05.2013).

Поступила 22.05.2013.

REFERENCES

¹ Stat'ja podgotovlena pri podderzhke RFFI № 13-06-00200 A «Matematicheskoe i geoinformacionnoe modelirovanie innovacionnogo razvitija sel'skogo hozjajstva».

² Sm.: Ivanova I.A. Ocenka innovacionnoj dejatel'nosti regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga s ispol'zovaniem klaster'nogo i korrelyacionno-regressionnogo analiza // Problemy i perspektivy social'no-jekonomicheskogo razvitiya regionov: materialy ezhegod. Vseros. nauch.-prakt. konf. 8 nojab. 2012 g. Kirov, 2012. S. 24—27.

³ Sm.: Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli (2012 g.). URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2012/region/soc-pok.rar (data obrashhenija: 10.05.2013).

⁴ Sm.: Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya RF na period do 2020 goda. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (data obrashhenija: 10.05.2013).

I. A. Ivanova, A. S. Kolantaeva.
Analysis of Innovative Activity in Russian Regions

In the conditions of globalisation and increasing international competition an innovative variant for the regional economy development is non-alternate. At the same time in administrative practice approaches to the unified evaluation of the Russian regions innovative development level have not been fully engineered that prevents an adequate evaluation of state innovative policy efficiency both on the federal and regional levels.

The purpose for the research is the formation of methods for comparative analysis of the Russian regions development that could offer an adequate innovative mode for every region. The algorithm for regions clusterisation that ideally should comply with the system of their economic development indicative planning is presented in the article. For regions of each homogenous cluster a correlation analysis has been made and a regression dependence model of internal costs for R&D in every region of Russia on factors composing the innovative process (indices characterising knowledge-intense and high-tech technologies, fixes assets development quality, etc.) has been constructed.

The research allows making a conclusion that a strong differentiation of regions by investment attractiveness evaluation can be traced. Development and implementation of the special state and regional policy in the sphere of scientific and technical activity support and innovative entrepreneurship is necessary to mitigate risks and stimulate implementation of new methods on the regional level.

IVANOVA Irina A., assistant professor of Chair of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management of Mordovia National Research State University, candidate of economic sciences.

KOLANTAIEVA Anna S., magistrand in the «Statistics» speciality of Mordovia National Research State University.

О. В. САВИНА

**РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНЫХ
УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: корпоративный университет, профессиональная подготовка, повышение квалификации

Key words: corporate university, professional training, advanced training

В статье обоснована целесообразность корпоративного университета, рассмотрен опыт корпоративных университетов в Красноярском крае на примере НОУ «Корпоративный университет «Норильский никель»».

The reasonability of the corporate university is substantiated in the article. The Krasnoyarsk Region corporate universities experience by the example of «Corporate University «Norilsk Nickel»» has been considered.

Корпоративный университет — это система стратегических программ по обучению и развитию, которая влияет на стратегию компании, способствует ее реализации и дает толчок дальнейшему развитию, распространяет корпоративные ценности и культуру, представляет собой бренд, а также находится в полном владении материнской компании, даже если оказывает услуги внешним клиентам. Основным фокусом корпоративного университета является обучение сотрудников компании¹.

Корпоративным университетом принято называть развивающую и устоявшуюся систему обучения персонала компании, которая может сочетать в себе как модули, читаемые специалистами компании, так и адаптированные модули внешних провайдеров обучения. Компании используют различные подходы к определению формата корпоративного обучения, что обусловлено спецификой бизнеса каждой из них. Однако одним из главных условий успешности корпоративного университета является заинтересованность руководителей высшего и среднего звена в своем развитии и в развитии своих сотрудников.

САВИНА Ольга Владимировна, начальник отдела дополнительного профессионального образования филиала Российского государственного социального университета в г. Красноярске.

В современных условиях первично полученные знания быстро устаревают, практическая деятельность требует их постоянного пополнения. Поэтому компании не могут опираться на знания, которые их менеджеры и рядовые сотрудники получили когда-то в вузах. Кроме того, сотрудники региональных отделений обладают неодинаковым опытом и представляют разные слои общества. Компании необходим единый стиль работы, а для этого надо создать учебный центр, чтобы все сотрудники смогли посещать теоретические и практические занятия. Некоторые компании, в которых система обучения не была отлажена или не носила целенаправленного характера, уже задумались о создании или реформировании собственных учебных центров или трансформации их в корпоративные университеты².

Настоящего специалиста нужно «готовить» внутри компании. Именно для этого и необходим корпоративный университет. Одним из ключевых моментов деятельности корпоративного университета является выбор его целевой аудитории. От этого выбора зависят масштабы деятельности и специфика организации тренинговых программ. Целевую аудиторию корпоративного образования можно определить одной группой «сотрудники корпорации» независимо от должностной иерархии. Специфика каждой компании определяется соотношением объема образовательных услуг для тех или иных должностных уровней. Одни компании уделяют особое внимание обучению технического персонала, другие делают ставку на подготовку менеджеров среднего звена. Также весомую роль играет формирование и развитие кадрового управленческого резерва и т. п. Единым правилом для всех является обучение сотрудников всех уровней и должностей. Одним необходимо бизнес-образование, другим — повышение профессиональной квалификации³.

Таким образом, обучение сотрудников непосредственно на рабочем месте носит оперативный и всегда конкретный характер, так как оно ориентировано на освоение конкретного трудового процесса, выполнение конкретной работы. Корпоративный тип обучения не требует больших расходов и сокращает период профессиональной адаптации работника. В учебном процессе используется работа в течение некоторого времени в качестве ассистента, постепенное усложнение задания, ротация (смена) рабочих мест, делегирование части функций, ответственности и др.

В Красноярском крае за последние 10—15 лет накоплен значительный опыт в поисках форм эффективной интеграции науки, образования и производства. Так, в структуре ОАО «ГМК «Норильский никель»» 17 октября 2006 г. появился собственный университет — Негосударственное образовательное учреждение «Корпоративный университет «Норильский никель»», который стал одним из лидеров инновационной деятельности региона, активно влияющих на экономику не только края, но и всей России.

Учебное заведение ОАО «ГМК «Норильский никель»» было создано в соответствии с Федеральным законом «Об образовании»⁴. Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) «Корпоративный университет «Норильский никель»» (Корпоративный университет) проводит: лекции, семинары и тренинги; дистанционное обучение; стажировки; индивидуальные и групповые консультации; производственное обучение и практическое обучение; отработку профессиональных навыков на тренажерах, стендах и компьютерных симуляторах; мастер-классы; командообразующие курсы.

Вуз реализует ряд задач: усиление конкурентных преимуществ компании «Норильский никель» в части развития персонала в соответствии с корпоративными стандартами, определяющими необходимый для достижения стратегических целей компании уровень профессиональной подготовки работников; формирование для предприятий группы единого образовательного, методического, информационного и консалтингового центра, реализующего и развивающего современные учебные и информационные технологии; приведение в соответствие организационно-правовой формы подразделений, оказывающих образовательные услуги, содержанию этих услуг и принципам отраслевого управления компанией⁵.

Ежегодно профподготовку проходят более 30 тыс. работников предприятий группы, или 36 % численности персонала (без учета зарубежных активов); 80 % обучения осуществляется на учебной базе корпоративного университета⁶.

В структуре подготовки кадров 60 % обученных составляют рабочие; 20 % работников проходят подготовку по программам, направленным на обеспечение эффективного выполнения производственных функций, в том числе в связи

с внедрением новой техники; 14 % составляют руководители и специалисты, прошедшие повышение квалификации.

Сегодня в Красноярском крае корпоративные университеты активно функционируют в ОАО «РЖД», «Альфа-Страхование» и т. д. Большинство программ региональных корпоративных университетов разработано в виде модулей, значительную часть которых проводят преподаватели бизнес-школ и специализированных компаний, работающих на рынке краткосрочного бизнес-обучения.

По нашему мнению, необходимо и дальше развивать идею корпоративных университетов на предприятиях Красноярского края. Целесообразно и сотрудничество корпоративных университетов, которое, на наш взгляд, будет способствовать развитию компетентных навыков специалистов региона. Возможный путь развития сотрудничества корпоративных университетов — накопление и обобщение опыта различных компаний, а также создание научной теории корпоративного образования путем проведения совместных тематических конференций, ассамблей, кросс-практик и научных исследований. Обмен опытом теоретиков и практиков разных предприятий и фирм будет способствовать созданию «умной» экономики региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ведущий портал о кадровом менеджменте. Словарь терминов HR-менеджмент. URL: <http://hrm.ru/db/hrm/46CE5D85434D1F3AC3257578006CC337/glossary.html> (дата обращения: 02.07.2013).

² См.: Рожков Г.В. Генезис инновационной экономики в России / под ред. С.Г. Ерошенкова. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 348—349.

³ См.: Там же. С. 351.

⁴ См.: Федеральный закон «Об образовании». URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii> (дата обращения: 05.05.2013).

⁵ См.: Каганов В.Ш. Корпоративный университет «Норильский никель». Опыт лидера. М.: Изд-во «Вершина», 2008. 248 с.

⁶ См.: Официальный портал НОУ «Корпоративный университет «Норильский никель». URL: <http://university.nornik.ru> (дата обращения: 24.06.2013).

Поступила 09.07.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Vedushhij portal o kadrovom menedzhmente. Slovar' terminov HR-menedzhment. URL: <http://hrm.ru/db/hrm/46CE5D85434D1F3AC3257578006CC337/glossary.html> (data obrashhenija: 02.07.2013).

² Sm.: Rozhkov G.V. Genезis innovacionnoj jekonomiki v Rossii / pod red. S.G. Eroshenkova. M.: MAKS Press, 2009. S. 348—349.

³ Sm.: Tam zhe. S. 351.

⁴ Sm.: Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii». URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii> (data obrashhenija: 05.05.2013).

⁵ Sm.: Kaganov V.Sh. Korporativnyj universitet «Noril'skij nikel'». Opyt lidera. M.: Izd-vo «Vershina», 2008. 248 s.

⁶ Sm.: Oficial'nyj portal NOU «Korporativnyj universitet «Noril'skij nikel'». URL: <http://university.nornik.ru> (data obrashhenija: 24.06.2013).

O. V. Savina. Development Experience of Corporate Universities in the Region

Corporate university is mechanism for implementation of the strategy for education and development of personnel in the company aimed at the provision of the requirements in qualified personnel in the long-term perspective; the system of strategic programmes in education and development influencing the company strategy and promoting its implementation as well as its further development and distributing corporate values and culture, representing a brand and being in the disposal of the parent company.

The reason for the establishment of the corporate university is that in the conditions of the strict competition, rapid changes in the consumers preferences, business environment, new technologies and products it is impossible to rely on the knowledge received long ago. At that academic programmes in state educational institutions are not always useful. In connection with that the requirement in the establishment of corporate universities and their orientation on the labour process mastering exists. In this respect Corporate University «Norilsk Nickel» in the Krasnoyarsk Region is an illustrative example.

In the Krasnoyarsk Region corporate universities actively operate in OJSC «Russian Railways», «AlfaStrakhovanie», etc. Most of the programmes in regional corporate universities have been developed in the form of modules with the essential part of which being implemented by teachers employed at business-schools and specialised companies operating in the market of short-term business education.

SAVINA Olga V., Head of Department of Additional Professional Education of Branch of the Russian State Social University in Krasnoyarsk.

Е. А. КОВАЛЬ

НОРМАТИВНО-ЭТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: этнокультурное образование, этнокультура, нормативность, моральная регуляция
Key words: ethno-cultural education, ethno-culture, normalisation, moral regulation

В статье рассмотрены нормативные основания этнокультурного образования в современной России, подчеркнута значимость моральных регуляторов поведения и взаимодействия участников этнокультурного образовательного процесса.

Normative base for ethno-cultural education in modern Russia is considered in the article. The importance of the behaviour moral regulators and interaction between ethno-cultural education process participants is underlined.

Государство, согласно Национальной доктрине образования Российской Федерации, преследует задачу сохранения и развития единого образовательного пространства России, а также сохранения и поддержки этнической и национально-культурной самобытности народов страны, гуманистических традиций их культур. Для того чтобы сохранять национально-культурную самобытность в едином образовательном пространстве, необходима разработка и реализация такого направления педагогики, как этнокультурное образование. В современной России оно требует надежных нормативных оснований.

Нормативность — интегративное структурно-функциональное свойство системного объекта, которое обеспечивает воспроизводство самого объекта и его стабильное функционирование посредством обеспечения упорядоченности и повторяемости процессов, происходящих внутри системы и вне ее (в пределах имеющихся возможностей). Это определение

КОВАЛЬ Екатерина Александровна, доцент кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского филиала (г. Саранск) Российской правовой академии Минюста РФ, кандидат философских наук.

отражает два ключевых аспекта нормы: норма как сущее, типовой элемент поведения и норма как должное, образец, к которому стремится сущее.

Этнокультурное образование как система регулируется различными типами норм; оно определяет пределы возможного и обозначает должное поведение субъектов образовательного процесса. Наиболее важны в анализируемой сфере нормы права и морали. Правовыми нормативными основаниями этнокультурного образования являются Конвенция о правах ребенка, Конституция Российской Федерации, федеральные законы № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» и № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», Национальная доктрина образования в Российской Федерации, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 и др.

Анализ некоторых норм права, так или иначе регламентирующих функционирование системы этнокультурного образования, под которым предлагается понимать процесс освоения основных компонентов содержания этнокультуры, позволяет сделать ряд значимых выводов. Так, согласно п. 3 ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», педагогический работник несет ответственность за сообщение обучающимся недостоверных сведений об исторических, национальных, религиозных и культурных традициях народов. Следовательно, для внедрения этнокультурных модулей или полноценных учебных курсов и предметов в образовательный процесс необходимо подготовить педагогов и соответствующий методический инструментарий.

Особенностям изучения основ духовно-нравственной культуры народов РФ посвящен ряд статей ст. 87 закона. В ч. 1 определена возможность включения в основные образовательные программы учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов РФ, т. е. в первую очередь элементов образовательных программ, посвященных изучению духовного и социального компонентов этнокультуры. Народная художественная культура, согласно прямому толкованию анализируемой правовой нормы, не имеет приоритета, хотя на практике этнокультурный компонент учебно-воспитательного процесса реализуется по-

средством приобщения учащихся к материальной культуре различных этносов.

Несмотря на то что ст. 87 сегодня регулирует теологическое и религиозное образование, а также особенности взаимоотношений субъектов образовательного процесса по поводу изучения модулей предмета «Основы религиозных культур и светской этики», предметы, курсы и дисциплины этнокультурного содержания, направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов России, также выбираются родителями (законными представителями) обучающихся (ч. 2 ст. 87 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Часть 3 ст. 87 не делает исключения (изъятия «в области теологии», как, например, в ч. 5, 6 ст. 87) для этнокультурных предметов, курсов и дисциплин также и в требовании прохождения экспертизы в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации.

Итак, нормативная регуляция реализации этнокультурного образования в едином образовательном пространстве России не учитывает все потребности участников образовательного процесса. На данный момент нет четких и отлаженных механизмов правоприменения норм, регулирующих деятельность субъектов образовательного процесса в сфере этнокультурного образования. Как минимум, отчасти это связано с тем, что этнокультурное образование как становящееся направление педагогики еще не содержит четкого понятийного аппарата. Законодателем верно намечены цели и задачи этнокультурного образования, однако в этом вопросе ни законодатель, ни правоприменитель не могут опережать педагогическую науку.

На современном этапе становления системы этнокультурного образования (помимо правовых) необходимы и иные нормативные регуляторы. В данном случае перспективно обращение к моральной регуляции поведения участников анализируемого уникального вида образовательного процесса. Моральная нормативность принципиально отличается от правовой в первую очередь тем, что способом понуждения к поступку является апелляция не к государственной воле (что характерно для правовой нормативности), а к индиви-

дуальному моральному долженствованию. Именно моральная нормативность на уровне регуляции деятельности педагогического работника способна уберечь последнего от уклонения в процессе преподавания от принципа равенства значимости и ценности всех этнокультур и традиций к подчеркиванию преобладающей ценности и значимости какой-либо одной или нескольких (как правило, изучаемых) национальных культур. Высокий уровень развития морального сознания является залогом формирования высокой культуры межличностного и межэтнического общения, которая обеспечивает грамотное, адекватное и эффективное педагогическое общение в рамках этнокультурного учебно-воспитательного процесса.

Следует отметить, что в настоящее время не существует отлаженной системы контроля за качеством преподавания предметов, курсов и дисциплин (модулей), имеющих этнокультурное содержание. Не до конца ясно, какие специалисты должны привлекаться к осуществлению контроля за преподаванием этих предметов и курсов. Логично предположить, что это должны быть знатоки культуры этноса, изучаемого в рамках конкретных курсов и модулей. Однако они могут блестяще владеть содержанием предмета, но не педагогическим мастерством учителя. Следовательно, необходимо формирование комплексного контроля за качеством преподавания предметов с этнокультурным содержанием. На данном этапе эффективными могут быть моральные санкции: внутренние (стыд, совесть) и внешние (общественное признание и осуждение). Негативные моральные санкции препятствуют некомпетентному, поверхностному, недостоверному освещению содержания предметов, курсов и дисциплин (модулей), посвященных изучению культуры этносов. Предположительно существует корреляция между значимостью моральной санкции и уровнем развития морального сознания личности: чем выше этот уровень, тем большую значимость имеют внутренние санкции. Впрочем, повышение уровня развития морального сознания, как правило, влечет за собой и повышение уровня развития правосознания.

Таким образом, интеграция правовой и моральной нормативной регуляции образовательного процесса, имеющего этнокультурное содержание, будет способствовать повышению эффективности этого процесса, повышению культуры межконфессионального и межнационального общения, при-

общению обучающихся к народным традициям. Но необходимо продумать действенные механизмы актуализации моральных норм, необходимых для эффективной регуляции этнокультурных образовательных процессов.

Поскольку имеется потребность в обучении и переобучении педагогов, преподающих модули «Основ религиозных культур и светской этики» (далее — ОРКСЭ), а также в формировании и обогащении учебно-методической базы для преподавания этого предмета, целесообразно включить этнокультурного регионального компонента в модули ОРКСЭ. Это позволит расширить задачи по повышению эффективности моральной регуляции поведения участников образовательного процесса (включая и косвенную целевую аудиторию — родителей обучающихся), усилить эффективность приобщения обучающихся к социальному и духовному компонентам этнокультуры, а также увеличить экономическую эффективность повышения квалификации педагогических работников. Следовательно, перспективной задачей является разработка и реализация комплексных курсов повышения квалификации педагогов, ориентированных на освоение специфики методологии и методики преподавания модулей ОРКСЭ и приобретение этнокультурных и этнопедагогических навыков.

Пример подобного курса — программа дополнительного образования «Методическое сопровождение преподавания курсов по выбору “Основы православной культуры” и “Основы светской этики” в школах региона компактного проживания финно-угорских народов», разработанная в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете в 2012 г. Программа реализована в сотрудничестве с Краснослободской и Темниковской епархией Мордовской митрополии Русской православной церкви в Атюрьевском, Ельниковском, Zubovo-Полянском, Краснослободском, Старошайговском, Темниковском, Теньгушевском и Торбеевском муниципальных районах Мордовии. Всего по этой программе обучено около 300 педагогов, в настоящее время преподающих эти модули. Следует отметить, что программа реализовывалась с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, что позволило не только значительно удешевить реализацию программы, но и сделать ее более удобной для обучающихся (педагоги занимались после основной работы в школе).

Для проведения лекционных занятий в режиме вебинаров использовалось специализированное свободное программное обеспечение — сервер видеоконференций OpenMeetings. Семинарские и практические занятия проводились посредством использования возможностей системы дистанционного обучения СДО «Прометей». В процессе реализации программы проблема с ограничением возможности участия педагогов в вебинарах по причине низкой скорости доступа к Интернету была решена следующим образом: каждое занятие, проводимое в онлайн-режиме, записывалось, а запись затем выкладывалась в СДО «Прометей». Педагоги получали доступ ко всем записям, просматривали их в удобное для себя время, выполняли практические задания. Однако ряд методических приемов, которые слушатели программы должны были освоить к концу обучения, предполагал проведение очных занятий, поэтому их часть проводилась в поточных группах (по 100 чел.) с выездом преподавателей в районный центр.

В структуре программы дополнительного образования этнокультурный блок занимает 16 ч из 72, однако в процессе реализации этнокультурная составляющая была включена во все разделы программы. Одним из основных достижений программы является комплект учебно-методических материалов (презентации, аудио- и видеозаписи, материалы для дискуссий, фотоальбомы, схемы и т. п.), созданных самими педагогами в рамках программы. Практически все представленные материалы содержат этнокультурный компонент. Их использование в процессе преподавания модулей позволит учащимся не только освоить их содержание, но и приобщиться к культурным традициям региона, переосмыслить совместно с педагогами эти традиции как неотъемлемую часть культуры многонационального и многоконфессионального российского государства.

Таким образом, моральные регуляторы на этапе формирования нормативно-правовой базы и механизмов реализации этнокультурного образования имеют первостепенное значение. Нормы морали, в том числе нормы профессиональной этики педагогических работников, регулируют взаимоотношения участников образовательного процесса.

Поступила 26.09.2013.

**E. A. Koval. Normative and Ethic Characteristics
of Ethno-Cultural Education**

Some normative characteristics of ethno-cultural education are considered in the article. Normative regulators for the ethno-cultural educational process participants in the framework of the united education space of the country are analysed. At that in the definition of normalisation two semantic components of the notion «norm» such as typical behaviour element and etalon, ideal are stressed upon.

Ethno-cultural education in modern Russia is regulated by legal and moral norms. Specificity of the legal norms regulating the acquaintance with basic components of the essence of ethno-culture is that the teacher is responsible for misinforming trainees on cultural, religious, national traditions of peoples (cl. 3 art. 48 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation»; according to p.1 art. 87 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation»). Legal representatives of trainees have the right to choose subjects, courses, disciplines of the ethno-cultural contents included into the basic comprehensive programmes.

Legal mechanisms for the ethno-cultural educational process regulation have not been fully developed as ethno-cultural education itself now is in the stage of the active formation. That's why the accent is made on the significance of such regulator as moral for the analysed sphere regulation.

The author analyses the practical mechanism for actualisation of types of normalisation which essence is in the inclusion of ethno-cultural models into additional education for teachers. Education and advanced training exactly must become the first stage in the formation of the full and efficient exposure of the trainees to the social and moral components of ethno-culture. At that the inclusion of the block devoted to the methodology and technology for the regional ethno-cultural module development in the teachers' advanced training model seems to be productive.

KOVAL Ekaterina A., assistant professor of Chair of Law Protection Activity and Executive Proceedings of the Mid-Volzhskiy Affiliation of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Saransk), candidate of philosophic sciences.

Т. Н. СУКОНКИНА

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ РЕГИОНА**

Ключевые слова: этнокультурное образование, образовательная политика, начальная школа, межнациональные отношения

Key words: ethno-cultural education, educational policy, elementary school, international relations

Статья посвящена проблеме реализации этнокультурного образования в Республике Мордовия. Особое внимание уделяется включению регионального компонента в учебные планы начальной школы.

The article is devoted to the problem of ethno-cultural education in the Republic of Mordovia. Special attention is paid the inclusion of the regional component into the elementary school curriculum.

Система образования Российской Федерации переживает один из наиболее сложных этапов своего развития. Важной проблемой остается включение этнокультурного компонента в современный образовательный процесс. Отсутствие четкого понимания места и роли этнокультурного образования в современных социокультурных процессах России, необходимость теоретического осмысления предлагаемых моделей образования, оценка их практической значимости делают актуальным анализ системы этнокультурного образования и ее соответствия требованиям поликультурного общества.

Культура закладывает базовый компонент содержания образования. Его уровень и характер меняются в ходе научно-технического и социального прогресса. Этот компонент включает необходимый комплекс знаний, идей, ценностных представлений, универсальных способов познания, мышления, практической деятельности, без овладения которыми

СУКОНКИНА Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник сектора социально-экономических программ НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

невозможны взаимопонимание и взаимодействие людей, гармония человека и общества, социальная деятельность¹. Таким образом, культура выступает главным компонентом содержательного и воспитательного процесса образования.

Современная школа гуманитарной и гуманистической ориентации основана на единстве национальной, общегосударственной и общемировой составляющих, позволяющих человеку глубоко чувствовать принадлежность к родному народу, осознавать себя гражданином страны и субъектом мировой цивилизации. Однако в современном обществе практически нет наследования традиционной культуры из поколения в поколение, включающего разнообразные формы этнопедагогического воздействия (советы, наставления, запреты и разрешения). Следовательно, начальное этнокультурное образование (передача этнокультурных знаний и сохранение детей как представителей своего народа) становится функцией образовательных учреждений². Именно в школах действуют кружки и факультативные занятия, посвященные истории и природе родного края, культурному своеобразие; изучаются различные формы фольклора (песни, сказки и др.) в доступной для младших школьников форме. Кроме того, в школах формируются музейные выставки, организуются вечера национальной культуры.

Начальная школа является первой ступенью общего образования, развития и воспитания учащихся. В это время формируются система учебных и познавательных мотивов, умение принимать, сохранять и реализовать учебные цели. Ребенок учится планировать, контролировать и оценивать свои учебные действия и их результат. Он приобретает опыт коллективной жизни³.

Итогом освоения образовательной программы начального общего образования является овладение начальными навыками адаптации в динамично изменяющемся и развивающемся мире; развитие самостоятельности и личной ответственности за свои поступки на основе представлений о нравственных нормах, социальной справедливости и свободе; развитие этических чувств, доброжелательности и эмоциональной отзывчивости, понимания и сопереживания другим людям; формирование основ российской гражданской идентичности, чувства гордости за свою Родину, российский народ и историю России; осознание своей этнической

и национальной принадлежности; формирование ценностей многонационального российского общества; становление гуманистических ценностных ориентаций⁴. Содержание образовательного процесса законодательно регулируется как на федеральном, так и на региональном уровне.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ в п. 4 ч. 1 ст. 3 провозглашены единство образовательного пространства на территории России, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций ее народов в условиях многонационального государства. В ч. 4 ст. 14 подчеркивается, что граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков ее народов, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, и в порядке, установленном законодательством об образовании. Реализация этих прав обеспечивается созданием необходимого количества соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий их функционирования. Преподавание и изучение родного языка из числа языков народов России в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами.

Образовательная политика в Республике Мордовия ведется в полном соответствии с законами Российской Федерации. Так, в Законе Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия» от 6 мая 1998 г. № 19-З в ст. 8 говорится, что органы государственной власти региона обеспечивают на его территории создание системы образовательных учреждений с обучением на родном языке или изучением родных языков. Право выбора языка воспитания и обучения детей принадлежит родителям или лицам, их заменяющим, в соответствии с законодательством России⁵.

В такой зоне интенсивного этнического контакта, как Мордовия, необходима тщательная проработка механизмов реализации этнокультурного образования, что находит отражение в разработке нормативно-правовых актов, регулирующих межнациональные отношения. Так, в Комплексном плане действий по гармонизации меж-этнических отношений

в Республике Мордовия на 2011—2013 гг. отмечена необходимость подготовки методических рекомендаций для педагогов дошкольных образовательных учреждений по разработке основной общеобразовательной программы дошкольного образования, в том числе в части, формируемой участниками образовательного процесса с учетом региональных, национальных особенностей и особенностей образовательных учреждений; издания учебников и учебно-методических пособий, программ по региональной тематике; подготовки и выпуска электронных учебников и учебно-методических пособий этнокультурного содержания; оказания содействия в методическом обеспечении кабинетов родных языков общеобразовательных учреждений в республике; проведения межрегионального форума учителей мордовских языков, а также проведения информационной кампании «Мы дети твои, Россия!», направленной на популяризацию этнокультурных ценностей и формирование национального самосознания у детей в кругу семьи, образовательных учреждениях Мордовии и других регионов с компактным проживанием мордовского (мокшанского и эрзянского) народа⁶. Таким образом, одной из основных задач гармонизации межэтнических отношений является проработанная образовательная политика, направленная на формирование толерантности и уважительного отношения к представителям других культур, что возможно лишь при реализации основных принципов этнокультурного образования на всех уровнях системы школьного (особенно начального) образования.

В Республиканской целевой программе развития образования в Республике Мордовия на 2011—2015 гг. особо подчеркивается, что многонациональный состав населения республики предполагает существование в рамках ее образовательной системы комплекса специфических национальных проблем образования от определения языка обучения до реализации целей воспитания на этнической, культурной основе. Одной из актуальных проблем остается эффективное развитие школ с преобладанием числа учащихся мордовской национальности. Для ее решения необходимо сохранение и развитие мордовского (мокшанского и эрзянского) языка как языка воспитания и обучения в системе общего образования; формирование этнокультурного и языкового самосознания учащихся; проведение олимпиад по мордовскому

(мокшанскому и эрзянскому) языку и литературе, истории и культуре мордовского народа; укрепление учебно-материальной базы национальной школы для совершенствования образовательного процесса; создание электронных учебников, учебно-методических пособий для преподавания мордовского (мокшанского и эрзянского) языка и литературы, истории и культуры мордовского народа; совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, работающих в школах с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения⁷.

В структуру учебного плана начальной школы входят инвариативная (федеральный компонент) и вариативная (включает региональный и компонент образовательного учреждения) части. В учебные планы образовательных учреждений Мордовии был введен региональный компонент (изучение эрзянского или мокшанского языка в начальной школе по 2 ч в неделю в 2—4-х классах). Изучение мордовского языка в начальной школе направлено на развитие языковой компетентности, коммуникативных умений, диалогической и монологической речи. Это способствует формированию речевых способностей, культуры речи, интереса к родному языку. Изучение литературы мордовского народа призвано расширить кругозор школьника, усилить интерес к чтению. Младшие школьники знакомятся с фольклором родного языка, лучшими произведениями детской национальной литературы⁸. Это помогает сформировать дружелюбное отношение к носителям другого языка на основе знакомства с детским национальным фольклором и доступными образцами национальной детской художественной литературы.

Кроме того, региональный компонент в начальной школе реализуется посредством факультативных, групповых и индивидуальных занятий. В большинстве школ республики для учеников младших классов действуют кружки, направленные на ознакомление с историей и культурой родного края в ходе бесед, сюжетно-ролевых игр, просмотра кинофильмов, творческих конкурсов, фестивалей, праздников, экскурсий и путешествий, туристско-краеведческих экспедиций, изучения вариативных учебных дисциплин.

Таким образом, можно утверждать, что в целях гармонизации межнациональных отношений в Республике Мордовия осуществляется реализация принципов этнокультурного

образования, заключающаяся во внедрении регионального компонента в учебные планы образовательных учреждений. Региональный компонент в начальной школе реализуется посредством изучения мордовского языка и деятельности кружков, направленных на изучение истории и культуры Мордовии. В начальной школе закладывается формирование первоначальных представлений о единстве и многообразии языкового и культурного пространства России, ее языке как основе национального самосознания, что способствует воспитанию, социально-педагогической поддержке становления и развития высоко нравственного, ответственного, инициативного и компетентного гражданина России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Образовательная программа муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 2». URL: http://www.schoolrm.ru/schools/sc2sar/about/standard_doc.php?ID=38497 (дата обращения: 24.10.2012).

² См.: Шестера Е.Г. Этнокультурное развитие младших школьников средствами этнографического объединения. URL: <http://io.nios.ru/index.php?rel=26&point=18&art=458> (дата обращения: 24.10.2012).

³ См.: Основная образовательная программа МОУ «Лицей № 31». URL: http://www.schoolrm.ru/schools/lic31sar/edu_process/curriculum.php (дата обращения: 24.10.2012).

⁴ Там же.

⁵ См.: Закон Республики Мордовия от 6 мая 1998 г. № 19-З «О государственных языках в Республике Мордовия» // Справ.-прав. система «Гарант-Профессионал».

⁶ См.: Комплексный план действий по гармонизации межэтнических отношений в Республике Мордовия на 2011—2013 годы // Справ.-прав. система «Гарант-Профессионал».

⁷ См.: Республиканская целевая программа развития образования в Республике Мордовия на 2011—2015 годы // Справ.-прав. система «Гарант-Профессионал».

⁸ См.: Учебный план I—IV классов МОУ «Средняя общеобразовательная школа с УИОП № 30». URL: http://www.schoolrm.ru/schools/sc30sar/edu_process/curriculum.php (дата обращения: 24.10.2012).

Поступила 25.04.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Obrazovatel'naja programma municipal'nogo obshheobrazovatel'nogo uchrezhdenija «Srednjaja obshheobrazovatel'naja shkola № 2». URL: http://www.schoolrm.ru/schools/sc2sar/about/standard_doc.php?ID=38497 (data obrashhenija: 24.10.2012).

² Sm.: Shestera E.G. Jetnokul'turnoe razvitie mladshih shkol'nikov sredstvami jetnograficheskogo ob#edinenija. URL: <http://io.nios.ru/index.php?rel=26&point=18&art=458> (data obrashhenija: 24.10.2012).

³ Sm.: Osnovnaja obrazovatel'naja programma MOU «Licej № 31». URL: http://www.schoolrm.ru/schools/lic31sar/edu_process/curriculum.php (data obrashhenija: 24.10.2012).

⁴ Tam zhe.

⁵ Sm.: Zakon Respubliki Mordovija ot 6 maja 1998 g. № 19-Z «O gosudarstvennyh jazykah v Respublike Mordovija» // Sprav.-prav. sistema «Garant-Professional».

⁶ Sm.: Kompleksnyj plan dejstvij po garmonizacii mezhjetnicheskikh odnoszenij v Respublike Mordovija na 2011—2013 gody // Sprav.-prav. sistema «Garant-Professional».

⁷ Sm.: Respublikanskaja celevaja programma razvitija obrazovanija v Respublike Mordovija na 2011—2015 gody // Sprav.-prav. sistema «Garant-Professional».

⁸ Sm.: Uchebnyj plan I—IV klassov MOU «Srednjaja obshheobrazovatel'naja shkola s UIOP № 30». URL: http://www.schoolrm.ru/schools/sc30sar/edu_process/curriculum.php (data obrashhenija: 24.10.2012).

T. N. Sukonkina. Regional Aspects of Ethno-Cultural Education in Elementary School in the Region

Problems in the tolerance breeding become especially actual in the conditions of the intense tension in the relations. Ethno-cultural education is aimed at the preservation and development of the variety of cultural values, norms, samples and forms of activity existing in the society and passing this heritage to the younger generation. Main ideas of ethno-cultural education should be taught not only on the advanced but also on the elementary level of education. It is school that teaches children the right presentation of multi-culture of the society and brings up the person capable of existing in different cultures.

The implementation of ethno-cultural education in the elementary school in the Republic of Mordovia by the example of the inclusion of the Erzya and the Moksha languages into the elementary school curriculum is considered in the article. Studying the Mordovian language in the elementary school promotes the formation of verbal activities, the culture of speech and interest to the native language. Implementation of main ideas of ethno-cultural education helps to develop friendly relation and tolerance towards different language speakers.

SUKONKINA Tatyana N., senior scientific officer of Sector of Social and Economic Programmes of Scientific and Research Institute of Regionology of Mordovia National Research State University.

**Н. И. НАУМКИН, ПЕДАГОГИКА СОТРУДНИЧЕСТВА
Н. Н. ШЕКШАЕВА, КАК ТЕХНОЛОГИЯ МЕТОДИКИ
В. Ф. КУПРЯШКИН, ОБУЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ
Е. Н. ПАНЮШКИНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ
ЛЕТНИХ НАУЧНЫХ
СТУДЕНЧЕСКИХ ШКОЛАХ¹**

Ключевые слова: национальный исследовательский университет, инновационная инженерная деятельность, компетентность, компетенция, летние научные школы, способности

Key words: national research university, innovative engineering activity, expert knowledge, competence, summer scientific schools, abilities

В статье проведение региональных летних научных студенческих школ рассматривается в качестве механизма реализации интегрирующей технологии обучения инновационной инженерной деятельности.

In the article organisation of regional summer scientific student schools is treated as mechanism for implementation of integrative technology for innovative engineering activity training.

Сегодня, когда Россия встает на инновационный путь развития, а национальная инновационная система обретает развитую инфраструктуру, никто не сомневается, что именно эти обстоятельства (в интеграции с модернизацией промышленности), обеспечат стране технологический прорыв. В этих условиях основной задачей высшей профессиональной школы России, особенно в системе инженерного образования, является подготовка специалистов к будущей

НАУМКИН Николай Иванович, заведующий кафедрой основ конструирования механизмов и машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор педагогических наук.

ШЕКШАЕВА Наталья Николаевна, преподаватель кафедры основ конструирования механизмов и машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

КУПРЯШКИН Владимир Федорович, доцент кафедры основ конструирования механизмов и машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат технических наук.

ПАНЮШКИНА Елена Николаевна, аспирант кафедры прикладной математики Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

инновационной инженерной деятельности (ИИД). Предлагаемая статья является развитием разработанной нами ранее методической системы формирования у студентов национальных исследовательских университетов компетентности в инновационной инженерной деятельности (КИИД) при обучении интегрированной дисциплине «Основы инновационной инженерной деятельности» (ОИИД) и направлена на повышение эффективности ее реализации.

Нами сформулирована гипотеза о том, что эффективность подготовки студентов к инновационной инженерной деятельности при обучении ОИИД повысится, если ее осуществлять поэтапно, с последующим увеличением сложности решаемых задач и углублением деятельностного компонента КИИД². Для доказательства этой гипотезы разработана модель, включающая целевой, концептуальный, содержательный, процессуально-технологический и релаксационно-диагностический компоненты (рисунок).

Рисунок. Схема педагогической модели поэтапного формирования КИИД

При реализации этой модели в качестве первого этапа (теоретического) начинается обучение ОИИД, которая включена в учебные планы подготовки бакалавров Национального исследовательского Мордовского государственного университета по всем инженерным направлениям обучения. В качестве второго (практического) этапа нами выбраны региональные летние научные школы студентов, аспирантов и молодых ученых.

Следует отметить, что летние научные школы имеют многолетнюю историю, проводятся многими ведущими вузами страны и могут различаться по статусу, виду, целям, времени проведения, форме, видам занятий и другим признакам. Первая школа проведена нами в 2001 г.³ Ее деятельность была направлена на реализацию государственного контракта по Федеральной целевой программе «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки». Необходимость ее проведения обусловлена вынужденным летним перерывом в цикле круглогодичной научной работы студентов. Она выступала в качестве особой формы проведения занятий, совмещающей активный отдых, интенсивное обучение. В 2012—2013 гг. проведены такие школы в рамках реализации Программы развития студенческих объединений «Студенческие объединения как креативная составляющая научно-образовательного процесса в национальном исследовательском университете»⁴.

Статус школы определяется возможностями организатора (органкомитета и вуза), а также уровнем значимости решаемых задач. Так, в работе наших последних школ принимали участие студенты (до 25 чел.) не только разных факультетов университета, но и других вузов Мордовии. Следовательно, они имели региональный статус. В перспективе рассматривается вопрос о проведении всероссийских школ по изучению методов решения нестандартных задач.

Вид (выездная, стационарная, радиальная, кольцевая и комбинированная) школы обусловлен материальными факторами, ее задачами и целью. Наши школы были частично комбинированными, так как проводились на одной из баз отдыха с организацией экскурсий на малые инновационные предприятия республики.

Целями проведения школ стали подготовка студентов к участию в третьем туре всероссийских олимпиад по механизации сельского хозяйства и теории механизмов и машин; развитие их творческих способностей. Основной целью школ 2012—2013 гг. была подготовка студентов к будущей профессиональной деятельности в условиях высокотехнологичных инновационных предприятий и на основе развития у них компетентности в КИИД в рамках погружения в творческую среду. Из каникулярного (летнего и зимнего), семестрового, календарного, периодического мы выбрали

каникулярное (летнее) время проведения как наиболее удобное для реализации поставленных целей. Формы и виды занятий определялись содержанием и видом реализуемых педагогических технологий, методов и методик обучения.

Особое внимание следует уделить процессуально-технологическому компоненту, который определяет успешность реализации модели. Этот компонент включает методы, формы и средства обучения⁵. В школах последних двух лет применялись традиционные методы обучения: информационный, иллюстративный, репродуктивный, поисковый, проблемный, исследовательский. Однако основное внимание уделялось проблемному, поисковому и исследовательскому методам, так как у слушателей школы в рамках учебной дисциплины ОИИД были уже сформированы в основном знаниевый, мотивационный, психологический и частично деятельностный компоненты КИИД⁶. При поисковом, проблемном и исследовательском методах студенты самостоятельно исследовали часть учебного материала и по выбранным ими методам и алгоритмам решения изобретательских нестандартных задач самостоятельно решали выбранную ими проблему. К используемым в предыдущей школе традиционным и инновационным формам обучения добавились индивидуальные занятия с руководителем, самостоятельная работа студентов (СРС) под руководством руководителя, СРС в составе команды и их комбинация.

Перечисленные методы и формы реализовывались в рамках ставшей уже традиционной деловой игры «Фирма», разработанной нами на основе инновационного метода обучения в команде и адаптированной к условиям школы⁷. Из группы студентов (6—7 чел.) самостоятельно организовывалась «фирма», работающая в течение всей школы, однако, в отличие от традиционной, управленческая работа осуществлялась не только во время учебы, но и во время участия в творческих конкурсах, спортивных и других мероприятиях. Основным этапом этой деловой игры была разработка охраноспособного результата интеллектуальной деятельности — изобретения, полезной модели, промышленного образца, товарного знака. Защита проекта проходила в форме презентации каждой «фирмы» перед группой экспертов и участниками других команд. Вначале слово предоставлялось директору, а затем каждому члену «фирмы», которые рассказывали о результа-

тах интеллектуальной деятельности, представляли разработанные инновационные продукты (фирменное наименование, товарный знак или знак обслуживания, изобретение, полезную модель, промышленный образец), раскрывали область использования и ожидаемый эффект. Все присутствующие могли задавать вопросы и принимать участие в обсуждении. По результатам защиты эксперты принимали окончательное решение (оформление заявки на патент, опубликование научной статьи, рекомендация к внедрению).

К традиционным средствам обучения в школе добавились фонды сценариев творческих конкурсов и спортивных мероприятий. Они были направлены на сплочение команды при решении поставленных задач, выявление лидеров, формирование умения быстро действовать и принимать решения и нести за них ответственность. Кроме того, творческие конкурсы способствуют развитию творческого потенциала студентов — основы ИИД.

В течение работы команд действовала накопительная система баллов (индивидуальная и командная), при этом каждый член команды нес ответственность за свои действия перед коллективом и за команду в целом в условиях необходимости обязательного принятия решения в экстремальных условиях (стрессовая ситуация, ограниченность времени, ответственность в принятии решения и т. п.). Это также является одним из основных мотивов активной, ответственной и результативной работы.

Невозможно в педагогической практике использовать какую-либо одну технологию, методику или методический подход к обучению. Необходима интеграция нескольких научно-методических теорий.

Опираясь на анализ дидактических особенностей обучения научно-техническому творчеству, Н. М. Анисимов указывает на необходимость проектирования системы обучения решению творческих задач на основе методического подхода, обеспечивающего наращивание социального потенциала, создание таких интеллектуально-коммуникативных условий творческой деятельности, в которых обучаемый получил бы возможность реализации деятельности, адекватной творческому характеру задачи⁸. Такая технология должна вобрать в себя положительный предшествующий опыт, соответствовать новому пониманию целей обучения

творчеству. Ученый предлагает технологию обучения инновационной и изобретательской деятельности, разработанную на основе психолого-педагогического подхода совместной продуктивной деятельности (СПД). Педагогическая стратегия СПД является развитием принципов активной деятельности личности обучаемого при взаимодействии и общении всех участников учебного процесса.

Несмотря на краткосрочность проведения мероприятия, повторение проведенного в 2012 г. педагогического эксперимента подтвердило эффективность реализуемой в школе методической системы обучения. Кроме того, она гармонизирует уровни владения всего спектра компонентов КИИД.

Таким образом, практика реализации летних научных школ показала, что, во-первых, на этапе обучения в летних научных школах наиболее полно можно сформировать компетентность в инновационной инженерной деятельности благодаря тому, что эта форма активного обучения совмещает активный отдых и интенсивное обучение. Во-вторых, создание образовательной среды для студентов летом эффективно не только для обучающихся, но и для региона в целом, так как молодежь — наиболее открытая и активная часть общества, привлечение ее к решению проблем развития региона позволяет вырабатывать новые идеи и механизмы их реализации. В-третьих, выбор в качестве второго (практического) этапа формирования КИИД региональных летних научных школ студентов, аспирантов и молодых ученых обеспечивает повышение эффективности подготовки студентов к инновационной инженерной деятельности. В-четвертых, повышение эффективности функционирования летних школ обеспечивается использованием в них интегрированной педагогической технологии, основой которой является педагогика сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках выполнения государственного задания, проект 53/18 – 12 «Формирование у студентов национальных исследовательских университетов компетентности в инновационной инженерной деятельности на основе погружения в инженерное творчество».

² См.: Наумкин Н.И., Шекшаева Н.Н. Поэтапное формирование компетентности в инновационной инженерной деятельности у студентов национальных исследовательских университетов // Материалы XII Междунар.

науч.-метод. конф. «Физическое образование: проблемы и перспективы развития», посвящ. 90-летию со дня рождения С.Е. Каменского: в 2 ч. М.: МПГУ, 2013. Ч. 2. С. 158—161; Шекшаева Н.Н. Методическая система поэтапного формирования у студентов технических вузов компетентности в инновационной деятельности // Современное машиностроение. Наука и образование: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.М. Радкевича и А.Н. Евграфова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 557—564.

³ См.: Наумкин Н.И. Опыт проведения региональных летних научных студенческих школ по механике // Региология. 2005. № 4. С. 159—165.

⁴ См.: Наумкин Н.И. Методическая система формирования у студентов технических вузов способностей к инновационной инженерной деятельности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 172 с.; Наумкин Н.И., Грошева Е.П., Купряшкин В.Ф., Шекшаева Н.Н., Панюшкина Е.Н. Летние научные школы — важный компонент подготовки студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности // Фундам. исслед. 2012. № 11. Ч. 1. С. 84—89.

⁵ См.: Наумкин Н.И., Грошева Е.П., Купряшкин В.Ф. Подготовка студентов национальных исследовательских университетов к инновационной деятельности в процессе обучения техническому творчеству. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 120 с.; Наумкин Н.И. Методическая система формирования у студентов технических вузов способности к инновационной инженерной деятельности // Наука и школа. 2008. № 6. С. 4—8.

⁶ См.: Grosheva E.P., Naumkin N.I. Motivation of innovative activity. URL: http://www.science-sd.com/pdf/2012/2/Grosheva.pdf?sd_com=63747f5da835775a419ef67a19a9dee5 (дата обращения: 16.08.2013); Наумкин Н.И. Интегрированная технология обучения общетехническим дисциплинам, обеспечивающая формирование у студентов способности к инновационной инженерной деятельности // Вестн. Волгоград. пед. ун-та. 2008. № 6. С. 66—69.

⁷ См.: Наумкин Н.И., Грошева Е.П., Купряшкин В.Ф., Шекшаева Н.Н., Панюшкина Е.Н. Летние научные школы ...; Наумкин Н.И., Грошева Е.П., Купряшкин В.Ф. Подготовка студентов национальных исследовательских университетов ...

⁸ См.: Анисимов Н.М. Технология обучения изобретательской и инновационной деятельности. М.: Прометей, 1997. 142 с.

Поступила 28.08.2013.

REFERENCES

¹ Osushhestvleno pri finansovoj podderzhke Ministerstva obrazovaniya i nauki RF v ramkah vypolneniya gosudarstvennogo zadaniya, proekt 53/18 – 12 «Formirovanie u studentov nacional'nyh issledovatel'skih universitetov kompetentnosti v innovacionnoj inzhenernoj dejatel'nosti na osnove pogruzheniya v inzhenernoe tvorchestvo».

² См.: Naumkin N.I., Shekshaeva N.N. Pojetapnoe formirovanie kompetentnosti v innovacionnoj inzhenernoj dejatel'nosti u studentov

nacional'nyh issledovatel'skih universitetov // Materialy XII Mezhdunar. nauch.-metod. konf. «Fizicheskoe obrazovanie: problemy i perspektivy razvitiya», posvjashh. 90-letiju so dnja rozhdenija S.E. Kamenskogo: v 2 ch. M.: MPGU, 2013. Ch. 2. S. 158—161; Shekshaeva N.N. Metodicheskaja sistema pojetapnogo formirovaniya u studentov tehniceskikh vuzov kompetentnosti v innovacionnoj dejatel'nosti // Sovremennoe mashinostroenie. Nauka i obrazovanie: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. M.M. Radkevicha i A.N. Evgrafova. SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta, 2013. S. 557—564.

³ См.: Naumkin N.I. Opyt provedeniya regional'nyh letnih nauchnyh studencheskih shkol po mehanike // Regionologija. 2005. № 4. S. 159—165.

⁴ См.: Naumkin N.I. Metodicheskaja sistema formirovaniya u studentov tehniceskikh vuzov sposobnostej k innovacionnoj inzhenernoj dejatel'nosti. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008. 172 s.; Naumkin N.I., Grosheva E.P., Kuprjashkin V.F., Shekshaeva N.N., Panjushkina E.N. Letnie nauchnye shkoly — vazhnyj komponent podgotovki studentov nacional'nyh issledovatel'skih universitetov k innovacionnoj dejatel'nosti // Fundam. issled. 2012. № 11. Ch. 1. S. 84—89.

⁵ См.: Naumkin N.I., Grosheva E.P., Kuprjashkin V.F. Podgotovka studentov nacional'nyh issledovatel'skih universitetov k innovacionnoj dejatel'nosti v processe obuchenija tehniceskomu tvorchestvu. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2010. 120 s.; Naumkin N.I. Metodicheskaja sistema formirovaniya u studentov tehniceskikh vuzov sposobnosti k innovacionnoj inzhenernoj dejatel'nosti // Nauka i shkola. 2008. № 6. S. 4—8.

⁶ См.: Grosheva E.P., Naumkin N.I. Motivation of innovative activity. URL: http://www.science-sd.com/pdf/2012/2/Grosheva.pdf?sd_com=63747f5da835775a419ef67a19a9dee5 (дата обращения: 16.08.2013); Naumkin N.I. Integrirovannaja tehnologija obuchenija obshhetehniceskim disciplinam, obespechivajushhaja formirovanie u studentov sposobnosti k innovacionnoj inzhenernoj dejatel'nosti // Vestn. Volgograd. ped. un-ta. 2008. № 6. S. 66—69.

⁷ См.: Naumkin N.I., Grosheva E.P., Kuprjashkin V.F., Shekshaeva N.N., Panjushkina E.N. Letnie nauchnye shkoly ...; Naumkin N.I., Grosheva E.P., Kuprjashkin V.F. Podgotovka studentov nacional'nyh issledovatel'skih universitetov ...

⁸ См.: Anisimov N.M. Tehnologija obuchenija izobretatel'skoj i innovacionnoj dejatel'nosti. M.: Prometej, 1997. 142 s.

N. I. Naumkin, N. N. Shekshaeva, V. F. Kupryashkin, E. N. Panyushkina. Pedagogics of Cooperation as Technology for Innovative Activity Training Methods in Regional Summer Scientific Student Schools

The article is the continuation of the earlier developed by the authors methodological system for the formation of national research university students competence in innovative engineering activity in the framework of studying integrated discipline «Foundations of Innovative Engineering Activity» and aimed at its implementation efficiency increase. The hypothesis that the

efficiency of students preparation for innovative engineering activity increases if it is implemented stage by stage with the consequent intensification of the complicity of the problems solved with the extension of the activity component in the innovative engineering activity lies in the base of the research. A pedagogic model including the purpose, conceptual, meaningful, process-technological and relax-diagnostic components has been developed.

Studying the above named discipline is the first (theoretical) stage in the implementation of this model. Regional summer scientific student schools, post-graduates and young scientists are the second (practical) stage. The practice of these schools organisation showed that at the second stage of the process it is possible to most fully develop the competence in the innovative engineering activity due to the fact that this form actively combines active leisure and intense education. The choice of summer scientific schools as the second stage in innovative engineering activity formation provides efficiency increase in the preparation of students for innovative engineering activity. Summer schools functioning efficiency increase is provided with the application of integrated pedagogic technology based upon the cooperation pedagogics.

NAUMKIN Nikolay I., Head of Chair of Foundations of Mechanisms and Machines Design of Mordovia National Research State University, doctor of pedagogic sciences.

SHEKSHAeva Natalya N., lecturer of Chair of Foundations of Mechanisms and Machines Design of Mordovia National Research State University.

KUPRYASHKIN Vladimir F., assistant professor of Chair of Foundations of Mechanisms and Machines Design of Mordovia National Research State University, candidate of technical sciences.

PANYUSHKINA Elena N., post-graduate of Chair of Applied Mathematics of Mordovia National Research State University.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

27 июня 2013 г. в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете проведен круглый стол «Методология науки: проблемы и перспективы развития». В его работе приняли участие ученые из Москвы, Киева, Саранска, Самары. В центре их внимания оказались проблемы современного этапа развития научного знания, а именно: определение приоритетов в развитии науки и ее методологии. Вниманию читателей предлагается изложение этих выступлений.

В. А. Писачкин,
заведующий кафедрой методологии науки
и прикладной социологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор социологических наук, профессор

Интеграционность науки и методологическая компетентность

Методология науки как учение о методах научного познания представляет собой особую форму научно-теоретического осмысления познавательной деятельности и выражает сложно структурированную систему рефлексивного знания. Она состоит из трех уровней методологического знания: философской методологии, общенаучной методологии, конкретно научной методологии. В практике научно-исследовательской деятельности эти уровни интегрируются в целостный универсум методологического сознания, которое выступает в качестве особой формы общественного сознания в единстве с множеством сознаний специального плана.

Методологическое сознание становится важной интеграционной формой рефлексивного осмысления познавательных действий в науке. Философско-методологическая рефлексия отражает реальные факты интеграции средств и возможностей философии, методологии и логики науки для решения познавательных задач. Поскольку конкретные науки дают эмпирический материал, на который опирается методология

при анализе структуры теоретического знания, то методология ориентируется на высокоразвитые в теоретическом отношении научные дисциплины. В структуре методологического сознания основное место занимает праксиология, выражающая операциональный и деятельностный аспект. Философия науки ориентирована на социокультурный аспект взаимодействия жизнедеятельности общества и науки. Последняя исследуется комплексом дисциплин социального блока: социологией науки, науковедением, прогностикой, эвристикой, коммуникативистикой.

В широком смысле современное понимание методологии трактуется в качестве формы осмысления предпосылок средств и методов рациональной оптимизации познавательной, преобразовательной и коммуникативной деятельности. При этом методология оказывается способом формирования методологического сознания науки. Это сознание становится активным компонентом производства знания. На определенном уровне общности стандартных методологических представлений смена критических оценок ведет к изменению всего общепринятого концептуального аппарата методологии, который «направляется на оценку корректности методологических предпосылок данного конкретного фрагмента знания»¹.

Применительно к практике человеческой деятельности методология научного исследования связана с выбором методов исследования. Важными моментами методологии являются уточнение целей и задач исследования, корректировка проблемы и критериев оценки ее решения, выявление механизмов взаимодействия различных форм знания и т. д. Сама методология предстает во всей полноте ее критико-рефлексивных функций.

Методологическое сознание тесно связано с методологическим мышлением и методологической компетентностью, отражающей индивидуальный уровень сознания и его деятельную сторону. Компетентность означает обладание знанием и опытом, позволяющим судить о предмете по специальности в рамках отрасли научных дисциплин. Обращая внимание на роль методологического мышления, П. Г. Щедровицкий говорит о методологическом проекте, методологизации как подходе. Компетентность представлена им как некая рамка или черта принятия решения, а все остальное — как подготовка к этому².

Методологическая компетентность в научно-исследовательской деятельности стала объектом интенсивных исследований. Их результаты показывают, что методологическая компетентность включает методологические знания, творческие способности, исследовательские умения и навыки, внутреннюю мотивацию к занятиям научно-исследовательской деятельностью.

Компетентностный подход прочно вошел в современные технологии подготовки научных исследователей в вузах. Предлагаются различные модели развития методологической компетентности у исследователей на разных этапах их обучения. Эти модели включают структурные элементы, соответствующие различным этапам подготовки специалистов (бакалавров, магистрантов, аспирантов) для выполнения ими научных исследований. Например, в качестве научно-методологической компетентности магистрантов принято выделять способность к проектировочной, технологической и рефлексивной деятельности по решению широкого аспекта научных проблем и практических задач, связанных с конкретной проблемой.

Интеграционный потенциал кандидатского экзамена по истории и философии науки реализуется в процессе структурного оформления содержания программ, композиции разделов, конструкции вопросов в континууме основных содержательных элементов, а также в процессе подготовки аспирантов и соискателей к экзамену и в ходе выполнения процедурных норм. Реализация модуля направлена на формирование научно-методологической компетентности аспирантов, развития у них навыков философской и общенаучной аналитики и готовности выполнять творческие исследования в рамках квалификационных работ и в других формах научной самореализации³.

В материальном воспроизводстве компетентностный подход предполагает опору на максимальную мотивированность и стимулированность продуктивной деятельности. В духовном воспроизводстве он нацелен на создание благоприятной среды для максимальной самореализации членов общества; в политико-гражданском воспроизводстве — на создание условий максимальной вовлеченности граждан в общественную жизнь страны, своего региона или муниципалитета, на привлечение их к участию в общественных делах и раз-

витие у них культуры волеизъявления; в экзистенциальном воспроизводстве — на создание условий для максимальной самоудовлетворенности членов общества полнотой и глубиной их существования.

В современных условиях обеспечение прогрессивного развития общества невозможно без активного расширения инновационной сферы науки. Важным условием для решения этой задачи служит научно-методологическая компетентность ученых и научно-исследовательских коллективов, способных и подготовленных к научному поиску и успешной интеллектуальной деятельности, а также нацеленных на инновационный прорыв в творческой и практической самореализации. Выполнять эту роль надлежит научным кадрам новой формации, состоятельному научному сообществу развитого общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пружинин Б.И. Методологические исследования науки: историко-типологический очерк // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М.: «Канон» РОИ «Реабилитация», 2007. С. 16.

² См.: Щедровицкий П.Г. Роль методологического мышления в становлении современных «сквозных» («пронизывающих») компетенций и капитализации человеческих ресурсов. URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/65> (дата обращения: 29.08.2013).

³ См.: Писачкин В.А. Интеграционный потенциал кандидатского минимума по истории и философии науки // Интеграция образования. 2012. № 4. С. 14.

В. В. Ильин,

профессор кафедры философии
Московского государственного университета,
доктор философских наук

Проблема демаркации: гносеология versus социология

Гносеологическая проблема демаркации решается двояко. В первом случае вводятся основания, противопоставляющие мир науки миру ненауки как порядки мыследеятельности (внутренняя непротиворечивость, потенциальная опытная проверяемость, рациональность, каузальность, воспроизводимость, интерсубъективность). Здесь задается водораздел научного подхода и подхода, не способного претендовать

на научность (проскория, профетизм, шарлатанство и т. п.). Во втором случае вводятся основания, позволяющие квалифицировать нечто как науку в пределах конкретных хронотопов. Здесь задается водораздел того, что реально относится к темпомиру науки, и того, что к нему не относится (однако в потенции способно к нему относиться); учитываются разрешающие возможности эмпирического, теоретического, операционного базисов, Н-существования, постулатов значения, горизонтов истолкования, презумпций языка, пресуппозиций понимания. Учитываются также средства, которыми располагает ум для налаживания систематического познавательного процесса.

Научность не задается лишь терминами науки. Если взять в расчет роль базисного сознания, то правильно полагать, что научность как гносеологический признак складывается как социально-эпистемическое резюме на стыке мира знания и мира жизни в виде предмета базового консенсуса.

Наука, научность, мир знания, ratio черпают «последние» ответы в ненауке: социокультуре, убежденностях *Lebenswelt*, определенность которых видоспецифицирует характер фаций («круги», «*vis dormitativa*», «симпатия — антипатия» и т. п.). Инкорпорируясь в знание через фации, комплексы-достоинства социокультуры утрачивают «внеаучную» генеалогию. Таков принцип наименьшего действия, транслированный в физику из метафизики (телеологии) и ставший внутренним регулятивом изысканий — принципом «простоты»¹. В научном опыте — простота, в художественном — гармоническая грациозность, движение с наименьшей затратой сил, максимальной целесообразностью в действиях.

Порочный круг Т. Куна: парадигма — система взглядов научного сообщества, научное сообщество (консолидировано парадигмой) ликвидируется социально-эпистемически — развертыванием социологической модели знания. Разделяющее парадигму научное сообщество есть множество лиц, запечатлевающих на скрижалях истории единые принципы мировидения. Это использование специфических скрытых допущений; причастность базовому значению; восприятие, трактовка заключенных в ситуациях возможностей; рельеф интеллектуальной атмосферы; характерная темперированность онтологии.

Ввиду орбитальности мысли лишенный возможности высветиться над собственной фантазией человеческий разум есть представитель типа, от которого выступает фация. С этой точки зрения научное знание — не название разряда, области, занимающей необозримую когитальную нишу. В этом смысле научное знание — обозначение чего-то узкого, сосредоточенного в фации.

Фациальный подход снимает идею универсальной демаркации науки и ненауки (как и идею абсолютности признаков всеобщности, необходимости). Понятие науки устанавливается в пределах фации. Нечто совокупно-сквозное, удерживаемое в фациях относительно науки отличает не знание, а регулятивные интенции социокультуры по поводу символического образа знания и принципов его преобразования в познавательном опыте.

С позиций фациального подхода понятие науки вводится не как застывшая форма, а как амальгама подвижных социально-эпистемических представлений, диспергированных до понятия разрядов науки (неофиты — типаж веры, институционализированное знание, первопроходчество-пионерство).

Такая трактовка оптимизирует толкование рациональности науки и переносит акценты со знания на функциональные деятельности ниши. Прав С. Тулмин, настаивая, что рациональность — атрибут не конечного результата, а пути, к нему ведущему, т. е. деятельности².

Если говорить о фациальном единстве науки, следует акцентировать внимание на наличие согласованности мировосприятия поколений, исследовательских групп — некоем базовом консенсусе. Скажем: есть каузальность, но нет детерминизма и индетерминизма.

Сказанное дополнительно нюансирует тему «универсальность науки». Всеобщность, необходимость знания — дериваты не столько логизации, сколько социализации. Социально-эпистемическая транскрипция данных признаков — внутренняя тождественность, когерентность фигур мысли, выстраивающей сценарии мирового порядка: по части онтогенетики — фундаментальная сходность, коренящаяся в типологичности предпосылок символического конструирования реальности; по части чувственности — общность реальности, опосредованной «сравнимым чувственным опытом»; по части когнитивности — каноничность мыслеобразов мира.

Реальность когитально впаяна в начала, социальные по своей природе. Гиперболизация указанного, естественно, влечет гримасы социологизирования знания под эгидой социологического конвенционализма, релятивизма, нигилизма, скептицизма. Освобождение от последнего — понимание предметности, во-первых, чувственности (она отнесена к объектам действительности, высокий адаптивный статус сенсорики предопределяет проецируемость на эмпирическую интерпретацию абстрактных образов); во-вторых, непустоты санкционируемых фацией когниций, отнесенность которых к объектам действительности удостоверяется процедурой исключения. С еще большей силой стремление связать символические формы с *status rerum* проявляется в тенденции конструировать претендующие на достоверность теории на обобщенных фактах. Например, «главные постулаты термодинамики основаны на невозможности вечного двигателя. Механика основана на осознанном законе инерции. Кинетическая теория газа основана на эквивалентности тепла и механической энергии, специальная теория относительности — на постоянстве скорости света... Относительность по отношению к равномерному прямолинейному движению есть опытный факт»³.

При этом входящие в состав фации теории эвристически не едины. Уместна аналогия с популярным центром и непопулярной периферией (теория относительности Эйнштейна и релятивистская теория гравитации Логунова). Фация как набор образцов рассуждения, схем понимания представляет замкнутый контур, стягивающий на себя силовые линии мыслеобработки реальности. Между тем в познании, в отличие от физической природы, где тела любой массы и состава движутся одинаково при одинаковых начальных условиях, перманентно намечаются новые возможности.

Проблема рациональности науки не имеет всеобъемлющего решения. Для статического разреза рациональное конституируется регулятивным интервалом фации. Для динамического рациональное конституируется инвариантным моментом изменений фациальных регулятивных интервалов. Современная фациальная ситуация допускает объяснение избыточной величины массы во Вселенной предположением «темной материи». Одно неясное истолковывается другим еще более неясным. Рациональность приема «неизвестное

науке через неизвестное, но допустимое в социокультуре», удовлетворяющего общему когнитивному месту решать пограничные (конечные) проблемы апелляцией к базисному знанию, несомненна. Однако рациональность может растрчивать и утрачивать такое свое качество в новом фаціальном интервале, где концепты «избыточная масса», «темная материя» в качестве нерациональных недоразумений могут быть объявлены ненаучными. Трансценденталистская гносеология концептуализирует знание «вообще», высказывается в подобном ключе и о его рациональности. Суть дела состоит в том, что рациональность эксплицируется в интервалах фаций. Познаватель предпринимает лишь шаги, санкционированные фацией.

Истина требует «безусловной» реальности и «безусловной» разумности⁴. О такой истине, такой разумности, получаемых незаведомым образом, высказываются в «идеальном курсе» гносеологии. В гносеологии текущего познавательного процесса невозможно установить (ибо нет «заднего числа»), что именно в знании корреспондирует «безусловной реальности» и «безусловной разумности».

Головоломность коллизии состоит в том, что наличный строй мысли не может в отношении самого себя ввести критериологию рационального. Разрешено все, что не запрещено. Но мы не знаем полного списка запретов. По этой причине квалификация «рациональное — нерациональное» с должным правом вводится *post factum*. Иная тематизация сюжета влечет апологетическую, репрессивную платформу бытия знания. Если, подобно политической элите, научная элита начинает от идеала рационального непосредственно определять, что «должны учить наши дети, в каком случае человек может считаться полезным членом общества, что... можно есть, как... можно жить»⁵, разворачивается эпистемологически индуцированная колонизация.

Мир мысли обслуживает мир жизни, но не подчиняет его. Противоядие тлетворному сциентистскому насилию — здоровая критика, аналитика, склоняющая к развенчанию рациональной самоисключительности того или иного сценария науки (образа знания). По мере прогресса культуры развитие вытесняет принуждение. По этой причине важно не столько устанавливать запреты, сколько поощрять снимающие их рассуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 2010. С. 91.

² См.: Toulmin S. From form to function: Philosophy and history of science in the 1950's and now // *Daedalus*. Cambridge (Mass.). 1977. V. 106. № 3. P. 133.

³ Холтон Д. Тематический анализ науки. М., 1981. С. 85.

⁴ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. М., 1980. С. 305.

⁵ Feyerabend P. In defense of Aristotle: Comments of the Conditions of content increase // *Progress and rationality in Science*. N. Y., 1978. P. 170—171.

А. А. Гагаев,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Рузаевского института машиностроения (филиала)

Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук, профессор

П. А. Гагаев,
заведующий кафедрой филологического образования
Пензенского института развития образования,
доктор педагогических наук, профессор

Антропологическая субстратная составляющая фундаментальной социологической теории в модели воспитания и образования

В современном обществе языково-речевая функция заменяется активной работой на клавиатуре и упрощенной моделью речи в алгоритмических языках компьютера и Интернета. Следствием этого являются, во-первых, уменьшение активности орбитофронтальной и префронтальной коры головного мозга, отвечающей за интеллект и принятие решений в ситуациях, когда нет предварительного опыта решения задачи¹.

Во-вторых, сворачивается объем кратковременной рабочей памяти ОКРП, замедляется развитие долговременной рабочей памяти (ОДРП). Это делает невозможным реализацию функций обучаемости и развиваемости, замедляется развитие. Сокращение часов в обучении ведет к слабому развитию, а заторможенный тип интеллекта наследуется, вызывая деменцию (приобретаемую глупость и идиотизм в биологическом смысле) в последующих поколениях. Вероятно, сворачивается синтез белка, ответственного за долговремен-

ную память. Именно поэтому 60 % школьников заявляют, что вообще не имеют способности к обучению. Неспособность к обучению усиливается дезориентацией при выборе специализации обучения. Их выбирают не по способностям, а по доходу родителей, поэтому 70 % обучаются профессиям, к которым у них нет способностей. 80 % выпускников работают не по специальности.

В-третьих, в отсутствии необходимого объема устной речи деградируют 9, 44, 45, 46 зоны Бродмана (сосредоточение внимания на комплексной информации, необходимой для решения насущных задач). Деградирует зона Брока (44 и 45 зоны Бродмана), или участок отвечающий за язык, речь и понимание лингвистической информации².

В-четвертых, деградация лингвистического и понимающего центра вызывает деградацию активности, ростральной части гипоталамуса (МПО), отвечающую за отношения сострадания-сорадования и любви, а также вентромедиальной префронтальной коры (ВПМК), отвечающей за чувства стыда, вины, такт, сострадание и сорадование. Иными словами, формируются люди без какой-либо совести, стыда и ограничений, сострадания к другим.

В-пятых, сворачивание языково-речевой функции, функций обучаемости и развития, торможения мышления вызывает падение симметричности активности систем: падает активность хвостатого ядра мозга (обсуждение интереса общей пользы); растет активность скорлупы мозга (эффективность принятия решения на рациональной корыстной основе); падает активность коры островка (мера справедливости-несправедливости). Формируется человек без сострадания, стыда и благоговения, справедливости³.

В-шестых, по всей видимости, сворачивание на лингвистической основе разнообразия получаемой информации (и специализация) уменьшает синтез и активность аллели 7R гена DRD₄⁴.

В-седьмых, лингвистическая деградация интеллекта (вербального интеллекта в целом) ведет к деформации — стрессовому характеру в обучении. Сама жизнь вызывает стрессовые формы жизнедеятельности (дистресс), что, вероятно, разрушает синтез дофамина, систем, отвечающих за удовольствие, боль, страх, и вызывает разогласование дофаминовых рецепторов D₁ и D₂, окситоциновой и вазо-

прессиновой систем. Это развивает неверность супругов, беспринципность в людях, невосприятие истины.

Разогласование дофаминовых рецепторов уменьшает способность учиться на ошибках в условиях развития злобного и силового мышления, хотя обучение на успехах имеет место (жажда успеха). Растет число людей, у которых количество дофаминовых рецепторов снижено на 30 %. Эти люди и народы утрачивают здравый смысл и способность обучаться на элементарных и исторических ошибках.

Это структура естественного отбора, который разрушен социальным отбором на основе частной собственности, власти и иерархии. Это относится в основном к Западу и России. На Востоке пока еще естественный отбор доминирует над социальным. На Западе количество открытий на одного человека ежегодно сокращается, что является следствием частной собственности, власти и модели деградирующего образования и воспитания.

Это и есть процесс формирования вида *Homo debilis* как эволюционной ошибки, исправление которой состоит в вымирании рас, этносов и вида *Homo sapiens*. Необходимо формирование синтетического фундаментального интеллекта, который был у человека 50 тыс. лет до н. э. Он мог самостоятельно обучаться и перестраиваться. За счет сокращения часов и специализации выпускают работников, которые не могут перестраиваться. Между тем обновление знаний происходит на 100 % за 5 лет. Поэтому готовить специалистов под определенные производства и технологии — огромная стратегическая ошибка власти. Следует увеличить количество лет обучения (до 6—7) и развивать литературный язык как основу формирования вербального интеллекта, стимулирующего развитие общего, специального и этнического интеллекта. Этнификация образования будет оптимизировать эволюционный процесс и отбор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Марков А. Эволюция человека: в 2 кн. М.: Астрель: CORPUS, 2012. Кн. 2. 512 с.

² Там же. С. 66, 158, 159.

³ Там же. С. 383.

⁴ Там же. С. 217.

П. Н. Киричѳк,
заведующий кафедрой культурологии
и социальной коммуникации
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор социологических наук, профессор

Интеграционные аспекты методологии наук

В методологии науки, искусственно разделенной на составные части, произошел разлом. Попытки снова ее интегрировать успеха не достигают: новая управленческая элита, поклоняясь экономическому «божеству», отодвигает на задворки гуманитарные науки, в том числе «королеву» общественных наук — философию и «вице-королеву» — социологию.

Сегодня в отрасли социального воспроизводства активно внедряется «экономикоцентризм» либерально-фундаменталистского толка, уже признанного в мире вчерашним днем. Однако его псевдоцифирные кальки настойчиво прилагаются к науке и образованию, когда с вузов и исследовательских институтов требуют прибыльных доходов как с производственных или коммерческих обществ. Этим сферам навязывают нового лидера, отодвинув на задний план старейшие университеты страны в Москве, Казани, Санкт-Петербурге. На место лидера продвигают иной вуз — Высшую школу экономики. По разработанным в ней экспертным стандартам сотни российских вузов, в основном гуманитарного профиля, недавно признаны неэффективными и подлежащими слиянию либо закрытию.

Между тем К. Леви-Стросс сказал: «Или XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет вообще». Это не пророчество, а серьезное предостережение для тех, кто хочет поменять давно сложившуюся иерархию наук, их роль в продвижении общественного прогресса. Интеграл в методологии отечественной науки должен остаться прежним. Это «стык» основ социальной философии и теоретической социологии, которые смыкаются и взаимно «опыляют» друг друга. При этом образуются новые научные векторы, позволяющие существенно модернизировать прежний содержательно-технологический набор исследований. Имеются в

виду вышедшие из философско-социологического симбиоза коммуникология и информатиология. Тем более, что проблем в сфере коммуникации и информации в России достаточно.

Речь идет о представленности основных социальных групп страны или региона в наиболее популярных СМИ. С одной стороны, отдельные группы населения выступают в качестве субъектов общественного мнения, с другой — представители различных слоев населения выступают «героями» публикаций.

Мы провели экспресс-замер представленности информационных интересов граждан Республики Мордовии (независимо от их имущественного положения) в 5 наиболее тиражных местных газетах¹ и составили информационно-представительскую карту регионального социума. К сожалению, картина по итогам исследования сложилась весьма далекая от номиналистских предписаний Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, подписанной президентом страны в 2003 г. По четырем из пяти выборочно взятых социальных групп (всего изучались 12 общностей) наблюдается катастрофический «недобор» информационной обеспеченности: работники сельского хозяйства (индекс — -10,7); промышленности, строительства, транспорта (-17,7); безработные (-36,0); работники малого предпринимательства и бизнеса (-14,5). Только у аппарата управления (государственных служащих) нет в этой области проблем (+10,3).

Таким образом, в обществе появляется (наряду с имущественным) новый вид неравенства — информационный, уводящий на «спираль молчания» огромные массы людей, непосредственно участвующих в создании ВВП и содержащих на своих плечах всю пищу, снимающую и говорящую братию.

Как правило, «недодача» народу возможностей информационного общения в массовой коммуникации рано или поздно компенсируется «перебором» митинговых его вариантов. Если большие массы людей молчат в прессе, лишенные такой возможности, значит, они говорят на кухне, причем отнюдь не лицеприятные в адрес власти вещи. Со временем отторгнутые от публичной сферы массы людей могут, как это не раз бывало на Руси, перевести свою полуподпольную «говорильню» в открытый социальный протест.

Не менее важной проблемой является качество потребляемой и используемой социально значимой информации. От него зависит качество общения и поведения масс людей. Каждое общество дает, помимо основных продуктов цивилизации, их побочные аналоги. Информационное общество не является исключением. Оно выдает в социальную среду в виде побочного продукта асимметричную информацию, причем в таком количестве-качестве и не заметить которое способен лишь слепой. Например, по современному медиасодержанию, доминирующему в российском информационном пространстве, для того чтобы хорошо жить на уровне бытия, не надо хорошо трудиться и блюсти высокую мораль.

Асимметричная информация связана с прямой или косвенной дезориентацией индивида, группы, общества, что неизбежно оборачивается снижением порога возможностей граждан к самосохранению и развитию. В потенциале «асимметричной информации» заложено мощное конфликтогенное начало, способное вызвать системный кризис. Она противодействует закону ментальной идентичности, который выражает объективную необходимость соблюдения требований менталитета социума с помощью механизма идентичности.

Вопреки этой необходимости в информационном пространстве страны происходит обратный процесс за счет растущего импорта зарубежной информации и снижающегося экспорта отечественной. Об этом свидетельствует положение дел в области художественной информации, обладающей самыми сильными проникающими свойствами: по итогам проведенного нами в 2011 г. контент-анализа еженедельных программ на 11 основных каналах кабельного телевидения (Россия, Первый канал, ТВЦ, НТВ, Культура, СТС, РенТВ, ТНТ, ТВ-3, ДТВ, Домашний) доля отечественных кинофильмов составляет 41,1 %, зарубежных — 57,4 %.

Асимметричная информация провоцирует сбои в коммуникационных линиях и создает аварии в управленческих системах, как это произошло при реализации закона о монетизации льгот и при осуществлении государственной административной реформы. В обоих случаях власть преследовали неудачи, поскольку ее действия сопровождалась асимметричной информацией, выстраивавшейся по принципу содержательной недоговоренности и коммуникативной недостаточности.

Асимметричная информация образует в повседневной жизни личности устойчивый дисбаланс между «биогенезом», «социогенезом» и «психогенезом». Влияние этой информации на человека происходит точно или избирательно. Асимметричная информация в основном педалирует либо «бионачало» в человеке, отправляя его вниз по лестнице эволюции, либо «психоначало», сублимируя жизнь человека до нормострессового состояния, в котором до суицида остается лишь шаг.

Спасти от информационного хлама можно, если вовремя включить механизмы системы информационно-коммуникативной безопасности, построенной на фундаментальных основах социальной философии и теоретической социологии. Это даст возможность адсорбировать качество циркулирующей в обществе информации, поставляемой во все его ниши. Соответствующие технологии слежения и контроля в гуманитарной науке разработаны. Ничего общего с цензурными началами они не имеют. Нужны лишь стимулы к внедрению этих технологий в систему государственного управления.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Методом экспресс-анализа изучались газеты «Известия Мордовии», «Единая Россия», «Вечерний Саранск», «Республика молодая», «Сударыня» (январь — март 2010 г., всего около 700 публикаций).

А. А. Сычев,
профессор кафедры философии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук

Философско-методологические основания интегративного подхода¹

Представление о целостности мира — фоновая интуиция человека, сформированная задолго до попыток рациональной интерпретации действительности. Эмансипируясь от философии, наука постепенно отказывалась от наиболее общих онтологических рассуждений и сконцентрировала внимание на анализе отдельных секторов, срезов и проявлений бытия: законов развития материального мира, способов лечения, методик обучения и т. д.

Одной из предпосылок кризиса классической науки стало осознание того, что механистическое описание каждого элемента мира в изоляции от других элементов не позволяет объяснить ряд процессов, происходящих в мире и сам мир в целом. В результате неклассическая наука начала рассматривать вещи в их многообразных связях друг с другом и признала необходимость учитывать положение субъекта познания при интерпретации результатов исследований. На постнеклассическом этапе развития науки стремление к целостности становится сущностным, конституирующим свойством. Методологической основой такого анализа стал интегративный подход, в фокусе рассмотрения которого находятся способы возникновения новой целостности из разобщенных и разнородных элементов, а также пути повышения уровня упорядоченности и организованности уже существующих систем. В рамках этого подхода интеграция понимается как процесс выстраивания сущностных связей между различными элементами, ориентированных на целостность как на результат.

Между частями целого существует не простая суммативная зависимость, а система разнородных связей: горизонтальных, вертикальных, структурных, генетических, функциональных, каузальных и следственных. В этом случае любой объект может рассматриваться как часть и как целое, т. е. с точки зрения его положения в системе, элементом которой он является, и с точки зрения его внутренней структуры.

Онтологической основой интегративного подхода выступает принцип холизма, гласящий, что целое всегда есть нечто большее, чем механическая сумма его частей. На каждом новом уровне интеграции проявляется нечто качественно новое, возникшее в результате соединения разрозненных некогда частей и отнюдь не выводимое из их первоначальных свойств. Гносеологической основой интегративного подхода служит ориентация на согласованность как на критерий истинности. Это предполагает создание такой интерпретационной модели, которая могла бы обеспечить взаимную согласованность всех имеющихся данных.

С процессуальной точки зрения интеграция проходит в несколько этапов. Первоначально формируются связи между элементами, затем упраздняются границы между ними. Далее происходит их частичное взаимопроникновение. После

этого элементы теряют старые (индивидуальные) свойства, сближаются, а возникшее целое приобретает новые качества.

Интегративная направленность современной науки проявляется себя в ряде конкретных, тесно связанных процессов. В первую очередь сама наука активнее внедряется в технику, производство, образование. Внутри науки стираются дисциплинарные границы, и с учетом картин мира формируется целостная научная картина мира. Происходит взаимопроникновение элементов различных наук — понятий, теорий, методов и т. д. В ряде передовых областей науки наблюдается взаимное сближение естественно-научного и гуманитарного знаний. В этом контексте предполагается, что интегративные исследования обладают рядом общих характеристик: прикладной направленностью, проблемной ориентированностью, междисциплинарностью, необходимостью учета гуманитарных и экологических последствий применения новых знаний и т. д.

Так как всякая сложная проблема имеет множество уровней проявления, самым плодотворным путем ее изучения является сотрудничество представителей разных наук. В ходе такого сотрудничества расширяются и формируются новые границы традиционных дисциплин. Как правило, оригинальные теории возникают не в «ядре» научно-исследовательской программы, а на «периферии» дисциплинарного знания, на междисциплинарных границах науки.

В этом аспекте особо значимо взаимное движение социально-гуманитарных и естественно-технических наук друг к другу. Интегративный подход ориентирован на достижение баланса между науками, когда уровень гуманитарного развития общества соответствует его техническим возможностям, а технологии ориентированы на расширение творческих возможностей человека.

Интегративный подход связан с гуманитаризацией науки, поскольку высшей формой целостности является человек как сложное социобиологическое существо, а его комплексное изучение представляет собой основу для решения глобальных проблем. Именно благо и качество жизни человека являются целью любой науки независимо от ее положения в классификации знания.

В рамках интегративного подхода современная наука возвращается к целостному и всестороннему восприятию

мира, которое было характерно для философии в первый, наиболее ранний, период ее развития. Однако это возвращение проходит на качественно новом уровне. В процессе своего развития наука совершила полный герменевтический круг: изучив видимые проявления Космоса, философия сформулировала понятие бытия как единого. Далее наука углубила понимание его частей. Сегодня, обладая знанием о диалектике целого и части, мы имеем возможность переформулировать свои представления о мире, т. е. сконструировать мировоззрение, адекватное качественно новому состоянию человечества.

Очевидно, что для успешной выработки нового мировоззрения наука должна изучаться как составная часть социокультурного целого, а интеграция в сфере науки должна рассматриваться в контексте объединительных процессов во всех сферах жизни общества. В их числе следует назвать межэтническую консолидацию, диалог культур, международное сотрудничество и т. д. Важной задачей философии науки при этом становится теоретическое обоснование и методологическое обеспечение этих и подобных им интеграционных процессов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выступление подготовлено при поддержке РГНФ и Правительства Республики Мордовия (грант № 12-13-13002).

Ф. А. Айзатов,
профессор кафедры социально-экономических дисциплин
Саранского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации,
доктор философских наук

Особенности современной методологии

Одним из направлений теоретической рефлексии стала этнометодология, использующая философские построения и обобщения теории личности и действия, а также делающая их исходной точкой анализа общества. Одной из ее главных черт стало понятие «феноменологическая редукция», смысл которого состоит в имплицитном предположении о том, что мир вокруг нас есть творение нашего сознания.

Конечно, внешний мир существует объективно, но для нас он начинает иметь значение только через его осознание. Мир, который мы воспринимаем, становится миром внутри нас. А. Шюц считал, что, используя метод феноменологической редукции, мы приходим к «потоку опыта», который представляет собой основной путь проявления «феномена» — объекта нашего осознания — через чувственное восприятие. Однако этот объект для нас ничто, он лишь существует рядом с нами. Обозначая объект, мы входим с ним в определенные отношения, поскольку он начинает быть выражением каких-либо наших черт и признаков, а также становится значимым объектом, вписываясь в мир, создаваемый нашим сознанием. Это переход от чувственного опыта (незначимых объектов) к логическому упорядочению и определению (значимым объектам), который производится в сознании отдельного индивида, а затем и во взаимодействии между индивидами. Если другие теоретические подходы к человеческому действию (деятельности) рассматривают его как отношение к внешним объектам и другим людям, то здесь действие — это воздействие сознания на чувственный опыт для получения знания, внутренний процесс осознания, индивидуального или коллективного. Однако перенесение деятельности в наше сознание затрудняет построение теории общества, но позволяет построить теорию личности и индивидуального поведения¹.

Истоки понятия социосистемы в широком смысле рассматривают как социальное взаимодействие, которое представляет собой совокупность иерархических уровней кооперации. Первый рассматривает социальное взаимодействие как процесс, второй — как кооперативные системы действий, третий — как кооперативное движение, четвертый — как кооперативные объединения, пятый — как межличностные взаимодействия. Социосистема в структуре процесса представлена в рамках эволюционных идей на общество О. Конта и Г. Спенсера, которые придавали большое значение реформистскому аспекту. Механизм социальных институтов рассматривался ими как самоорганизация совместной жизни индивидуумов. Социальным системам действий свойственна массовая социальная сила. По методу сопутствующих изменений Э. Дюркгейма причинное отношение во взаимодействии индивидуумов проявляется социальными прин-

ципами. Социосистема как межличностное взаимодействие рассматривается в символическом интеракционизме и этно-методологии. Дж. Г. Мид проанализировал механизмы выработки представления взаимодействий в рамках процедур об «обобщенном другом» (процедуры типизации, «разведки-проверки»). М. Кун пытался формализовать исследования и их результаты, разрабатывая измерительные процедуры и шкалы оценок, полагая, что человеческое «я» стабильно и относительно неизменно.

А. Шюц показал, что в социальном взаимодействии чувственного опыта проявляется процесс типологизации — создание однородных классов непонятого знания о действительности. «Ролевая теория» Т. Парсонса рассматривает взаимодействие как «внутреннее общение» с представлением себя в структуре ролей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Шюц А. Чужак // А. Шюц. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533—550.

Ж. Ю. Бакаева,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин
Мордовского гуманитарного института,
доктор философских наук

Методологические основания современных социосистем

Анализ социосистем позволяет сделать некоторое обобщение. В обществе имела место последовательность сменяющих друг друга типов кооперативного действия при одновременном изменении их социальных форм, известных как механическая и органическая солидарность. По методу сопутствующих изменений Э. Дюркгейма простая параллельность изменений, совершающаяся в явлениях (если только она констатирована в достаточном количестве разнообразных случаев), служит доказательством наличия между ними причинного отношения.

Однако такой подход упускает из виду факт трансформации органических систем в самостоятельные субъекты, которые лишь при определенных обстоятельствах способны преодолеть существенное противоречие современных обществ, отчуждение индивидов от порождаемых ими со-

циальных субъектов. Это обуславливает интерес науки и практики к новому типу отношений — отношениям кооперативного сотрудничества, который эволюционирует в разных направлениях: либо в сторону образования государственно регулируемых систем формальных собственников, либо в сторону классического капиталистического либерализма, либо в сторону кооперативных хозяйств.

Стали обсуждаться новые социальные субъекты (кооперативные системы действия), игнорирование которых приводило к проблемам различного уровня и вида. Кооперативная стратегия показывает свою применимость к анализу различных социальных групп современного общества. Для этой цели необходимо учреждение свободных производительных ассоциаций рабочих с государственным кредитом и под контролем государства. Только так можно будет освободить рабочих от гнета железного закона заработной платы. В устройстве производительных ассоциаций с государственным кредитом Ф. Лассаль видел отнюдь не окончательное решение социального вопроса, а лишь лучшее средство для постепенной органической социализации общества¹.

Многообразие возможностей (механизмов) взаимоприспособления обуславливает и разницу «ответов» в различных версиях символического интеракционизма (чикагское, айовское, гарвардское, социодраматическое направления и «ролевая теория»). Наряду с абсолютизацией микросоциологической проблематики для символического интеракционизма характерно подчеркивание процессуальной природы социального. В некоторой мере это связано с влиянием на конституирование символического интеракционизма идей прагматизма (в том числе инструментализма Дж. Дьюи) и со стремлением преодолеть жесткость и схематизм господствовавших бихевиористских концепций социального поведения. Однако если различные концепции социальных ролей и теории социального обмена пошли по пути анализа функциональных и (или) институционализационных аспектов социальных взаимодействий, породив ряд идей, близких к классическому структурно-функциональному анализу в социологии, то символический интеракционизм выдвинул некоторые неклассические идеи, оказавшиеся родственными определенным положениям, обращенным к внутренним структурам личности, культурной проблематике, анализу

языка, принципу конструируемости социальной реальности и т. д. Предтечей символического интеракционизма называют Ч. Кули и У. Томаса. Так, Ч. Кули исходил из признания социальной природы человека и утверждал примат первичных социальных групп для социализации и самоопределения индивида. Он же, различая познание вещей и личностей, акцентировал внимание на культуре и языке в их сигнификативной (знаковой) функции для понимания взаимодействия «я» и «другого» (наше отношение к другому детерминируется нашими представлениями о другом — идеей личности, а не тем, чем он является на самом деле). Отсюда редукция общества Ч. Кули к взаимодействию личностей, понимание этого взаимодействия как согласования «идей личности» и формулировка задачи социального познания как «воображения воображаемого»².

Очень важны для символического интеракционизма оказались и идеи У. Томаса о предрасположенности (интенциональности), фиксируемой в установках и ценностных ориентациях, индивидов к определенному поведению и о вероятности определенного поведения индивидов, задаваемой конституированием ими своих ситуаций в актах их оценки. Теорема У. Томаса рассматривает ситуацию по своим реальным последствиям³. В структуре символического интеракционизма выделяют также Чикагскую (Г. Блумер, Т. Шибутани) и Айовскую (М. Кун) школы. М. Кун трактует социальность не в рамках процессуальности. Он делает акцент на групповые нормы в рамках теории социальных ролей и не рассматривает «внутреннюю» структуру личности⁴.

Итак, социосистемы в социальном взаимодействии предполагают, что мы понимаем намерения других, а они в свою очередь есть наши намерения. Способность видеть ситуацию с позиций другого человека называется принятием роли другого. Это позволяет знать и предвидеть ответную реакцию другого и корректировать свое поведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Lassal F.N. Meine Beziehungen. Heine, 2008. 250 p.

² См.: Кули Ч. Социальная организация. М.: Наука, 2009. 230 с.

³ См.: Tomas U. The Great Pacifist an Autobiographical // Character Sketch. Dutobiographica. 2010. 155 p.

⁴ См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 310 с.

В. В. Козин,

заместитель директора по науке

НИИ регионологии Национального исследовательского

Мордовского государственного университета,

кандидат социологических наук, доцент

Трансформация российских социальных институтов: некоторые направления анализа

В современной социологии категория социальных институтов является одной из ключевых. Они, обеспечивая воспроизводство социальных взаимосвязей, обуславливают общественную стабильность, правила социальных взаимодействий, нормы взаимоотношений в обществе, а также конституируют неравенство социальных статусов. Парсоновское понимание социального института как организованной системы культурных представлений общих для большинства индивидов норм ведет к утверждению о том, что именно нормы и ценности являются стержнем социальных институтов, а не наблюдаемые образцы поведения¹. В противоположность этому утверждению Р. Мертон полагал, что социальные институты функционируют не только явно или скрытно, но и могут выполнять дестабилизирующую функцию, быть дисфункциональными². Поэтому вовсе не удивителен жесткий контроль за соблюдением институциональных предписаний, охватывающих все сферы жизнедеятельности людей.

По мнению А. С. Ахиезера, Россия оказалась в «застывшем состоянии» между разными культурами. (с одной стороны — традиционной, подавляющей индивидуальность, с другой — либеральной, ориентированной на инновации и самостоятельную личность)³. Классическая социологическая теория рассматривает ломку социальных институтов как аномию, состояние утраты привычных ориентиров. Вчера казавшееся нормальным и привычным сегодня представляется ненормальным или непривычным. П. Штомпка назвал такие трансформации «травматологическими»⁴.

Странам, проходящим этап посткоммунистических трансформаций, характерна сегментация институтов, регулирующих социальные взаимосвязи, на формальные, неформальные и теневые. Последние часто бывают более востребованы, чем в странах с рыночной экономикой и политической демократией. Имеет место как бы формальное общество, стремя-

щееся подчинить людей власти, и другое, неофициальное, адаптированное под первое. Это ведет к появлению новых, специфических норм и практик. В современной России, например, существуют институты советского прошлого и новые, узаконенные государством, но не всегда практикой.

По мнению неонституционалистов⁵, социальные институты — это не только нормы и практики, легитимированные массовым сознанием, но и неформальные правила, устанавливаемые действующими субъектами на основе рациональности. Последняя рассматривается ими в контексте экономической рациональности как некоторого набора стабильных предпочтений в рыночной экономике. «Правила игры», обуславливающие и структурирующие социальное взаимодействие, имеют двойные нормы: формальные и неформальные (ограничение обычаям, массовым сознанием и т. д.). Следовательно, нормой социальных институтов является не стабильность, а их постоянный динамизм как реакция на экономические изменения.

С. Г. Кидрина предлагает теорию институциональных матриц. Под ними она понимает «устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер: экономическую, политическую и идеологическую»⁶. По ее мнению, российские институциональные матрицы имеют строгую иерархию. Прежде всего это иерархизация властных отношений в любых сферах деятельности. Этой же точки зрения придерживается и В. Г. Федотова⁷, утверждающая, что Россия — это Европа, но другая. Принципиальным отличием является неразвитость институтов гражданского общества, а также особенности конструирования западной и восточной культур. Более того, со времен реформ Петра I российская элита остается расколотовой и неспособной найти приемлемое решение (славянофилы и западники, патриоты и космополиты, государственники и «атлантисты»). Поэтому Россия постоянно ориентируется то на Запад, то на русскую идею евразийства как особого пути⁸.

В. А. Ядов полагает, что вектор российского общественного развития остается не совсем определенным, а функционирование современных российских социальных институтов находится в «переходном» состоянии. Общественное развитие зависит от влияния традиционных институтов и глобальных процессов⁹. Более того, страны, осуществляющие

посткоммунистические реформы, шли исключительно своим путем, обусловленным разными факторами. Поэтому идею «особого пути» России можно поставить под сомнение, ибо для всех стран он разный и особый.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Парсонс Т. О теории социального действия. М.: Академ. проект, 2000. 880 с.

² См.: Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты. М.: МУБиУ, 1996. С. 379—447.

³ См.: Ахиезер А.С. Россия — расколотовое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3—57.

⁴ См.: Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6—16.

⁵ См.: Кроуз Р. Фирма, рынок, закон. М.: Дело, 1993. 192 с.; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: ФЭК «Начала», 1997. 180 с.

⁶ Кидрина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. С. 24.

⁷ См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: Ин-т философии РАН, 1997. 255 с.

⁸ См.: Ахиезер А.С. Россия — расколотовое общество ...

⁹ См.: Ядов В.А. Трансформация российских социальных институтов // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта: МПСИ, 2005. С. 45—74.

С. В. Полутин,
заведующий кафедрой социологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор социологических наук, профессор

Интеграция государства, науки и бизнеса в контексте теории «тройной спирали»

В глобальной инновационной системе происходят кардинальные изменения: растет интенсивность инновационных процессов, сокращаются сроки создания инноваций, разработчиками и потребителями становятся новые участники инновационной деятельности, меняются их отношения и функции.

В работах по теории инноваций анализируются свойства и новые тенденции, в той или иной форме нашедшие отражение во взаимодействии государства, науки и бизнеса

и оформившиеся в виде теории «тройной спирали» (модели стратегических инновационных сетей)¹. Теория «тройной спирали» создана в начале XXI в. Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом². Так называемая «тройная спираль» символизирует союз между властью, бизнесом и университетом, которые являются основными элементами инновационной системы любой страны.

Главный тезис теории заключается в том, что в системе инновационного развития первое место начинают занимать институты, ответственные за появление нового знания. Логика развития науки приводит к появлению синтетических направлений, которые включают фундаментальные и прикладные исследования междисциплинарного характера и разработки. В этих областях наблюдается образование кластеров, формирующих будущий потенциал инновационного развития. Связи между учеными, технологами и пользователями становятся качественно другими, как и функции, выполняемые отдельными участниками.

Возникновение «тройной спирали» связано с несколькими изменениями в науке, экономике и политике. Во-первых, произошла смена ведущего звена во взаимоотношениях участников процесса создания инноваций. Взаимодействие участников инновационного процесса осуществляется методом проб и ошибок, контроль все в большей мере становится рефлексивным, т. е. включает замкнутые контуры отрицательной обратной связи между производителями, потребителями и посредниками³. Во-вторых, вследствие нарастающего динамизма систем появилась необходимость организации эффективных форм взаимодействия субъектов развития (государства, бизнеса, науки) и создания новой основы построения этих связей — сетей коммуникаций. Эффективность сетевой организации любой деятельности состоит в том, что ее результат нелинейно повышается при росте масштабов сети. Каждый узел сети, будь то производитель или потребитель продукции, получает дополнительный эффект от увеличения количества узлов. Наличие сети подразумевает необходимость преобразования в инновационном развитии функций государства, университетов (научных организаций) и фирм⁴. В-третьих, на изменение условий инновационной деятельности влияет глобализация, проявляющаяся по-разному, в том числе через деятельность

транснациональных корпораций, наднациональных союзов и альянсов. Функции организации и управления инновационной деятельностью, ранее выполнявшиеся государством на основе иерархических структур, меняются. Главными изменениями в свойствах экономики становятся включение науки в сферу производственных интересов и стимулов для фирм, а также повышение уровня ответственности за инновационное развитие для государства. На начальном этапе генерации знаний взаимодействуют власть и университет, затем в ходе трансфера технологий университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат инновации выводится властью и бизнесом.

В обществе, основанном на знаниях, университет играет все более важную роль. В индустриальном обществе университет готовит квалифицированных работников, занимается фундаментальными и прикладными научными исследованиями, но редко участвует в трансфере технологий в промышленность. В обществе, основанном на знаниях, университет начинает играть важную роль, ставя «капитализацию знаний» в качестве академической цели. Модель «тройной спирали» предполагает, что именно университеты становятся центрами, генерирующими технологии и новые формы предпринимательства, и оставляют за собой научные исследования.

Развитие университета как инновационной научно-образовательной структуры возможно посредством формирования комплекса взаимодействующих учебно-образовательных, научно-исследовательских, инновационно-производственных подразделений, предназначенных для организации и функционирования единого процесса формирования и выпуска профессиональных специалистов, научно-исследовательской, научно-технической продукции и создания условий для ее обслуживания и применения. Решение этой задачи предполагает формирование и развитие различных образовательно-производственных комплексов на базе факультетов и институтов университета, его трансформации в учебно-научно-инновационный комплекс для реализации полного инновационного цикла. Это возможно путем активного взаимодействия университета, отраслевых министерств и ведомств, предприятий и организаций регионов, а также объединения совместных ресурсов по разработке, внедрению

и использованию новых технологий и научно-технических разработок.

Роль государственных органов в этой модели заключается в обеспечении необходимых ресурсов мотивации научно-исследовательской деятельности в вузах. Бизнес-структуры размещают свои подразделения на территориях научных парков вузов. Это позволяет бизнесу находиться в более тесном контакте с вузовскими исследовательскими группами для создания ноу-хау, востребованных на рынке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: «Тройная спираль» в инновационной системе России. URL: <http://institutions.com/innovations/265-q-q-.html> (дата обращения: 11.03.2013).

² См.: Полутин С.В., Седлецкий А.В. Интеграция внешней школы в инновационную систему общества: теория и практика // Интеграция образования. 2011. № 1. С. 3—9.

³ См.: Curry J. Science parks in Britain: Their role for the late 1980's. Trinity Hall: CSP Econ. Publ., 1985. 142 p.

⁴ См.: Etzkovitz H., Leydcsdorff L. The Dynamic of Innovations: from National System and «Mode 2» to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations Research Policy 29. 2000. P. 109—129.

К. В. Фофанова,
профессор кафедры методологии науки
и прикладной социологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор социологических наук

Методологические основания исследования межэтнической консолидации¹

Необходимость анализа информации о социальной реальности, выявления тенденций развития общественных отношений и взаимодействий вызывает потребность в создании механизмов и способов сбора, обработки и интерпретации данных. В современном мире стратегии формирования межэтнической консолидации становятся все более разнообразными. Поэтому вполне закономерен переход к сочетанию количественно-качественной методологии при ее изучении. Именно такой подход дает, с одной стороны, «оптику — взгляд на мир, как разумно устроенную систему, которая в

принципе поддастся рациональному познанию», с другой — «технику получения знания»².

Преимущество количественно-качественной методологии состоит в том, что межэтническую консолидацию можно рассмотреть с разных позиций. Так, одним из первых инструментов, изучающих уровень межэтнической солидарности и сплоченности, стала шкала социальной дистанции, предложенная Э. Богардусом в середине 20-х гг. XX в. Шкала социальной дистанции ориентирована на измерение готовности к сближению или же, наоборот, к отторжению людей другой национальности независимо от их личностных качеств и особенностей, а также на выявление степени «симпатии между личностями, личностью и социальными группами, и между социальными группами»³. Ответ респондента на вопрос о том, какова у него готовность контактировать с представителями других национальностей в разных сферах жизни, позволяет определить желаемый размер социальной дистанции между собой и этнической группой. Эта методика предусматривает измерение дистанции через те или иные типы социальных контактов, в которые предпочел бы вступить индивид с представителями той или иной национальности. На основе суммирования всех отрицательных (или всех положительных) ответов моделируется индекс дистанции. Исследователи, уделяющие внимание проблеме измерения межнациональных отношений, расширяют возможности шкалы социальной дистанции, дополняя ее методиками, позволяющими получить индекс этнической идентичности и толерантности.

А. Н. Татарко и Н. М. Лебедева обобщают основные методики, ориентированные на исследование межэтнических отношений. К основным методам, помимо социальной дистанции Богардуса, исследователи относят валентность этнической идентичности (шкала измерения степени позитивности этнической идентичности); неопределенность этнической идентичности; тест Куна и Марпартленда «Кто Я?», методики этнических стереотипов Д. Катца и К. Бре-ли и т. д. По мнению А. Н. Татарко, Н. М. Лебедевой, эти методы позволяют выявить взаимосвязь характеристик этнической идентичности (валентности и определенности) с межгрупповыми установками и психологическими стратегиями межкультурного взаимодействия⁴. Нельзя не отме-

тить также работы российских социологов А. М. Анохина, И. М. Дьяченко, Е. Ю. Щегольковой и др., внимание которых было обращено к проблемам социологического измерения межэтнических отношений на основе количественных данных. Однако, как отмечает Г. С. Батыгин, «кроме вопросников, шкал и статистических коэффициентов, технический инструментарий включает способы аргументации и представления результатов работы»⁵. Сочетание статистических данных необходимо для понимания степени социально-психологического принятия людьми друг друга. Оно используется для измерения дистанции, связанной с расовой или национальной принадлежностью, возрастом, полом, профессией, религией, для измерения дистанции между детьми и родителями⁶, в то время как описательные данные необходимы для объяснения изменений, инноваций, традиций межэтнической консолидации. Другую миссию выполняют качественные методы, которые «позволяют исследователю рассматривать выбранные темы с максимальной глубиной и детальностью: это связано с тем, что сбор данных не ограничен предварительно определенными категориями анализа»⁷. Однако в социологической практике изучения межэтнической консолидации только такого плана исследований недостаточно.

При использовании количественно-качественной стратегии методы могут применяться в различных вариациях. Во-первых, это последовательное применение двух стратегий, когда одна из них является вспомогательной. Интервью, анализ текстов может использоваться на разведывательном этапе исследования или этапе пилотажа. Во-вторых, это обратный алгоритм действий, когда проводится репрезентативное количественное исследование, затем выявленные закономерности и модели межэтнических отношений иллюстрируются отдельными уникальными случаями, позволяющими достичь большей информационной насыщенности. В-третьих, это стратегия, которую В. С. Аbruков и Я. Г. Николаева обозначили как «соединяем и властвуем»⁸. В рамках этой стратегии для исследования одного и того же объекта используются качественные и количественные методы. Сущность соединения и комбинирования количественно-качественных методов при изучении межэтнической консолидации состоит в том, что количественный подход «позволяет измерить реакцию многих субъектов на ограни-

ченный набор вопросов, облегчая тем самым возможность сравнения и статической агрегации данных», в то время как качественные данные позволяют получить «богатый набор детализированной информации о сравнительно небольшом числе случаев»⁹.

Таким образом, сочетание двух методологических подходов при исследовании межэтнической консолидации дает возможность получить индекс межэтнической консолидации, учесть традиции межнационального сосуществования различных народов на территории России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выступление подготовлено при поддержке РГНФ и Правительства РМ (грант № 12-13-13002).

² Йонас Г. Наука как персональный опыт // Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 23.

³ См.: Bogardus E.S. Social Distance. Ohio, 1959.

⁴ См.: Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Психология межэтнических отношений. М., 2010. С. 95—97.

⁵ Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 4.

⁶ См.: Платонов Ю.П. Основы этнической психологии. СПб., 2003. С. 346.

⁷ Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. СПб.: Алетейя, 2009. С. 68.

⁸ См.: Аbruков В.С., Николаев Я.Г. Количественные и качественные методы: соединяем и властвуем! // Социол. исслед. 2010. № 1. С. 142—145.

⁹ Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы ... С. 68.

Г. А. Шулугина,
доцент кафедры философии
Мордовского государственного педагогического института,
кандидат философских наук

Наука в системе экономической интеграции общества¹

В современном обществе наука имеет основополагающее значение. Она расширила свои возможности настолько, что вполне уместно говорить о практическом единении общества и науки. С одной стороны, наука стремится удовлетворять потребности общества в истинных знаниях, с другой — испытывает сильное давление извне, проявляющееся во властном определении приоритетов различных типов знания.

Социальный заказ на знание существовал всегда. Однако до недавнего времени этот процесс не сопровождался ротацией отраслей научного знания по утилитарному основанию.

Возникновение коэффициента полезности знания связано, вероятно, не только с тем, что сциентизм с его безграничной верой в возможности науки возведен в ранг государственной идеологии ведущих стран мира, но и с тем, что знание сегодня рассматривается не только инструментальности, но и как товар, который может быть произведен, обременен, продан в соответствии с моделями экономической деятельности. Следствием реализации такого подхода к знанию выступает оценивание различных областей науки как экономически выгодных или вовсе не выгодных, с одной стороны, для развития страны и ее позиции на мировом рынке, а с другой — для вложения частного капитала. Поэтому современная наука все более ориентируется на прикладные задачи, связанные с достижением пользы и эффективности. При этом наблюдается преобладание технико-инструменталистских задач над проблемами целостного познания истины, производство знания с параметрами, отличными от традиционных, локальность и изолированность исследовательских процессов. Кроме того, экономический интерес к знанию объективно сводит к минимуму поддержку социально-гуманитарного знания, полезная отдача от которого будет ощутима лишь через одно-два поколения людей. В связи с этим изменяется этос науки, который в ответе за мотивацию, установки, поведение субъекта научного познания. Это, с одной стороны, ставит под угрозу единство научного знания, с другой — вносит определенные проблемы в научный диалог между учеными.

Происходящая трансформация науки как определенного типа социальной практики, организующей научную жизнь, вносит изменения и в структурные компоненты научной деятельности. Следует отметить, что с момента возникновения науки как вида духовного производства решающее значение придавалось осмыслению оснований познавательной деятельности. В классическом варианте в качестве такового определялось производство истинного, систематизированного знания. В современных условиях ее познавательный интерес становится усеченным, на смену теоретическому, концептуальному характеру научного знания приходит утилитаризм и практическая применимость. Это осознается не только

средствами эпистемологии, но и участниками научного процесса. В связи с этим можно предположить, что изменения коснулись и внутренних компонентов научной деятельности, особенно субъекта. И если присутствие субъекта в структуре научной деятельности сохраняется по-прежнему, то его мотивация под воздействием в первую очередь экономических детерминант меняется на всех уровнях. В перспективе отказ науки и ее субъектов от привычной ориентации на исследование закономерностей, поиск нового, связанного не всегда с экономической выгодой, приведет к снижению (если не к утрате) ее объяснительной и предсказательной функций.

Метаморфозы с мотивацией субъекта научного познания отразятся и на объекте, так как элементы гносеологической системы «субъект — объект» выступают коррелятами друг друга. При условии окончательной утраты субъектом научной деятельности приоритетности установки на познание того, что представляет интерес для ученого, границы предметного мира, инициированного наукой, будут сужаться, а окружающая реальность все чаще будет заявлять о себе как «вещь в себе». Сможет ли тогда наука в полной мере выполнять свою культурную миссию?

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Материал подготовлен при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

М. М. Рогожа,
профессор кафедры истории и документоведения
Национального авиационного университета (г. Киев),
доктор философских наук

К вопросу методологии прикладной этики

Социокультурные трансформации последних десятилетий поставили человечество перед новыми проблемами, адекватные решения которых не смогли предложить ни философская теория морали, ни традиционная профессиональная этика. Появление прикладной этики стало своего рода ответом на общественный запрос, на решение проблем этического плана в уязвимых для жизни и деятельности человека сферах.

В прикладной этике, возможно, впервые со времени своего появления, формула Аристотеля отразила реальное состояние дел: исследование в этике проводится не для того, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы поступать добродетельно. Прикладная этика фокусирует внимание на анализе ценностно-нормативного содержания конкретных видов деятельности с их последующей корректировкой и усилением этически значимой составляющей. В связи с этим проблема метода приобретает особое значение.

Т. Бошам излагает стратегии обоснования норм в прикладной этике: нисходящая модель, в рамках которой суждения о ценностно-нормативном содержании деятельности формируются на основе универсальных норм и принципов: универсальные нормы применяются к анализу конкретных ситуаций; восходящая модель, в которой моральные нормы приобретают универсальный характер в ходе анализа парадигмальных ситуаций: контекстуальные нормы и ценности, актуальные при принятии решения по конкретному случаю, поднимаются до уровня этических обобщений¹.

Т. Бошам усматривает слабые стороны в каждой из этих моделей. Для нисходящей модели проблему представляют сложные случаи, требующие спецификации универсальных норм. В процессе спецификации в расчет принимаются убеждения, ожидания, позволяющие конкретизировать универсальные нормы, в результате чего нивелируется суть нисходящей модели. В восходящей модели оказываются неясными критерии, по которым случай становится «парадигмальным», а его решение признается прецедентом и основой универсализации. Предвзятость, «культурная слепота», отсутствие критической дистанции от объекта анализа становятся неотъемлемыми спутниками этой модели.

Ученый обращает внимание на методологический прием «рефлексивного равновесия», представленный Дж. Ролзом. Суть его состоит в том, чтобы начинать анализ с наиболее широкого круга моральных суждений о проблеме и вводить предварительную систему норм, отображающих ее решение. Постоянные проверки норм на соответствие, процедуры согласования морального содержания системы норм являются не прерывным процессом рефлексии, а незаконченным продуктом. Однако и в данном приеме Т. Бошам усматривает небезупречность: сложно сформировать доверие граждан к

постоянно находящимся в процессе проверки нормам. Однако именно рефлексивное равновесие является надежной основой ценностно-нормативного анализа деятельности и наиболее действенной методологией прикладной этики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Beauchamp T. The Nature of Applied Ethics // A Companion to Applied Ethics. Cornwall: Blackwell Publishing, 2003. P. 1—16.

Е. В. Мочалов,
заведующий кафедрой философии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор философских наук, профессор

Проблемы региона в этноконфессиональном и этическом аспекте

Касаясь темы этнорелигиозной ситуации в Республике Мордовия и Поволжье, следует подчеркнуть ее уникальность. Этнорелигиозный портрет республики и региона в миниатюре отражает портрет всей России. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживают приблизительно 180 этносов и этнических групп, в Мордовии и Поволжье — 119. Для региона это особая ситуация. Следует отметить, что, по последним данным Министерства юстиции Республики Мордовия, из 413 религиозных организаций, представляющих 9 конфессий, только за последнее время зарегистрирована 61 (55 представляют Русскую православную церковь, 5 — ислам, 1 — старообрядчество). Спокойная и благоприятная, достаточно комфортная этнорелигиозная и этнокультурная ситуация в Мордовии и Поволжье, безусловно, является следствием продуманной и взвешенной политики. Все, кто постоянно проживает в Мордовии, видит ее проявление в практической деятельности министерств и ведомств республики. В каком еще регионе России можно встретить такое количество национальных праздников, мероприятий, круглых столов, научных форумов, встреч с национальными диаспорами, программ по поддержке молодежи и бизнеса? Важным фактором сохранения стабильности в этнических, религиозных и культурных процессах в респу-

блике и регионе является высокий уровень религиозной и нравственной культуры митрополита, священников, имамов.

В последнее время много говорится об экономических успехах республики, росте благосостояния ее граждан, архитектурном преображении городов и сел. Все это соотносимо с отсутствием в республике проявлений религиозной и национальной нетерпимости, религиозного экстремизма. Необходимо осознать, что национальный и религиозный мир каждого региона России способствует миру в стране. Этим нужно дорожить, это следует сохранять и развивать.

Рассматривая проблемы региона в социокультурном, экономическом и религиозном контекстах, следует помнить о том, что человек жив смыслом, идеей, словом, т. е. «хлебом духовным». Это и есть основа человеческого бытия как такового, ибо человек не просто видит, слышит, чувствует и понимает, но еще и разумеет. Мир предстает человеку не только в качестве нужды и потребности для тела, но и как изначальное смысловое обитание, где смысл не дан, а задан. Подлинный смысл, вырастающий из глубины национальной традиции, помогает не только выжить, но и достойно прожить свою жизнь, не разрушив себя, семью, государство и Бога.

А. И. Пантюшин,
доцент кафедры методологии науки
и прикладной социологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат философских наук

Интеграция в методологии науки

Проблема интеграции для философии науки всегда актуальна. Еще Аристотель определил философию как особую область теоретического знания, исследующую «общую природу сущего» и отличающуюся от других наук тем, что каждая из них отделяет себе лишь «какую-нибудь часть его (сущего)».

Знание узкого специалиста подобно флюсу. Он знает многое или почти все о своей специальности. Но за гранью ведомственных «перегородок» исследователи оказываются оторванными от достижений наук не только в пространстве иных отраслей знания, но и в границах одной отрасли.

Реальность начинает представлять из себя изолированные друг от друга фрагменты, что ведет к отсутствию рефлексии общей картины мира. Речь идет о тех акцентах, которые не являются атрибутивными признаками каждой науки.

Анализ результатов кандидатского экзамена по истории и философии науки позволяет утверждать, что аспиранты и соискатели свободно рассуждают об истории своей специальности, но испытывают затруднения, оказываясь в поле интерпретаций гуманитарной ориентации научных инноваций или в зоне сопряжения разномасштабных проблем. Подобные затруднения возникают в процессе диалога между начинающими научными исследователями и комиссией по вопросам сопряжения явлений (микро-, мезо- и макроуровней материального мира) в трактовке объективной реальности, социокультурных процессов и явлений.

Не менее актуальна задача интеграции знания в области проблематизации событий и их аксиологической экспликации. Важно преодоление дистанций в области трактовки явлений социального и антропологического порядка, количественных и качественных подходов к исследованиям. Требуется определенной коррекции (с ориентацией на гармонизацию) сфера представлений соискателей на такие процессы, как научные, методологические, информационные революции, современный этап НТП и др. Но на первом месте стоит задача формирования высокой методологической культуры научного исследователя.

Б. А. Никитина,
доцент кафедры социологии социальной сферы и демографии
Самарского государственного университета,
кандидат социологических наук

Интегративная сущность методологии исследования экологических потоков

Одной из наиболее очевидных для повседневного сознания населения является проблема загрязнения окружающей среды бытовыми отходами. Очевидность этой проблемы предполагает, что население само в состоянии сформулировать причину неудовлетворенности, которая чаще всего лежит в санитарно-эпидемиологической и эстетической плоскостях. С другой стороны, существуют социальные группы

с более высоким уровнем экологической обеспокоенности информированности, которые конструируют и (или) присоединяются к более рефлексивному конструкту «проблемы отходов». Она рассматривается ими как проявление нерационального, неэффективного и экологически неустойчивого образа жизни общества. Этот конструкт основан на концепции «экологического следа» М. Вакернагеля и В. Риса, которая предполагает, что каждый человек вызывает в ходе удовлетворения своих потребностей глобальную цепь последствий¹. При калькуляции личного или национального экологического следа делается анализ материальных потоков, вызываемых потреблением тех или иных товаров (услуг), причем анализируются не только «входящие», но и «исходящие» потоки на локальном и глобальном уровнях. Методологическим основанием для изучения таких процессов может служить теория «беговой дорожки производства» А. Шнайберга², который делает акцент на «изъятиях» и «добавлениях», происходящих в ходе производственных процессов. Социальное и экологическое влияние этих потоков может быть подсчитано экономистами, оперирующими понятием «экстерналии», однако для подсчета ущерба, нанесенного окружающей среде, не обойтись без специалистов естественно-научного и технического профиля.

При пересечении этими потоками национальных границ можно выявить зоны, в которых концентрируются экологически вредные «добавления», а также определить места, откуда изымаются ценные ресурсы. При этом, если изъятие природных ресурсов давно важно для интересующейся экологией общественности и ученых, то потоки «добавления» (фактические загрязнения) анализируются не очень подробно. Например, бытовые отходы, которые перетекают в социально неблагополучные зоны, не имеют инфраструктуры для оттока, «застаиваются» там, концентрируют вокруг себя экологические риски. Эта ситуация связана с тем, что менее благополучные слои населения не имеют возможности влиять на «потоки», оставаясь дискриминируемой категорией «людей места», а не «людей времени», которые находятся в статусе субъектов, определяющих направление потоков.

При анализе проблемы загрязнения бытовыми отходами следует обратить внимание на направление их потоков и противонаправленное движение денежных средств. Кор-

рекция этой ситуации требует более подробного анализа стоимости утилизации и переработки отходов, страхования рисков и оценки накопленного ущерба окружающей среде, что возможно только при привлечении экономико-статистических, технических данных, результатов естественно-научных исследований. Для комплексного исследования причин и возможностей изменения объемов, качества и направлений потоков товаров и потребительских отходов требуется взаимодействие социологов с представителями естественных и технических наук, формирование интегрированной программы исследований. Полученные результаты могут быть значимы для конструирования инновационных управленческих решений, в связи с чем их возможности и проблемы реализации должны быть подкреплены социологическим анализом системы законодательства и экономической системы, которые в итоге предопределяются господствующей национальной идеологией, повседневной системой норм и ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Wackernagel, M., Rees, W. Our Ecological Footprint: Reducing Human Impact on the Earth. Gabriola Island: New Society Publishers, 1996. 160 p.

² См.: Schnaiberg A., Gould K. Environment and Society. The Enduring Conflict. The Blackburn Press, 2000. 205 p.

М. Э. Рябова,
профессор кафедры методологии науки
и прикладной социологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор социологических наук

Философско-методологические основания анализа лингвистической компетенции как фактора развития личности

Динамика коммуникативного пространства актуализирует не только переосмысление и расширение предмета социальной философии, но и выдвигает на первый план проблему философско-методологических оснований анализа лингвистической компетенции как важного фактора развития личности. XXI в. объявлен эпохой многоязычных личностей, владеющих несколькими иностранными языками, что свиде-

тельствует о востребованности лингвистической компетентности в современном обществе. Научный и практический интерес, проявляемый к лингвистической компетентности, вполне естественен и исторически оправдан.

Новые условия развития общества вынуждают человека уметь сосуществовать в общем жизненном пространстве, что означает быть способным строить диалог со всеми субъектами этого пространства. Тем самым уровень развития лингвистической компетентности выступает важным атрибутом успешного профессионального и, следовательно, социального потенциала самореализации личности. Такая постановка проблемы требует философско-методологической рефлексии, в основе которой лежит «убеждение, что языковая форма в итоге является отражением когнитивных структур, т. е. структур человеческого сознания, мышления и познания»¹. При этом подходе доминирует ориентация на формирование в сознании человека, во-первых, ментального эквивалента языка, т. е. такой его модели, которая оптимальна с точки зрения порождения полноценной речи на этом языке, а, во-вторых, образа мира, специфичного для той или иной иноязычной культуры и обслуживающего ее языка.

Лингвистическая компетентность выступает фактором развития целостной личности, способной к активному формированию единиц ментальных ресурсов сознания как интерпретаторов смыслов, складывающихся в иерархические, ассоциативные семантические сети. Это личность, не только открывающая ценностно-смысловое измерение реальности, но и способная участвовать в создании новых социально значимых концептов культуры.

Обозначенная проблема представляет интерес с философско-методологической точки зрения потому, что позволяет видеть функции лингвистической компетентности не только в возможности реализации коммуникации между народами и культурами, но и в значительном расширении потенциала, средств вербализации мышления. Если исходить из того, что мышление — это оперирование понятиями, то богатое, развитое мышление людей несомненно. Однако в действительности мышление — это способность формировать, совершенствовать новые понятия, что требует активного отношения к лингвистической компетентности, конструктивного постоянного преодоления ее двойственности. Двойственность

лингвистической компетентности проявляется в том, что, с одной стороны, порождает противоречия, несоответствия между языками всех типов, с другой — ставит человека перед необходимостью их преодолевать на основе формирования культурных инноваций. Последние возникают как идеи, существенная часть содержания которых определяется целью конструирования социальной реальности. При этом знаниевая основа лингвистической компетентности не сводима к статическому конструкту. Динамический контекст современных социокультурных процессов размывает культурные стереотипы. Соответственно, вариантность, многозначность языка должны вести к вариативности мышления. И если лингвистическая компетентность содействует разносторонности мышления, повышает предпосылки его эвристичности, то необходимо целенаправленно формировать условия осмысления языка, конструировать многоязычную среду, особенно в системе образования.

Учитывая такую двойственную природу лингвистической компетентности, можно определить два ведущих аспекта ее философско-методологического основания: лингвистическую компетентность следует рассматривать как понимание чужой и осознание своей культуры для взаимопонимания в международном и поликультурном контексте; лингвистическая компетентность предполагает способность индивида к соответствующему коммуникативному поведению в ином социокультурном окружении.

Обобщая сказанное, можно говорить о сложном комплексе философских идей и методологических подходов к анализу лингвистической компетентности, развиваемой современной философией. Это актуализирует социально-философские исследования данного проблемного поля, так как только на философско-методологической основе возможно определить технологии эффективного развития социальности и изменившихся условиях бытия отдельной личности и общества в целом. Следует добавить, что обсуждаемая проблема не подлежит быстрому решению. Она будет актуальна еще долгое время.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. 1994. № 5. С. 126.

В. М. Сидоркина,
доцент кафедры социологии
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат философских наук

Социальное проектирование в регионе

В региональном управлении большое значение имеют различные методы прогнозирования. Лидером среди них является грамотное формирование проекта. Проект — универсальный метод, который может использоваться на всех уровнях управленческой деятельности. Любая инновация разрабатывается, оценивается, принимается и реализуется именно в форме проекта. Более того, уровни рационального проектирования вообще могут начинаться с личного. Это проект личного успеха независимо от того, заключается ли он в проектировании поэтапного построения карьеры или стратегии самореализации. Обучение умению создавать индивидуальные портфолио представляет собой форму такого личного проекта.

Проект позволяет концентрированно сформулировать приоритеты, основную стратегию региона, а также определить оптимальные пути, средства и методы реализации стратегии. Проект является частью и формой реализации концепции развития региона. Концепция может быть многоплановой. Тогда она отражается в ряде приоритетных проектов.

Важным элементом проекта выступает финансовое обоснование. В проекте финансовое обоснование формулируется, как правило, трижды: в паспорте проекта, в основной части мероприятий по реализации проекта и в приложениях, где представлены расчеты затрат по отдельным направлениям финансирования.

В основе проектирования лежат три технологии. Первая в теории прогнозирования получила название «проблемно-целевого ромба», объединив две технологии построения «древа проблем» и «древа целей». Она применяется в коллективной работе над концепцией развития региона, позволяет проанализировать проблему и разложить ее на подпроблемы первого, второго и последующих уровней, а затем в рамках «древа целей» найти соответствующие цели первого, второго и последующих уровней. Таким образом, на основе

технологий «проблемно-целевого ромба» разрабатывается стратегия развития региона.

Вторая технология объединяет методики количественной и качественной экстраполяции. Смысл их применения заключается в выявлении основных и второстепенных трендов развития экономического, социального и культурного развития региона. Однако в экономической и других сферах может быть несколько тенденций, причем они могут быть разновекторными. Например, мотивация и социально-экономические притязания наемных работников регионального бизнеса могут не совпадать друг с другом и с целями управленческой системы региона. Аналогично разновекторность проявляется в сфере образования, жилищно-коммунальных услуг и ряде других.

Третья технология — «метод построения сценария». Этот метод имеет несколько вариантов, из которых в России используются два. В самом общем виде этот метод можно представить как интуитивно-логическое пошаговое прогнозирование возможных последствий после возникновения конкретной ситуации. Например, это может быть замедление экономического роста или усиление межрегионального напряжения в результате совершенных легальными и нелегальными мигрантами правонарушений или еще какие-либо значимые события. Первый вариант использования сценарного метода чаще реализуется в СМИ, где приглашенные аналитики рисуют картину возможных последствий какой-либо кризисной ситуации, второй — в аналитических службах регионального управления, когда разрабатывается стратегия развития региона.

Таким образом, проектная деятельность в регионах не только является наиболее востребованным видом социального прогнозирования и управления, но и располагает значительным арсеналом средств.

Panel «Science Methodology: Problems and Development Perspectives»

On June 27, 2013 panel «Science Methodology: Problems and Development Perspectives» was held on the base of Mordovia State University. Scientists from Moscow, Kiev, Samara and Saransk took part in it. Actual issues connected with the problems in the modern stage of the scientific knowledge development were in the centre of attention. V. A. Pisachkin defined issues actual for the understanding of philosophic, general scientific,

social, sociological consideration connected with the notions: methodological knowledge, methodological conscience, methodological thinking, methodological competence and science methodology integrity. V. V. Ilyin highlighted the problem of gnoseology demarcation in the aspect of sociology. The world of thought serves the world of life but does not subordinate it. In his opinion, healthy criticism and analytics tending to the dethronement of rational self-exceptionalism of this or that scientific scenario (knowledge mode) are antidotes for the harmful Scientist violation. A. A. Gagaev and P. A. Gagaev paid attention to the anthropological substrate dominant of the fundamental sociological theory in the upbringing and education model. P. N. Kirichek made an accent on the critical aspect of the Russian science present state and communicative inequality in the modern world and modern Russia. A. A. Sychev paid attention to the philosophic-methodological foundations for the integrative approach in methodology. F. A. Aizyatov marked peculiarities in modern sociological methodology where an important place belongs to ethno-methodology. Zh. Yu. Bakaeva turned to methodological foundations of modern socio-systems. V. V. Kozin considered trends in the Russian social institutions transformations analysis. S. V. Polutin attracted attention to the integration of the state, science and business in the context of «Triple Helix» theory. K. V. Fofanova turned to the methodological basis for inter-ethnic consolidation research. G. A. Shulgina postulated the place and the role of science in the society economic integration system. M. M. Rogozha turned to the issue of applied ethics methodology. E. V. Mochalov gave characteristics to the problem of the region in the ethno-confessional and ethic aspects. A. I. Pantyushin paid attention to the interpretation of the essence of integration in the methodology of science. B. A. Nikitina talked about the problem of methodological provision for socially demanded scientific and research issues by the example of the problem of solid domestic waste in large urban agglomerations left without the proper methodological consideration by the applied sciences. M. E. Ryabova pointed out philosophic-methodological foundations for linguistic competence analysis as factor for personality development. The scientists considered philosophic and methodological aspects in social process integration, functioning of information-social, political and other mechanisms for the society integration, problems of humanitarian aspects, issues of ethno-cultural development of the regional society and other actual problems in social practice in the context of methodological analytics and scientific methods application.

Г. В. РИДЕВСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ БЕЛОРУССИИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: экономическая специализация, регион, занятость населения, типология, планировочные районы, эффективность экономического развития

Key words: economic specialisation, region, population employment, typology, planning districts, economic development efficiency

В статье на основе анализа структуры занятости населения в экономике представлена экономическая типология административных районов Белоруссии.

On the basis of the population employment structure analysis economic typology of Belarus administrative districts is presented in the article

Экономическая типология регионов, т. е. распределение регионов страны на относительно однородные группы с учетом их народно-хозяйственной специализации является одной из важных сторон практики их типологизации. Знать экономическую типологию регионов важно не только для реализации государственной региональной политики, но и для исследования экономических процессов и мониторинга структурных изменений в экономическом потенциале регионов.

Важнейшим исходным индикатором для экономической типологии крупных или субнациональных регионов (административных регионов), на которые делится то или иное государство, является валовой региональный продукт (ВРП) и его структура по основным видам экономической деятельности (ВЭД). Однако ВРП, как правило, рассчитывается

РИДЕВСКИЙ Геннадий Владимирович, заведующий региональным центром по Могилевской области Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь, кандидат географических наук, доцент (г. Могилев).

только для субнациональных регионов и не охватывает всего многообразия регионов государства более низких иерархических уровней. Поэтому задача экономической типологии регионов низовых иерархических уровней — это актуальная и востребованная практика региональной политики.

Для сквозной экономической типологии регионов Белоруссии (субнациональных, административных районов и других территорий) можно использовать методику, применяемую в США для экономической классификации графств (округов) с использованием структуры занятости по ВЭД¹.

Графства в США относятся ко второму уровню административно-территориального деления и входят в состав штатов. По данным Бюро переписей США, в стране 3 140 округов (графств) и соответствующих им иных единиц административно-территориального деления, выделяемых в отдельных штатах. Практическая востребованность исследований регионов США на уровне графств объясняет смещение фокуса региональных исследований именно на этот территориальный уровень. В США для экономической типологии графств используются два исходных показателя: структура валовой добавленной стоимости (ВДС) и структура занятости населения в экономике. Экономическую типологию графств разрабатывает экономическая служба департамента сельского хозяйства США. Несмотря на сферу компетенции департамента, в рассмотрение включаются не только сельские, но и городские графства, которые объединяются с сельскими. Двойственный характер критериев экономической типологии графств связан с тем, что экономические показатели сельского хозяйства зависят от ценовой конъюнктуры, колебаний урожайности, субсидий, предоставляемых правительством, и прочих факторов, а структура занятости населения имеет более устойчивый характер.

В полной мере методику экономической типологии графств США применить в Белоруссии нельзя, поскольку НДС как часть оценки ВРП областных регионов без учета чистых налогов на продукты в разрезе районов и городов областного подчинения не публикуется. Поэтому можно ограничиться структурой занятости населения по ВЭД. Структура занятых в экономике в разрезе основных ВЭД косвенно отражает экономический потенциал регионов, их специализацию и при этом одновременно может рассматриваться в качестве

типологии регионов по структуре занятости. В силу необходимости последующих сопоставлений экономическая типология регионов Белоруссии разработана по данным занятости населения в экономике за 2010 г. в разрезе административных районов и городов областного подчинения.

В 2010 г. в Республике Беларусь среднегодовая численность занятых в экономике составила 4 665,9 тыс. чел., из которых 10,6 % были заняты в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве; 25,5 % — в промышленности; 8,6 % — в строительстве; 55,3 % — в сфере производства услуг².

К сожалению, статистика занятости в Белоруссии в разрезе городов и районов по ВЭД учитывает только людей, работающих в организациях, а эта величина составляет около 85 % от общей численности занятых в экономике страны. Статистика не учитывает индивидуальных предпринимателей и лиц, занятых в личном подсобном хозяйстве, что несколько снижает достоверность экономической типологии регионов Белоруссии по структуре занятости. Но подобная оценка все равно репрезентативна, так как она способствует выявлению экономической специфики базовых регионов.

В качестве исходных данных экономической типологии базовых регионов Белоруссии использованы статистические данные о численности занятых в организациях первичного сектора экономики (без горнодобывающей промышленности), промышленности и сферы услуг в разрезе административных районов и городов областного подчинения. Для каждого административного района по каждому из трех основных ВЭД рассчитан соответствующий индекс занятости населения, нормированный к выбранному уровню. При этом города областного подчинения при анализе структуры занятости объединялись с районами, центрами которых они являются (г. Новополоцк рассматривался в составе Полоцкого района, г. Минск — Минского района, г. Жодино — Смолевичского района). Последняя процедура необходима, поскольку города областного подчинения и сам Минск являются неотъемлемой частью соответствующих районов, связанных со своим ближайшим окружением активным социально-экономическим взаимодействием. Этот же подход применяют и американские ученые, строящие экономическую типологию графств США.

Для первичного сектора экономики (в его состав включались сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство) для нормирования принята величина 20 % (это показатель, примерно в два раза превышающий долю занятых в первичном секторе экономики Белоруссии), для промышленности и сферы услуг — 25 и 55 % соответственно. Завышенный порог для выявления аграрной специализации экономики регионов необходим из-за низкой численности занятых в этой сфере хозяйства по сравнению с другими ВЭД, рассматриваемыми для экономической типологии регионов.

Для расчета индекса занятости в первичном секторе экономики (Изпсэ) необходимо рассчитать долю занятых в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве региона относительно общей численности занятых в экономике и разделить на эмпирический показатель нормирования, т. е. на 20 %. Аналогично индекс занятости в промышленности (Изп) может быть рассчитан путем деления доли занятых в промышленности региона на 25 %, а индекс занятости в сфере услуг (Изсу) посредством деления доли занятых в сфере услуг региона на 55 %.

Экономическая типология районов Белоруссии может быть осуществлена путем сравнения рассчитанных индексов с системой выработанных для типологии критериев (табл. 1). Количественные параметры критериев типологии подбирались на основе трех основных принципов: а) отнесение региона в определенную группу по народно-хозяйственной специализации не должно противоречить качественным представлениям об его экономическом потенциале, сформированном на основе знаний об отраслевой структуре регионов Белоруссии; б) регионы, схожие по экономической специализации, должны быть отнесены в одну группу; в) каждая группа регионов должна играть особую роль в территориальной и отраслевой структуре национальной экономики.

Эта методика позволяет выделить 6 основных типов регионов Белоруссии: индустриальные, аграрные, сервисные, индустриально-сервисные, аграрно-сервисные и гиперсервисные (табл. 2).

Таблица 1

Основные критерии экономической типологии регионов Белоруссии

Экономические типы регионов	Критерии для типологии регионов
Индустриальные регионы	Изп имеет максимальное значение
Аграрные регионы	Изпсэ имеет максимальное значение
Регионы преимущественного развития сферы услуг	Изсу имеет максимальное значение
Сервисные регионы	Изп больше 0,900
Индустриально-сервисные регионы	Изп 0,651 до 0,900
Аграрно-сервисные регионы	Изпсэ больше 1,000
Гиперсервисные регионы	Изп меньше 0,650; Изпсэ меньше 1,000

Таблица 2

Экономическая типология регионов Белоруссии

<i>Индустриальные регионы (15 районов)</i>
Брестская область: Барановичский, Березовский. Витебская область: Чашникский. Гомельская область: Добрушский, Жлобинский, Светлогорский. Гродненская область: Лидский, Сморгонский. Минская область: Борисовский, Дзержинский, Молодечненский, Пуховичский, Смолевичский, Солигорский. Могилевская область: Бобруйский
<i>Аграрные (43 района)</i>
Брестская область: Дрогичинский, Ивановский, Каменецкий, Ляховичский, Малоритский, Пружанский. Витебская область: Бешенковичский, Браславский, Верхнедвинский, Дубровенский, Лиозненский, Миорский, Сенненский, Толочинский, Шарковщинский, Шумилинский. Гомельская область: Брагинский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Кормянский. Гродненская область: Берестовицкий, Вороновский, Дятловский, Зельвенский, Ивьевский, Кореличский, Мостовский, Островецкий, Свислочский, Щучинский. Минская область: Воложинский, Клецкий, Копыльский, Любанский, Несвижский, Стародорожский, Узденский, Червенский. Могилевская область: Дрибинский, Кировский, Мстиславский, Слагородский, Хотимский
<i>Сервисные (11 районов)</i>
Брестская область: Брестский, Пинский. Витебская область: Витебский, Оршанский, Полоцкий. Гомельская область: Гомельский, Мозырский. Гродненская область: Гродненский. Минская область: Минский. Могилевская область: Могилевский, Осиповичский
<i>Индустриально-сервисные (23 района)</i>
Брестская область: Жабинковский, Ивацевичский, Кобринский, Лунинецкий. Витебская область: Глубокский, Поставский. Гомельская область: Калинковичский, Наровлянский, Речицкий, Рогачевский, Хойникский. Гродненская область: Волковысский, Новогрудский, Ошмянский, Слонимский. Минская область: Вилейский, Слуцкий, Столбцовский. Могилевская область: Быховский, Климовичский, Костюковичский, Кричевский, Шкловский

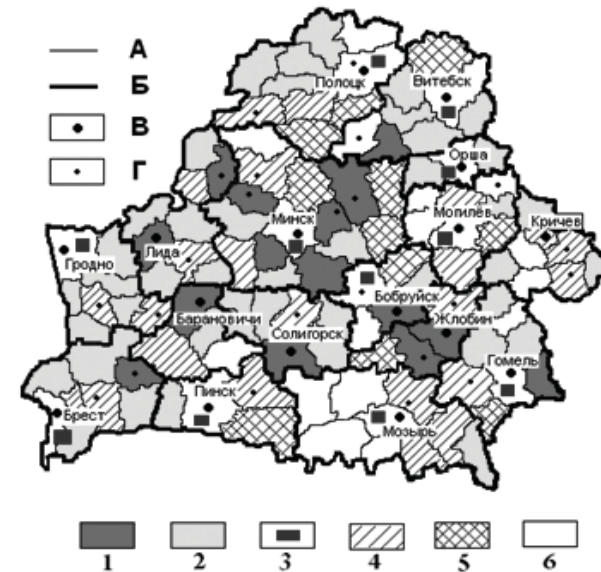
Продолжение табл. 2

<i>Аграрно-сервисные (11 районов)</i>	
Брестская область:	Столинский.
Витебская область:	Городокский, Докшицкий, Ушачский.
Гомельская область:	Лоевский, Октябрьский.
Минская область:	Березинский, Крупский, Логойский.
Могилевская область:	Кличевский, Чаусский
<i>Гиперсервисные (15 районов)</i>	
Брестская область:	Ганцевичский.
Витебская область:	Лепельский, Россонский.
Гомельская область:	Ельский, Житковичский, Лельчицкий, Петриковский, Чечерский.
Минская область:	Мядельский.
Могилевская область:	Бельничский, Глусский, Горецкий, Краснопольский, Круглянский, Чериковский

Расположение различных экономических типов регионов Белоруссии в разрезе планировочных районов (ПР) показано на рисунке. ПР — территориальные системы расселения, хозяйствования и природопользования, которые можно выделить вокруг крупнейших городских центров Белоруссии в границах областных регионов³. Поскольку существующие системы расселения, хозяйствования и природопользования (социально-эколого-экономические районы) в ряде случаев выходят за областные границы, ПР можно рассматривать в качестве ядер социально-эколого-экономических районов, которые выделяются посредством социально-эколого-экономического районирования без учета областных границ⁴.

В областных регионах Белоруссии четкое обособление имеют 16 ПР (по два-три ПР в каждой области страны). В составе Витебской области выделены три ПР — Витебский, Полоцкий и Оршанский; в Могилевской — Могилевский, Бобруйский и Кричевский; в Гомельской — Гомельский, Мозырский и Жлобинский; в Минской — Минский и Солигорский; в Гродненской — Гродненский и Лидский; в Брестской — Брестский, Барановичский и Пинский. Названия ПР даны по их крупнейшим городским центрам.

Центры ПР — города-регионополисы, которые концентрируют значительную (в ряде случаев — преобладающую) часть демографического и экономического потенциала ПР. Поскольку в составе каждого ПР располагаются различные экономические типы регионов, они формируют взаимосвязанные и взаимозависимые территориальные системы с сбалансированным ресурсным потенциалом.

- Границы: А — административные районы, Б — планировочные районы.
 Города: В — важнейшие региональные центры (регионополисы),
 Г — прочие региональные центры и субрегиональные центры.
 Экономические типы регионов: 1. Индустриальные.
 2. Аграрные. 3. Сервисные. 4. Индустриально-сервисные.
 5. Аграрно-сервисные. 6. Гиперсервисные

Рисунок. Основные экономические типы регионов Белоруссии в распределении по ПР

Сбалансированность ресурсного потенциала ПР, которая признается большинством исследователей в качестве важнейшего условия перехода к устойчивому развитию, позволяет рассматривать ПР в качестве регионов планирования, прогнозирования и программирования регионального развития, разработки и реализации эффективных региональных стратегий устойчивого развития. Возможность реализации в границах ПР стратегий устойчивого развития позволяет рассматривать их в качестве регионов развития, т. е. основных объектов региональной политики государства, а

в перспективе — и как основу модернизации административно-территориального деления Белоруссии в интересах устойчивого развития. Основные сведения, отражающие социально-экономическое развитие и социально-экономический потенциал шести экономических типов регионов Белоруссии, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Основные показатели социально-экономического развития регионов Белоруссии в 2010 г. в распределении по шести группам регионов экономической типологии, %⁵

Валовой сбор зерновых и зернобобовых рассчитан по сельскохозяйственным организациям

Типы регионов	Средне-годовая численность населения	Численность занятых в экономике	Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг	Валовой сбор зерновых и зернобобовых
Индустриальные	17,5	16,8	14,3	14,3
Аграрные	12,1	10,5	4,6	38,6
Сервисные	51,3	56,0	72,5	13,8
Индустриально-сервисные	12,1	10,8	6,5	20,9
Аграрно-сервисные	3,2	2,7	0,9	5,8
Гиперсервисные	3,8	3,2	1,2	6,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Емкость потребительского рынка рассчитана как сумма платных услуг, оказанных населению, товарооборота розничной торговли и общественного питания

Типы районов	Производство промышленной продукции	Производство инновационной промышленной продукции	Емкость потребительского рынка	Прибыль организаций	Экспорт товаров
Индустриальные	20,9	21,3	14,4	17,9	25,1
Аграрные	4,8	0,6	7,8	5,8	2,5
Сервисные	65,2	74,1	64,7	68,8	66,8
Индустриально-сервисные	7,5	3,5	8,7	5,7	5,1
Аграрно-сервисные	0,7	0,0	1,9	0,9	0,2
Гиперсервисные	0,9	0,5	2,5	0,9	0,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Индустриальные и аграрные регионы являются антиподами друг другу. При этом индустриальные регионы отли-

чаются не только высокой занятостью в промышленности. Они характеризуются наличием относительно крупных городских центров (от 20 до 220 тыс. чел.), значительными объемами промышленного производства. Наиболее значимые города, расположенные в административных районах этой группы, — это центры соответствующих ПР. Из 16 ПР Белоруссии к числу индустриальных отнесены 5 районов, в которых размещаются их центры. Это Бобруйский, Жлобинский, Солигорский, Барановичский и Лидский районы.

Аграрные районы, кроме относительно высокой численности занятых в первичном секторе экономики, характеризуются отсутствием крупных и средних городских центров (ни один из административных центров этих районов не имеет население более 20 тыс. чел.). Преимущественно это районы, занимающие относительно низкие рейтинги по большинству социально-экономических показателей, но в некоторых районах этой группы развито сельское хозяйство (Несвижский, Клецкий, Берестовицкий, Каменецкий районы), позволяющее им занимать достойные срединные места в рейтинге белорусских районов по многим социально-экономическим показателям.

Сервисные регионы наиболее развиты в социально-экономическом отношении. В каждом из них развитие получила не только сфера услуг, но и промышленность. Из 11 сервисных регионов 10 возглавляют крупнейшие городские центры (регионополисы), играющие роль основных центров ПР. Один сервисный регион возглавляет г. Осиповичи, выступающий в качестве субрегионального центра, т. е. города, выполняющего межрайонные функции. Являясь одним из крупных транспортных узлов Белоруссии, Осиповичи находится в «тени» Бобруйска — регионополиса с мощно развитым промышленным «флюсом».

Индустриально-сервисные регионы в экономическом плане — это крепкие «середняки». В этой достаточно крупной по количеству районов (11) группе располагаются большинство промышленных городов — субрегиональных центров, а также регионополисы Кричев, Костюковичи, Климовичи и Слуцк, которые входят в состав полицентричных Кричевского и Солигорского ПР. Практически все остальные регионы этой группы, центрами которых не являются субрегиональные центры и регионополисы, также имеют значимую промыш-

ленность. К последним относятся Шкловский, Быховский, Глубокский, Ошмянский и другие районы.

Аграрно-сервисные районы существенно уступают районам названных групп по уровню социально-экономического развития. Сфера услуг в регионах этой группы занимает основное место из-за слабого развития промышленности и низкой эффективности сельского хозяйства.

Гиперсервисные регионы в социально-экономическом отношении имеют много проблем. Резко доминирующая сфера услуг в экономическом потенциале этих районов обусловлена высокой численностью занятых в бюджетной сфере. Численность занятых в промышленности, сельском хозяйстве и прочих ВЭД этих регионов мала. Фактически эти регионы живут за счет дотаций государства, а большинство из них имеют проблемы с трудоустройством населения.

Особое место среди гиперсервисных регионов занимает Горецкий район, главная отрасль специализации которого — подготовка кадров для сельского хозяйства посредством обучения в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. Это единственный из 15 районов Белоруссии, отнесенных к гиперсервисному типу, резкое доминирование сферы услуг которого находит рациональное объяснение.

Учитывая, что наиболее значимые экономический и демографический потенциалы сконцентрированы в сервисных и индустриальных регионах, можно утверждать, что именно эти две группы регионов способны обеспечить высокие темпы роста экономики и инновационное развитие Белоруссии, став основными «драйверами» экономического роста в стране. Опираясь на ресурсный потенциал и технологические возможности сервисных и индустриальных регионов, все остальные регионы страны способны также иметь устойчивое развитие. Факт размещения в пределах каждого ПР регионов с различной величиной экономического и демографического потенциалов и экономической специализацией является дополнительным обоснованием жизнеспособности идеи рассмотрения ПР в качестве объектов и субъектов региональной политики, направленной на обеспечение устойчивого развития.

Предложенная экономическая типология регионов позволяет не только судить о народно-хозяйственной специализации, основных функциях и роли того или иного региона

в экономическом потенциале государства, но и дает возможность оптимизировать территориальную и отраслевую структуру экономики регионов Белоруссии посредством территориально дифференцированной государственной региональной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Урожаева З.Н., Иванов Д.С. Проблемы классификации регионов: международный и российский опыт. URL: <http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=639301> (дата обращения: 02.10.2012).

² См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012. Минск, 2012. 715 с.

³ См.: Ридевский Г.В. Планировочное районирование Республики Беларусь // Белорус. экон. журн. 2005. № 5. С. 4—10.

⁴ См.: Его же. Территориальная организация Республики Беларусь: социально-эколого-экономическая модель перехода к устойчивому развитию. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. 525 с.

⁵ Таблица рассчитана на основе двух статистических сборников: Регионы Республики Беларусь: социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. Минск, 2012. Т. 1. 702 с.; Финансы Республики Беларусь: стат. сб. Минск, 2012. 595 с.

Поступила 22.07.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Urozhaeva Z.N., Ivanov D.S. Problemy klassifikacii regionov: mezhdunarodnyj i rossijskij opyt. URL: <http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=639301> (data obrashhenija: 02.10.2012).

² Sm.: Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Belarus', 2012. Minsk, 2012. 715 s.

³ Sm.: Ridevskij G.V. Planirovochnoe rajonirovanie Respubliki Belarus' // Belorus. jekon. zhurn. 2005. № 5. S. 4—10.

⁴ Sm.: Ego zhe. Territorial'naja organizacija Respubliki Belarus': social'no-jekologo-jekonomicheskaja model' perehoda k ustojchivomu razvitiju. Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova, 2007. 525 s.

⁵ Tablica rasschitana na osnove dvuh statisticheskikh sbornikov: Regiony Respubliki Belarus': social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2012: stat. sb. Minsk, 2012. T. 1. 702 s.; Finansy Respubliki Belarus': stat. sb. Minsk, 2012. 595 s.

G. V. Ridevsky. Economic Typology of Belarus Regions on the Basis of Population Employment Structure Analysis

Economic typology of the regions, in the other words, classification of the country regions by relatively homogeneous groups with the account

of their economic specialisation is important not only for the tasks of the regional policy but also for the research of economic processes, monitoring of structural changes in the country regions economic potential.

Gross regional product and its structure by basic types of economic activity can optimal indices for regions economic typology by their economic specialisation. But in Belorussia these indices are calculated only on the level of oblast regions and Minsk. That's why economic typology of administrative districts can be made on the basis of the analysis of the population employment structure in economics and classification by basic types of economic activity. For this purpose methods for the USA counties economic typology implemented by the U.S. Department of Agriculture Economic Research Service can be partially applied.

In the Republic of Belarus on the basis of the population employment structure six economic types of regions are identified in economics: industrial, agrarian, service, industrial-service, agrarian-service and hyper-service. Each type of the regions occupies its own place in the economics territorial structure. At that service and industrial regions form the frame for the Byelorussian economics and can be treated as main drivers for the economic and social development of the country.

The proposed economic typology of the regions allows recognising their economic specialisation, main functions and the role of this or that region in the economic potential of the country as well as gives the opportunity for optimising territorial and branch-wise structure of the Byelorussian economics by means of territorially differentiated regional policy.

RIDEVSKY Gennady V., Head of Regional Centre for the Mogilev Region of Scientific and Research Economic Institute of the Ministry of Economics of the Republic of Belarus, candidate of geographic sciences, assistant professor (Mogilev).

Е. Н. ЖАРОВА

Г. В. МОРОЗОВА

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, налог, налоговая система, налоговая политика, налог на доходы населения, налоговые вычеты

Key words: life quality, living standards, tax, taxation system, taxation policy, individual income tax, tax deductions

В статье рассматриваются основные направления воздействия системы налогообложения на уровень жизни населения, предложены способы совершенствования системы налогообложения для улучшения качества жизни населения.

Main aspects in the taxation system influence on the population life quality are considered in the article. Ways for taxation system modernisation for the population life quality improvement are offered.

В России, как и в любом государстве, налоговая система является неотъемлемой частью его функционирования. Устройство налоговой системы, ее структура зависят от политического, экономического и социального строя государства, отражающего этапы его исторического развития. В оте-

ЖАРОВА Елена Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

МОРОЗОВА Галина Владимировна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

чественной науке наблюдается многообразие теоретических и практических исследований в области налогообложения. Достаточно глубоко исследованы экономическая сущность налогов, их функции и принципы налогообложения. Однако недостаточно изучен механизм воздействия системы налогообложения на уровень жизни населения. Отсутствуют четкие направления решения вопросов в этой области.

Налог представляет собой обязательный, безвозмездный платеж в государственный бюджет для обеспечения выполнения обязательств государства перед населением. Следовательно, налог является определенной платой за предоставляемые государством услуги в области здравоохранения, образования, культуры, безопасности и др. Государство обязано, согласно Конституции Российской Федерации и действующему законодательству, на базе сложившейся бюджетной системы, основой которой являются налоги, обеспечивать надлежащий объем и качество государственных услуг. Для этого налогоплательщик и рядовой гражданин должны хорошо представлять результат своих платежей, объем и качество получаемых услуг на основе установленных стандартов. В этом направлении сейчас достаточно активно ведется определенная работа, особенно в области образования, здравоохранения. Можно предположить, что понятия «минимальный размер оплаты труда», «прожиточный минимум на душу населения», «система расчета пенсионного обеспечения», «размер минимальной потребительской корзины» — это тоже определенные стандарты. Однако их размер не может обеспечить не только достойный уровень проживания социально незащищенных групп населения, но и саму жизнь, тогда как налоговая нагрузка на юридических и физических лиц в России довольно высока.

Подобные «стандарты» не являются темой для обсуждения в данной статье, однако обращают внимание на важность системы налогообложения и формирования стандартов обеспечения услугами как единой системы обеспечения высокого уровня жизни населения в стране.

Достижение высокого качества жизни граждан страны является основной целью деятельности государства. А. Н. Ткачев и Е. В. Луценко считают, что «государственное регулирование качества жизни — это целенаправленное воздействие на политические, экономические, хозяйственные,

социальные и культурные процессы, определяющие качество жизни граждан»¹. Мы согласны с этим утверждением. Но, на наш взгляд, органы государственной власти не в полной мере используют имеющиеся у них возможности и механизмы в области налогообложения для стимулирования развития бизнеса, роста инвестиционной привлекательности регионов и повышения уровня жизни населения.

Одним из основных направлений налоговой политики государства является выбор оптимального соотношения между фискальной и регулирующей функциями налогообложения. В широком смысле система налогообложения выступает в качестве инструмента финансового обеспечения решения государственных задач. При этом цели налоговой политики — обеспечение экономического роста и повышение уровня жизни населения. Таким образом, необходимо четко определить эффективность действующей налоговой политики и разработать направления повышения уровня жизни общества.

А. Н. Ткачев и Е. В. Луценко утверждают, что «инвестиционная и налоговая политика являются системно-образующими факторами, создающими среду для развития производства и рынка, которые непосредственно и через налоговые поступления оказывают влияние на качество жизни. Инвестиции и дотации могут в какой-то степени компенсировать отрицательное действие налоговой системы и эквивалентно местному смягчению налогового бремени»². Мы согласны и с этим утверждением, однако, на наш взгляд, не только финансовые вливания могут смягчить «остроту» современной налоговой системы, но и система льгот и преференций, стимулирующих развитие хозяйствующих субъектов крупного и малого бизнеса.

Система налогообложения для всех групп налогоплательщиков одинакова, а доходность бюджетной сферы и уровень развития экономики далеко не одинаковы, поэтому, например, по итогам 2012 г. в Мордовии средняя заработная плата составляла 13 601 руб., а размер прожиточного минимума — 6 056 руб. Проблемы распределения доходов населения в России решаются с применением инструментов налоговой политики. На федеральном уровне основным налогом, позволяющим государству влиять на доходы населения, является налог на доходы физических лиц.

Один из важных инструментов регулирования распределения доходов населения — ставка НДФЛ. Введение «плоской шкалы» привело к тому, что 10 % населения, имеющего сверхдоходы, платят ровно такой же налог, как и 90 % мало- и среднеобеспеченных, хотя доход первых во много раз выше. Это напрямую расходится с положениями Конституции Российской Федерации³. Использование плоской шкалы налогообложения в России сопровождается увеличением разрыва в уровне доходов различных социальных групп при общем низком качестве жизни большинства населения.

Другим инструментом реализации социальной направленности являются налоговые вычеты. Существуют два основных недостатка вычетов по НДФЛ. Во-первых, суммы вычетов настолько незначительны, что они не обеспечивают даже базовых потребностей малообеспеченного населения, не решают проблем социальной защиты семей с детьми, а также не могут стимулировать налогоплательщика к улучшению жилищных условий или повышению уровня образования. Во-вторых, суммы вычетов не индексируются в соответствии с инфляционными процессами, поэтому вычеты еще больше обесцениваются, а стоимость имущества, образовательных и медицинских услуг с каждым годом растет.

В соответствии с политикой в области доходов населения необходимо снижение уровня бедности на основе поддержания высоких темпов экономического развития, обеспечения макроэкономической стабильности, роста денежных доходов населения, повышения эффективности программ социальной защиты. Реализация этих мероприятий предполагает активизацию соответствующих инструментов. Однако при совершенствовании механизма налогообложения следует учитывать значимость стабильности налогового законодательства как одного из факторов устойчивого развития. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, сохранив общий порядок и основные категории действующего механизма, внести изменения в состав наиболее значимых инструментов налогового регулирования: налоговой базы (при корректировке параметров доходов), налоговых льгот и вычетов, налоговых ставок.

Возможны два пути регулирования доходов населения сочетанием ставки НДФЛ и иных инструментов распределения налоговой нагрузки: плоская шкала НДФЛ в сочетании

с множественными вычетами для малообеспеченных слоев населения; прогрессивная ставка налога и минимальное количество дополнительных преференций.

Для снижения неравенства в доходах населения, масштабов бедности, улучшения качества жизни, обеспечения социальной справедливости целесообразно использовать опыт прогрессивного налогообложения доходов, накопленный в других странах. Система фиксированных ставок налога в России должна быть заменена прогрессивной шкалой налогообложения.

Существует несколько вариантов учета семейного положения налогоплательщика, наличия детей и иждивенцев: индивидуальное налогообложение с использованием стандартных вычетов на детей; семейное налогообложение на основе применения особой системы коэффициентов и т. д. Предлагается дифференцировать налогоплательщиков с учетом использования механизма семейного налогообложения на основе применения системы коэффициентов, учитывающих семейное положение налогоплательщика и число детей в семье.

При внедрении системы налогообложения семейного дохода в российскую практику целесообразно на начальном этапе оставить на усмотрение налогоплательщиков самостоятельный выбор между использованием семейного или индивидуального налогообложения. В связи с этим при применении системы индивидуального обложения необходимо установить стандартный налоговый вычет на ребенка, равный официальному прожиточному минимуму на детей, в общей сумме на обоих родителей. При этом следует предусмотреть за налогоплательщиками право на использование такого вычета одним из родителей по их выбору. По нашему мнению, семейное налогообложение в условиях установления дифференцированной ставки НДФЛ будет соответствовать критерию справедливости, так как общая сумма дохода семьи распределяется между ее членами пропорционально.

Следует отметить, что социальные и имущественные вычеты из налоговой базы могут применяться при индивидуальном и семейном налогообложении. Основной проблемой существующей системы вычетов из налоговой базы по НДФЛ является их недостаточный размер в стоимостном выражении, а также отсутствие корректировки на инфляцию.

Для решения этой проблемы необходимо увеличить сумму вычетов в абсолютном выражении (для имущественного вычета — в размере средней рыночной стоимости нормы жилья на одного человека с учетом специфики региональной дифференциации, для социальных вычетов на лечение и обучение — средней стоимости указанных услуг). Необходимо законодательно закрепить возможность переноса оставшейся неиспользованной суммы социального вычета на следующий налоговый период, чтобы уравнивать в стоимостном выражении используемой суммы вычета более обеспеченных и малообеспеченных граждан, не способных в полной мере воспользоваться предлагаемым вычетом из-за низкой заработной платы.

Кроме того, требуется расширить систему социальных налоговых вычетов за счет особых и вынужденных расходов. Так, к затратам налогоплательщика, уменьшающим его налогооблагаемую базу по НДФЛ, следует отнести: расходы на оплату содержания ребенка в детском саду, услуги по обучению ребенка в коррекционных школах-интернатах для детей с ограниченными возможностями, поддержку нуждающихся в уходе лиц (инвалидов), погребение родных (по установленным нормативам), страхование гражданской ответственности на транспортное средство. По нашему мнению, применение нового механизма и расширение системы налоговых вычетов позволят повысить эффективность социальной политики государства.

В настоящее время в России вопрос о введении налога на роскошь является одним из наиболее дискутируемых в связи с тем, что в этом случае богатые слои населения будут выставляться на всеобщее обозрение не только свои финансовые ресурсы, но и демонстрировать свое стремление к взаимопониманию с менее обеспеченными категориями населения. Одни считают, что налог на роскошь не станет источником пополнения бюджета государства в той степени, в которой необходимо. Другие полагают, что акцент должен быть сделан не на фискальной функции налоговой системы, а на распределительной, т. е. на направлениях, по которым будут распределяться поступления от уплаты данного налога. Логическим завершением дискуссии является введение прогрессивного подоходного налога. Механизм его введения до конца не проработан. Однако, на наш взгляд, такая мера

положительно повлияла бы на общую обстановку в стране, поскольку ее основой является в какой-то степени реализация принципа справедливости.

Таким образом, налоговая система в России еще требует совершенствования. Проведена значительная работа по формированию законодательной базы в области налогообложения, но в связи с постоянно меняющимися условиями налоговая система требует корректировки и доработок. Необходимо усилить социальную ориентированность налоговой системы, поскольку от ее акцентов будет зависеть благосостояние населения. Только на государственном уровне формируется политика, направленная на достижение высокого уровня жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ткачев А.Н., Луценко Е.В. Качество жизни населения как интегральный критерий оценки эффективности деятельности региональной администрации. URL: <http://ej.kubagro.ru/2004/02/14> (дата обращения: 19.04.2013).

² Там же.

³ См.: Жверанцева М.С. Повышение социальной направленности налогообложения доходов от трудовой деятельности как вектор развития российской налоговой системы // Вестн. ПАГС. 2011. № 3. С. 161—166.

Поступила 16.09.2013.

REFERENCES

¹ Tkachev A.N., Lucenko E.V. Kachestvo zhizni naselenija kak integral'nyj kriterij ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti regional'noj administracii. URL: <http://ej.kubagro.ru/2004/02/14> (data obrashhenija: 19.04.2013).

² Tam zhe.

³ Sm.: Zhveranceva M.S. Povyshenie social'noj napravlenosti nalogooblozhenija dohodov ot trudovoj dejatel'nosti kak vektor razvitija rossijskoj nalogovoj sistemy // Vestn. PAGS. 2011. № 3. S. 161—166.

E. N. Zharova, G. V. Morozova.
Taxation System Influence on Population Life Quality

The article is devoted to the research of main ways in the taxation system influence on the population life quality. Main problems in this sphere have been highlighted and offers for the improvement of the Russian Federation population life quality have been made. The essence of the tax as a certain fee for services offered by the state in the spheres of healthcare, education,

safety is determined. But by the present moment quality standards of services rendered by the state have not been determined and that is one of the most important problems in the taxation system. High-class life quality of the country population is the main objective of the state. Presently this objective is achievable especially for low-income people. So it is necessary to determine efficiency of the present taxation policy and develop the ways for the improvement of the society life quality.

Issues of personal income taxation are touched upon. It is offered to introduce non-assessable minimum corresponded to the amount to satisfy the necessary needs of the person. Introduction of progressive income tax satisfying the principle of justice and aimed at the decrease in the differentiation by income can be one of the ways for taxation policy efficiency increase.

ZHAROVA Elena N., assistant professor of Chair of Finance and Credit of Mordovia National Research State University, candidate of economic sciences.

MOROZOVA Galina V., assistant professor of Chair of Finance and Credit of Mordovia National Research State University, candidate of economic sciences.

Е. О. ШЕБАНОВА

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: материально-техническое обеспечение, управление, интеграционный процесс, планирование, закупка, хранение, доставка, контроль, оптимизация, снабжение, качество, складские операции, маркетинг, контроллинг

Key words: material and technical provision, management, integration process, planning, purchase, preservation, delivery, control, optimisation, supply, quality, storage operations, marketing, controlling

В статье рассматривается методика формирования интегрированного процесса материально-технического обеспечения промышленных предприятий на примере ОАО «Кадошкинский электротехнический завод» посредством принципов торгово-закупочной деятельности.

Methods for the formation of integrated process of material and technical provision for industrial enterprises by the example of JSC «Kadoshokino Electro-Technical Plant» by means of trade and purchase activity principles are considered in the article.

Построение прогрессивной модели материально-технического обеспечения (МТО) должно быть основано на комплексном подходе в управлении сквозными материальными, информационными и финансовыми потоками, возникающими между поставщиками и внутренними подразделениями промышленного предприятия на всех этапах движения материальных оборотных средств, что характеризует функциональную систему управления производством в целом.

Для совершенствования системы МТО промышленных предприятий целесообразно интегрировать процесс МТО. Интеграции подлежат процессы определения объемов закупки материальных оборотных средств (МОС); закупки

ШЕБАНОВА Елена Олеговна, аспирант кафедры экономического анализа и учета Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

и хранения МОС, их доставки потребителю; контроля и оптимизации интегрированного процесса МТО. Кроме того, важной функцией материально-технического отдела является обеспечение предприятия бесперебойным и качественным снабжением МОС. Таким образом, для повышения эффективности системы снабжения предлагается долгосрочная концепция развития системы управления снабжением.

Соответственно, для повышения эффективности совершенствования МТО целесообразно создать организационную структуру, направленную на реализацию требований интегрированного процесса. Создание этой структуры предполагает ряд преобразований: централизацию функции закупок (перевод управления оборудованием, включая капитальное строительство и ремонт, в подчинение коммерческому директору, что соответствует стандартам крупнейших российских и зарубежных промышленных компаний и позволит обеспечить единую методологию организации закупочной деятельности); создание отдела ведения договоров для централизации функции оперативного учета и контроля по договорам поставки МОС, транспортных, таможенных и прочих услуг; совершенствование управления складскими и транспортными операциями для четкого разделения функций управления материальными потоками и складским хозяйством; усиление роли отдела маркетинга, централизация исследований конъюнктуры рынка, планирования цен, оптимизации методов закупки; создание отдела развития в связи с необходимостью оптимизации бизнес-процессов снабжения; создание отдела контроллинга, осуществляющего контроль сроков реализации заказов от поступления заявок до доставки в цех, контроль общих затрат на всех этапах движения МОС в разрезе участников, централизованное управление запасами, разработку ключевых показателей эффективности системы снабжения в рамках системы сбалансированных показателей и определение контрольных показателей для каждого участника, мониторинг и анализ основных показателей системы снабжения¹.

Помимо долгосрочной концепции, необходимо реализовать ряд мероприятий в краткосрочной перспективе: выстроить интегрированный процесс, включающий разработку новых регламентирующих документов и должностных инструкций; обучение персонала; проведение реорганизационных мероприятий и определение контрольных показателей.

Для достижения этих целей целесообразно регулярно давать оценку результатов деятельности подразделений системы МТО, в том числе определить уровень эффективности внутреннего и внешнего взаимодействия подразделений системы, выявить причины отклонений по основным показателям деятельности, непрерывно разрабатывать и реализовывать план действий по оптимизации процессов². На примере ОАО «Кадошкинский электротехнический завод» сделан анализ затрат по процессам МТО, что позволит установить их общую интегральную величину, составляющую в настоящее время 397 405 тыс. руб., и определить уровень отдельных его составляющих.

Анализ затрат на процесс снабжения позволяет рассчитать полную годовую стоимость МТО для ОАО «Кадошкинский электротехнический завод», а также установить наценку снабжения в стоимости закупаемых материальных средств (таблица).

Таблица
Годовая стоимость снабжения для ОАО «КЭТЗ», тыс. руб.

Показатель	Всего	Сырье и основные материалы	Оборудование и запасные части	Вспомогательные материалы
Объем МОС, отпущенных в производство	76212863	64338684	10787449	1086730
Стоимость снабжения для ОАО «КЭТЗ»	1694636	1202018	312961	179657
Оборотные средства, замороженные в запасах	1297231	1082485	195902	18844
Затраты на организацию снабжения	397405	119533	117059	160814
Снабженческая наценка	2,2%	1,9%	2,9%	16,5%

Годовая стоимость снабжения для ОАО «КЭТЗ» составляет 1 694 636 тыс. руб. (затраты на организацию снабжения — 397 405 тыс. руб., оборотные средства, замороженные в запасах с учетом дисконтирования, — 1 297 231 тыс. руб.). На основе результатов анализа годовой стоимости снабже-

ния можно сделать вывод, что снабженческая наценка по группе «вспомогательные материалы» имеет существенную величину, которая на 7,0 % превышает показатель, принятый на европейских промышленных предприятиях в области электротехники. Повышение эффективности процесса организации снабжения позволит добиться экономического эффекта по всем категориям МОС.

Ключевые показатели эффективности разрабатываются для измерения выполнения оперативных задач, поставленных перед подразделениями системы МТО на краткосрочную перспективу в рамках текущей деятельности по процессу снабжения в целом и основным процессам: планирование закупок; выбор поставщика; ведение договоров; хранение, комплектация и доставка подразделениям-заказчикам; контроль исполнения, анализ и совершенствование процессов МТО; контроль поставленных задач, закрепленных за персоналом системы МТО, и их выполнение являются основанием для выплаты материального вознаграждения по решению руководства предприятия. Анализ отклонения плановых и фактических показателей — один из источников формирования ежегодной программы мероприятий по совершенствованию процессов снабжения³.

На основе требований к процессам МТО, формализованных в регламентирующих документах промышленных предприятий, измеряется эффективность исполнения процессов по времени, качеству и стоимости.

Для интегрированного процесса МТО должны быть показатели, контролирующие эффективность исполнения коммерческой службой своих обязательств перед смежными подразделениями завода. Для процесса планирования объемов закупки должны формироваться показатели эффективности, контролирующие своевременность формирования и исполнения плана закупок; при выборе поставщиков — показатели эффективности, контролирующие своевременность и максимально возможную прозрачность проведения соответствующих процедур (тендеров и электронных торгов), а также расширение конкурентной среды, повышающей уровень эффективности проводимых процедур выбора поставщиков⁴.

Кроме того, ведение договоров должно сопровождаться формированием показателей, контролирующих своевременность размещения заказов у поставщиков и выполнения

обязательств по договорам поставки МОС, качество и своевременность проведения процедур внешней приемки поступающих грузов, соблюдение нормативов дебиторской и кредиторской задолженности. Для организации процессов хранения, комплектации и доставки МОС подразделениям-заказчикам важно контролировать своевременность учета поступающих на место хранения МОС, комплектацию и доставку МОС подразделениям-заказчикам, реализацию неликвидов, исполнение бюджета МТО по статьям затрат, связанных с содержанием складского хозяйства и использованием транспорта. Для обеспечения надлежащего контроля и анализа в целях оптимизации процессов МТО важно контролировать качество подготовки отчетов и аналитических справок, разработку и внедрение предложений по совершенствованию процессов МТО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Степанов В.И. Материально-техническое снабжение: учеб. пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2009. 192 с.

² См.: Стерлигова А.Н., Фель А.В. Операционный (производственный) менеджмент: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2009. 187 с.

³ См.: Малюк В.И., Немчин А.М. Производственный менеджмент: учеб. пособие. СПб., 2008. 288 с.

⁴ См.: Герчикова И.Н. Менеджмент: учебник. М., 2010. 512 с.

Поступила 17.06.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Stepanov V.I. Material'no-tehnicheskoe snabzhenie: ucheb. posobie. M.: Izdat. centr «Akademija», 2009. 192 s.

² Sm.: Sterligova A.N., Fel' A.V. Operacionnyj (proizvodstvennyj) menedzhment: ucheb. posobie. M.: Infra-M, 2009. 187 s.

³ Sm.: Maljuk V.I., Nemchin A.M. Proizvodstvennyj menedzhment: ucheb. posobie. SPb., 2008. 288 s.

⁴ Sm.: Gerchikova I.N. Menedzhment: uchebnik. M., 2010. 512 s.

E. O. Shebanova. Material and Technical Provision for Production Management at Industrial Enterprises of the Region

Functional system for the management of material, information and financial flows existing between suppliers and internal departments of an industrial enterprise on all stages of the material current assets may be in

the best way represented in the form of the integrated process of material and technical provision. For the purpose of modernisation of material and technical provision efficiency it is rational to establish organisational structure aimed at the implementation of the integrated process demands. In the article it is pointed out what kind of reformation this organisational structure should include. Estimation of the results of the system of material and technical provision departments activity will allow determining reasons for inclinations by the main activity indices, developing and implementing the strategy for processes optimisation. By the example of the industrial enterprise the analysis of expenses for material and technical provision process was made and their integral quantity as well as the level of its components were determined. Key indices for the efficiency of operative objectives set to material and technical provision departments for the short-term perspective in the framework of the current activity in general and to the supplying process in particular are presented in the article. Supplying process efficiency increase will allow having an economic effect in all categories of material current assets. To provide proper control and analysis it is important to control reports and analytic materials quality, development and implementation of proposals for material and technical processes modernisation.

SHEBANOVA Elena O., post-graduate of Chair of Economic Analysis and Accountancy of Mordovia National Research State University.

С. М. МАКЕЙКИНА

Р. И. ПАНКОВА

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОГРАММНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: финансовое обеспечение, программные мероприятия, регион, топливно-энергетические ресурсы, энергоресурсосбережение, энергоэффективное производство, энергоёмкость ВРП

Key words: financial provision, programme measures, region, fuel and energy resources, energy-resource-saving, energy-efficient production, Gross Regional Product energy ratio

В статье исследуются финансовые аспекты реализации программных мероприятий по энергосбережению и энергоэффективности в Республике Мордовия. Рассматриваются целевые индикаторы выполнения программы, отмечена отрицательная тенденция потребления топливно-энергетических ресурсов.

Financial aspects of energy-saving and energy-efficiency programme measures implementation in the Republic of Mordovia are under research in the article. Target indicators for the programme implementation are considered, a negative tendency in fuel and energy consumption is registered.

МАКЕЙКИНА Светлана Михайловна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ПАНКОВА Римма Ивановна, преподаватель кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

До недавнего времени в России повышению энергетической эффективности уделялось мало внимания. Вместе с тем сейчас эта проблема привлекает внимание руководства страны на самом высоком уровне. Основными мотивами повышения энергоэффективности и осуществления энергосбережения являются истощаемость природных ископаемых, энергетическая безопасность и экологический фактор.

Энергоресурсосбережение и энергоэффективное производство являются важными задачами XXI в. От результатов их решения зависят место нашего общества в ряду развитых в экономическом отношении стран и уровень жизни граждан. Россия не только располагает необходимыми природными ресурсами и интеллектуальным потенциалом для успешного решения своих энергетических проблем, но и является ресурсной базой европейских и азиатских государств, экспортирует нефть, нефтепродукты и природный газ в объемах, стратегически значимых для стран-импортеров. Однако избыточность топливно-энергетических ресурсов в стране не должна предусматривать энергорасточительность, так как только энергоэффективное хозяйствование при открытой рыночной экономике является фактором конкурентоспособности российских товаров и услуг¹.

Путь к благосостоянию России лежит по траектории снижающейся энергоемкости. В связи с принятием федерального закона «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности» и системы нормативно-правовых актов, позволяющих реализовать его положения, вопрос, связанный с экономией энергии, является особенно острым. Главной причиной необходимости коренного пересмотра отношения к энергосбережению в России является чрезмерно высокая энергоемкость ВВП, которая делает национальную экономику неэффективной и ставит под сомнение реализацию высоких темпов роста ВВП, запланированных до 2020 г. Энергоемкость российской экономики существенно превышает паритет покупательной способности в США, Японии и развитых странах Европейского Союза. Для обеспечения конкурентоспособности продукции российского производства необходимо снижать энергоемкость ВВП.

В 2000 г. энергоемкость ВВП России была в 3,2 раза выше по сравнению с аналогичным показателем ЕС, в 2,2 раза — США, 3,6 раза — Японии. Еще большие раз-

личия наблюдаются по отраслям промышленности. Доля энергозатрат в стоимости промышленной продукции России составляет 18 % (против 3—10 % в советское время), в химии и нефтехимии — 40—45 % и даже 70 % на отдельных предприятиях. Это означает неконкурентоспособность отечественных товаров на мировом и внутреннем рынках, что приводит к засилью импорта и, как следствие, к остановке предприятий за ненадобностью их продукции².

За последние годы принят целый ряд документов федерального уровня, регламентирующих деятельность в области энергосбережения. Наиболее важными из них являются Федеральный закон «Об энергосбережении» (1996), Федеральная целевая программа «Энергосбережение России» (1998), «Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.», Федеральная программа «Энергоэффективная экономика на период 2002—2005 гг. и на перспективу до 2010 г.» (2001), Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Этими актами предусмотрены, в частности, меры по созданию региональных законов об энергосбережении, а также региональных и отраслевых программ по энергосбережению, установке приборов учета энергоресурсов, внедрению энергоаудита, стимулированию энергосберегающих мероприятий.

Высокая энергоемкость российской экономики негативно сказывается на федеральном и региональном бюджете. Это не позволяет поднять конкурентоспособность промышленной продукции, выпускаемой отечественными предприятиями. Для Республики Мордовия снижение энергоемкости ВРП и повышение энергоэффективности представляют особую значимость из-за особенностей энергетического комплекса республики. Она не располагает необходимыми ресурсами органического топлива и полностью зависит от его внешних поставок. Поэтому стратегической задачей республики является снижение энергоемкости и повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов.

В соответствии с Федеральным законом «Об энергосбережении» в Мордовии разработана Республиканская целевая программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия» на 2011—2020 гг. Целью программы является снижение потребления топлив-

но-энергетических ресурсов на единицу ВРП путем их наиболее полного и рационального использования во всех секторах экономики республики за счет внедрения комплекса энергосберегающих мероприятий и проектов³. Реализация программы предполагает два этапа: 2011—2015 гг. и 2016—2020 гг. На реализацию запланированных мероприятий выделены значительные финансовые ресурсы, включающие средства федерального и республиканского бюджетов. Всего на осуществление энергосберегающих мероприятий и проектов на 2011—2020 гг. предусмотрена сумма в размере 11 037,9 млн руб.

Основными потребителями топливно-энергетических ресурсов в республике являются промышленные предприятия. Следовательно, наибольшее влияние на уровень энергоемкости ВРП Мордовии оказывают мероприятия, проводимые по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в промышленности. К числу проводимых мероприятий относятся модернизация технологических процессов, в том числе посредством закупки энергоэффективного оборудования; монтаж высокоэффективных газовых инфракрасных излучателей для отопления; утепление ограждающих конструкций; реконструкция и модернизация инженерных коммуникаций производственных помещений.

Вышеперечисленные мероприятия являются для предприятий дорогостоящими и требуют государственной поддержки. Основной инструмент ее реализации на энергоемких промышленных производствах республики — предоставление государственных гарантий РФ по кредитам на реализацию проектов по энергосбережению, привлекаемым отобранными в порядке, установленном Правительством России, организациями. Для стимулирования реализации региональных программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности и активизации частных инвестиций предоставляются федеральные субсидии бюджетам субъектов РФ, а также осуществляется льготное налогообложение в части компенсации затрат на уплату процентов по кредитам.

Субъект РФ может рассчитывать на получение субсидий при выполнении ряда условий. Во-первых, уровень софинансирования расходного обязательства субъекта РФ, относящегося к реализации за счет средств федерального бюджета, должен составлять от 5 до 95 % расходного обязательства,

предусмотренного на реализацию программы. Во-вторых, объем ежегодного софинансирования из федерального бюджета одного субъекта РФ не может быть менее 45 млн руб. и более 500 млн руб. В-третьих, суммарный показатель, характеризующий эффективность проведения государственной политики в области энергосбережения должен быть не ниже 3,5. Сводный рейтинг энергоэффективности (суммарный показатель) Мордовии составляет 5,9⁴.

Среди всех регионов России Мордовия занимает 14-е место, опережая Московскую, Нижегородскую, Самарскую области и др. На сводный рейтинг энергоэффективности оказывают влияние такие показатели, как энергетические обследования, реализация программ, предоставление отчетности в ГИС, приборы учета, рейтинг ЭЭ регулируемых организаций, снижение энергоемкости. Среди этих показателей наилучшие результаты Мордовия показала в снижении энергоемкости ВРП, набрав 9,5 баллов из 10 и 9,2 балла по установке приборов учета. Однако регион обладает значительным потенциалом увеличения итогового рейтинга, поскольку по такому показателю, как энергетические обследования, республика не получила ни одного балла⁵.

В 2011 г. из федерального бюджета на реализацию мероприятий Республиканской целевой программы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия» на 2011—2020 гг. выделены субсидии на сумму 5 271 млн руб. Следует отметить, что субсидии в 2011 г. получили только 55 субъектов РФ. Среди регионов Приволжского федерального округа, Мордовия по объему полученных федеральных денежных средств опередила Кировскую, Пензенскую, Самарскую области, Пермский край, республики Марий Эл и Чувашия.

Важнейшими целевыми индикаторами выполнения Программы являются снижение энергоемкости ВРП не менее, чем на 53 % к 2020 г. (по сравнению с 2010 г.); обеспечение суммарной экономии первичной энергии в размере не менее 4 380 тыс. т условного топлива к 2020 г. Расчет целевых показателей осуществляется для оценки эффективности мероприятий, включенных в региональные и муниципальные программы, с применением индикаторов, отражающих общее состояние субъекта РФ в области энергосбережения. Для расчета целевых показателей в Мордовии используется фе-

деральная «Методика расчета значений целевых показателей в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, в том числе в сопоставимых условиях», утвержденная Министерством регионального развития в 2010 г.

С 2007 г. энергоемкость снижалась, что свидетельствует о положительной динамике уровня энергоемкости. Наибольшее снижение наблюдалось в 2008 г. (–18,44 % к уровню 2007 г.). При этом стоит отметить, что данный результат достигнут на фоне существенного роста объема ВРП (22,07 % к 2007 г.) и незначительного снижения объема потребления ТЭР (–0,45 % к 2007 г.). Значительное снижение уровня энергоемкости произошло в 2010 г. (–10 % по отношению к 2009 г.). В 2010 г. наблюдалось увеличение на 0,77 % потребления ТЭР. Таким образом, с 2007 по 2010 г. энергоемкость Мордовии сократилась на 28,14 % и составила 30 кг у. т. на тыс. руб. в 2010 г.⁶

Снижение энергоемкости ВРП республики и повышение энергоэффективности во многом определяются состоянием электрических сетей, водопроводов, газопроводов и теплотрасс. Безусловно, в рамках программы предусмотрены мероприятия, направленные на замену, ремонт и модернизацию сетей, труб, коммуникаций. Однако при поставке топливных ресурсов потребителям имеют место существенные потери, которые приводят к снижению объема прибыли у поставщиков ресурсов и повышению энергоемкости производства.

Наблюдается отрицательная тенденция потребления топливно-энергетических ресурсов, что является положительным моментом, поскольку снижение объемов потребления оказывает влияние на снижение энергоемкости ВРП Мордовии. Сокращение имеющихся объемов потерь ТЭР при их передаче приведет к значительному увеличению темпов снижения энергоемкости ВРП республики.

Объем потерь электрической энергии за анализируемый период составляет от 17,7 % в 2010 г. до 15,2 % в 2012 г. Следует отметить снижение объема потерь за 2010—2012 гг. при передаче электрической энергии. При передаче тепловой энергии объем потерь в 2010 г. составил 21,3 %. В 2011 г. на фоне снижения общего объема потребления ТЭ на 0,7 % объем потерь увеличился на 9,3 % и составил 23,5 % от общего объема. По итогам 2012 г. ситуация не изменилась: объем потребления ТЭ сократился на 9,4 %, а объем по-

терь вырос на 6,85 % к уровню 2011 г. и составил 27,7 % от общего потребления. Ситуация с потреблением воды аналогичная: на фоне снижения общего потребления объем потерь при ее передаче увеличивался (с 12,1 % в 2010 г. до 18,0 % в 2012 г.).

Объяснить такие значительные объемы потерь ресурсов при их передаче можно неудовлетворительным состоянием теплотрасс, электрических сетей и водопроводов. Безусловно, решать эту проблему следует незамедлительно, поскольку республика, помимо физического объема энергетических ресурсов, теряет значительные финансовые ресурсы.

Таким образом, необходимо проводить мероприятия по устранению существующих проблем, поскольку потерянные финансовые ресурсы можно было вложить в модернизацию производства предприятий, строительство дорог, развитие социальной инфраструктуры, финансирование школ, больниц, детских садов и т. д.

Реализация Республиканской целевой программы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия» на 2011—2020 годы положительно влияет на экономику республики. На реализацию мероприятий Программы выделяются значительные финансовые ресурсы, но их большая доля приходится на внебюджетные источники. Несмотря на имеющиеся проблемы в реализации мероприятий Программы, имеются положительные результаты. Наблюдаются снижение уровня энергоемкости ВРП Мордовии, сокращение уровня потребления топливно-энергетических ресурсов. В успешной реализации программных мероприятий заинтересовано не только руководство Мордовии, но и предприятия и организации во всех отраслях экономики. Повышение энергоэффективности производства ведет к повышению качества и конкурентоспособности продукции, выпускаемой на предприятиях республики. В результате увеличивается объем продаж и рынок сбыта выпускаемой продукции; создаются новые рабочие места; становится выше оплата труда работников предприятий. Это способствует улучшению социально-экономического положения Мордовии, развитию социальной, транспортной инфраструктуры, повышению уровня и качества жизни населения республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральный Закон РФ от 23 ноября 2009 г. «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 261-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12171109> (дата обращения: 10.05.2013); Государственная программа Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» (Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 2446-п). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142439> (дата обращения: 14.05.2013).

² См.: Управление энергией. URL: <http://www.rgo.ru/2010/11/upravlenie-energij/15> (дата обращения: 17.05.2013).

³ См.: Республиканская целевая программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия» на 2011—2020 годы. URL: <http://gisee.ru/law/programs/47074> (дата обращения: 12.05.2013).

⁴ См.: Артиков Р. Задача энергоаудита в сфере ЖКХ — в доступности и в эффективности // *Вопр. местного самоуправления*. 2011. № 6. С. 141—142.

⁵ См.: Балябина А.А. Роль малых инновационных предприятий при вузах в обеспечении энергосбережения в ЖКХ // *Регионология*. 2011. № 1. С. 115—119.

⁶ Здесь и далее представлены данные Министерства энергетики Республики Мордовия.

Поступила 18.07.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Federal'nyj Zakon RF ot 23 nojabrja 2009 g. «Ob jenergosberezhenii i povyshenii jenergeticheskoj jeffektivnosti i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» № 261-FZ. URL: <http://base.garant.ru/12171109> (data obrashhenija: 10.05.2013); Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Jenergosberezhenie i povyshenie jenergeticheskoj jeffektivnosti na period do 2020 goda» (Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrja 2010 g. № 2446-r). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142439> (data obrashhenija: 14.05.2013).

² Sm.: Upravlenie jenergiej. URL: <http://www.rgo.ru/2010/11/upravlenie-energij/15> (data obrashhenija: 17.05.2013).

³ Sm.: Respublikanskaja celevaja programma «Jenergosberezhenie i povyshenie jenergeticheskoj jeffektivnosti v Respublike Mordovija» na 2011—2020 gody. URL: <http://gisee.ru/law/programs/47074> (data obrashhenija: 12.05.2013).

⁴ Sm.: Artikov R. Zadacha jenergoaudita v sfere ZhKH — v dostupnosti i v jeffektivnosti // *Vopr. mestnogo samoupravlenija*. 2011. № 6. S. 141—142.

⁵ Sm.: Baljabina A.A. Rol' malyh innovacionnyh predprijatij pri vuzah v obespechenii jenergosberezhenija v ZhKH // *Regionologija*. 2011. № 1. S. 115—119.

⁶ Zdes' i dalee predstavleny dannye Ministerstva jenergetiki Respubliki Mordovija.

**S. M. Makeykina, R. I. Pankova. Financial Provision
for Programme Measures at Energy-Efficient Production
and Energy-Saving in the Region**

Energy and resource saving is one of the main tasks of the XXI century. The place of the Russian society in the row of economically developed countries and the population life quality depend on the results of this problem solution. Russia is a resource base for European and Asian states due to exporting oil, petrochemicals and gas in strategic for countries-importers volumes. But redundancy in fuel and energy resources in Russia must not lead to energy profusion because only energy-efficiency is the most important factor for Russian goods and services competitive ability.

Energy-saving being the basic method for energy safety provision, real way for preserving high income from hydrocarbons export must be referred to strategic tasks of the state. The main motivator for the preparation and implementation of Federal Law «On Energy-Saving» is the high energy consumption of economics in Russia. Mechanism of state support for energy-saving measures is well-balanced and embraces all aspects of the national economy including partial compensation of expenses for credit interest payment, granting credits on preferential terms as well as subsidies from the federal budget for regional energy-saving and energy efficiency increase programmes implementation.

Financial aspects of energy-saving and energy-efficiency programme measures implementation in the Republic of Mordovia are under research in the article. Target indicators for regional energy-saving and energy-efficiency programme are considered. Negative tendency in fuel and energy resources consumption has been traced that is a positive moment as the decrease in consumption influences the decrease in gross regional product energy consumption in Mordovia.

MAKEYKINA Svetlana M., assistant professor of Chair of Finance and Credit of Mordovia National Research State University, candidate of economic sciences.

PANKOVA Rimma I., lecturer of Chair of Finance and Credit of Mordovia National Research State University.

**В. Ю. ЖДАНОВ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
В. Е. РЫГИН ПОНЯТИЙ «НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ»
И «БАНКРОТСТВО» ПРЕДПРИЯТИЯ**

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, типы банкротства
Key words: insolvency, bankruptcy, bankruptcy types

В статье анализируются различные точки зрения на понятия «несостоятельность» и «банкротство», дается определение этих категорий.

Different points of view on the notions «insolvency» and «bankruptcy» are analysed in the article. The definition for these two categories is given.

В Арбитражный суд Республики Мордовия в 2012 г. поступило на 82 % заявлений о признании должников банкротами больше, чем в 2011 г. (186 против 102). Из них 101 заявление (54 %) поступило от кредиторов, должниками подано 50 заявлений (27 %), уполномоченными органами — 35 (19 %). Было принято к производству 166 заявлений о признании должников банкротами (в 2011 г. — 91, рост составил 82 %), возвращено 14 заявлений. Завершено производство по 140 делам о банкротстве (в 2011 г. — 137 дел), в том числе с завершением конкурсного производства — 92 дела (65,7 %), с прекращением производства — 44 дела (31,4 %)¹. От общего числа субъектов малого и среднего предпринимательства республики количество принятых к производству заявлений о несостоятельности составляет 2,3 %². Однако для более глубокого понимания положения дел в хозяйстве республики анализ приведенных фактов должен проводиться при четком определении категорий «несостоятельность» и «банкротство».

Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127 введено определение «банкротство». Это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить

ЖДАНОВ Василий Юрьевич, индивидуальный предприниматель, кандидат экономических наук.

РЫГИН Вячеслав Евгеньевич, аспирант кафедры финансового менеджмента Московского государственного технологического университета «Станкин».

обязанности по уплате обязательных платежей³. В отечественной науке нет пока понятийного аппарата в отношении термина «банкротство». Одни экономисты придерживаются законодательного определения банкротства и отождествляют его с понятием несостоятельности, другие же дают иное толкование термина.

Так, ряд авторов выступает против отождествления понятий «несостоятельность» и «банкротство». М. В. Телюкина связывает несостоятельность не с банкротством, а с определенным финансовым состоянием должника⁴. М. Кулагин отмечает, что в строго юридическом значении банкротство является необязательным и лишь одним из возможных последствий несостоятельности⁵. В то же время А. С. Макаров и Е. А. Мизиковский объединяют эти понятия и определяют несостоятельность (банкротство) строго в соответствии с федеральным законом⁶. Б. Клоб под несостоятельностью понимает признанную арбитражным судом или объявленную должником неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, повлекшую применение к должнику процедуры внешнего управления для восстановления его платежеспособности. Банкротством ученый считает признанную арбитражным судом либо объявленную должником неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, повлекшую применение к должнику процедуры конкурсного производства для соразмерного удовлетворения требований кредиторов в пределах имеющихся активов должника⁷.

По мнению Е. Н. Макаровой, под несостоятельностью следует понимать комплекс правоотношений, возникающих в связи с недостаточностью имущества должника (или невыполнением денежных обязательств) с момента принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом к рассмотрению и до принятия соответствующего решения или об отказе в этом. Банкротство же начинается с введения конкурсного производства⁸. Ле Хао полагает, что несостоятельность — это неплатежеспособность, т. е. ситуация, когда должник может своевременно и надлежащим образом исполнять свои обязательства; банкрот — это должник, в отношении которого принято решение о ликвидации⁹.

Анализ различных подходов к определению понятий «несостоятельность» и «банкротство» позволяет прийти к заключению о существовании последовательности и взаимной связи между ними. Некоторые авторы указывают на постепенное возникновение банкротства¹⁰. По их мнению, банкротство появляется в период финансового здоровья, если последнее не подкреплено постоянной аналитической работой, направленной на выявление и нейтрализацию негативных тенденций. Ими выделяются три основные стадии банкротства: скрытая стадия неплатежеспособности, стадия финансовой неустойчивости и явное банкротство. Мы согласны с такой точкой зрения, так как она подразумевает разделение несостоятельности и банкротства. На стадии финансовой неустойчивости предприятие становится несостоятельным, а на стадии явного банкротства признается банкротом. Таким образом, можно сформулировать логическую цепочку взаимосвязи и появления этих понятий: все начинается с факта неплатежеспособности, если предприятие от этого не избавляется, то оно становится несостоятельным. Если в дальнейшем оно не изменит свой тренд, то будет банкротом.

Трудно поддержать точку зрения, определяющую несостоятельность как элемент юридических процедур. Мы придерживаемся мнения о необходимости разграничения этих понятий и считаем, что несостоятельность определяется через результат деятельности предприятия, а банкротство — через решение арбитражного суда. Поэтому мы предлагаем несостоятельность предприятия определять через его определенные финансовые свойства, а банкротство — через наличие правовых свойств.

Таким образом, под несостоятельностью предприятия можно понимать этап развития финансового кризиса на предприятии, сопровождающийся разбалансировкой финансовых потоков, полной потерей ликвидности и финансовой устойчивости. Под банкротством предприятия следует иметь в виду признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам.

Следующим важным отличием несостоятельности от банкротства является то, что несостоятельность — это фактическая характеристика предприятия, а банкротство —

определенная арбитражным судом характеристика предприятия. Понятие банкротства шире, чем несостоятельность, так как банкротство играет роль необходимого регулятора рыночной экономики. Мы разделяем точку зрения А. А. Попова и М. А. Яхъяева, согласно которой банкротство — это социально-экономическое явление, имеющее место в отборе хозяйствующих субъектов, которые по своим экономическим показателям не соответствуют требованиям рынка¹¹.

Таким образом, можно сформулировать определения понятий «банкротство» и «несостоятельность». Банкротство — экономико-правовая категория, являющаяся завершающимся этапом в развитии финансового кризиса на предприятии, в основе которого лежит определенный арбитражным судом процесс установления более эффективного управления деятельностью предприятия. Несостоятельность — экономическая категория, являющаяся критической точкой (точкой бифуркации) развития финансового кризиса на предприятии, предполагающая либо выход предприятия из кризиса, либо начало процедуры банкротства, в основе которой лежит процесс нарушения одного из компонентов финансовой состоятельности предприятия.

Кроме того, предлагается разграничить два понятия через время возможного появления на предприятии, а также выделить различные типы банкротства. Для этого можно использовать приведенные в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» сроки процедур, применяемых по отношению к должнику. Например, 3 мес. — срок, по истечении которого в отношении предприятия, не исполняющего свои обязательства, может быть возбуждено дело о банкротстве; 7 мес. — длительность процедуры наблюдения; 2 года — период реабилитации и реорганизации предприятия; 3—25 лет — продолжительность срока мирового соглашения.

Это позволяет определить временные точки появления той или иной качественной характеристики предприятия: а) интервал до 3 мес. или более (до подачи кредиторами заявления в суд) (предприятие, не исполняющее свои обязательства, является несостоятельным); б) интервал процедуры наблюдения продолжительностью 7 мес. от времени подачи кредиторами заявления (если предприятие не исполняет свои обязательства перед кредиторами в течение этого промежутка времени, то оно находится в прогрессирующем

банкротстве); в) интервал процедуры реабилитации продолжительностью 2 года от окончания процедуры наблюдения (на этом интервале, если предприятие не может рассчитаться с долгами, оно становится устойчивым банкротом); г) интервал от 3 до 25 лет процедуры мирового соглашения от окончания процедуры реабилитации (после устойчивого банкротства на стадии мирового соглашения предприятие приобретает черты хронического банкротства). Если никакие юридические процедуры не помогли, предприятие переходит в состояние абсолютного банкротства, которое означает, что предприятие не способно восстановить платежеспособность за отведенные сроки и необходимо проведение конкурсного производства.

Таким образом, если предприятие способно исполнить свои обязательства до возбуждения дела о банкротстве, то в этом случае оно является несостоятельным. После того как кредиторы подали заявление в суд и началась процедура наблюдения, предприятие переходит в состояние банкротства. Кроме того, следует отметить, что при разделении этих понятий количество предприятий, находящихся в положении несостоятельности, значительно увеличивается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Информация о деятельности Арбитражного суда Республики Мордовия за 2012 год. URL: http://www.asrm.arbitr.ru/about/work_report/12540.html (дата обращения: 23.08.2013).

² См.: Основные показатели деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Мордовия в 2012 г. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/enterprises (дата обращения: 23.09.2013).

³ См.: Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ. М.: Омега-Л, 2013. 256 с.

⁴ См.: Телокина М.В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Юрайт-Издат, 2004. 615 с.

⁵ См.: Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Избранные труды по акционерному и торговому праву. М.: Статут, 2004. С. 18—202.

⁶ См.: Макаров А.С., Мизиковский Е.А. Оценка структуры баланса и несостоятельности предприятия // Бухгалт. учет. 1996. № 3. С. 19—21.

⁷ См.: Клоб В. Состав преступления и понятие банкротства // Законность. 1998. № 1. С. 48—49.

⁸ См.: Макарова Е.Н. Анализ понятий «несостоятельность» и «банкротство» // Экон. анализ: теория и практика. 2008. № 2. С. 55.

⁹ См.: Ле Хоа. Новый закон РФ о несостоятельности (банкротстве): взгляд зарубежного экономиста // Экономика и жизнь. 1998. № 11. С. 20.

¹⁰ См.: Базаров Г.В., Беляев С.Г., Белых Л.П. и др. Теория и практика антикризисного управления: учебник для вузов. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1996. 469 с.

¹¹ См.: Попов А.А., Яхъяев М.А. Агропромышленный комплекс России: проблемы и решения. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2003. 409 с.

Поступила 29.09.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Informacija o dejatel'nosti Arbitrazhnogo suda Respubliki Mordovija za 2012 god. URL: http://www.asrm.arbitr.ru/about/work_report/12540.html (data obrashhenija: 23.08.2013).

² Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva Respubliki Mordovija v 2012 g. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/enterprises (data obrashhenija: 23.09.2013).

³ Sm.: Federal'nyj zakon «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)» ot 26 oktjabrja 2002 g. № 127-FZ. M.: Omega-L, 2013. 256 s.

⁴ Sm.: Teljukina M.V. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)». M.: Jurajt-Izdat, 2004. 615 s.

⁵ Sm.: Kulagin M.I. Gosudarstvenno-monopolisticheskij kapitalizm i juridicheskoe lico // Izbrannye trudy po akcionernomu i torgovomu pravu. M.: Statut, 2004. S. 18—202.

⁶ Sm.: Makarov A.S., Mizikovskij E.A. Ocenka struktury balansa i nesostojatel'nosti predpriyatija // Buhgalt. uchet. 1996. № 3. S. 19—21.

⁷ Sm.: Klob B. Sostav prestuplenija i ponjatje bankrotstva // Zakonnost'. 1998. № 1. S. 48—49.

⁸ Sm.: Makarova E.N. Analiz ponjatij «nesostojatel'nost'» i «bankrotstvo» // Jekon. analiz: teorija i praktika. 2008. № 2. S. 55.

⁹ Sm.: Le Hoa. Novyj zakon RF o nesostojatel'nosti (bankrotstve): vzgljad zarubezhnogo jekonomista // Jekonomika i zhizn'. 1998. № 11. S. 20.

¹⁰ Sm.: Bazarov G.V., Beljaev S.G., Belyh L.P. i dr. Teorija i praktika antikrizisnogo upravlenija: uchebnik dlja vuzov. M.: Zakon i pravo, JuNITI, 1996. 469 s.

¹¹ Sm.: Popov A.A., Jahjaev M.A. Agropromyshlennyj kompleks Rossii: problemy i reshenija. M.: ЗАО «Izd-vo «Jekonomika»», 2003. 409 s.

V. Yu. Zhdanov, V. E. Rygin. Insolvency and Bankruptcy at an Enterprise: the Problem of Correlation

Conceptual construct in regard to the notion of bankruptcy has not been developed in the domestic science yet. Some specialists follow the legal variant in bankruptcy definition and equal it with the notion of insolvency,

other provide their own definitions. Different points of view on the notions «insolvency» and «bankruptcy» are analysed in the article. A number of authors (M. Telyukina, M. Kulagin, B. Klob, E. Makarova, Le Hao) are against equalling notions of «insolvency» and «bankruptcy» whereas such economists as P. Barenboim, A. Makarov and E. Mizikovsky, N. Nikitina, N. Safronov, G. Kolpakova integrate these notions and define insolvency (bankruptcy) in accordance with the Federal Law.

The analysis of the approaches to the definition of the notions «insolvency» and «bankruptcy» allowed coming to the conclusion on the existing of the consequence and mutual link between them. Their comparative characteristics provided opportunity for the definition of the notions «insolvency» and «bankruptcy». The article also offers to consider them through the prism of the time of their possible emergence at the enterprise and to distinguish different types of bankruptcy: insolvency, progressing bankruptcy, sustainable bankruptcy, chronic bankruptcy, absolute bankruptcy.

ZHDANOV Vasily Yu., individual entrepreneur, candidate of economic sciences.

RYGIN Vyacheslav E., post-graduate of Chair of Financial Management of Moscow State University of Technology «Stankin».

И. А. СИДОРИН

Ю. А. СИДОРИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ И СМЯГЧЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: снижение, финансирование, программа, субъекты
Key words: decrease, financing, programme, subjects

В статье дан анализ экономических предпосылок снижения рисков и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций в регионах России, приводятся различные варианты развития событий.

The analysis of economic preconditions for risks reduction and emergencies mitigation in the Russian regions is made in the article. Different variants for the sequence of events are presented.

В условиях современного развития появляется все больше противоречий между человеком и окружающей средой. Катастрофы, пожары, аварии, стихийные бедствия, называемые природными, техногенными и антропогенными чрезвычайными ситуациями, в последние годы оказали существенное

СИДОРИН Иван Александрович, старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

СИДОРИН Юрий Александрович, аспирант кафедры технического сервиса машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

влияние на жизнедеятельность населения и экономическое состояние страны. Для устойчивого социально-экономического развития любого субъекта РФ весьма важно повышение защищенности населения и территории от потенциально опасных объектов. К сожалению, как показывает действительность, во многих регионах еще сохраняются предпосылки возникновения угроз техногенного и природного характера.

При решении проблемы, связанной с необходимостью снижения рисков чрезвычайных ситуаций и потерь человеческого, природного и экономического потенциалов, необходимо применять экономический механизм концентрации материальных и финансовых ресурсов к приоритетным направлениям создания условий безопасной жизнедеятельности при четкой координации действий субъекта РФ и федерального центра.

Основными направлениями деятельности по обеспечению требуемого уровня безопасности населения и территорий субъектов РФ от угроз природного и техногенного характера являются оптимизация материальных и финансовых ресурсов, направляемых на решение приоритетных задач в области обеспечения комплексной безопасности населения и территорий субъекта; обеспечение координации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления при решении вопросов обеспечения защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; последовательное снижение рисков возникновения чрезвычайных ситуаций; минимизация негативных последствий происшествий, кризисных и чрезвычайных ситуаций; обеспечение экологической комфортности среды обитания¹.

Однако, несмотря на относительно благополучную статистику последних лет, существуют предпосылки, способствующие сохранению высокого уровня рисков возникновения чрезвычайных ситуаций. К ним относятся наличие потенциально опасных и экологически опасных объектов; высокая степень износа основных фондов в промышленности, электроэнергетике и жилищно-коммунальном хозяйстве; застройка санитарно-защитных зон вокруг опасных объектов; рост проявлений террористической деятельности; низкое качество автомобильных дорог; высокая доля аварийного жилья в жилищном фонде.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что органы местного самоуправления и органы исполнительной власти субъектов РФ не могут эффективно противодействовать чрезвычайным ситуациям. Следовательно, характер проблемы требует наличия долговременной стратегии и применения организационно-финансовых механизмов взаимодействия, координации усилий и концентрации ресурсов субъекта РФ и федерального центра.

Система экономических мер и планомерное техническое обеспечение, несмотря на разнообразие опасных явлений и факторов, являются для них общими и имеют существенное значение в деятельности по предотвращению чрезвычайных ситуаций и ликвидации их негативных последствий. Однако часто потенциал целевых программ по снижению рисков и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций реализуется не в полном объеме. Это связано с недостатком финансовых ресурсов, необходимых для достижения прогресса и устойчивой положительной динамики в решении задач программ; изменением структуры потенциальных источников возникновения кризисных и чрезвычайных ситуаций; недостаточной эффективностью методов, применяемых для решения ключевых задач целевых программ в условиях модернизации системы государственного управления, т. е. в условиях перераспределения функций в сфере защиты населения и экономики от чрезвычайных ситуаций между органами государственной власти и органами местного самоуправления; отсутствием эффективных механизмов стимулирования и привлечения дополнительных ресурсов, в том числе средств внебюджетных источников; отсутствием эффективной практики применения механизмов гражданской и имущественной ответственности по обстоятельствам, возникающим вследствие чрезвычайных ситуаций и причинения ущерба гражданам, окружающей среде и социальной инфраструктуре².

Существует ряд способов решения этой проблемы. Одним из наиболее действенных, на наш взгляд, является способ, использующий экономический механизм программно-целевого метода. Он обеспечивает необходимый уровень координации действий, концентрации материальных и финансовых ресурсов благодаря комплексному подходу к решению поставленных задач. Кроме того, в условиях ограниченности бюджетных средств применение экономического механизма

программно-целевого метода позволяет обеспечить максимальную результативность использования ресурсов, привлекаемых для снижения рисков чрезвычайных ситуаций, повышения защиты населения и территории субъекта РФ, а также дает возможность использовать метод бюджетирования, ориентированного на результат.

Как показывает практика, опасность возникновения чрезвычайных ситуаций в сложившихся социально-экономических условиях повышается, так как сохраняется тенденция к ухудшению материально-технического обеспечения производства, снижению качества профилактических работ; увеличивается износ основного технологического оборудования.

В рамках целевой программы по снижению рисков и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при помощи экономических механизмов управления рисками чрезвычайных ситуаций должен быть реализован ряд мероприятий, а именно: реконструкция территориальной системы централизованного оповещения (ТСЦО) населения субъекта РФ; совершенствование программного и технического оснащения информационного центра правительства субъекта РФ; создание безопасных условий хранения материальных ресурсов, закладываемых для нужд гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; создание резервов материальных средств для предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, обеспечения необходимого уровня безопасности и оснащения населения средствами коллективной и индивидуальной защиты; создание условий для обеспечения безопасной утилизации биологических и химических отходов в субъекте РФ.

При решении проблемы снижения рисков и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций экономическими механизмами программно-целевого метода возможны три варианта реализации программы, которые различаются объемами финансирования и конечными результатами.

Первый вариант — это финансовое обеспечение реализации программы только в полном объеме. Благодаря этому будет реализован весь комплекс программных мероприятий, направленных на обеспечение экономической стабильности, безопасности населения и территорий субъекта РФ.

Второй вариант предусматривает реализацию мероприятий программы с уменьшением объема финансирования до 40 % от размера заявленного объема необходимых средств. При недофинансировании программы возможны различные негативные последствия. Недофинансирование мероприятий по реконструкции областного сегмента ТСЦО, а также существующих и строящихся локальных систем оповещения может привести к полному выходу системы оповещения из строя. Бюджеты регионов и органов местного самоуправления понесут дополнительные расходы. Недофинансирование не позволит провести дальнейшее совершенствование существующей автоматизированной информационной системы. Неполное финансирование мероприятий по созданию безопасных условий хранения материальных ресурсов, закладываемых для нужд гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, приведет к порче этого имущества и потере необходимых технических характеристик, что не позволит использовать его по прямому назначению, т. е. для защиты населения.

Недофинансирование не позволит оперативно выделить достаточное количество необходимого оборудования и имущества для оказания помощи пострадавшему населению, проведения работ по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также не снизит материальный ущерб за счет своевременного проведения работ по предупреждению возможных чрезвычайных ситуаций. Недофинансирование мероприятий по созданию условий для обеспечения безопасной утилизации биологических и химических отходов повлечет увеличение площади земель, попадающих в санитарно-защитную зону, что приведет к еще большему возникновению и распространению опасных болезней человека и животных.

Третий вариант предусматривает реализацию мероприятий программы при сокращении более 40 % заявленного объема финансирования, что ставит под сомнение эффективность реализации программы, и сама программа теряет целевую направленность. При этом варианте финансирование программы будет сосредоточено на отдельных мероприятиях, которые не позволят существенно влиять на снижение рисков чрезвычайных ситуаций, повышение защиты населения и территории субъекта РФ от угроз природного и техногенного характера.

Наиболее приоритетным, естественно, является первый вариант, позволяющий планомерно решить поставленные задачи с учетом множества факторов социально-экономического и стратегического характера, а также интересов населения, общества и государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2005 г. № 1529-р «О Концепции Федеральной целевой программы «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2010 года»», 2005.

² См.: Разработка нормативного правового и методического обеспечения деятельности в области снижения рисков и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций на региональном уровне, мероприятия по их практической реализации и отработка механизма внедрения в отдельных субъектах Российской Федерации // Отчет о научно-исследовательской работе. М.: Фонд поддержки программ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, 2001. 53 с.

Поступила 23.04.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 sentjabrja 2005 g. № 1529-r «O Konceptcii Federal'noj celevoj programmy «Snizhenie riskov i smjagchenie posledstvij chrezvychajnyh situacij prirodного i tehnogennogo haraktera v Rossijskoj Federacii do 2010 goda»», 2005.

² Sm.: Razrabotka normativnogo pravovogo i metodicheskogo obespechenija dejatel'nosti v oblasti snizhenija riskov i smjagchenija posledstvij chrezvychajnyh situacij na regional'nom urovne, meroprijatija po ih prakticheskoi realizacii i otrabotka mehanizma vnedrenija v otdel'nyh sub#ektah Rossijskoj Federacii // Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote. M.: Fond podderzhki programm po preduprezhdeniju i likvidacii chrezvychajnyh situacij, 2001. 53 s.

I. A. Sidorin, Yu. A. Sidorin. Economic Preconditions for Risks Reduction and Emergencies Mitigation in Russian Regions

In modern Russian economics for sustainable social and economic development of the Russian Federation regions it is necessary to increase safety of population and territories from potentially dangerous subjects. Main trends in the economic component of activity for provision of the proper level of population and territories of the Russian Federation regions defence from threats of natural and technogenic character are considered in the article. Basic economic mechanisms of the programme-target method

for solving these problems are described; economic preconditions promoting the reduction of emergency situations risks are presented.

Measures for reduction of risks and mitigation of consequences of the emergency situations of natural and technogenic character necessary to be implemented on the regional level present special interest. Besides variants for special purpose programme for risks reduction and emergencies mitigation characterised by financing volumes are described in details. The analysis of these measures from the point of view of financing percentage-wise is of special importance. Different variants for the development and the final result of the programme implementation in direct correlation with it are described.

SIDORIN Ivan A., senior lecturer of Chair of Life Safety of Mordovia National Research State University, candidate of economic sciences.

SIDORIN Yury A., post-graduate of Chair of Machines Technical Service of Mordovia National Research State University.

С. П. БУРЛАНКОВ И. В. ЗАХВАТОВА

ТУРИСТСКИЙ РЫНОК РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В МОРДОВИИ

Ключевые слова: туризм, развитие туризма в мире, России и Мордовии, туристская деятельность, туристское прибытие

Key words: tourism, tourism development in the world, Russia and Mordovia, tourist activity, tourist arrival

В статье дано определение понятия «туризм», анализируется динамика развития международного туризма, характеризуется место России на мировом туристском рынке и перспективы его развития в Мордовии.

The definition of the notion «tourism» is presented. International tourism development dynamics is analysed. The place of Russia in the world tourist market and its development perspectives in Mordovia are characterised.

Современный туризм представляет собой сложное экономическое, социально-культурное, политическое и психологическое явление, имеющее глубокие исторические корни. Понятие «туризм» многозначно. Во-первых, это особый вид путешествий с четко определенными целями, разновидность

БУРЛАНКОВ Степан Петрович, профессор кафедры технического сервиса машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

ЗАХВАТОВА Ирина Валерьевна, аспирант кафедры технического сервиса машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

социально-культурной и досуговой деятельности людей (туристов). Во-вторых, это деятельность по организации, реализации и сопровождению путешествий, осуществляемая различными предприятиями индустрии туризма и смежных отраслей¹.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 24 ноября 1996 г. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», туризм — это «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания»².

Во многих странах туризм является наиболее прибыльным видом экономической деятельности, существенным источником финансовых поступлений и роста национальной экономики. Государство, принимая туриста, оказывает ему услуги, создает рабочие места для своих граждан, получает прибыль от ввоза валюты. Во многих странах мира туризм является фундаментальной основой экономики. Так, доля доходов от туризма в общей сумме доходов от экспорта товаров и услуг в Испании, Австрии и Греции достигает 25—30 %, на Кипре и в Панаме — почти 50 %³. На эту сферу приходится около 10 % мировых инвестиций, каждое 11-е рабочее место в общей мировой занятости, 3,8 % мирового ВВП (с учетом влияния на смежные отрасли национальной экономики 10,6 %). Предполагается, что среднегодовой темп роста агрегированного вклада международного туризма в ВВП будет ежегодно увеличиваться на 4 % вплоть до 2015 г. Согласно разработанной Всемирной туристской организацией (ЮНВТО) Концепции развития туризма до 2020 г., к указанной дате количество международных туристских прибытий превысит 1,5 млрд чел.⁴

Специалисты прогнозируют также дальнейшую дифференциацию туристского продукта, который охватит более широкий круг потребителей с разнообразными возможностями и потребностями; концентрацию капитала и создание крупных интернациональных корпораций; сохранение тенденций интеграционных процессов в горизонтальном (системы

турагентств, франшизные гостиничные компании и др.) и вертикальном плане (система «оператор — агентство — гостиница — авиационно-транспортное предприятие» и т. п.).

В последнее время международный туризм развивается достаточно динамично. С 1995 по 2009 г. наблюдалось устойчивое увеличение мировых туристских потоков. За этот период количество туристских прибытий увеличилось с 534 до 920 млн, т. е. в 1,7 раза (рисунок). Наибольшие темпы роста наблюдались в 2004 г. (10,3 %), а также с 2005 по 2007 г. — по 5—6 % в год. Спад туристских прибытий в 2003 г. связан со вспышкой атипичной пневмонии. Самыми неудачными годами для туризма с начала XXI в. стал 2001 г. (нулевой рост прибытий), что связано с террористическим актом 11 сентября в США и последующим спадом туристских потоков во всем мире, а также 2008 и 2009 гг.⁵

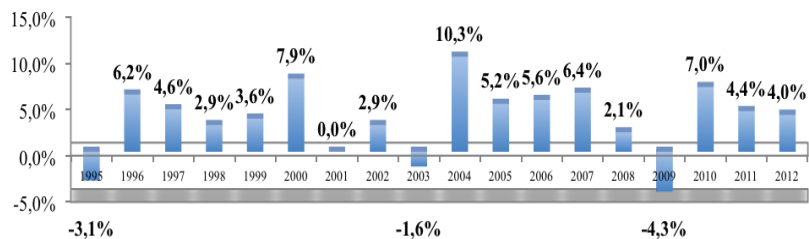

Рисунок. Темп роста туристских прибытий в 1995—2012 гг.

В 2010 г. мировой туризм восстанавливался после глобального финансового кризиса. Согласно данным ЮНВТО, в 2010 г. международный туристический поток вырос на 7 % по сравнению с 2009 г. и достиг 940 млн чел. Доходы от международного туризма увеличились на 5 % и составили 919 млрд долл. Согласно отчету ЮНВТО, в 2011 г. число международных туристов составляло 996 млн чел. В 2012 г. оно впервые в истории туризма превысило 1 млрд чел.: количество международных прибытий выросло в 2012 г. на 4 % — до 1 035 млн чел.⁶ При этом рост турпотока наблюдался весь год, но особенно он усилился в IV квартале. Наибольшим спросом у туристов пользовались страны с развивающейся экономикой, которые в этом отношении превзошли «развитые» государства (рост турпотока у первых

достиг 4,1 %, а у вторых — 3,6 %). В то же время Европа осталась самой посещаемой территорией в мире: рост турпотока по сравнению с 2011 г. составил 3 %.

Высокие показатели роста международного туристического потока в 2012 г. говорят о том, что международный туризм может приспосабливаться к изменяющимся условиям рынка и является одним из направлений экономики, которое должно быть поддержано правительствами стран для стимулирования экономического роста.

По данным аналитиков ЮНВТО, в 2013 г. рост международного турпотока продолжился, хотя и замедлил темп с 4 до 3 %. Между 2010 и 2020 гг. международный турпоток будет увеличиваться в среднем в год на 3,8 %⁷.

Россия, имея большой туристский потенциал, занимает на мировом туристском рынке весьма скромное место. При этом оборот туристских поездок в 2008 г. по сравнению с 2000 г., по данным Платежного баланса Банка России, увеличился более чем в 3 раза⁸. В России только началось формирование массового туризма. По прогнозам ЮНВТО, к 2020 г. Россия сможет поставлять на мировой туристский рынок 30 млн путешествий. При ежегодном росте количества туристских прибытий в Россию к этому времени достигнет 47,1 млн, а доля страны составит лишь 2,9 % в мировом балансе туристских перемещений⁹.

При выборе туристической поездки за границу основными целями для российских туристов являются совмещение отдыха с экскурсией (49 %), только отдых (32 %)¹⁰. Большая часть наших сограждан (33 %) готова потратить на отдых не более 500—700 евро на 1 чел. в год¹¹.

На территории Республики Мордовия, как и по стране в целом, туристский бизнес идет в гору. Отмечается ежегодное увеличение спроса на туристские услуги, однако деятельность турагентств направлена преимущественно на выездной туризм, тогда как для сохранения капитала внутри региона необходимо развитие въездного и внутреннего туризма. Продвижение этих видов туризма играет важную роль в решении социально-экономических проблем (увеличение отчислений в республиканский бюджет, привлечение дополнительных инвестиций, повышение культурного уровня граждан, воспитание патриотизма) и, как следствие, улучшении общей привлекательности региона¹².

Туристский потенциал республики включает объекты паломничества, религиозного и этнического туризма (древние монастыри, старинные храмы, национально-культурные центры (в Старошайговском и Кочуровском муниципальных районах)); объекты экологического туризма (государственный заповедник, национальный парк, центр г. Саранска как историко-архитектурная зона, заказники, памятники природы); объекты санаторно-курортной инфраструктуры, созданные на основе использования имеющихся в республике различных лечебных факторов; объекты приключенческого туризма, охоты и рыбной ловли (учебно-научные стационары, лагерь приключений, парк устойчивого развития, охотничьи и рыболовные хозяйства и т. п.); объекты спортивно-оздоровительного, событийного и бизнес-туризма (международные, общероссийские и региональные спортивно-массовые мероприятия, выставки, ярмарки, семинары, конференции, организуемые на базе ООО «Мордовэкспоцентр», и др.); объекты экскурсионного показа (музеи, архитектурные и исторические памятники и др.).

Вышеперечисленное является значительным капиталом, способным при выполнении ряда условий стать фактором устойчивого развития региона, повышения его инвестиционной привлекательности, формирования положительного имиджа и т. п.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Виноградова Т.В., Загорин Н.Д., Тубелис Р.Ю. Технология продаж услуг туристской индустрии: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 240 с.

² Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

³ См.: Баранова А.Ю. Организация предпринимательской деятельности в сфере туризма: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2012. 180 с.

⁴ См.: Боголюбов В.С. Эффективное развитие туризма (методологические аспекты). СПб.: СПбГИЭУ, 2010. 196 с.

⁵ См.: Морозова Н.С., Морозов М.А. Предпринимательство и конкуренция в туризме. М.: РосНОУ, 2010. 136 с.

⁶ См.: Отчет Всемирной Туристической организации ЮНВТО. URL: <http://media.unwto.org/ru/node/38150> (дата обращения: 10.04.2013).

⁷ Там же.

⁸ См.: Центральный банк Российской Федерации. URL: www.cbr.ru (дата обращения: 05.05.2013).

⁹ См.: Боголюбов В.С. Эффективное развитие туризма ...

¹⁰ См.: Организация туризма: учеб. пособие / под общ. ред. Н.И. Кабушкина и др. Минск: Нов. знание, 2003. 632 с.

¹¹ См.: Ассоциация туроператоров России. URL: www.atorus.ru (дата обращения: 07.04.2013).

¹² Паспорт Республиканской программы «Развитие туризма в Республике Мордовия» на 2009—2011 годы. URL: <http://www.mordovia-sport.ru/alldocs/detail.php?ID=4484> (дата обращения: 05.04.2013).

Поступила 14.06.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Vinogradova T.V., Zakorin N.D., Tubelis R.Ju. Tehnologija prodazh uslug turistskoj industrii: ucheb. dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M.: Akademija, 2010. 240 s.

² Federal'nyj zakon «Ob osnovah turistskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii» ot 24 nojabrja 1996 g. № 132-FZ // Sprav.-prav. sistema «Konsul'tantPljus».

³ Sm.: Baranova A.Ju. Organizacija predprinimatel'skoj dejatel'nosti v sfere turizma: ucheb. posobie. M.: Infra-M, 2012. 180 s.

⁴ Sm.: Bogoljubov V.S. Jeffektivnoe razvitie turizma (metodologicheskie aspekty). SPb.: SPbGIEU, 2010. 196 s.

⁵ Sm.: Morozova N.S., Morozov M.A. Predprinimatel'stvo i konkurencija v turizme. M.: RosNOU, 2010. 136 s.

⁶ Sm.: Otchet Vsemirnoj Turisticheskoy organizacii JuNVTO. URL: <http://media.unwto.org/ru/node/38150> (data obrashhenija: 10.04.2013).

⁷ Tam zhe.

⁸ Sm.: Central'nyj bank Rossijskoj Federacii. URL: www.cbr.ru (data obrashhenija: 05.05.2013).

⁹ Sm.: Bogoljubov V.S. Jeffektivnoe razvitie turizma ...

¹⁰ Sm.: Organizacija turizma: ucheb. posobie / pod obshh. red. N.I. Kabushkina i dr. Minsk: Nov. znanie, 2003. 632 s.

¹¹ Sm.: Associacija turoperatorov Rossii. URL: www.atorus.ru (data obrashhenija: 07.04.2013).

¹² Pasport Respublikanskoj programmy «Razvitie turizma v Respublike Mordovija» na 2009—2011 gody. URL: <http://www.mordovia-sport.ru/alldocs/detail.php?ID=4484> (data obrashhenija: 05.04.2013).

S. P. Burlankov, I. V. Zakhvatova. Tourist Market in Russia and its Development Perspectives in Mordovia

In many countries tourism is the most profitable type of economic activity and a substantial source of income from export and national economics growth. For the last ten years international tourism has been developing

rather rapidly. According to the Conception for Tourism Development till 2020 developed by World Tourism Organisation (UNWTO) by the mentioned date the number of international tourist arrivals will exceed 1.5 mlrd. people.

In Russia the formation of mass tourism has yet started and according to UNWTO prognosis by 2020 Russia can supply 30 mln. travels to the world tourist market. The number of tourist arrivals to Russia will reach 47.1 mln, and the share of the country will make 2.9 % in the world balance of tourists travels. In the present stage the share of Russia in the world tourist market is small as the main purpose while choosing a trip abroad is the rest. This tendency is connected with the low level of the population in Russia solvency.

In the territory of the Republic of Mordovia as in the whole country tourist business is on the serious rise. Increase in annual demand for tourist services exists. At the same time travel agencies activity is aimed preferably at international tourism but to keep the capital in the region it is necessary to develop both international and internal tourism. Promotion of these types of tourism play an important role in the solution of such important problems as increase in payments to the republican budget, attraction of additional investment, the population cultural level increase, patriotism breeding and as a result improvement of the general attractiveness of the region.

BURLANKOV Stepan P., professor of Chair of Machines Technical Service of Mordovia National Research State University, doctor of economic sciences.

ZAKHVATOVA Irina V., post-graduate of Chair of Machines Technical Service of Mordovia National Research State University.

Е. И. ДОЛГАЕВА

ПАТЕРНАЛИЗМ ИЛИ ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО: СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: активность, государство, государственный патернализм, иждивенчество, общество, пассивность, самостоятельность, социальные ожидания, финно-угорские регионы, эффективное государство

Key words: activity, state, state paternalism, dependency, society, passivity, self-dependence, social expectations, Finno-Ugric regions, effective state

В статье на основе результатов социологических исследований анализируются социальные ожидания населения России и финно-угорских регионов по отношению к государству в контексте дискуссии о патернализме.

On the basis of the results of sociological researches social expectations of the population of Russia and Finno-Ugric regions with respect to the state in the contents of the discussion on paternalism are analysed in the article.

Содержание требований россиян к государству находится в последнее время в центре общественных и научных дискуссий. Политики, эксперты, ученые имеют порой диаметрально противоположные точки зрения на этот вопрос.

Распространено мнение, что в российском общественном сознании доминируют завышенные требования к государству (ориентация на его помощь в решении проблем, включая патернализма, который приучал советского человека «к пассивному выжиданию, ослаблял его индивидуальную энергию»¹. Поэтому и в современной России «главенствует патернализм и иждивенчество»²; «инфантильное общество считает, что государство все должно давать и делать»³. Ориентация граждан на помощь государства в преодолении повседневных трудностей, согласно этому мнению, тормозит развитие частной предпринимательской инициативы, мешает становлению независимых общественных организаций и

ДОЛГАЕВА Евгения Ивановна, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

гражданского общества в целом. В связи с этим ставится вопрос о переходе «от государственно-патерналистской к гражданско-активистской ориентированности»⁴ в развитии политической культуры россиян.

Наличие у большинства соотечественников иждивенческих настроений обычно обосновано результатами социологических исследований, которые, на первый взгляд, подтверждают существование такого социального факта. По данным ВЦИОМ, в 1999 г. большинство респондентов (64 %) были полностью или частично согласны с тем, что государство должно заботиться о благосостоянии каждого своего гражданина⁵. В 2007 г., согласно докладу Института социологии РАН, 62 % опрошенных россиян подтвердили, что им сложно выжить без материальной поддержки государства⁶. В 2010 г. АНО «Левада-Центр» зафиксировала 77 % респондентов, уверенных, что без постоянной заботы, опеки государства многие соотечественники не смогут прожить⁷. В 2011—2012 гг. уже 84 % россиян полагали, что «государство должно оказывать помощь и поддержку своим гражданам»⁸.

Казалось бы, это убедительно иллюстрирует не только масштаб востребованности государственного патернализма в России, но и тенденцию роста соответствующих ожиданий населения. Чаще всего подобные социальные настроения объясняются беспомощностью россиян, мешающей им «изменить неприемлемые обстоятельства жизни»⁹. Действительно, ощущение бессмысленности усилий по решению собственных проблем типично для современных россиян и часто отмечается социологами. Однако можно ли считать приведенные социологические данные признаком «доминирования в сознании большинства россиян традиций патернализма»¹⁰?

Не менее эмпирически обоснован другой вывод: забота государства о населении означает для респондентов «не максимизацию «объема подачек», а создание в России условий для успешной самостоятельной экономической активности людей»¹¹. На это указывает, например, преобладание в российском обществе точки зрения, что государство должно оказывать адресную помощь не всем гражданам, а только попавшим в трудную ситуацию (40 %) или нетрудоспособным (14 %) ¹².

Что касается пассивной, выжидательной, позиции большинства населения, то это положение опровергается ре-

зультатами ряда социологических исследований. Согласно данным ВЦИОМ, в 1999 г. 86 % респондентов больше рассчитывали на свои возможности и силы, а не на помощь со стороны государства (14 %) ¹³. В 2010 г. в исследовании АНО «Левада-Центр» ответы на близкий по содержанию вопрос распределились в соотношении 69 и 28 % соответственно ¹⁴.

По логике сторонников тезиса о патерналистском вырождении России, чрезмерные надежды на государство и пассивность при решении собственных проблем должны быть широко распространены в дотационных регионах, к которым относятся, например, такие финно-угорские республики Приволжского федерального округа, как Марий Эл, Мордовия и Удмуртия.

Социологические исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия» (1999, 2002, 2005, 2008 гг.) позволяют проверить эту гипотезу. Они проводились под руководством профессора А. И. Сухарева, директора НИИ регионологии, кафедрой социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета и Научным центром социально-экономического мониторинга. По единой методике опрошено в 1999 г. 2 600 чел., в 2002—2008 гг. — по 1 тыс. чел. Методом сбора первичной социологической информации стал выборочный анкетный опрос по месту жительства респондентов. Квотная выборка репрезентировала половозрастной состав и социально-территориальную структуру взрослого населения региона. Доверительный интервал составил ± 3 %.

По данным опросов, в течение 1999—2008 гг. большинство респондентов Республики Мордовия испытывали на себе недостаточную заботу государства в социальной сфере. К 2008 г. доля утверждающих, что «недостаточно защищены» или «вообще не защищены» в сумме составила 81,4 %, причем по сравнению с 1999 г. она не изменилась (81,3 %). Но и в этих условиях большинство рассчитывало в первую очередь на себя. В 2005—2008 гг. почти половина (47,1—47,2 %) пыталась бы решить проблемы самостоятельно, и лишь пятая часть (19,0—20,1 %) осталась бы пассивной. Кроме того, в этот период немного выросла доля активных граждан, способных обратиться в суд или прибегнуть к политическим механизмам защиты своих интересов. О конкретных усилиях, предпринимаемых жителями Мордовии

для своей защиты в условиях невысоких доходов, позволяют судить результаты того же исследования 2008 г. (таблица).

Таблица

Ответы на вопрос «Каковы основной и дополнительные источники пополнения деньгами Вашего семейного бюджета?», %

Источник доходов	Основной источник	Дополнительные источники*
Заработная плата	69,5	6,9
Случайные (временные) заработки	1,8	23,4
Стипендия	1,2	9,8
Пенсия	25,4	18,1
Доходы от подсобного хозяйства	0,7	32,7
Доходы от собственности и ценных бумаг	0,3	1,0
Помощь родственников	0,9	30,8
Благотворительная помощь	0,0	0,3
Государственные пособия, компенсации	0,2	7,9

* Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать более одного варианта ответа.

Среди дополнительных источников пополнения семейного бюджета чаще всего упоминаются доходы от подсобного хозяйства (32,7 %), помощь родственников (30,8 %), случайные (временные) заработки (23,4 %). При этом государственными пособиями и компенсациями пользовались около 8,0 % опрошенных; 18,1 % получали пенсии, 10,0 % — стипендию.

Установка граждан на самостоятельное преодоление жизненных трудностей отчетливо проявилась и в исследовании «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах», проведенном в 2011 г. кафедрой социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-03-1801е). В каждой из трех республик (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия) было опрошено по 267 чел. Методика и методология исследования были сопоставимы с исследованиями НИИ регионологии и ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга». Доверительный интервал составил ± 6 %.

Эти регионы сопоставимы по уровню жизни населения, который существенно ниже среднероссийского. По данным Росстата РФ, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2011 г. составляла в Удмуртии 15 843,3 руб., в Марий Эл — 14 001,2 руб., в Мордовии — 13 305,1 руб., что гораздо ниже, чем в среднем по России (23 369,2 руб.)¹⁵.

Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, по официальным данным в 2011 г., достигала в Удмуртии 14 %, в Мордовии — 20,2 %, в Марий Эл — 24,2 % (в среднем по России — 12,7 %)¹⁶.

Результаты социологического исследования показали, что, несмотря на весьма скромное материальное положение, при решении собственных проблем на поддержку государства рассчитывали от 10,2 до 15,0 % опрошенных в каждом из трех регионов.

В совокупности более 70 % респондентов в каждой республике надеялись прежде всего на личные достижения и ресурсы: способность зарабатывать, денежные накопления, должность (служебное положение). На втором месте (от 35,2 до 46,6 %) оказалась поддержка семьи и родственников, на третьем — собственный оптимизм (от 15,8 до 19,9 %), на который опрошенные рассчитывали больше, чем на поддержку государства и помощь друзей.

По нашему мнению, приведенные данные всероссийских и региональных социологических исследований свидетельствуют скорее не о противоречивости общественного мнения, а о разном понимании задаваемых вопросов исследователями и респондентами. Слово «забота» понимается интерпретаторами социологических данных как денежная помощь, социальные льготы и пособия. Респонденты относят к заботе гораздо более широкий спектр требований к государству, которые далеко не всегда укладываются в стереотип патерналистских ожиданий. Массовое сознание «не видит» разницы между отеческой опекой государства над каждым гражданином и выполнением им же конституционных обязанностей перед обществом. Например, основная масса опрошенных вообще «затрудняется в свободной форме раскрыть компоненты... обобщенного пожелания, “чтобы власти заботились о людях”»¹⁷.

Далеко не очевидна и структура более узкого понятия «материальная поддержка государства» в сознании опрашиваемых. Вероятно, что бюджетник назовет свою заработную плату, пожилой человек — пенсию, а родители — «детские» социальные пособия. Такую «поддержку» трудно назвать непомерной: во-первых, она вполне соответствует Конституции Российской Федерации; во-вторых, все перечисленное характерно для большинства развитых

стран мира, к числу которых стремится принадлежать и Россия. На наш взгляд, все названные понятия («забота», «помощь», «опека», «поддержка», «материальная поддержка») применительно к изучению патерналистских ожиданий населения являются *чрезмерно многозначными, требуют операционализации и применения качественных методик. Результаты количественных социологических исследований с такой терминологией позволяют выявить лишь самые обобщенные требования граждан к государству, но не могут свидетельствовать ни о недостаточности, ни о чрезмерности патерналистских ожиданий.*

Однако анализ количественных данных показывает, что масштабы бремени российского государства по поддержке граждан, а также выжидательная, иждивенческая пассивность последних преувеличены. Результаты социологических исследований не подтверждают восприятие государства «как важнейшего института, который должен решить все материально-экономические и личностные проблемы человека»¹⁸. Даже при низких доходах большая часть респондентов решает материальные проблемы достаточно независимо от власти, рассчитывая на кого угодно, только не на государство. Чтобы повысить свой достаток, граждане предпринимают активные шаги для пополнения семейного бюджета за счет подсобного хозяйства, помощи родственников (а не государства) и случайных заработков.

Забота государства при этом интерпретируется массовым сознанием в первую очередь как создание возможностей для самостоятельного достижения большинством граждан достойного уровня жизни. Именно к этой государственной функции в российском обществе много претензий, именно ее неэффективное выполнение, вероятно, подразумевают респонденты, утверждая, что им трудно выжить без поддержки государства. Подобные претензии не имеют ничего общего с иждивенчеством, поэтому многие участники дискуссии о патернализме считают избыточные ожидания россиян по отношению к государству мифом¹⁹.

Вместе с тем некоторые авторы акцентируют внимание на социокультурных истоках российского государственного патернализма²⁰, а также полагают, что в современной России он «выполняет интегрирующую функцию, объединяя далеко отстоящие друг от друга члены общественного организма»²¹.

Патернализм рассматривается как часть идеи российской государственности, которая сегодня является «пожалуй, единственной консолидированной ценностью в политической области»²². Убедителен аргумент С. Г. Кара-Мурзы, который доказывает, что «строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество»²³.

Называя патерналистскими любые требования населения к государству, в том числе основанные на конституционных гарантиях, либеральные политики и эксперты тем самым отказывают гражданам в праве на эффективную власть, а значит, и на идею российской государственности. В Петухов в интервью «Русскому журналу» поясняет: «Есть определенные требования к государству, но это не патернализм. Люди хотят... чтобы государство вернулось, прежде всего, в социальную сферу, чтобы оно реализовывало те функции, которые прописаны в нашей Конституции»²⁴.

Эффективное государство — не то, которое «кормит» население денежными подачками и льготами, бесконечно помогает всем и что-то делает для каждого. Это государство, регулирующее общественную жизнь и экономику таким образом, чтобы граждане имели возможность самостоятельно себя обеспечить и защитить (в самом широком смысле). Поэтому результаты исследований, согласно которым россияне испытывают дефицит заботы и опеки со стороны власти, свидетельствуют скорее *не об их завышенных ожиданиях и иждивенчестве, а о том, что современное российское государство в этом смысле пока неэффективно.*

Любопытно, что социальные практики зарождающегося сегодня в России гражданского общества далеко не всегда укладываются в рамки сложившихся представлений о нем. Самостоятельность россиян порой проявляется совсем не там, где этого ожидают противники государственного патернализма (борьба за политические права и свободы, независимые общественные организации, предпринимательство и т. п.). В последние годы участились случаи самоуправства в тех сферах, ответственность за которые определено несет государство. Интернет и пресса полны сообщений о самосудах над вероятными преступниками, о массовых волнениях по поводу бездействия правоохранительных органов. Граждане пытаются сами бороться с наркоторговлей и педофилией, наводят порядок на дорогах, выявляют коррупционеров.

Таким образом, доведенная до абсурда идея максимальной самостоятельности и независимости граждан от государства в условиях недостаточной эффективности последнего представляется нам не только ошибочной, но и опасной. Кроме того, наличие у большинства россиян требований к государству (в форме надежд на его заботу и опеку) можно считать позитивной тенденцией. Их отсутствие означало бы не столько избавление соотечественников от патерналистских ожиданий, сколько прекращение отношений между обществом и государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сабиров А. Своеобразие политической культуры человека в современном российском обществе // *Власть*. 2012. № 5. С. 66.
- ² России запросили строгий режим. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rm/1990744> (дата обращения: 09.08.2013).
- ³ Сандаков Н. Патернализм или иждивенчество. URL: <http://sandakov.livejournal.com/105054.html> (дата обращения: 09.08.2013).
- ⁴ Сабиров А. Своеобразие политической культуры ...
- ⁵ См.: Какое из высказываний вам ближе: «Государство должно заботиться о благосостоянии только тех, кто действительно не может работать (старики, дети, инвалиды и пр.)» или «Государство должно заботиться о благосостоянии каждого своего гражданина»? URL: <http://wciom.ru/data-base> (дата обращения: 19.08.2013).
- ⁶ См.: Российская идентичность в социологическом измерении: аналит. докл. Ин-та социологии РАН. М., 2007. С. 61.
- ⁷ См.: Сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства? URL: <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/grazhdane-i-vlast/smozhet-ili-ne-smozhet-bolshinstvo-lyudei-v-ross> (дата обращения: 19.08.2013).
- ⁸ См.: Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: науч.-аналит. докл. Ин-та социологии РАН. М., 2013. С. 174.
- ⁹ Российская идентичность в социологическом измерении ...
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества: информ.-аналит. бюлл. Ин-та социологии РАН. М., 2013. С. 52.
- ¹² См.: О чем мечтают россияне (размышления социологов): докл. Ин-та социологии РАН. М., 2012. С. 37.
- ¹³ См.: На что вы больше рассчитываете в нынешней ситуации: на собственные возможности и силы или на помощь со стороны государства? URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=351&q_id=28397&date=15.02.1999 (дата обращения: 19.08.2013).

- ¹⁴ См.: На что Вы сейчас больше рассчитываете? URL: <http://www.levada.ru/archive/otsenki-raboty-institutov-sotsialnoi-sfery/na-chto-vy-seichas-bolshe-rasschityvaete> (дата обращения: 19.08.2013).
- ¹⁵ См.: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm (дата обращения: 25.07.2013).
- ¹⁶ См.: Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-12.htm (дата обращения: 25.07.2013).
- ¹⁷ Дифференциация гражданских и политических практик ... С. 170.
- ¹⁸ Сабиров А. Своеобразие политической культуры ... С. 65—66.
- ¹⁹ См.: Петухов В. Патернализм россиян — это миф. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Paternalizm-rossiyan-eto-mif> (дата обращения: 09.08.2013); Левинсон Л. Миф о патернализме // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2005. № 1. С. 84—88.
- ²⁰ См.: Темницкий А.Л. Социальные и культурные «скрепы» патерналистской цивилизации в России // *Российское общество в современных цивилизационных процессах* / под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис, 2010. С. 461—467.
- ²¹ Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. Политический патернализм в Перми: социокультурные корни // *Полит. альманах*. Вып. 2. Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. С. 131.
- ²² Милюкова О., Федотов А. Этакратизм российского массового сознания // *Власть*. 2012. № 7. С. 12.
- ²³ Кара-Мурза С.Г. Государственный патернализм — цивилизационное измерение. URL: http://rexstar.ru/uploads/content/lib_7cdb3690a58a72149ffc5c384f81ddee.pdf (дата обращения: 09.08.2013).
- ²⁴ Петухов В. Патернализм россиян — это миф ...

Поступила 11.09.2013.

REFERENCES

- ¹ Sabirov A. Svoeobrazie politicheskoy kul'tury cheloveka v sovremennom rossijskom obshchestve // *Vlast'*. 2012. № 5. S. 66.
- ² Rossii zaprosili strogiy rezhim. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rm/1990744> (data obrashheniya: 09.08.2013).
- ³ Sandakov N. Paternalizm ili izhdivenchestvo. URL: <http://sandakov.livejournal.com/105054.html> (data obrashheniya: 09.08.2013).
- ⁴ Sabirov A. Svoeobrazie politicheskoy kul'tury ...
- ⁵ Sm.: Kakoe iz vyskazyvanij vam blizhe: «Gosudarstvo dolzhno zaborit'sja o blagosostojanii tol'ko teh, kto dejstvitel'no ne mozhet rabotat' (stariki, deti, invalidy i pr.)» ili «Gosudarstvo dolzhno zaborit'sja o blagosostojanii kazhdogo svoego grazhdanina»? URL: <http://wciom.ru/data-base> (data obrashheniya: 19.08.2013).
- ⁶ Sm.: Rossijskaja identichnost' v sociologicheskome izmerenii: analit. dokl. In-ta sociologii RAN. M., 2007. S. 61.

⁷ Sm.: Smozhet ili ne smozhet bol'shinstvo ljudej v Rossii prozhit' bez postojannoj zaboty, opeki so storony gosudarstva? URL: <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/grazhdane-i-vlast/smozhet-ili-ne-smozhet-bolshinstvo-lyudei-v-ross> (data obrashhenija: 19.08.2013).

⁸ Sm.: Differenciacija grazhdanskih i politicheskikh praktik v Rossii: institucional'naja perspektiva: nauch.-analit. dokl. In-ta sociologii RAN. M., 2013. S. 174.

⁹ Rossijskaja identichnost' v sociologicheskom izmerenii ...

¹⁰ Tam zhe.

¹¹ Gorshkov M.K., Tihonova N.E. Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva: inform.-analit. bjull. In-ta sociologii RAN. M., 2013. S. 52.

¹² Sm.: O chem mechtajut rossijane (razmyshlenija sociologov): dokl. In-ta sociologii RAN. M., 2012. S. 37.

¹³ Sm.: Na chto vy bol'she rasschityvaete v nyneshnej situacii: na sobstvennye vozmozhnosti i sily ili na pomoshh' so storony gosudarstva? URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=351&q_id=28397&date=15.02.1999 (data obrashhenija: 19.08.2013).

¹⁴ Sm.: Na chto Vy sejchas bol'she rasschityvaete? URL: <http://www.levada.ru/archive/otsenki-raboty-institutov-sotsialnoi-sfery/na-chto-vy-seichas-bolshe-rasschityvaete> (data obrashhenija: 19.08.2013).

¹⁵ Sm.: Srednemesjachnaja nominal'naja nachislennaja zarabotnaja plata rabotnikov organizacij. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-03.htm (data obrashhenija: 25.07.2013).

¹⁶ Sm.: Chislennost' naselenija s denezhnymi dohodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-12.htm (data obrashhenija: 25.07.2013).

¹⁷ Differenciacija grazhdanskih i politicheskikh praktik ... S. 170.

¹⁸ Sabirov A. Svoeobrazie politicheskij kul'tury ... S. 65—66.

¹⁹ Sm.: Petuhov V. Paternalizm rossijan — jeto mif. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Paternalizm-rossijan-eto-mif> (data obrashhenija: 09.08.2013); Levinson L. Mif o paternalizme // Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture. 2005. № 1. S. 84—88.

²⁰ Sm.: Temnickij A.L. Social'nye i kul'turnye «skrepy» paternalistskoj civilizacii v Rossii // Rossijskoe obshhestvo v sovremennyh civilizacionnyh processah / pod red. V.V. Kozlovskogo, R.G. Braslavskogo. SPb.: Intersocis, 2010. S. 461—467.

²¹ Lejbovich O.L., Shushkova N.V. Politicheskij paternalizm v Permi: sociokul'turnye korni // Polit. al'manah. Vyp. 2. Perm': Izd-vo PGU, 2002. S. 131.

²² Miljukova O., Fedotov A. Jetokratizm rossijskogo massovogo soznaniya // Vlast'. 2012. № 7. S. 12.

²³ Kara-Murza S.G. Gosudarstvennyj paternalizm — civilizacionnoe izmerenie. URL: http://rexstar.ru/uploads/content/lib_7cdb3690a58a72149ffc5c384f81dde.pdf (data obrashhenija: 09.08.2013).

²⁴ Petuhov V. Paternalizm rossijan — jeto mif ...

E. I. Dolgaeva. Paternalism or Effective State: Population Social Expectations

Social expectations of the population in Russia and Finno-Ugric regions with respect to the state in the contents of the discussion on paternalism are analysed in the article. The author argues the widespread point of view that increased demands to the state and orientation on its help in the decision of all problems including those of the personal character dominate in the Russian consciousness. Results of the number of sociological researches are presented as arguments. In particular, data of the All-Russian Public Opinion Research Centre, Levada-Centre, long-term researches in the Republic of Mordovia under the guidance of A. I. Sukharev, sociological inquiry conducted by the Chair of Sociology of Mordovia State University with the support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (grant No. 11-03-1801) are applied to.

The results of the research show that the scale of the Russian state burden for the population support and the expectant dependent passivity of the population are exaggerated. Even at low income the most part of the respondents solve material problems irrespective of the power, relying upon many factors but for the state. To increase their income people are active in filling their family budget by means of farming, relatives help and accidental wages. By naming any demands of the population to the state including those based on constitutional guarantees paternalists (in fact excessive) liberal politicians and experts refuses the people their right for the effective power, and, finally — for the idea of the Russian national identity.

According to the results of the research Russian people suffer from lack of care and concern from the part of the state. This does not mean that people have exceeded expectations and dependency, but this means that modern Russian state is non-efficient. The fact that the majority of the people have demands towards the state (in the shape of hopes for its care and concern) can be treated as positive tendency. Lack of the demands would mean not the deliverance from paternalist expectations but the termination of the relations between the society and the state.

DOLGAEVA Evgeniya I., assistant professor of Chair of Sociology of Mordovia National Research State University, candidate of sociological sciences.

А. А. САЛАТОВА

БЕЗРАБОТИЦА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: безработица, глобализация, экспертный опрос, Респуб-лика Татарстан

Key words: unemployment, globalisation, expert inquiry, the Republic of Tatarstan

В статье на основе проведенных в 2011—2012 гг. социологических опросов сотрудников центров занятости населения Татарстана, негосударственных

рекрутинговых компаний и кадровых агентств проанализирована проблема взаимодействия глобализации и безработицы.

On the basis of sociological inquiries of employees in Tatarstan employment centres, non-governmental recruiting companies and employment agencies held in 2011—2012 the problem of the interrelation between the globalisation and the unemployment has been analysed.

Глобальный финансово-экономический кризис отрицательно повлиял на мировой рынок труда, значительно повысил уровень безработицы — 210 млн чел. к 2011 г.¹ С точки зрения социологии безработица является следствием научно-технического прогресса и изменения внешних социальных структур (социальных институтов, обладающих определенными материальными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию). В условиях глобализации возрастает значение человеческого фактора безработицы, т. е. внутренних структур, определяющих этот процесс (изменение набора стандартов поведения определенных лиц в конкретной ситуации, рассогласованность объективно складывающейся структуры рынка труда и субъективных претензий населения, неудовлетворенность личности своим социальным статусом и т. д.). Данные процессы в условиях глобализации неразрывно связаны с экономическими изменениями.

На макроэкономическом уровне влияние глобализации проявляется в общем стремлении стран и отдельно взятых регионов к экономической активности вне своих границ. Это

САЛАТОВА Александра Александровна, аспирант кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

ведет к общемировой тенденции либерализации, снятию торговых и инвестиционных барьеров, созданию зон свободного предпринимательства и различных международных экономических организаций и др.

На мезоэкономическом уровне глобализационные процессы влияют на состояние товарных, финансовых, валютных рынков и рынков труда, приводят к возрастанию территориальной социально-экономической поляризации².

На микроэкономическом уровне влияние глобализации, либерализации и снятия торговых барьеров проявляется в стремлении отдельных компаний распространить свою деятельность за пределы внутреннего рынка. С одной стороны, глобализация обеспечивает новые возможности для представителей малого бизнеса через расширяющийся доступ к глобальным рынкам товаров и услуг, что способствует их быстрому росту, развитию и увеличивает их прибыль. С другой стороны, большинство мелких и средних компаний вынуждены прекращать свою деятельность, так как производимые ими товары и услуги не выдерживают конкуренции с импортируемыми. Так, в 2000 г. многие мелкие нефтеперерабатывающие компании в Индии закрылись в результате изменения торговой политики и увеличения доли импортируемых продуктов нефтепереработки из США³.

Проследить общемировую тенденцию экономической глобализации возможно на уровне стран и отдельных регионов страны. Так, Республика Татарстан в сентябре 2012 г. имела 135 стран-партнеров ВТО, Свердловская область — 134, Нижегородская область — 123⁴. При этом, по данным Федеральной таможенной службы России, внешнеторговый оборот Татарстана в январе — сентябре 2012 г. (в действовавших ценах) составил 18 448,7 млн долл.⁵, что почти на 4 млн долл. выше показателей внешнеторгового оборота 2010 г. Кроме того, действующая на территории республики особая экономическая зона «Алабуга» по итогам 2012 г. на основе анализа более 600 зон развития в 120 странах мира, проведенного экспертами британского издания Foreign Direct Investment, вошла в Топ-40 списка лучших⁶. Эти показатели дают основание заключить, что Татарстан — регион, максимально включенный во всемирные экономические процессы.

Формирование глобальной мировой экономики может быть важным признаком логического завершения прежней миро-

вой экономики, основанной на самодостаточности национальных культур и устойчивости специфических хозяйственных укладов. В результате происходящих экономических изменений в новой структуре и форме организации мировой экономики сложность международного разделения труда будет более проблемной. При этом множество национальных экономик лишатся своих автономий, что повлияет на глобальные региональные сдвиги в производстве⁷. В свою очередь изменения в производственном секторе отразятся на перераспределении трудовых ресурсов. Иными словами, в ситуации, когда глобализация формирует всеобщую мировую экономику, безработица приобретет всеобщий характер — «безработица без государственных границ»⁸.

Интересен тот факт, что влияние глобализационных процессов на экономику изучается учеными в последние годы довольно активно⁹. Однако тема безработицы в условиях глобализации, а также влияние, оказываемое на структуру и динамику безработицы усиливающимися глобализационными процессами, остаются мало исследованными вопросами. При этом если, по наблюдениям специалистов, несколько десятилетий назад влияния глобализации на рынки труда было незначительным, то на фоне стремительно развивающихся экономик ряда развивающихся стран, таких как Китай и Индия, на долю которых в среднем приходится почти 40 % населения всего земного шара, ситуация стабильности начинает меняться¹⁰. Более того, структурные изменения в глобальной экономике привели к тому, что рост экономики в развитых странах больше не обеспечивает занятость населения. По мнению Т. С. Кондратьевой, впервые за все прошедшие десятилетия корреляция между этими важнейшими экономическими показателями практически не проявляется. Данные статистики свидетельствуют о том, что в отраслях с низкими темпами роста численность занятых увеличивается, а в отраслях с более высокими темпами роста — падает¹¹.

Для выявления мнения экспертов о безработице как социальной проблеме глобального мира с 2011 по 2013 г. проведены 3 экспертных опроса. При содействии Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан в 2013 г. проведен экспертный опрос специалистов из центров занятости населения. Для более полной оценки

влияния глобализационных процессов на динамику безработицы в Татарстане в мае — сентябре 2012 г. проведен опрос независимых экспертов, в роли которых выступили сотрудники и руководители рекрутинговых компаний, кадровых агентств, специалисты отделов кадров государственных и частных предприятий. С целью получения эмпирического материала по различным аспектам глобализации в ноябре 2011 г. в Великобритании при содействии языковой школы ЕАС (Hastings) проведен опрос представителей различных стран (Чехии, Великобритании, Саудовской Аравии, Японии, Польши и др.), изучающих и преподающих английский язык¹². Эта группа стала называться «экспертами в глобализации» по следующим параметрам: необходимость переездов или смены места жительства как внутри региона, так и между разными странами для поиска работы, необходимость изучения английского языка как языка глобализации.

В своем исследовании под экспертом мы понимаем человека, который может быть им в определенной области в силу образования, профессии, рода занятий или наличия достаточного практического опыта, чтобы среднестатистический человек официально или юридически мог полагаться на данное мнение.

В качестве гипотезы исследования выступило положение о том, что *глобализация в общем виде является фактором, оказывающим негативное воздействие на безработицу.*

Отношение к глобализации среди специалистов неоднозначно, порой диаметрально противоположно. Это связано с разными точками зрения на последствия глобализационных процессов¹³. В сути самого процесса глобализации заложена угроза, связанная с ростом безработицы, агрессивной ценовой политикой, безжалостным выкачиванием материальных и человеческих ресурсов из любой точки мира¹⁴. Однако, по результатам опросов, мнения экспертов разделились.

Для большинства государственных экспертов (43,5 %) термин «глобализация» имеет положительное значение. Примерно такое же число респондентов (38,5 %) отметило, что придают этому термину отрицательное значение. Кроме того, достаточно большой процент респондентов (18,0 %) затруднился дать ответ. Результаты исследования показали, что независимые эксперты еще не определились со своим мнением, а около половины из них (48,1 %) затруднились

ответить на данный вопрос. На таком фоне оценки «экспертов в глобализации» выглядят резко негативными (55,1 %). Вероятно, необходимость реальных изменений в своих навыках (необходимость владения английским языком), а также невозможность полноценно реализоваться в существующих экономических реалиях в стране постоянного проживания способствовали росту негативных ощущений относительно процесса глобализации в современном его проявлении.

Необходимо отметить, что в ходе опроса экспертам не предоставлялось определение понятия «глобализация». Во-первых, любое предоставленное определение может повлиять на мнение респондента. Во-вторых, в связи с многогранностью исследуемого процесса нет единого унифицированного определения этого понятия¹⁵.

Перспективы глобализации вызывают споры среди исследователей этого процесса. Процесс глобализации мировой экономики, означая возрастающую взаимозависимость экономик отдельных стран, ускорение обмена товарами, услугами, капиталами, информацией, в итоге укрепляет позиции индустриально развитых стран, дает им дополнительные преимущества. Так, С. Амин утверждает, что по мере включения в систему либеральной (неуправляемой) глобализации 40 % населения России, 50—70 % населения арабских стран (Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Сирия, Ирак), Турции, Ирана, Бразилии, Мексики и других стран Латинской Америки, а также 70—80 % населения Китая и Индии, практически все население стран Тропической Африки, Карибского бассейна, Западной Азии окажутся в положении «резервной армии труда», т. е. безработных и маргиналов¹⁶.

В то время как промышленно развитые страны переформируют свою технологическую и социальную структуру, пытаются оживить и омолодить силы, которые позволили бы добиться нового качества экономического роста, эволюционный путь, избранный развивающимися странами, является совершенно иным. Развивающиеся страны, как правило, при слабой экономике ведут борьбу за удовлетворение насущных потребностей увеличивающейся численности населения, продолжают стремиться к количественному экономическому росту для обеспечения своих граждан работой, достижения приемлемого уровня жизни. Таким образом, мировые проб-

лемы возникают из-за того, что в разных регионах мира настал переходный период. С одной стороны, множество развивающихся стран находится в стадии перехода от аграрного к индустриальному обществу, с другой — многие высокоразвитые страны переживают стадию постиндустриального и информационного общества. В государствах третьего мира увеличивающаяся численность безработных, социально и экономически неустроенных граждан может стать взрывоопасным фактором в ближайшем будущем. В глобализации лежит угроза, связанная с заметным увеличением разрыва в уровнях заработной платы квалифицированных и менее квалифицированных работников, а также с ростом безработицы среди последних¹⁷.

В связи с этим интересны представления сотрудников центров занятости населения о влиянии глобализационных процессов на проблему безработицы. В ходе исследования респондентам предлагалось оценить степень лояльности различным высказываниям о глобализации. Подробные результаты ответов экспертов приведены в таблице.

Результаты опроса показывают, что многие эксперты (59 %) считают глобализацию основной причиной мирового финансового кризиса. При этом 43,5 % респондентов не согласны с тем, что «мировой финансовый кризис — основная причина роста уровня безработицы в России» (суммарный процент ответов «согласен» и «скорее согласен»). Результаты исследования дают основание предполагать, что причины роста безработицы связаны с экономической политикой государства, общим свертыванием производства, усиливающейся дифференциацией населения по доходам, наличием скрытой занятости и др. Однако около половины опрошенных (48,7 %) соглашаются с тем, что «глобализация представляет угрозу занятости в России». Достаточно остро стоит вопрос о значении глобализации для России: 43,6 % экспертов не считают ее благом для нашей страны, в противовес 38,6 % респондентов соглашающихся с данным утверждением (суммарный процент ответов «согласен» и «скорее согласен»).

Распределение ответов сотрудников ЦЗН населения Республики Татарстан и сотрудников кадровых агентств, рекрутинговых служб выявило достаточно схожие позиции государственных и независимых экспертов по вопросу

оценки значимости глобализационных процессов для России. На рис. 1 представлено подробное распределение ответов респондентов на вопрос «Глобализация — благо для России».

Таблица

Экспертная оценка степени лояльности различным суждениям о глобализации, %*

Утверждение	Степень лояльности									
	Согласен		Скорее согласен		Скорее не согласен		Не согласен		Затрудняюсь ответить	
	G	N	G	N	G	N	G	N	G	N
Глобализация — благо для России	15,4	7,4	23,2	33,4	28,2	29,4	15,4	7,4	17,8	22,2
Глобализация представляет угрозу занятости в России	7,7	0	41,0	37,1	20,5	14,8	15,4	14,8	15,4	33,3
Мировой финансовый кризис — основная причина роста безработицы в России	7,7	29,6	15,4	22,2	17,9	7,4	25,6	11,1	33,4	29,6
Глобализация — основная причина мирового финансового кризиса	25,7	7,4	33,3	18,5	5,1	37	15,4	11,1	20,5	25,6

* G — государственные эксперты, N — независимые эксперты, %

Любопытно, что более половины (59 %) независимых экспертов склонны в качестве причины роста уровня безработицы в России отмечать негативные влияния всемирного финансово-экономического кризиса (суммарный процент ответов «согласен» и «скорее согласен»).

В ходе проведенного исследования нами установлено, что перспективы глобализации вызывают споры не только среди исследователей этого процесса, но и среди государственных и независимых экспертов в Татарстане. Кроме того, исследование показало, что, несмотря на положительное отношение экспертов к глобализационным процессам, ее значение для России они определили как неоднозначное. Причем взгляд 48,7 % сотрудников ЦЗН Татарстана на то, что глобализация представляет угрозу занятости в России, практически совпадает с негативной позицией по этому вопросу, представленной в официальном докладе ООН «О мировом социальном положении, 2007 год: императив занятости». В докладе сделан вывод о том, что «глобализация отрицательно сказывается на возможности человека найти достойную работу и не мириться с унижающим или

изнуряющим трудом»¹⁸. При этом отмечается, что происходящие в последнее время процессы дерегулирования, приватизации и коммерциализации социальных услуг приводят к снижению гарантий занятости и получения доходов, что во многом связано с тем, что стандартные контракты и коллективные договоры уступают место более индивидуализированным контрактам между работодателями и наемными работниками. Это ведет к дальнейшему сдвигу баланса сил в пользу работодателей.

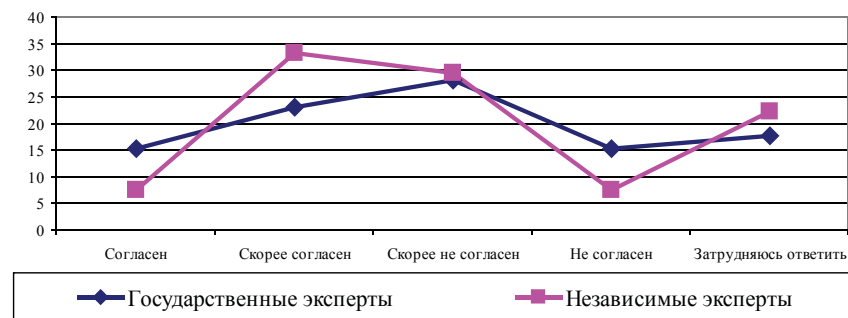

Рис. 1. Отношение респондентов к высказыванию «Глобализация — благо для России», %

По мнению сотрудников ЦЗН Республики Татарстан и экспертов, глобализация является основной причиной мирового финансового кризиса. Однако эксперты, особенно государственные, отмечают различные причины роста безработицы, что позволяет говорить о необходимости детального изучения эффективности государственных мероприятий, направленных на снижение уровня безработицы в стране. Таким образом, дальнейшее исследование ситуации с безработицей в условиях глобализации должно быть направлено на детальное изучение результативности государственной политики занятости и исследование распространенности нестандартных форм занятости в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: МВФ отмечает в мире исторический максимум безработицы. URL: <http://www.baltinfo.ru/2010/09/03/MVF-otmechaet-v-mire-istoricheskii-maksimum-bezrobotitcy-160755> (дата обращения: 17.04.2012).

² См.: Булгакова О.А. Поляризация территориального развития мезо-экономических систем в условиях глобализации (на примере Юга России): дис. канд. ... экон. наук. Ростов н/Д, 2003.

³ См.: Shiva Vandana. *Stolen Harvest*. Camb., MA: South End Press, 2000. P. 54.

⁴ См.: Обзор внешнеторгового оборота регионов. URL: <http://kazan.dkvtartal.ru/wiki/vneshnetorgovuu-oborot> (дата обращения: 05.04.2013).

⁵ См.: Социально-экономическое положение Республики Татарстан: комплексный информ.-аналит. докл. URL: <http://www.tatstat.ru/digital/region8/2007/i100021r.pdf> (дата обращения: 07.05.2013).

⁶ См.: ОЭЗ «АЛАБУГА» 2012. URL: <http://oez.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/173635.htm> (дата обращения: 07.05.2013).

⁷ См.: Глазьев С.Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. URL: <http://rus-sky.com/history/library/glazyev/genocide2.htm> (дата обращения: 07.05.2013).

⁸ См.: Астапова И.О. Безработица в условиях глобализации экономики. URL: http://www.rusnauka.com/17_AND_2010/Economics/68099.doc.htm (дата обращения: 17.06.2013).

⁹ См.: Levitt T. *The Globalization of Markets* // Harvard Business Rev. 1983. May — June. P. 92—102; Долгов С.И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление? Экономические проблемы на рубеже веков. М.: ОАО «Издательство “Экономика”», 1998. 215 с.; Интриллигейтор М. Глобализация мировой экономики: выгоды и издержки // Мир перемен. 2004. № 1. С. 129—139; Колодко Г. Глобализация и экономический рост // Там же. С. 140—152; Смитиенко Б.М., Кузнецова Т.А., Противоречия глобализации мировой экономики. Современный антиглобализм и альтерглобализм. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2005. 132 с.

¹⁰ См.: Spence M. *Globalization and unemployment*. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67874/michael-spence/globalization-and-unemployment> (дата обращения: 07.05.2013).

¹¹ См.: Кондратьева Т.С. Влияние глобализации на американский рынок труда. URL: <http://croquis.ru/921.html> (дата обращения: 18.06.2013).

¹² См.: Crystal D. *English as a global language*. Camb. 1997. 212 p.

¹³ См.: Развитие внутренней торговли: Украина, Россия, Беларусь / ред. А.А. Шубина, А.А. Садекова; отв. ред. Л.И. Донец. Донецк: ДонНУЭТ, 2009. С. 39.

¹⁴ См.: Астапова И.О. Безработица в условиях глобализации экономики ...

¹⁵ См.: Маслова А.Н. Процессы глобализации с социологической точки зрения: определения и концепции // Актуальные проблемы экономической социологии: сб. науч. тр. студентов, аспирантов и преподавателей / под общ. ред. Н.Р. Исправниковой, М.С. Халикова. М.: Универ. кн., 2008. Вып. 9. С. 146—153.

¹⁶ См.: Доклад В.И. Добренкова на 36-м Всемирном конгрессе Международного института социологов (IIS) в Пекине. URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=203> (дата обращения: 13.08.2012).

¹⁷ См.: Доклад о мировом социальном положении, 2007 год: императив занятости URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2007/11/29/1483> (дата обращения: 13.08.2012).

¹⁸ Там же.

Поступила 08.08.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: MVF *otmechaet v mire istoricheskij maksimum bezroboticy*. URL: <http://www.baltinfo.ru/2010/09/03/MVF-otmechaet-v-mire-istoricheskii-maksimum-bezroboticy-160755> (дата обращения: 17.04.2012).

² Sm.: Bulgakova O.A. *Poljarizacija territorial'nogo razvitija mezojekonomicheskikh sistem v uslovijah globalizacii* (na primere Juga Rossii): dis. kand. ... jekon. nauk. Rostov n/D, 2003.

³ Sm.: Shiva Vandana. *Stolen Harvest*. Camb., MA: South End Press, 2000. R. 54.

⁴ Sm.: *Obzor vneshnetorgovogo oborota regionov*. URL: <http://kazan.dkvtartal.ru/wiki/vneshnetorgovyy-oborot> (дата обращения: 05.04.2013).

⁵ Sm.: *Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Respubliki Tatarstan: kompleksnyj inform.-analit. dokl.* URL: <http://www.tatstat.ru/digital/region8/2007/i100021r.pdf> (дата обращения: 07.05.2013).

⁶ Sm.: OJeZ «ALABUGA» 2012. URL: <http://oez.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/173635.htm> (дата обращения: 07.05.2013).

⁷ Sm.: Glaz'ev S.Ju. *Genocid. Rossija i novyj mirovoj porjadok*. URL: <http://rus-sky.com/history/library/glazyev/genocide2.htm> (дата обращения: 07.05.2013).

⁸ Sm.: Astapova I.O. *Bezrobotica v uslovijah globalizacii jekonomiki*. URL: http://www.rusnauka.com/17_AND_2010/Economics/68099.doc.htm (дата обращения: 17.06.2013).

⁹ Sm.: Levitt T. *The Globalization of Markets* // Harvard Business Review. 1983. May — June. P. 92—102; Dolgov S.I. *Globalizacija jekonomiki: novoe slovo ili novoe javlenie? Jekonomicheskie problemy na rubezhe vekov*. M.: OAO «Izdatel'stvo “Jekonomika”», 1998. 215 s.; Intrilligejtor M. *Globalizacija mirovoj jekonomiki: vygody i izderzhki* // Mir peremen. 2004. № 1. S. 129—139; Kolodko G. *Globalizacija i jekonomicheskij rost* // Tam zhe. S. 140—152; Smitienko B.M., Kuznecova T.A., *Protivorechija globalizacii mirovoj jekonomiki. Sovremennyj antiglobalizm i al'terglobalizm*. M.: Mosk. gos. un-t pechati, 2005. 132 s.

¹⁰ Sm.: Spence M. *Globalization and unemployment*. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67874/michael-spence/globalization-and-unemployment> (дата обращения: 07.05.2013).

¹¹ Sm.: Kondrat'eva T.S. *Vlijanie globalizacii na amerikanskij rynek truda*. URL: <http://croquis.ru/921.html> (дата обращения: 18.06.2013).

¹² Sm.: Crystal D. *English as a global language*. Camb. 1997. 212 p.

¹³ Sm.: *Razvitie vnutrennej trgovli: Ukraina, Rossija, Belarus' / red. A.A. Shubina, A.A. Sadekova; отв. ред. Л.И. Донец. Донецк: ДонНУЭТ, 2009. С. 39.*

¹⁴ Sm.: Astapova I.O. Bezrabotica v uslovijah globalizacii jekonomiki ...

¹⁵ Sm.: Maslova A.N. Processy globalizacii s sociologicheskoj točki zrenija: opredelenija i koncepcii // Aktual'nye problemy jekonomicheskoj sociologii: sb. nauch. tr. studentov, aspirantov i prepodavatelej / pod obshh. red. N.R. Ispravnikovoj, M.S. Halikova. M.: Univer. kn., 2008. Vyp. 9. S. 146—153.

¹⁶ Sm.: Doklad V.I. Dobren'kova na 36-m Vsemirnom kongresse Mezhdunarodnogo instituta sociologov (IIS) v Pekine. URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=203> (data obrashhenija: 13.08.2012).

¹⁷ Sm.: Doklad o mirovom social'nom polozhenii, 2007 god: imperativ zanjatosti URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2007/11/29/1483> (data obrashhenija: 13.08.2012).

¹⁸ Tam zhe.

A. A. Salatova. Unemployment in Globalisation Conditions

The society on the present stage of its development cannot exist without being influenced by globalisation processes. At the same time studying globalisation from the point of view of its influence on unemployment is not so popular in Russia. In the country the experience in development of measures aimed at the unemployment decrease in the conditions of market economy is limited by the last twenty years and is based on the experience of other countries.

Main types of globalisation processes influencing the unemployment structure and dynamics by the example of the Republic of Tatarstan are considered in the article. The hypothesis on insufficient attention to this influence in the formation of the state employment policy is confirmed by the results of the inquiries of the Republic of Tatarstan employment centres as well as by specialists from non-governmental employment and recruiting agencies. The research allowed coming to the conclusion that despite experts positive relation towards globalisation processes their value for Russia is not so simple. The position of the staff of the Republic of Tatarstan employment centre that globalisation represents the threat coincides with the radically negative point of view stated in the official report of the United Nations Organisation «World Social Position 2007: Employment Imperative» containing the official conclusion that globalisation negatively influences people's ability to find decent work and not to put up with the insulting or harassing labour.

SALATOVA Alexandra A., post-graduate Chair of Sociology of Kazan (Volga Region) Federal University.

И. В. КЛИМЫЧЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА

Ключевые слова: сельская молодежь, социальная мобильность, миграция, регион, социальный лифт, рыночные преобразования, качество жизни, образование, занятость

Key words: rural youth, social mobility, migration, region, social lift, market transformations, life quality, education, employment

В статье на основе результатов социологических исследований анализируются социальная мобильность и миграционные настроения сельской молодежи Республики Мордовия.

On the basis of the results of sociological researches social mobility and migration moods of the rural youth of the Republic of Mordovia are analysed in the article.

Последние двадцать с лишним лет, в течение которых в России проводились радикальные реформы в социальной, экономической и политической сферах, привели к формированию новых, пореформенных поколений, которые, безусловно, будут влиять на социально-экономическое развитие российского общества. В этих условиях изучение социальных групп, в том числе и молодежи, ее повседневной жизни (от социального положения до психологического состояния), становится основанием для дальнейшего изучения более сложных процессов: систем норм и ценностей; их взаимосвязи с установками и реальным поведением; систем норм молодых россиян и жителей западных стран и т. д.¹

Современная российская молодежь в возрасте до 25 лет лично формировалась после начала социально-экономических реформ. Ее представители получили образование в постсоветской России, в условиях активного внедрения в общественное сознание и систему общественных отношений

КЛИМЫЧЕВ Иван Викторович, корпоративный тренер ООО «Управляющая компания “Группа ГАЗ”».

либеральных ценностей, «а активная вторичная социализация этой возрастной когорты проходила в “путинскую эпоху”»². Важно иметь в виду, что молодежь в возрасте от 26 до 35 лет — это совершенно другое поколение россиян. Ее формирование и социализация проходили в условиях разных периодов трансформаций — «ельцинского» и «путинского»³. Каждому из этих периодов свойственны различные виды социальной мобильности молодежи.

Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую⁴. Это перемещение общностей, групп и индивидов по социальному пространству. Высокий уровень социальной мобильности населения является гарантией его социальной защищенности. Социальная мобильность населения свидетельствует об открытости и подвижности общества, а также о его устойчивой стабильности⁵.

Рыночные преобразования в России сопровождаются ускоренной социальной мобильностью населения, которая имеет в основном нисходящую и горизонтальную направленность. Основными причинами этого процесса, на наш взгляд, являются существенное снижение уровня жизни большинства россиян, прогрессирующая поляризация населения по доходам и ярко выраженное неравенство социальных возможностей для людей разных социальных групп. Несмотря на то что качество жизни является важнейшим приоритетом социально-экономического развития страны, недавно бесспорность этой идеи не была столь очевидной. Значительные просчеты в проведении реформ, особенно экономических и социальных, обусловили то, что последние два десятилетия XX в. стали периодом социального упадка и деморализации. Прежде всего это отразилось на сельских жителях. Негативные социально-экономические последствия реформ в виде явной и скрытой безработицы, обесценивания труда, сокращения финансирования социальной инфраструктуры негативно повлияли на облик сельской местности⁶.

Важная особенность динамизма современной социальной мобильности — существенное изменение системы критериев оценки успеха и нарастание тенденции распространения неинституционализированных каналов социальной мобиль-

ности. Поэтому необходимо выделить ряд тенденций, характеризующих ее активизацию: социальную поляризацию (расслоение на богатых и бедных); углубление социальной и имущественной дифференциации; массовую нисходящую социальную мобильность; массовую смену места жительства работниками умственного труда. Кроме того, следует отметить существенную сегментацию рынка труда⁷.

Изменения половозрастной структуры населения оказывают существенное влияние на динамику демографических процессов. Несмотря на то что в республике ежегодно рождается больше мальчиков, чем девочек, на 1 января 2011 г. в Мордовии на 1 тыс. мужчин приходилось 1 182 женщины (в городской местности — 1 239, в сельской — 1 099). Стабильное превышение численности женщин над численностью мужчин начинается в возрасте 40 лет. Основной причиной малочисленности мужчин является высокая смертность, прежде всего в трудоспособном возрасте (41,1 % от общего числа умерших мужчин). С увеличением возраста разница становится более значительной. Численность детей и подростков в возрасте до 15 лет уменьшилась на 0,8 тыс. чел., или на 0,7 %. Доля населения моложе трудоспособного возраста составила 14,3 % от общей численности населения (118,2 тыс. чел.). Численность лиц трудоспособного возраста за предыдущий год снизилась на 8,2 тыс. чел. и составила 516,8 тыс. чел. (62,5 % от общей численности населения). Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения составлял 23,2 % (191,5 тыс. чел.). Численность этой возрастной группы по сравнению с 2009 г. увеличилась на 2,5 тыс. чел.

Самый низкий удельный вес населения моложе трудоспособного возраста в общей численности отмечается в Кочкуровском муниципальном районе (12,0 %), наибольший показатель зафиксирован в Атюрьевском (17,1 %). Более 30 % от общей численности населения приходится на долю лиц старше трудоспособного возраста в Большеберезниковском, Ковылкинском, Дубенском и Темниковском муниципальных районах. Наибольший удельный вес населения трудоспособного возраста в общей численности отмечается в Зубово-Полянском (69,2 %), Лямбирском (63,4 %) районах и в городах республиканского подчинения (Саранск — 65,1 %, Ковылкино — 62,4 %, Рузаевка — 61,5 %), а самый низ-

кий — в Большеберезниковском (52,6 %), Дубенском (54,7 %) и Ковылкинском (55,1 %) муниципальных районах⁸.

Ученые всегда уделяли внимание молодежи. Однако проблемы сельской молодежи периода радикальных социально-экономических и идеологических трансформаций не часто становились предметом их внимания. В январе — марте 2012 г. на территории Республики Мордовия нами проведено социологическое исследование «Проблемы социального самочувствия, ценностных ориентаций сельской молодежи и ее отношение к государственной молодежной политике». Объем выборочной совокупности составили 1 056 чел. В опросе для выявления социальных характеристик сельской молодежи приняли участие респонденты различных половозрастных групп, относящихся к категории «молодежь». Социально-демографические характеристики выборочной совокупности в основном отразили социальную структуру молодежи республики. Большую часть анкетированных составили молодые люди в возрасте от 14 до 20 лет (59 % от общего числа опрошенных). Второй по численности оказалась категория людей в возрасте от 20 до 25 лет (20,8 %) (девушки — 51,1 %, юноши — 48,9 %).

Одним из механизмов социальной мобильности являются так называемые «социальные лифты». Это условное наименование совокупности факторов, оказывающих влияние на вертикальную социальную мобильность, но чаще употребляемое в современном контексте обсуждения теории элит в качестве одного из средств ротации правящей элиты. В контексте нашего исследования социальный лифт рассматривается как набор условий, факторов и практик, позволяющих индивиду, группе, социальному слою менять свой социальный статус. Наиболее часто в качестве социального лифта выступают работа (ее поиск), образование (его получение, повышение), брак, политика (участие в ней) и т. д. Так или иначе эти факторы определяют динамику и направления миграционных потоков.

Большая часть опрошенной молодежи имеет среднее и среднее профессиональное образование (48,3 %). Значительна доля и тех, кто имеет высшее и незаконченное высшее образование (30,5 %). Получили неполное среднее образование 17,9 %, имеют начальное образование 3 % респондентов. Если сравнивать уровень образования сельской молодежи по

полу, можно сделать вывод о том, что девушек, получивших высшее и имеющих незаконченное высшее образование, в два раза больше, чем юношей. Респонденты, имеющие на момент опроса среднее и среднее профессиональное образование, не имеют гендерных различий. В группе тех, кто имеет неполное среднее и начальное образование, юношей значительно больше.

Образование — наиболее сложный вопрос для молодого поколения. Оно является основой дальнейшего развития общества и играет решающую роль в судьбе человека.

Уровень и специализация образования во многом определяются жизненными планами человека, его профессиональной ориентацией. С одной стороны, в ней отражаются стремления и намерения молодежи, с другой — конкретное осуществление этих намерений, реализация личных планов. Результаты нашего исследования показывают, что лишь 45,9 % респондентов уверены в правильности своего выбора специальности при получении образования; 35 % опрошенных не смогли оценить правильность своего выбора. Вероятно, сказывается отсутствие опыта применения полученных знаний. При этом 18,2 % сельской молодежи ответили отрицательно на вопрос «Если у Вас была бы возможность сейчас сделать выбор специальности, стали бы Вы снова ее получать?».

Необходимо отметить, что современная молодежь ориентируется на получение высшего образования. Получать начальное профессиональное желают лишь 3 %, а среднее профессиональное — 14,4 %. Эта тенденция позволяет говорить о восходящей вертикальной образовательной мобильности сельской молодежи, если учитывать, что многие респонденты (68,9 %) на момент проведения исследования продолжали обучение.

С 1995 г. в Мордовии постсоветского периода наблюдается отрицательная динамика миграционных потоков. Так, если в 1995 г. она составила 416 чел., то в 2011 г. — 3 424 чел. Наибольшее отрицательное значение этого показателя отмечается в 2001 г., что связано с последствиями кризисного 1998 г. (дефолт) и разорением многих промышленных и сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности⁹. Колебания миграционного прироста и убыли коррелируют с социально-экономическими и политическими

процессами в стране в целом и республики в частности. Прежде всего это трансформация республики из аграрной в индустриально-аграрную.

Внутрироссийское переселение жителей Мордовии занимает основную долю внешнего миграционного оборота республики. В 1997—2001 гг. отток населения из республики усиливался. Сальдо межрегиональной миграции увеличилось с 1 615 чел. в 1999 г. до 2 854 чел. в 2001 г.¹⁰ Аналогичная тенденция отмечена и в 2007—2011 гг. Так, в 2007 г. за пределы республики выехали 12 589 чел., а в 2011 г. — 19 167 чел. Миграционный прирост в 1999 г. составил 1 662 чел. и в 2011 г. — 3 424 чел. Миграционные процессы в республике определяются динамикой рыночных преобразований, ситуацией в сфере занятости, возможностями трудоустройства мигрантов, территориальными различиями в уровне жизни населения.

Миграция — особый вид общественной практики, представляющий собой механическое перемещение людей по определенной территории (географическому пространству). Миграционное поведение следует рассматривать вместе с трудовым статусом работника, его занятостью в личном хозяйстве, образованием, жилищно-бытовыми условиями, демографическим типом семьи, особенностями местожительства. К этому необходимо добавить широкий выбор сфер приложений труда в городе по сравнению с селом, более высокооплачиваемую работу, удовлетворение культурных запросов, отсутствие сезонности в работе. Особенно это касается молодых людей¹¹. Это подтверждают результаты исследования. На вопрос «Хотели бы Вы переехать и сменить место жительства?» 42,4 % молодежи ответили положительно, 44,1 % — отрицательно; 13,5 % затруднились с ответом. Двухмерное распределение показывает, что наибольшим желанием переехать обладает молодежь в возрасте от 20 до 25 лет (47,8 %) и моложе 20 лет (44,2 %). При этом число тех, кто не хочет переезжать в этом возрасте, одинаково и составляет 40,4 и 40,6 % соответственно. Это говорит о высоком потенциале притягательности сельской жизни для определенной части молодежи. К тридцати годам миграционные настроения ослабевают. Доля тех, кто не намерен менять место жительства, увеличивается (56,3—61,6 %).

При сравнении миграционных настроений по полу выяснилось, что у девушек миграционные настроения прослеживаются более ярко: 46,1 % из них хотели бы переехать и жить в другом месте в отличие от юношей (38,8 %). Отрицательные ответы дали 40,6 % девушек и 47,4 % юношей, что говорит о большем миграционном настрое девушек в отличие от парней. Число тех, кто не определился, примерно одинаково (юношей — 13,8 %, девушек — 13,3 %).

Не менее важное значение имеет вопрос о соотношении уровня образования молодежи и ее миграционных настроений. Анализ результатов исследования позволяет утверждать, что большим желанием переехать обладает группа молодежи, имеющая неполное среднее и среднее образование, так как образованные люди, имеющие специальное образование, более востребованы на республиканском рынке труда в отличие от своих менее подготовленных сверстников. Кроме того, первая группа молодежи вынуждена работать на вторичном рынке, где используется неквалифицированный, физически тяжелый и менее оплачиваемый труд. В более социально-экономически развитых регионах (Москва, Московская область, Республика Татарстан и др.) по сравнению с Мордовией этот труд оплачивается выше, что стимулирует миграционные настроения молодежи Мордовии.

Необходимо иметь в виду, что миграция является лишь следствием комплекса причин, побуждающих молодежь покинуть малую родину. Исследование показало, что основными причинами миграции сельской молодежи республики является поиск работы с высоким заработком. Также высок процент отметивших «поиск работы по специальности». При этом у молодых людей третьей по значимости причиной миграции является желание переехать, чтобы учиться дальше.

Результаты исследования подтверждают данные, полученные в апреле — мае 2013 г. Российским союзом сельской молодежи (РССМ) при консультационной поддержке специалистов ВЦИОМ. Было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение установок, мотивов, настроений и ожиданий сельской молодежи. Результаты исследования показали, что жизненные планы сельской молодежи различны. При этом многие (48,8 %) не планируют связывать свою жизнь с селом. В то же время 35,9 % молодых людей в будущем хотят жить и работать

в сельской местности либо вернуться туда после получения профессионального образования. Примечательно, что среди мужчин доля желающих жить в селе существенно выше, чем среди женщин. Почти две трети опрошенных девушек (61,2 %) склоняются к тому, чтобы покинуть село¹².

Таким образом, сельская молодежь Мордовии стремится к получению высшего образования, высоко оценивает уровень знаний, полученный в учебных заведениях республики. Это говорит о том, что образование воспринимается молодежью как социальный лифт с высоким уровнем доверия, дающий возможность занять более высокие позиции в структуре общественных отношений общества. Проблемы отечественного образования мало известны сельской молодежи и не занимают значительного места в оценке ими качества полученного образования. Уровень миграционных настроений достаточно высок. Большим желанием переехать обладает молодежь в возрасте от 20 до 25 лет (47,8 %) и моложе 20 лет (44,2 %). К тридцати годам миграционные настроения ослабевают. При этом у девушек миграционные настроения выражены более ярко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. 408 с.; Латова Н.В. Модернизирующая функция российской системы высшего образования // Система воспитания в высшей школе. М.: ФИРО, 2009. 80 с.; Магун В.С., Руднев М.Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образоват. политика. 2010. № 7—8. С. 244—280.

² Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова и др. М.: Весь Мир, 2011. С. 274.

³ Там же.

⁴ См.: Фролов С.С. Социология: учебник для высш. учеб. завед. М.: Наука, 1994. С. 129.

⁵ См.: Денисов Ю.Г. Уровень социальной мобильности населения: миграционный аспект // Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. Вып. IV. Саранск, 2004. С. 29—34.

⁶ См.: Долгушкин Н.К., Новиков В.Г., Староверов В.И. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социол. исслед. 2009. № 2. С. 86—94.

⁷ См.: Козин В.В., Курков В.М. Рынок труда и гармонизация социальных отношений в Мордовии // Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия. Саранск, 2009. С. 96—101.

⁸ См.: Демографический ежегодник Республики Мордовия. 2012: стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2012. 148 с.

⁹ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2012. 472 с.

¹⁰ См.: Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2002—2004 гг.: анализ. обзор / под ред. А.И. Сухарева и др. Саранск, 2005. С. 45.

¹¹ См.: Заславская Т.И. Методологические основы программы исследования производственно-профессиональной мобильности сельского населения // Доклады Всесоюзного симпозиума по социальным проблемам села. Новосибирск, 1968.; Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 348 с.

¹² См.: РСММ выявил ожидания, настроения и установки сельской молодежи. URL: http://www.moeobrazovanie.ru/ozhidaniya_selskoy_molodezhi.html (дата обращения 11.09.2013).

Поступила 30.09.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Kul'tura kak faktor obshhestvennogo progressa. M.: ЗАО «Justicinform», 2009. 408 s.; Latova N.V. Modernizirujushhaja funkcija rossijskoj sistemy vysshego obrazovaniya // Sistema vospitaniya v vysshej shkole. M.: FIRO, 2009. 80 s.; Magun V.S., Rudnev M.G. Mezhhdunarodnye sravneniya bazovyh cennostej rossijskogo naselenija i dinamika processov socializacii // Obrazovat. politika. 2010. № 7—8. S. 244—280.

² Dvadcat' let reform glazami rossijan: opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov / pod red. M.K. Gorshkova i dr. M.: Ves' Mir, 2011. S. 274.

³ Tam zhe.

⁴ Sm.: Frolov S.S. Sociologija: uchebnik dlja vyssh. ucheb. zaved. M.: Nauka, 1994. S. 129.

⁵ Sm.: Denisov Ju.G. Uroven' social'noj mobil'nosti naselenija: migracionnyj aspekt // Rezervy garmonizacii social'nyh otnoshenij v Mordovii. Vyp. IV. Saransk, 2004. S. 29—34.

⁶ Sm.: Dolgushkin N.K., Novikov V.G., Staroverov V.I. Problemnost' sovremennogo sel'skogo bytija i puti ego ozdorovlenija // Sociol. issled. 2009. № 2. S. 86—94.

⁷ Sm.: Kozin V.V., Kurkov V.M. Rynok truda i garmonizacija social'nyh otnoshenij v Mordovii // Faktory i mehanizmy garmonizacii social'nyh otnoshenij v Respublike Mordovija. Saransk, 2009. S. 96—101.

⁸ Sm.: Demograficheskij ezhegodnik Respubliki Mordovija. 2012: stat. sb. / Mordovijastat. Saransk, 2012. 148 s.

⁹ Sm.: Mordovija: stat. ezhegodnik / Mordovijastat. Saransk, 2012. 472 s.

¹⁰ Sm.: Social'no-jekonomicheskoe razvitie Respubliki Mordovija v 2002—2004 gg.: analit. obzor / pod red. A.I. Suhareva i dr. Saransk, 2005. S. 45.

¹¹ Sm.: Zaslavskaja T.I. Metodologicheskie osnovy programmy issledovaniya proizvodstvenno-professional'noj mobil'nosti sel'skogo naselenija // Doklady Vsesojuznogo simpoziuma po social'nym problemam sela. Novosibirsk, 1968.; Migracija sel'skogo naselenija / pod red. T.I. Zaslavskoj. M.: Mysl', 1970. 348 s.

¹² Sm.: RSSM vyjavil ozhidaniya, nastroeniya i ustanovki sel'skoj molodezhi. URL: http://www.moeobrazovanie.ru/ozhidaniya_selskoy_molodezhi.html (data obrashheniya 11.09.2013).

**I. V. Klimychev. Social Mobility and Migration
Preferences of Rural Youth of the Region**

Modern youth will influence further development of the country by means of dictating norms and rules to determine further social policy and social structure of the Russian society. In such conditions studying social groups including groups of young people, their everyday life becomes the basis for the further research in the system of norms and values of youth; their interrelations with the orientations and real behaviour; comparison of the norms of young Russians with their age-mates from western countries, etc.

Any transition of an individual or social object (value) or everything created or modified by the human activity from one social position to another is understood as social mobility. This is a transition of the communities, groups and individuals in the social space. A substantial change in the system of success evaluation criteria and strengthening of the theory of non-institutionalised social mobility channels is an important peculiarity in the dynamics of modern social mobility. That's why it is important to determine a number of tendencies characterising its activation: social polarisation or split into the rich and the poor; deepening in social and property differentiation; mass digressive social mobility; mass change of residence by intellectual workers.

Rural youth in Mordovia tend to getting higher education; appreciate the level of knowledge obtained in educational institutions of the republic. This is a sign that education is treated by youth as a social lift with the high confidence level granting opportunities to occupy higher positions in the structure of the society public relations. The rural youth are not closely acquainted with the problems in the domestic education; they do not occupy any significant place in their evaluation of the education quality. The migration mood level is rather high. Youth in the age of 20—25 years (47.8 %) and younger the 20 years (44.2 %) are eager to move. By the thirty years migration moods decrease and the share of those reluctant to move increases. At that girls are characterised by stronger migration moods.

KLIMYCHEV Ivan V., corporate trainer of «Managing Company “GAZ Group”» Ltd.

М. А. ПАВЛОВА

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ
СПЕЦИФИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА РОДИТЕЛЕЙ**

Ключевые слова: Крайний Север, нефтегазодобывающая промышленность, вахтово-экспедиционный метод организации труда, особенности социализации детей

Key words: the Far North, gas and oil producing industry, shift and expedition method of labour organisation, peculiarities in children socialisation

В статье на основе результатов социологического исследования, проведенного в Ямало-Ненецком автономном округе, анализируются особенности социализации детей в условиях вахтово-экспедиционного метода организации труда родителей.

On the basis of the results of the sociological research held in the Yamalo-Nenets Autonomous District peculiarities in children socialisation in the conditions of the shift and expedition method of the parents labour organisation are analysed in the article

На современном этапе развития российского общества социологи считают создание комплексных «портретов» максимального количества регионов России одним из приоритетных направлений отечественной социологии. Решение этой задачи позволит глубже осмыслить современные социокультурные явления и процессы, станет основой для социокультурного проектирования в регионах.

В последние годы в стране активно осваиваются новые территории, богатые природными ресурсами, которые необходимы для развития современной экономики России. К таким территориям относится Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). Мировую известность ему принесли уникальные запасы природных минерально-сырьевых ресурсов. Сегодня на Ямале открыто более двухсот ископаемых. ЯНАО является одной из самых богатых территорий мира по

ПАВЛОВА Марина Анатольевна, заместитель директора филиала Тюменского государственного университета в г. Новый Уренгой.

месторождению углеводородного сырья. В регионе создан мощный топливно-энергетический комплекс, составляющий более 90 % общероссийской добычи газа, 12 % нефти и конденсата. С промышленным освоением богатейшей по углеводородным запасам территории Ямала связана программа «Энергетическая стратегия России до 2020 года».

Сегодня Ямал — это промышленно развитый регион, который имеет высокие темпы социально-экономического развития. Поэтому важнейшими направлениями государственной политики на Ямале являются регулирование демографических, миграционных процессов, занятость населения и работа с молодежью. Личностное формирование молодого поколения ямальцев, процессы его социализации проходят в экстремальных условиях проживания и при значительной удаленности от образовательных и культурных центров страны. Социализация близка по смыслу слову «воспитание». Воспитание подразумевает направленные действия, посредством которых индивиду сознательно стараются привить желаемые черты и свойства, а социализация, наряду с воспитанием, включает ненамеренные, спонтанные воздействия, благодаря которым индивид общается к культуре и становится полноправным членом общества¹. Под термином «социализация» (от лат. *socialis* — общественный) понимается комплексный процесс обучения, воспитания, развития и усвоения индивидом в течение жизни социальных норм и культурных ценностей, установок и образцов поведения того общества, социальной группы и общности, к которым он принадлежит. Социализация — та часть процесса становления личности, в которой формируются общепринятые, распространенные черты индивида, проявляющиеся в социально организованной деятельности и регулирующие обществом. Она достигается как в ходе целенаправленного воздействия на человека, так и под влиянием семейного и внесемейного общения, СМИ, литературы, искусства. Социализация индивида происходит в основном в деятельности, общении и самосознании².

Важным периодом, в котором социализация протекает наиболее активно, является детство. П. Бергер и Т. Лукман говорят об основной роли первичной социализации³. Ее отсутствие или недостаточность развития не могут быть восполнены ни на каком-либо следующем этапе жизни человека.

На процесс социализации влияет прежде всего семья, в кругу которой ребенок получает первые представления о жизни, нормах поведения, культурных традициях. В дальнейшем образ жизни, принятый в семье родителей, часто становится образцом для его собственной семьи. По мнению А. Першерона, быть членом семьи «означает участвовать в определенной системе эмоциональных отношений, принадлежать к данной социальной группе, иметь общую с ней историю, жить в определенном месте»⁴. Семья дает ребенку имя, и он становится членом родословной фамилии. На формирование ребенка в семье влияют социальное положение его родителей, культурный и образовательный уровень семьи, ее уклад.

Именно в семье ребенок приобретает персональную идентичность, в семье формируется его нравственный облик. В воспитании ребенка, в привитии ему культурных ценностей, которые становятся духовно-нравственной основой на всю жизнь, исключительно важная роль принадлежит родителям. Механизм социализации ребенка состоит из процессов подтверждения, исключения, запрещения, замещения, имитации и идентификации⁵. М. М. Акулич справедливо отмечает, что «нравственное воспитание человека для системы образования является косвенной функцией, для семьи — основной»⁶.

За годы формирования нового российского государства изменился уклад российской семьи. Так, трудовая деятельность работников в условиях Севера имеет специфику, непосредственным образом влияющую на семейную жизнь, воспитание и социализацию детей. При добыче газа в регионе Приполярья применяется вахтово-экспедиционный метод организации труда. Впервые понятие «вахтовый метод» употреблено в Положении об организации работ вахтовым методом, утвержденном Минлеспромом СССР 11 апреля 1974 г., и в Положении об организации вахтовых лесозаготовок, утвержденном Всесоюзным объединением «Тюменьлеспром» в 1976 г. В этих документах под вахтовым понимается метод, при котором бригады и мастерские участки работают на отдаленных от центральных поселков вахтах — временных поселениях, предназначенных для проживания рабочих без семей⁷. Первым нормативным актом в СССР, регулирующим условия труда при вахтовом

методе работы, было Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС 1981 г.⁸

В конце 60-х гг. XX в. в СССР была выдвинута и затем реализована идея «экспедиционно-вахтового метода», направленная не только на обеспечение промышленности и строительства квалифицированными кадрами, но и на ограничение численности «пришлого населения» в сложных (непригодных) для проживания северных районах. Смысл экспедиционно-вахтового метода состоит в выполнении работ на Севере силами предприятий, работники которых постоянно проживают в базовых городах и (или) в центральных (южных) районах страны.

Анализ отечественной практики использования вахтово-экспедиционного метода работ позволяет выделить один из его характерных признаков — наличие базового города с высоким уровнем развития социальной инфраструктуры для постоянного проживания работников и их семей. При освоении природных ресурсов Ямала в качестве базовых городов выбраны Надым и Новый Уренгой, расположенные в неблагоприятной для постоянного заселения приполярной зоне. Именно в базовом городе сосредоточены предприятия различных организационно-правовых форм, которые используют вахтовый метод организации труда, и создана удобная транспортная инфраструктура. Из базового города в сам автономный округ направляются организованные потоки работников-вахтовиков. Многие специалисты предприятий компании «Газпром» трудятся в таком режиме, при этом живут в северных городах и селах недалеко от основного места работы. Такой метод организации труда называется внутрирегиональной вахтой. Число граждан, занятых на ней, с каждым годом увеличивается, что связано с освоением новых, более отдаленных от базовых городов, месторождений и наращиванием объемов добываемого газа. Разработка отдаленных от базовых городов Ен-Яхинского, Песцового, Берегового, Заполярного и других месторождений, промышленное освоение шельфа Ямала, увеличение добычи и переработки газа говорят о том, что число работников, занятых на внутрирегиональной вахте, ежегодно будет увеличиваться.

В 1986—1988 гг. Тюменский медицинский институт проблем освоения Севера провел медико-биологические и со-

циологические исследования на Ямбургском месторождении по обоснованию эффективности режимов труда и отдыха. Было рекомендовано использовать (и он в основном используется) режим 60 × 30 и 30 × 30 дней работы и отдыха соответственно в прерывном и непрерывном производстве⁹.

Таким образом, вахтово-экспедиционный метод организации труда реализуется в пределах одного административного образования — Ямало-Ненецкого автономного округа и в рамках одной отраслевой структуры (в данном случае — это «Газпром»).

Применение вахтово-экспедиционного метода при обустройстве и эксплуатации газовых месторождений экономически выгодно и эффективно, а также позволяет снижать психологические и физиологические нагрузки, связанные с длительным пребыванием работников в экстремальных условиях. Но подобная организация труда родителей отражается на процессе воспитания детей работников-вахтовиков, на их успешной социализации.

Группой ученых Тюменского государственного университета в г. Новый Уренгой в 2010—2011 гг. проведено исследование «Особенности воспитания детей в условиях специфической организации труда родителей». В образовательных учреждениях города выявлены и обследованы 598 семей, в которых родители (или один из родителей) работают вахтово-экспедиционным методом.

Исследование показало, что в большей степени вахтово-экспедиционным методом организации труда охвачены мужчины — отцы семей (86 %), в меньшей степени — женщины (14 %: в возрасте от 21 до 35 лет — 58 % и в возрасте от 36 до 50 лет — 42 %). Важно отметить, что у работников-вахтовиков преобладает молодой возраст. В то же время личностное формирование и воспитание детей в молодых семьях вахтовиков проходит в ситуации, когда один из родителей (в основном отец) длительное время отсутствует и не может заниматься воспитанием детей, вникать в их проблемы. Основными причинами работы в подобном режиме являются «улучшение материального положения семьи» (73 %), «карьерный рост» (13 %), «невозможность найти другую работу» (14 %). Но после работы в период отдыха, который длится месяц, лишь 24 % опрошенных часто бывают дома вместе со своей семьей. Значительная

часть (46 %) респондентов не посвящают полностью все свое свободное время семье и детям. Чаще всего в это время они подрабатывают.

В семьях работников-вахтовиков в большинстве случаев воспитываются двое детей (56 %) (один ребенок — у 36 % семей, трое детей — у 8 % семей). На вопрос «Как часто Вы общаетесь с детьми?» 48 % респондентов ответили «столько, сколько мне необходимо», вероятно, имея в виду собственную потребность в общении с ребенком. Учитывают ли они при этом желание самих детей? Выявлено, что 40 % опрошенных понимают, что они общаются со своими детьми меньше, чем им хотелось бы. Это является важным моментом в осознании родителем недостатка внимания к своим детям; 12 % испытуемых ответили, что общаются с детьми значительно меньше, чем им хотелось бы.

В период работы, находясь в разлуке с близкими по месяцу и более, такие родители поддерживают связь со своими детьми при помощи современных средств телефонии: сотовых и городских телефонов (83 %) и компьютерных технологий (6 %). Каждый день общаются с детьми в период вахтовой работы 47 % опрошенных, несколько раз в день — 8 %, по мере необходимости — 39 %, раз в неделю — 6 %. Следует отметить, что половине опрошенных родителей (49 %) такого общения со своими детьми вполне достаточно. Но вторая половина (также 49 %) признается, что телефонных разговоров со своими детьми им не хватает для общения, они хотели бы больше уделять времени воспитанию детей, быть к ним ближе.

В период отдыха между работой совершают совместные прогулки с детьми 28 % родителей, приводят и забирают детей из детского сада 21 %, читают перед сном детям 19 %, покупают игрушки по просьбе ребенка 17 %, лишь 10 % родителей-вахтовиков совместно с детьми ходят в театр и на другие культурные мероприятия.

При вахтово-экспедиционном методе труда родителей формируются специфические отношения между взрослыми и детьми. С одним из родителей ребенок тесно контактирует только периодически, не имея возможности обращаться к нему ежедневно за советом, помощью, пониманием. Эта периодичность соответствует рабочему графику отца (матери). Дети растут в условиях, когда они не взаимодействуют с

одним из родителей. Они привыкают к такому режиму, ослабленному контролю за их действиями и поведением. Как показывают наблюдения за детьми в семьях работников-вахтовиков, у ребенка формируется чувство «оторванности» от родителя-вахтовика, ослабляется потребность в живом общении с ним, развивается большая свобода в действиях, что нередко приводит к появлению бесконтрольности, вредным привычкам и преимуществу общения со сверстниками. Подобная ситуация также со временем снижает потребность родителя выполнять свои обязанности по отношению к детям.

Как показало исследование, более половины респондентов не видят в подобном образе взаимодействия со своими детьми серьезных проблем (54 %). Одна пятая часть (20 %) опрошенных вахтовиков считает, что в их семьях проблемы с детьми такие же, как и в обычных семьях. Но 18 % родителей понимают, что при вахтово-экспедиционном графике труда с детьми возникают трудности, которых можно было бы избежать при ежедневном общении с ними, тесном контакте и своевременном контроле за их воспитанием. Важным является показатель «недостаток общения с детьми и родными людьми» у 67 % опрошенных родителей-вахтовиков, которые рассматривают его как основную проблему при их работе вдали от дома и семьи.

Безусловно, принимая решение о специфическом графике работы одного из родителей, каждая семья надеется, что ей удастся справиться с трудностями подобного образа жизни. При отсутствии одного из родителей на другого (в основном супругу, маму) возлагаются обязанности по уходу за детьми, их воспитанию и др., увеличивается ответственность за сохранение комфортного семейного климата. С другой стороны, организации газовой отрасли, где применяется вахтовый труд, на подобную работу стараются подбирать специалистов, руководствуясь не только показателями их профессионализма, но и личностными характеристиками, в том числе прочным семейным положением. Видимо, поэтому большинство респондентов (72 %) считают, что им удастся своевременно отмечать и корректировать положительные и отрицательные тенденции в развитии своих детей, и лишь 13 % констатируют, что они с этим не справляются.

Процесс приспособления человека к обитанию в полярных регионах страны является весьма тяжелым. Он еще

более усложняется, когда комплекс экстремальных факторов усугубляется длительным вахтовым трудом, отличающимся чрезвычайными физическими и психическими нагрузками. Учеными Лаборатории медицинской психологии ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН проведено исследование «Психологические аспекты адаптации экспедиционно-вахтовых рабочих на Крайнем Севере». Его результаты показали негативную динамику ухудшения функционального состояния организма работников-вахтовиков. Исследования феномена утомления показали, что в первую очередь у вахтовиков находятся под угрозой физическая сила и здоровье. В частности, в период завершения вахты у рабочих отмечается снижение показателей по шкале «самочувствие». При субъективной оценке в самоотчетах вахтовиков к концу вахты фиксируются такие слова, как «обессиленный», «изнуренный», «вялый». Зафиксировано снижение эмоционального состояния. При работе вахтовым методом человек длительное время испытывает дискомфорт из-за других условий проживания и климата, отрыва от семьи, а также чужих традиций, верований и мировоззрения¹⁰.

Исследование подтверждает, насколько сложно успешно выполнять родительские функции работникам-вахтовикам. После тяжелого труда им самим необходимо долгое время для восстановления физического и психического здоровья.

Таким образом, процессы воспитания и социализации детей в семьях родителей, проживающих в условиях Крайнего Севера и работающих вахтово-экспедиционным методом, имеют свои особенности. Социальная нестабильность в стране вызывает повышенное внимание к материальной обеспеченности семьи, что отвлекает родителей от задач воспитания и социализации своих детей. Следствием этого является недостаточное общение родителей с ребенком, ослабленное внимание к его проблемам, дефицит душевного тепла. В силу загруженности работой родители не уделяют достаточного внимания повышению собственной педагогической культуры, что сказывается на неумении разобраться в мотивах поведения ребенка, вовремя увидеть пробелы в его воспитании. Кроме того, недостаток родительского внимания вызывает у ребенка чувство ненужности, одиночества, которые в подростковом возрасте могут привести к девиантному поведению. Поэтому родителям-северянам

важно понимать последствия подобного образа жизни и построить гармоничные отношения со своими детьми для их всестороннего личностного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. 134 с.

² См.: Современная энциклопедия социальной работы / под ред. В.И. Жукова. М.: Изд-во: РГСУ, 2008.

³ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

⁴ Percheron A. La socialization politigue: defense et illustration // *Traite de science politigue*. M. Grawitz et J. Leca. Vol. 3. P., 1985. P. 181.

⁵ См.: Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. СПб., 1997. 372 с.

⁶ Акулич М.М. Социальный консенсус: виды, характеристики и технологии достижения // LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstraße 9966123 Saarbrücken Germany, 2011. С. 126.

⁷ См.: Кривой В.И. Вахтовый метод организации работ // *Правоведение*. 1985. № 2. С. 71—75.

⁸ См.: Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС «Об утверждении типового положения о вахтовом методе организации работ от 13 декабря 1981 г.» // *Газовая промышленность*. 2007. № 9.

⁹ См.: Крайний Север: особенности труда и социализации человека / под ред. Г.А. Дзида. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. 335 с.

¹⁰ Там же.

Поступила 26.09.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Kon I.S. Rebenok i obshhestvo. M., 1988. 134 s.

² Sm.: Sovremennaja jenciklopedija social'noj raboty / pod red. V.I. Zhukova. M.: Izd-vo: RGSU, 2008.

³ Sm.: Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

⁴ Percheron A. La socialization politigue: defense et illustration // *Traite de science politigue*. M. Grawitz et J. Leca. Vol. 3. P., 1985. P. 181.

⁵ Sm.: Gromov I.A., Mackevich A.Ju., Semenov V.A. Zapadnaja sociologija. SPb., 1997. 372 s.

⁶ Akulich M.M. Social'nyj konsensus: vidy, harakteristiki i tehnologii dostizhenija // LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstraße 9966123 Saarbrücken Germany, 2011. S. 126.

⁷ Sm.: Krivoj V.I. Vahtovuj metod organizacii rabot // *Pravovedenie*. 1985. № 2. S. 71—75.

⁸ См.: Postanovlenie Goskomtruda SSSR i Sekretariata VCSPPS «Ob utverzhdenii tipovogo polozenija o vahtovom metode organizacii robot ot 13 dekabrja 1981 g.» // Gazovaja promyshlennost'. 2007. № 9.

⁹ См.: Krajnij Sever: osobennosti truda i socializacii cheloveka / pod red. G.A. Dzida. M.: Gumanitar. izd. centr VLADOS, 2010. 335 s.

¹⁰ Там же.

**M. A. Pavlova. Peculiarities in Children Socialisation
in the Conditions of Specific Labour Organisation of Parents**

In the last few years new territories of the Yamalo-Nenets Autonomous District rich in natural resources are actively reclaimed. Today Yamal is an industrially developed region which by social and economic growth rates is one of the leading in the country.

Labour activity of gas and oil producing branch in the conditions of the Yamal North has its own specificity — shift and expedition method of labour organisation is applied there. Specialists work in such regime at that they live in Northern towns and settlements not far from the place of their main activity. Shift method of labour organisation influences patterns of family life, children's upbringing and socialisation. Special relation between parents and their children are formed. With one of the parents the child contacts from time to time having no opportunity to communicate with him or her every day. At the same time the parent, most often the farther, has no opportunity to daily follow the development of his child, pay proper attention to his upbringing and influence the solution of the existing problems.

The research convincingly confirms the complicity of the successful fulfilment of the parent functions by shift-employees. After the period of intense work they need much time to recover physical and psychological health required for nurturing their children and provision of their socialisation. Due to intense work parents do not pay proper attention to their pedagogic culture increase that leads to failure in understanding the motives in their child's behaviour and in timely noticing gaps in his or her upbringing.

PAVLOVA Marina A., Deputy Director of Branch of Tyumen State University in Novy Urengoy.

М. Ю. ГРЫЖАНКОВА

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ**

Ключевые слова: языковое сознание, концептосфера, национальное самосознание, этническая картина мира, лингвофилософия, мировоззрение

Key words: language consciousness, sphere of concepts, national self-consciousness, ethnic worldview, lingvo-philosophy, worldview

Статья посвящена рассмотрению проблемы, связанной с отечественной традицией философствования по поводу языка, уходящей своими корнями в историю становления русской словесности и судьбу самой русской философии.

The article is devoted to the consideration of the problem connected with the domestic tradition of philosophising on the issue of the language originating in the history of the Russian philology formation and in the destiny of the Russian philosophy itself.

Русское самосознание включает уникальную языковую составляющую, имеющую преимущественное религиозно-нравственное содержание. При этом отметим, что языковое и национальное самосознание взаимозависимы. Религиозные, социальные, политические изменения в жизни народа влекут за собой изменения в языке, а язык в свою очередь выступает активным элементом, фактором формирования национального сознания и самосознания.

Языковое сознание русских сформировалось в традициях восточного христианства. Церковнославянский язык, созданный для богослужебной практики православной церкви, находится в генетическом родстве с русским языком. Соответственно, и вопрос о взаимоотношениях языка и мышления решался в непосредственной связи со святоотеческими концепциями, в которых словесность и разумность

ГРЫЖАНКОВА Марина Юрьевна, профессор кафедры философии для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

отождествлялись, но лишь в том случае, когда человек словесной (разумной) силой ищет и исследует, как обрести Бога. Смиреннословие противопоставляется высокомерию.

Согласно святому Г. Нисскому, «ум рождает слово, и слово же порождает ум. Ничто же ум есть без слова, ничто же слово без ума»¹. В том же духе мыслит и святой Гр. Синаит (XIV в.). Он утверждает, что «ум говорит посредством слова, и слово проявляется посредством духа»². Преподобный Н. Стифат (XI в.) учит, что человек, будучи образом Божиим, имеет ум, «естественно рождающий слово из существа своего»³, так что словесность есть достоинство ума. Таким образом, душа человека описывается им как неразделимое соединение ума и слова. Несмотря на то что многие святые отцы указывают на молчание как на высшую добродетель, как на одну из ступеней к духовному совершенствованию и «тайну будущего века», слову в православном миропонимании придается чрезвычайно важное значение, поскольку «Слово было Бог» (Ин. 1,1) и Словом Бог сотворил мир и человека. Но смыслодержанием понятия «слово» не ограничивается Словом Божиим. Слово человеческое также не является только символом или средством социализации. По словам преподобного И. Карпафского, «одно доброе слово сделало некогда непотребного одного разбойника чистым и святым и в рай ввело его. И одно недоброе слово заградило Моисею вход в землю обетованную»⁴. Даже человеческие чувства в святоотеческом предании наделяются свойством словесности (зрением и слухом) и бессловесности (вкусом, обонянием и осязанием).

Языковое сознание рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания собственной.

Ряд современных этнографов и историков при изучении процессов этнического развития считают обоснованным использование не только «объективных признаков» (наличие территории компактного проживания, общности экономической жизни и т. д.), которые представляют собой лишь некоторые условия для развития того или иного народа. Более важными, по их мнению, являются наличие этнического самосознания, его выраженность в языке, благодаря чему прослеживается история развития самосознания народа, а также представляется возможным установить основные эта-

пы развития этноса. Однако это не означает, что языковое сознание жестко зависит от территориальных, расовых и этнографических факторов, поскольку дух и душа человека, а также все их компоненты (не исключая языкового сознания) не имеют пространственных или национальных границ.

Согласно одному из определений в современной лингво-философии, язык способствует интенсивной социализации человека. Побудительная и регулятивная функции языка есть выражение понимания этого явления как практического сознания. Данное определение имплицитно включает описание способности языка выступать в качестве инструмента манипулирования массовым сознанием. Изменение языкового сознания, части массового сознания ведет к изменению целого.

Таким образом, язык может выступать единым основанием мировоззрения любого типа вследствие реально существующей зависимости между языком и мировоззрением народа. При этом одной из важнейших функций языкового сознания является сохранение посредством языковых форм в социальной памяти поколений духовного опыта предков. Язык — один из каналов передачи народных традиций, преемственности в развитии национальной культуры. Следовательно, вопрос изучения языка имеет не только лингвистический и общеполитический, но и культурологический, исторический и этический характер. Итогом внеисторического отношения к языку является потеря чувства его принадлежности не только одному существующему на данный момент поколению, но и всем прошлым и будущим, что порождает эгоистическое стремление к неограниченному изменению форм и значений слов. В результате безнравственного отношения к языку происходит «умственное самоумерщвление».

Любой язык эквивалентен определенной системе концептов, при помощи которых носители воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют информацию, поступающую из окружающего мира. Вся совокупность концептов нации представляет собой концептосферу языка, которая «образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа»⁵.

В нашем понимании этническая картина мира сближается с понятием этнического менталитета, т. е. биологически, географически, исторически и социально обусловленной системой стереотипов речевого коллектива конкретного региона. Этническая картина мира — это особое структурированное представление о мироздании, характерном для членов того или иного этноса, оно, с одной стороны, выполняет адаптивную функцию, с другой — воплощает в себе ценностные доминанты, характерные для культуры конкретного народа. Этническая картина меняется со временем, но в ней существуют неизменные коммуникативные и поведенческие модели, стереотипы, которые являются обязательным атрибутом любого этноса и составляют менталитет народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокровища духовной мудрости: сб. в 3 т. Троице-Сергиева лавра. Т. 3. 1979. С. 251.

² Там же. С. 185.

³ Там же. С. 251.

⁴ Преподобный Иоанн Карпафский. URL://www.omolenko.com/biblio/ioann_Karpaf.html (дата обращения: 13.04.2013).

⁵ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: антол. М.: Academia, 1997. С. 33.

Поступила 26.06.2013.

REFERENCES

¹ Sokrovishha duhovnoj mudrosti: sb. v 3 t. Troice-Sergieva lavra. T. 3. 1979. S. 251.

² Tam zhe. S. 185.

³ Tam zhe. S. 251.

⁴ Prepodobnyj Ioann Karpafskij. URL:http://www.omolenko.com/biblio/ioann_Karpaf.html (data obrashhenija: 13.04.2013).

⁵ Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost': antol. M.: Academia, 1997. S. 33.

M. Yu. Gryzhankova. National and Cultural Specificity of Ethnic Language Consciousness

Increasing interest towards the problem of the language philosophy is characteristic feature of a number of modern historic and philosophic researches. It is presupposed that the universal worldview is represented

in ethnic variants. Ethnic worldview is a special structured representation of the universe characteristic for members of this or that ethnos possessing an adaptive function, on the one hand, and containing axiological dominants characteristic to the culture of the exact people, on the other.

The existence of Russian, German, French philosophies is necessary to think about the process of the birth and functioning of philosophic ideas in the world of culture and civilization. Philosophic ideas express «the soul» of the people, its internal moral experience. The fact that the worldview represents a subjective image of the objective reality is a fundamental and initial factor for understanding of the worldview. Any worldview created by the human being by means of his or her interpretational prisms is sure to contain features of subjectivity and specificity. Understanding of such specificity of perception and fixedness of the person's thinking from a separate (ethnic) environment forms the orientation on «ethnic stereotypes» which finally bases upon «the ethnic worldview» as special form of the reality categorization.

GRYZHANKOVA Marina Yu., professor of Chair of Philosophy for Humanitarian Specialities of Mordovia National Research State University, doctor of philosophic sciences.

О. Ю. КУЗИВАНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИДЕЙ М. ХРОХА

Ключевые слова: национальные движения, идеология, коми, мордва, мари, финно-угры

Key words: M. Hroch, national movements, the Komi, the Mordva, the Mari

В статье анализируется предложенная М. Хрохом классификация фаз развития национальных движений, а также динамика развития общественных национальных организаций коми, мордвы и мари.

Classification of national movements offered by M. Hroch as well as the dynamics in the development of public national organisations of the Komi, Mordva and Mari are analysed in the article.

Побудительные силы национального движения, особенно в ситуации, когда нет «освободительной» идеологии и причин для борьбы за свободное самоопределение, остаются дискуссионными и неоднозначными. Одно разделяемое многими исследователями наблюдение все-таки признается неоспоримым: национальные движения возникают в определенный момент развития мировой истории и постоянно проявляются у каждого народа, в среде которого создаются хотя бы минимальные предпосылки развития национального сознания.

Широко известные исследования природы национальных движений и нациестроительства чешского ученого М. Хроха дают методологическую основу для всестороннего анализа национальных движений, что актуально для изучения национальных движений российских финно-угорских народов XX в.¹ Несмотря на то что объектом исследований ученого являются только те народы, которые имеют предпосылки создания национального государства, его методологический посыл о том, что процесс создания нации не является со-

КУЗИВАНОВА Ольга Юрьевна, доцент кафедры управления социально-политическими процессами Коми республиканской академии государственной службы и управления, кандидат исторических наук (г. Сыктывкар).

вокупностью единичных и неповторимых событий, а представляет собой «часть масштабной трансформации общества», дает возможность посмотреть на национальные процессы среди финно-угорских народов (коми, мордвы, мари) в контексте закономерных общественных трансформаций, тем более, что исследователи широко используют классификацию национальных движений М. Хроха, применяя ее в том числе и к финно-угорским народам.

Для более ясного понимания природы национального движения М. Хрох разделил собственно «национализм», обозначив его как «мировоззрение, в рамках которого придается абсолютный приоритет ценностям нации над всеми иными ценностями и интересами»², и национальное движение. Ученый считает, что не следует смешивать эти понятия. Классическое национальное движение, как его видит М. Хрох, имеет программу из трех групп требований: развитие национальной культуры; обретение гражданских прав и политического самоуправления; создание завершенной социальной структуры, включающей образованные элиты, чиновников, предпринимателей, крестьян и рабочих³. Именно эти задачи выявлены им в крупном историко-социологическом сравнительном исследовании на примере национальных движений в странах Центральной и Восточной Европы.

По мнению М. Хроха, для начала национального движения должны сложиться объективные и субъективные предпосылки. В начале XX в. у российских финно-угорских народов (коми, мордвы, мари) не было объективных предпосылок для возникновения национальных движений, и только некоторые образованные люди из национальной среды под влиянием общественной активности русской разночинной интеллигенции стали заниматься вопросами национальных языков и культур. Что действительно послужило появлению национальных идей? Чем оказалась Февральская революция 1917 г., которая стала катализатором возникновения многочисленных национальных движений внутри России и вызвала появление идеи культурной, а затем и территориальной национальной автономии?

Идеи автономного, федеративного устройства России, предоставление каждому народу права на самоопределение в 1917 г. стали особенно популярными в общественно-политической жизни, они все чаще стали фигурировать на самых

разных уровнях. Особенно активно эти идеи поддерживали левые эсеры и большевики. Так, рассмотрев варианты обеспечения прав и свобод каждой народности в России, эсер и ученый П. А. Сорокин выделил три возможных пути государственного развития: подавление интересов многочисленных народов в угоду целостности и мощи государства; создание каждой народностью своего государства ценой распада единого государства; предоставление наиболее полной национальной автономии народам, объединенным в едином сильном государстве. Третьему пути П. А. Сорокин отдавал предпочтение: «Осуществлением такого порядка является установление в государстве, в частности в России, начал полного равноправия национальностей, с одной стороны, и национальной автономии (самоуправления) — с другой»⁴. Большевики также выбрали вариант национально-территориальной автономии при условии приоритета классовых интересов и утверждения советской власти, основанной на диктатуре пролетариата.

Широко известна созданная М. Хрохом классификация национальных движений по фазам (А, Б, С), которые они проходят в своем развитии. В фазе А «энергия активистов национального движения... направлена на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы». В фазе Б новое поколение активистов пытается завоевать как можно больше сторонников из числа представителей своей этнической группы для реализации планов по созданию будущей нации. Фаза С связана с формированием массового национального движения, складыванием завершенной социальной структуры будущей нации⁵. Чтобы оценить уровень развития национальных идей в среде коми, мордвы и мари, целесообразно вспомнить некоторые исторические факты.

Несмотря на широкое распространение в 1917 г. идей национальной автономии, только некоторые интеллигенты из числа коми, мордвы и мари восприняли идею права народов на самоуправление. По мнению К. Н. Санукова, «национальная идея среди марийцев, как и у чувашей, мордвы, удмуртов, коми, и даже в лице их активной образованной верхушки в 1917 г. не поднялась, в отличие от татар и башкир до уровня требований территориальной автономии»⁶, не говоря уже об украинцах, грузинах, некоторых окраинных мусуль-

манских народах, которые ставили вопрос о федеративном устройстве России. Даже малообразованные солдаты из финно-угорских народов, служившие в армии в 1917 г., под влиянием пропагандистских выступлений эсеров и большевиков начинали говорить о самостоятельности территорий⁷. Но особого влияния на мнение общественности на местах эти идеи не оказали. Однако известно, что под влиянием демократизации общественной жизни в 1917—1918 гг. на территориях проживания коми, мордвы и мари стали появляться общественные организации интеллигенции, стремившиеся развивать языки и культуры народов: у марийцев — «Мари ушемы» (союзы мари), первые съезды марийского народа с культурно-просветительной направленностью; у мордвы — «Мордовское культурно-просветительное общество»; у коми — «Коми котыр» (коми собрание). С. Лаллука считает, что в результате патриотической агитации национальной интеллигенции и общего подъема политического национализма «консолидация коми и марийцев быстро переступила из фазы А в фазу Б»⁸. Между тем представляется, что национальное движение в среде коми, мордвы и мари в этот период носило чисто культурно-просветительский характер и являло собой начало первой фазы национального движения, которая, по убеждению М. Хроха, «начинается со сбора информации об истории, языке и обычаях недоминантной этнической группы»⁹.

В дальнейшем культурно-просветительные организации отошли на второе место. Первое заняло национально-государственное строительство у нерусских народов России, которое было санкционировано и идеологически поддерживалось большевистским правительством. Народный комиссариат по делам национальностей, возглавляемый И. В. Сталиным, стал структурой, которая обеспечивала механизм обретения народами автономий. Со стороны национальных территорий национально-государственное строительство стимулировалось движениями за автономию, участниками которых у коми, мордвы и мари были советские и партийные работники, а также новая интеллигенция, принявшая советскую власть. В ноябре 1920 г. образована Марийская автономная область, в августе 1921 г. — Коми автономная область, в январе 1930 г. — Мордовская автономная область (ее создание было осложнено дисперсным расселением мордвы). «Известно, с

каким трудом поэтапно создавалась мордовская государственность: республика буквально сшивалась из лоскутков нынешних Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Нижегородской областей», — говорилось на I съезде мордовского культурно-просветительного общества «Масторава» в 1990 г.¹⁰

На наш взгляд, движения за образование автономий у коми, мордвы и мари не вписываются в классификацию М. Хроха, так как они нарушали логику развития национальных движений (от появления национальных идей через «пробуждение» национальной интеллигенции к массовому движению). Любопытно, что российские (советские) историки часто говорили о «дарованности» автономий, поскольку появлялись они в рамках логики строительства советского государства и с определенной идеологической целью. Поэтому и рассматривать национальные движения финно-угорских народов необходимо через влияние на них главного фактора — государственной национальной политики России.

Однако в автономиях начался активный расцвет национальных культур и языков. Непродолжительный период (20-е — начало 30-х гг. XX в.) политическая элита финно-угорских автономий осознавала себя субъектом национально-государственного строительства. За это время были достигнуты значительные успехи в развитии национальной культуры, языка, образования. Политические элиты взаимодействовали с центральным правительством по вопросам статуса и территориальных границ автономий. Например, коми областная элита, выступая от имени населения области, в первую очередь коми народа, который составлял около 90 % численности населения в начале 1920-х гг., боролась за расширение автономных прав и преобразование области в республику, что, по словам К. И. Куликова, «являлось уникальным явлением», ибо «ни в одном из финно-угорских национальных движений не было такого глубокого понимания необходимости полного самоопределения, как в Коми»¹¹.

Советское государство также не избежало тенденции к нациестроительству, так как подчинялось тем же процессам, доминировавшим в мировой истории на протяжении нескольких веков. По мнению М. Хроха, «нация составляет неотъемлемый фон новейшей европейской истории». Поэтому советское государство также должно было подчиниться логике развития национального государства, а поскольку

развитие нерусских культур и идеологий стало опережать создание единого культурного поля, единого гражданства и единого «национального чувства», то возникали непреодолимые противоречия. В 1930-е гг. советские органы власти столкнулись с проблемами в национальном вопросе. К этому времени репрессии в советском государстве стали привычным инструментом разрешения проблем, в том числе в «урегулировании» национального вопроса.

В то же время успешный период национального развития (культурного, языкового, административного) в 20-х — начале 30-х гг. XX в. стал своего рода отправной точкой для истории финно-угорских народов, которая в каком-то смысле центрирована этим периодом. Он создал необходимый базис социальной памяти, к которому возвращались помыслы членов национального движения в конце 80-х — начале 90-х гг. По отношению к этому периоду новый этап национального движения выглядел «возрождением». Этап национального движения, начавшийся в конце 1980-х гг., рассматривался национальной интеллигенцией как продолжение этапа, возникшего в 1917 г. Так, в Мордовии у истоков движения стоял Мордовский общественный центр «Вельмема» (Возрождение), образованный в 1989 г. В апреле 1989 г. образовано «Эрзяно-мокшанское общественное движение «Масторава»». Оно объявило себя преемником Мордовского культурно-просветительного общества, возглавляемого М. Е. Евсевьевым и образованного в мае 1917 г. I Всероссийский съезд мордовского народа (март 1992 г.) создал Совет возрождения мордовского народа, а сам съезд, по мнению В. К. Абрамова, мог быть пятым съездом, если учитывать Всероссийский съезд коммунистов-мордвинцев в 1921 г., учительские съезды 20-х гг., съезд Масторавы¹².

На I съезде коми народа в Сыктывкаре в январе 1991 г. создан Комитет возрождения коми народа, призванный функционировать как исполнительный между съездами.

Национальное движение марийцев в 1917 г. организационно оформилось в виде «Мари ушемов», а в апреле 1990 г. в Йошкар-Оле на учредительном съезде образовано движение «Марий ушем». В октябре 1992 г. состоялся Съезд марийского народа, который был назван третьим, так как «первые два состоялись в июле 1917 и июне 1918 гг.»¹³.

Дважды в XX в. национальные движения мордвы, коми и мари зарождались и достигали существенных результатов, хотя по содержанию и составу были совершенно разными. Однако их объединяет то, что оба раза они возникли в эпоху перемен и крупных социальных трансформаций, что характеризуется, по мнению М. Хроха, потерей старой идентичности и «тягой к новой коллективной идентичности»¹⁴. «Главной предпосылкой всех национальных движений... является глубокий кризис старых порядков, сопровождающийся упадком системы всех его норм, а также ценностей и чувств, которые поддерживали его»¹⁵.

Таким образом, наиболее значимый методологический посыл работ М. Хроха состоит в том, что национальные движения он рассматривает как результат закономерного исторического развития, выражения глубинных тенденций, характерных крупным и малочисленным народам. Условия проявления этих тенденций, особенности и идеологическое сопровождение зависят от многочисленных объективных и субъективных факторов. В то же время при изучении национальных движений среди таких финно-угорских народов, как коми, мордва и мари, необходимо учитывать особенности исторического контекста, логику развития российской государства, его этапы и трансформации, в том числе исторический процесс формирования российской нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Hroch M. Social Conditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Camb. 1985; Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121—145.

² Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации ... С. 124.

³ Там же.

⁴ Сорокин П. Автономия национальностей и единство государства // Наследие. 2011. № 1. С. 104.

⁵ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации ... С. 125.

⁶ Сануков К.Н. Марийцы: прошлое, настоящее, будущее // Марийский мир. Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000. С. 39.

⁷ См.: Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 21.

⁸ Лаллука С. Предпосылки формирования национального самосознания финно-угорских народов в XIX — начале XX в. // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Петрозаводск, 4—8 июля 2011 г. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2011. С. 14.

⁹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации ... С. 129.

¹⁰ Цит. по: Абрамов В.К. Мордовский народ от съезда к съезду. Саранск, 2004. С. 43.

¹¹ Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917—1937 гг. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 91.

¹² См.: Абрамов В.К. Мордовский народ от съезда к съезду. С. 9.

¹³ Сануков К.Н. Марийцы: прошлое, настоящее, будущее. С. 57.

¹⁴ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации ... С. 136.

¹⁵ Там же. С. 143.

Поступила 27.06.2012.

REFERENCES

¹ Sm.: Hroch M. Social Conditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Camb. 1985; Hroch M. Ot nacional'nyh dvizhenij k polnost'ju sformirovavshejsja nacii: process stroitel'stva nacij v Evrope // Anderson B., Baujer O., Hroch M. i dr. Nacii i nacionalizm. M.: Praksis, 2002. S. 121—145.

² Hroch M. Ot nacional'nyh dvizhenij k polnost'ju sformirovavshejsja nacii ... S. 124.

³ Tam zhe.

⁴ Sorokin P. Avtonomija nacional'nostej i edinstvo gosudarstva // Nasledie. 2011. № 1. S. 104.

⁵ Hroch M. Ot nacional'nyh dvizhenij k polnost'ju sformirovavshejsja nacii ... S. 125.

⁶ Sanukov K.N. Marijcy: proshloe, nastojashhee, budushhee // Marijskij mir. Problemy nacional'nogo, social'no-jekonomicheskogo i kul'turnogo razvitija marijskogo naroda. Joshkar-Ola, 2000. S. 39.

⁷ Sm.: Kuzivanova O.Ju., Popov A.A., Smetanin A.F. V nachale puti. Syktyvkar: KNC UrO RAN, 1996. S. 21.

⁸ Lalluka S. Predposylki formirovanija nacional'nogo samosoznanija finno-ugorskih narodov v XIX — nachale XX v. // IX Kongress jetnografov i antropologov Rossii: tez. dokl. Petrozavodsk, 4—8 ijulja 2011 g. Petrozavodsk: Karel. nach. centr RAN, 2011. S. 14.

⁹ Hroch M. Ot nacional'nyh dvizhenij k polnost'ju sformirovavshejsja nacii ... S. 129.

¹⁰ Cit. po: Abramov V.K. Mordovskij narod ot sezda k sezdu. Saransk, 2004. S. 43.

¹¹ Kulikov K.I. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo vostochno-finskih narodov v 1917—1937 gg. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 1993. S. 91.

¹² Sm.: Abramov V.K. Mordovskij narod ot sezda k sezdu. S. 9.

¹³ Sanukov K.N. Marijcy: proshloe, nastojashhee, budushhee. S. 57.

¹⁴ Hroh M. Ot nacional'nyh dvizhenij k polnost'ju sformirovavshejsja nacii ... S. 136.

¹⁵ Tam zhe. S. 143.

O. Yu. Kuzivanova. Finno-Ugric Peoples National Movements through the Prism of M. Hroch's Ideas

Ideas of the famous Czech scientist M. Hroch are applied for the analysis of peculiarities in the Finno-Ugric peoples (the Komi, Mordva and Mari) national movements in the XX century. Methodological postulate of M. Hroch that the process of the nation creation is not the aggregate of the singular and unique events but represents «the part of large-scale transformation of the society» is considered the base. This allows treating national processes among the Finno-Ugric peoples in the context of logical public transformations. A widely known classification of national movements phase-wise (A, B, C) by M. Hroch is referred to in the article. In the opinion of the author of the article, the movements for the establishment of autonomies by the Komi, Mordva and Mari do not fit in M. Hroch's classification as they destroy the national movements development logics. Autonomies emerged in the framework of the Soviet state formation logics and had a certain ideological meaning and that is why it is necessary to consider the Finno-Ugric peoples national movements through the influence of the most important factor — the national policy of Russia. Later on a rapid development of non-Russian cultures and ideologies became to outstrip the establishment of the single cultural field of the Soviet society, the only citizenship and «the national feeling». As a result the process of the national construction of the separate peoples was «cancelled». At the same time the successful period in the national development (cultural, language and administrative) in the twenties — the beginning of the thirties of the XX century became the initial point in the history of the Finno-Ugric peoples which is to some extent centred on this period.

KUZIVANOVA Olga Yu., assistant professor of Chair of Socio-Political Processes Management of the Komi Republican Academy of State Service and Management, candidate of historic sciences (Syktyvkar).

Н. Н. АЗИСОВА

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЦЕННОСТИ ТАТАР МОРДОВИИ¹

Ключевые слова: татарская семья, семейные традиции и ценности, межэтнические отношения, Республика Мордовия

Key words: the Tatar family, family traditions and values, inter-ethnic relations, the Republic of Mordovia

В статье на основе результатов социологических исследований рассматриваются ценности и традиции современной татарской семьи, ее отличие в плане ценностных ориентаций от семей основных этнических групп региона.

On the basis of the results of sociological researches values and traditions of the modern Tatar family, its differences in terms of axiological orientations from families of other ethnic groups of the region are considered in the article.

Республика Мордовия — один из стабильных и устойчивых в межэтническом и межконфессиональном отношении регионов страны. Регион характеризуют дружеские, добрососедские отношения, складывавшиеся веками между русскими, мордвой и татарами. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в республике зафиксировано более 119 национальностей. Общая численность населения составила 834,8 тыс. чел. (443,7 тыс. чел. — русские, 333,1 тыс. чел. — мордва, 43,4 тыс. чел. — татары). В 2010 г. на долю русских приходилось 53,2 %, мордвы — 39,9 %, татар — 5,2 % (в 2002 г. 60,8, 31,9 5,2 % соответственно)².

В Мордовии татары издавна проживали компактно в более чем 130 сельских населенных пунктах. Традиционно они занимались пашенным земледелием, скотоводством, охотой, бортничеством. Землевладение и землепользование были общинными: пахотные земли, луга и леса распределялись между отдельными хозяйствами, как правило, по

АЗИСОВА Надия Низаметдиновна, докторант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

числу мужчин. Преобладала трехпольная система земледелия. Возделывали в основном рожь, овес, ячмень, яровую пшеницу, просо, полбу, гречиху, горох, чечевицу, лен, коноплю; разводили лошадей, коров, овец, коз, кур, гусей, уток. Подсобными являлись пчеловодство, рыболовство, охота, садоводство и огородничество (выращивали лук, морковь, свеклу, тыкву, редьку, в отдельных хозяйствах — огурцы, капусту, томаты; с середины XIX в. основной огородной культурой стал картофель). Как и другие народы региона, татары осваивали различные ремесла и промыслы, в том числе кожевенный, ювелирный и золотошвейный. С XVIII в. татары заняли ведущее место в торговле. В одежде татар сочетались традиции степных кочевников и оседлых народов. В пище татар преобладали мучные и мясо-молочные изделия.

Изучение татарского населения Мордовии началось с середины XX в. В 1955—1965 гг. Институт языка, литературы и истории (г. Казань) проводил на территории республики фольклорную, диалектологическую и этнографическую экспедиции. Анализировать жизнь татарской семьи в той или иной степи можно, если опираться на результаты опроса НИИ регионологии «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (1994—2009 гг.). Специальных социологических исследований татар, в том числе и татарской семьи, в республике не проводилось. Недостаточно информации относительно характера взаимоотношений семьи (мотивы вступления в брак и создания семьи; репродуктивные ориентации; социальное положение мужа и жены; распределение обязанностей в татарских семьях; семейные ценности; причины разводов и др.).

В основу статьи легли результаты социологических исследований НИИ регионологии «Резервы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия» (2004—2009 гг.) и нашего опроса «Семья в современном обществе» (2010 г.), в ходе которого было опрошено 400 семей, а также опроса по проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия (2013 г.). В ходе опроса «Семья в современном обществе» сбор первичной социологической информации осуществлялся с помощью очного анкетирования респондентов. Выбор этого метода продиктован возможностью получения социально значимой информации о мнениях

большого числа людей в сжатые сроки. В опросе приняли участие 57 % русских, 31 % мордовских, 10 % татарских семей и 2 % семей других национальностей, 65 % которых проживают в городской местности и 35 % — в сельской. Это в целом соответствует этнической структуре и территориальной локализации населения республики. Нами опрошены молодые семьи и семьи, прожившие в браке более 20 лет (до 1 года — 14,1 %, от 1 года до 5 лет — 29,0 %, от 6 до 10 лет — 11,2 %, от 11 до 20 лет — 21,2 %, более 20 лет — 24,5 %).

Профессиональный состав татарских семей разнообразен (25,8 % — представители коммерческих организаций; 16,1 % — трудящиеся производственных предприятий; 12,9 % — работники бюджетной сферы; 12,9 % — инженерно-технические работники; 6,5 % — сотрудники правоохранительных учреждений и военнослужащие; 6,5 % — индивидуальные предприниматели, фермеры; 3,5 % — руководители и заместители руководителей организаций и структурных подразделений и др.). Мужчины больше работают в сфере коммерции и индивидуального предпринимательства, женщины — в бюджетной и производственной сферах. Уровень образования супругов достаточно высок, хотя и различается. Образование женщин выше, чем мужчин. Так, высшее образование имеют 58 % женщин (ср.: 50 % у русских, 51 % у мордвы) и только 36 % мужчин (39,6 % и 39,5 % соответственно). Мужчины в основном, кроме высшего, имеют среднее специальное (32,3 %) и начальное профессиональное (19,4 %) образование, женщины — среднее специальное (25,8 %). Высокий уровень образования во всех основных этнических группах обусловлен наличием относительно большого количества вузов в республике.

Постсоветский период развития российского общества характеризуется существенным социальным расслоением общества, причем дифференциация доходов становится все более значительной между небольшой группой богатых, средним слоем и значительной частью бедных. Объективные показатели материального положения семей часто не совпадают с их субъективными самооценками и возможностями решать свои проблемы. Поэтому очень важно знать, как сами семьи оценивают свое материальное положение, какими источниками пользуются для решения возникающих проблем.

К состоятельным относят себя менее 4 % опрошенных семей, причем русских в два раза больше, чем мордовских. Татары же себя к числу состоятельных граждан в 2010 г. вообще не отнесли, очевидно, чтобы не казаться богаче других или в силу иных представлений о состоятельности.

Анализ доходов семей различных этнических групп (2010 г.) показал несколько иную картину по сравнению с самооценками респондентов. Так, семей с доходами менее 10 тыс. руб. на 1 человека в исследуемой совокупности оказалось 14 %. Это семьи, которые находятся за чертой бедности. Следует отметить тенденцию, связанную с сокращением бедных и увеличением обеспеченных семей. Доходы татарских семей практически не отличаются от доходов семей других этнических групп. Во всех семьях мужчина является основным «добытчиком», доходы которого гораздо выше жены.

Во всех этнических группах региона наметилась тенденция увеличения людей, постоянно занимающих в долг и в то же время стало больше людей, не испытывающих материальных трудностей. Если в ходе опроса 2010 г. татары почти не отнесли себя к категории «состоятельных», то, по данным опроса 2013 г., таковых оказалось 20 %. Это наиболее состоятельная часть населения Мордовии.

Абсолютное большинство семей (88 %), принимавших участие в опросе, состоят в официально зарегистрированном браке. Самый большой процент семей, живущих в официальном браке, оказался среди татар (96,8 %). На втором месте стоит мордва (94,3 %), на третьем — русские (84,3 %). Среди представителей неосновных этнических групп таковых 50 %. Несмотря на эмансипацию современных женщин, этот показатель за последние годы стабилен. Лишь чуть более одной десятой всех семей предпочитают не узаконивать свои отношения (русских — 15,7 %, мордвы — 5,7 %, татар — 3,2 %).

По этническому составу татарская семья неоднородна. Из всех опрошенных семей 77 % мононациональны, 13 % женаты (замужем) на (за) русских (русским) и 10 % — на (за) мордовках (мордвинами). Это свидетельствует о том, что татары традиционно в своем большинстве предпочитают брак с представителями своей национальности, что наблюдается в течение всего изучаемого периода. Большинство указали

на первичность их брачного союза — 91,0 % (русских — 89,6 %, мордвы — 92,9 %, татар — 96,8 %).

57,6 % респондентов считают идеальным возрастом для вступления в брак для девушки от 18 до 23 лет, в то время как 40,4 % опрошенных назвали возраст от 24 до 28 лет. Почти 70 % респондентов считают, что идеальное время для вступления в брак для мужчин — от 24 до 28 лет. Сохраняется стереотип «мужчина — добытчик, хозяин», характерный для традиционной патриархальной семьи. Поэтому к возрасту вступления в брак он должен иметь, как минимум, хорошее образование, стабильную работу и материальный достаток для содержания семьи. Предпочтения женского идеального возраста не совпадают в разных этнических группах семей. Как и сотни лет назад, татары выбирают более молодых невест (71 %), в то время как среди них нет идеализирующих более старший возраст невесты (старше 29 лет). Относительно идеального возраста мужчин этнических различий не выявлено. Большинство представителей всех этнических групп (74 %) солидарны во мнении, что женщина, выходя замуж, должна брать фамилию мужа. Так и поступило большинство женщин (70 %).

В Мордовии демографическая ситуация характеризуется сложными количественными и качественными изменениями численности, состава и воспроизводства населения. Высокая смертность и ухудшение здоровья населения привели к сокращению продолжительности жизни и численности населения. Несмотря на все усилия государства, положение с рождаемостью остается неблагоприятным, хотя наметились некоторые положительные изменения за последние 5 лет. Часть молодых семей сознательно откладывают рождение не только второго, но и первого ребенка. Из общего числа опрошенных семей на наличие детей указали 75 %: 35 % имеют одного, 34 % — двоих, 6 % — трех и более.

Ценности семьи уникальны. Всю глубину и полноту таких ценностей, как материнство, отцовство, детство, родство, человек способен понять и воплотить только тогда, когда он является членом семьи. Вне семьи ему не дано испытать эти ценности в полной мере. Совершенно необходимыми для создания семьи, по мнению опрошенных, являются любовь (81,5 %), уровень доходов (53,7 %), согласованность семейных и личных планов (45,3 %), жилье (41,9 %). Опыт

совместного быта (6,4 %) и сексуальных отношений (8,7 %) имеет значение для незначительного числа респондентов. Татарские семьи эти позиции не отметили. Характерным является то, что чуть более четверти татарских семей указали на необходимость общей культуры и уровня образования. Представители других национальностей (4,4 % русских и 5,7 % мордвы) это почти не отметили. Вопрос «Чем лучше руководствоваться при вступлении в брак — рассудком или чувствами?» для респондентов является неоднозначным. Приверженцев как одной, так и другой точки зрения оказалось практически поровну (47,8 и 45,5 % соответственно); 7 % семей затруднились ответить на этот вопрос.

Внутрисемейные отношения формируют систему ценностей семьи. Поэтому при изучении ценностных ориентаций отношения всегда представляют особый интерес. Удовлетворенность своими семейными отношениями в той или иной степени выразили 85 % респондентов (48,3 % вполне удовлетворены, 36,6 % скорее удовлетворены). Причем мужчины (93,5 %) удовлетворены этими отношениями больше, чем женщины (81,6 %). Это объясняется тем, что женщина предъявляет более высокие требования к себе, детям, своей семье и чаще выражает недовольство. К сожалению, как показывают исследования, современные мужчины реже бывают дома и меньше участвуют в воспитательном процессе. В русских и мордовских семьях семейные отношения устраивают 84 % женщин. Что касается степени удовлетворенности мужчин, то картина также почти одинакова; 83,6 % русских и 87,3 % мордовских мужчин удовлетворены своими семейными отношениями. В татарских семьях удовлетворены отношениями в семье 100 % мужчин и 96 % женщин. Как показывают наблюдения, татарские женщины более терпеливы, многие из них воспитаны в традициях, согласно которым мужчина — глава семьи и основной добытчик. Отсюда и значительно большее число удовлетворенных этими отношениями.

В описании семейных отношений наблюдаются гендерные различия: мужчины и женщины характеризуют их по-разному. Мужчины дают более положительную оценку и менее идеализируют семейные отношения. Женщинам иногда кажется, что они с мужьями говорят на разных языках. Отсюда и менее оптимистичная оценка семейных отношений.

Среди мужчин (6,6 и 17,2 % соответственно) выявлено в три раза меньше утверждающих о непонимании друг друга.

Рост профессиональной занятости женщин, определяемый не только экономическими, но и социально-психологическими факторами, оказал значительное влияние на регламентацию семейной жизни и брачных отношений. Это в свою очередь вызвало ослабление репродуктивной активности семей. Как показывают исследования последних лет, в обществе распространяется эгалитарный тип семьи, дифференциация труда между полами в общественной и семейной жизни исчезает и уступает место интеграции супружеских ролей, высокой степени их взаимозаменяемости³. Поэтому вопрос о сочетании профессиональных и семейных обязанностей для женщин и мужчин весьма актуален.

Для определения восприятия разделения труда в семье респондентам был задан вопрос «Как распределяются обязанности между супругами в Вашей семье?». Результаты исследования показывают, что в семье существуют гендерно окрашенные и нейтральные виды домашних обязанностей, которые выполняют в семье оба супруга. Из перечисленных обязанностей самой мужской оказалось зарабатывание денег. На это указали 48,4 % опрошенных семей, хотя в русских семьях эта обязанность чаще распределяется между обоими супругами (47,4 %). Женской обязанностью в большинстве семей является распределение средств на текущие расходы (68 %). Остальные виды домашних обязанностей являются эгалитарными. Распределением средств на крупные расходы в большинстве семей занимаются оба супруга (65,7 %). Только в половине татарских семей в этом принимают участие оба супруга; 41,7 % указали, что этим должен заниматься муж. В делах, связанных с домашними обязанностями, почти 46 % респондентов отметили, что их выполняет жена, но высока доля семей, в которых эти обязанности выполняют оба супруга (43,1 %) (таблица).

Необходимо отметить, что эгалитарный тип семейных отношений характерен для всех семей основных этнических групп населения республики. Уходит в прошлое жесткая патриархальная модель, определяющая разделение «мужских» и «женских» домашних обязанностей.

Таблица

Распределение обязанностей в семье между супругами, в %

Вариант ответа	Все семьи	Русские	Мордва	Татары	
Зарабатывание денег	делает жена	4,9	3,2	4,3	8
	делает муж	48,4	44,8	52,7	52
	оба супруга	43,9	47,4	43	36
	з/о	2,8	4,5		4
Распределение средств на крупные расходы	делает жена	16,4	17,6	14,4	8,3
	делает муж	16,8	14,4	15,6	41,7
	оба супруга	65,7	67,3	67,8	50
	з/о	1,1	0,7	2,2	
Распределение средств на текущие расходы	делает жена	68	63,3	70,1	87,5
	делает муж	3,3	3,3	2,3	4,2
	оба супруга	28	32,7	26,4	8,3
	з/о	0,7	0,7	1,1	
Воспитание детей	делает жена	33,5	35,8	29,2	39,1
	делает муж	1,1	0,7	2,2	
	оба супруга	59,6	57	64	52,2
	з/о	5,8	6,6	4,5	8,7
Решение вопроса о проведении досуга, выходных, отпуска	делает жена	15	11,9	16,3	16,7
	делает муж	5,4	6	4,3	8,3
	оба супруга	68,6	70,9	67,4	62,5
	з/о	11,1	11,3	12	12,5
Дела, связанные с домашним хозяйством	делает жена	45,9	47,7	42,4	45,8
	делает муж	7,1	5,2	6,5	12,5
	оба супруга	43,1	41,8	47,8	41,7
	з/о	3,9	5,2	3,3	
Поддержание отношений с родственниками	делает жена	17,7	17,6	15,6	20,8
	делает муж	5,3	4,6	4,4	8,3
	оба супруга	70,9	73,2	71,1	66,7
	з/о	6	4,6	8,9	4,2

Ценности семьи зависят также от других факторов: национальных и региональных обычаев и традиций, религии, значимости родства и т. д. Несомненно важен субъективный фактор: супруги сами выбирают семейные ценности.

Исторически сложилось, что многие татарские семьи религиозны, соблюдают традиции и обычаи ислама. Исходя из результатов нашего исследования, можно утверждать, что такая тенденция сохраняется и в настоящее время, так как 86 % опрошенных татарских семей отметили, что считают себя верующими и исповедуют ислам. Хотя доля правоверных мусульман среди них составляет всего 20 %. Большинство отмечает, что только по большим праздникам (Ураза-байрам, Курбан-байрам) они посещают мечеть.

Живя в условиях полиэтничной среды, когда учеба, работа, межличностное общение проходят в русскоязычной среде, сохранить родной язык сложно. Многое здесь зависит от семьи.

Результаты нашего исследования показали, что большая часть татарского населения в своих семьях разговаривает на татарском языке (64 %), хотя существует тенденция его утраты по разным причинам. Они носят объективный и субъективный характер. Многие родители уже сами не знают татарский язык, хотя считают себя мусульманами и татарами. Языку их в свое время не научили родители, которые жили в городской русскоязычной среде. Сложнее обстоят дела в мордовских семьях, где только 30 % членов семей разговаривают на мордовском языке. Утрачено поколение людей, которые знают язык своих предков. Для его возрождения в семье правительству республики, общественности и семье необходимо приложить огромные совместные усилия.

В современной татарской в семье сохранилась традиция отмечать национальные и религиозные праздники. На это указали 89,3 % татар. В числе религиозных праздников широкую известность и популярность сохраняют Ураза-байрам и Курбан-байрам. Национальный праздник Сабантуй менее значим среди татарских семей. Религиозные и национальные праздники в современных татарских семьях Мордовии сопровождаются обязательным приготовлением национальных блюд (прямячи, салма, чак-чак, эчпочмак, бялеш, шурпа). Многие блюда мусульманской кухни настолько прижились в татарской среде, что их можно относить к разряду традиционных татарских блюд региона (манты, самса и пр.).

Религиозные и национальные татарские праздники поддерживаются представителями всех национальностей республики. Не только в сельской, но и в городской среде соседи охотно угощают друг друга традиционными национальными блюдами, приглашают друг друга в гости. Это возможно только в условиях дружеских отношений, которые сложились на протяжении тысячелетней истории гостеприимной мордовской земли. Активную поддержку семье в сохранении самобытности татарского народа, его традиций, обычаев, культуры оказывают муфтияты республики, Региональная национально-культурная автономия татар Республики Мор-

довия «Якташлар» («Земляки»), Мордовская республиканская общественная организация татарских женщин Республики Мордовия «Чулпан» («Утренняя звезда») и другие государственные и общественные организации.

Как и любой институт, семья — категория историческая, поэтому ей свойственно изменяться, трансформироваться и модернизироваться. На разных этапах и в разных обществах к ней относились по-разному. Семью и семейные ценности отличает динамизм, поскольку на них оказывают влияние социокультурные условия. Воспринимая их, семья адаптируется и, по возможности, регулирует степень их воздействия с учетом своих интересов и потребностей. Это отражается в изменении положения семьи по отношению к материальным ценностям, традиционным и новым устоям, разрешении конфликта между семьей и обществом, индивидом и семьей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы. Соглашение 8004 «Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтническом регионе».

² См.: Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с.

³ См.: Галиева Г.И. Татарская семья в демографическом измерении (этнорегиональный аспект). Казань: Центр инновационных технологий, 2010. 154 с.; Галиуллина Г.Р., Ильдарханова Ф.А., Галиева Г.И. Этнокультурные традиции как основа укрепления семьи (на примере Тетюшского муниципального района Республики Татарстан). Казань: Изд-во «Отечество», 2011. 118 с.; Ильдарханова Ф.А. Институт семьи в контексте демографического развития Республики Татарстан. Казань: Изд-во «Отечество», 2012. 316 с.

Поступила 26.09.2013.

REFERENCES

¹ Stat'ja podgotovlena v ramkah FCP «Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovacionnoj Rossii» na 2009—2013 gody. Soglashenie 8004 «Social'nye faktory mezhjetnicheskogo i mezhkonfessional'nogo soglasija v polijetnicheskom regione».

² Sm.: Social'no-demograficheskij portret Rossii: po itogam Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 g. M.: IIC «Statistika Rossii», 2012. 183 s.

³ Sm.: Galieva G.I. Tatarskaja sem'ja v demograficheskom izmerenii (jetnoregional'nyj aspekt). Kazan': Centr innovacionnyh tehnologij, 2010. 154 s.;

Galiullina G.R., Il'darhanova F.A., Galieva G.I. Jetnokul'turnye tradicii kak osnova ukreplenija sem'i (na primere Tetjushskogo municipal'nogo rajona Respubliki Tatarstan). Kazan': Izd-vo «Otechestvo», 2011. 118 s.; Il'darhanova F.A. Institut sem'i v kontekste demograficheskogo razvitija Respubliki Tatarstan. Kazan': Izd-vo «Otechestvo», 2012. 316 s.

N. N. Azisova. Family Traditions and Values of Tatars in Mordovia

In the last few years serious changes in the Russian family as social institution, its family patterns, relations and functions have taken place. As any social process these transformations occurred in several spheres.

A Tatar family from the Republic of Mordovia became the object for the research; the analysis of the place of the Tatar family in the regional society, the research of their common and peculiar characteristics in axiological orientations, traditions and habits as well as a comparative analysis with families of other ethnic groups became its goal. Materials of sociological researches held in the Republic of Mordovia in 1995—2010 became the empirical base that allowed following the dynamics in the family social status change, studying active and passive strategies of the life of the Tatar family and families from other ethnic groups of the republic.

Social peculiarities in the family show up in integrated components: social status of the family, its social and psychological climate, the family upbringing mode, reproductive orientations and patterns. Their contents reflect the culture and stereotypes of the inter-family relations. The measure of the family stability and the continuity of ethnic values and traditions of the ethnos is determined by the interrelation of the social status of the family, its social and psychological climate and the family upbringing mode.

AZISOVA Nadiya N., doctoral candidate of Chair of Sociology of Mordovia National Research State University.

В. Ф. БАТЯЕВ

**ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX — 20-х гг. XX в.
В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ДУХОВНЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ**

Ключевые слова: белорусы, общественное объединение, общество, духовные потребности

Key words: Byelorussians, public association, society, the scientific, the educational, the artistic

В статье раскрывается значение общественных научных, просветительских и художественных объединений второй половины XIX — 20-х гг. XX в. в удовлетворении духовных потребностей белорусов, подчеркивается их вклад в популяризацию знаний о культуре белорусского этноса.

The importance of public scientific, educational and artistic associations of the second half of the XIX — the 20s of the XX centuries in the Byelorussians moral requirements satisfaction is uncovered in the article. Their contribution to the popularisation of the knowledge on the culture of the Byelorussian ethnos is underlined.

На современном этапе развития общества в условиях повышенного интереса к национальной культуре потребность ее всестороннего исследования возрастает. Значительное место при этом занимает изучение социальной культуры. К ней относятся общественные научные, просветительские и художественные объединения. Однако их изучению пока не уделялось достаточного внимания. В этнологической науке нет исследований по этой проблеме. В то же время выявление роли общественных объединений второй половины XIX — 20-х гг. XX в. в удовлетворении духовных потребностей белорусов представляет несомненный научный интерес и имеет важное практическое значение.

Во второй половине XIX — 20-е гг. XX в. в сфере науки, образования, искусства в Беларуси действовали обще-

БАТЯЕВ Василий Федорович, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, кандидат исторических наук (г. Минск).

ственные научные, просветительские и художественные объединения. Они играли значительную роль в повышении уровня образованности и культуры людей. Общественные научные объединения второй половины XIX — начала XX в. (Северо-Западный отдел Императорского Русского географического общества в Вильно, Археологическое общество и Общество изучения Белорусского края в Могилеве, Витебская ученая архивная комиссия, Минское общество любителей естествознания, этнографии и археологии, Белорусское научное общество) внесли заметный вклад в изучение истории и культуры Беларуси, содействовали популяризации науки, распространению научных знаний посредством издания журналов и сборников, проведению лекций, а также способствовали организации научных экспедиций и экскурсий. Они собирали этнографические, исторические, археологические, археографические, статистические материалы, сведения о состоянии сельского хозяйства, лесоводства, промышленности, местных промыслов (лесоразработок, рыбной ловли, бортничества, ткачества, изготовления одежды и обуви и др.), медицины, населенных пунктов (жителях, их языке, обрядах и обычаях).

Объединения открывали метеорологические станции; производили археологические раскопки; привлекали местную интеллигенцию к сбору научной информации; занимались изучением географии, зоологии, ботаники, геологии, почвоведения, метеорологии, гидрологии, состояния экономики края; поддерживали связь с научными учреждениями других регионов страны; распространяли этнографические, естественно-научные, исторические, географические и экономические знания; проводили лекции, доклады, беседы; создавали архивы, библиотеки, музеи; издавали сборники «Могилевская старина», «Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества». На средства общественных объединений были опубликованы этнографические работы их членов. В «Записках Русского географического общества» по отделению этнографии напечатаны «Белорусские песни» И. И. Носовича и сборник белорусских песен П. В. Шейна. В первом выпуске «Этнографического сборника» вышла работа М. Анимале «Быт белорусских крестьян». Был опубликован сборник Н. Я. Никифоровского «Белорусские песни-частушки» и многотомная работа Е. Р. Романова «Белорусский сборник»¹.

В этот период научные общества оказались единственными центрами научной деятельности Беларуси. Нынешняя сеть общественных объединений уступает сети дореволюционных обществ. В настоящее время в Республике Беларусь в сфере общественных гуманитарных наук научных обществ нет.

В 20-е гг. XX в. историю и культуру Восточной Беларуси изучали общественные краеведческие объединения, а в Западной Беларуси — Белорусское научное общество. Общественные краеведческие объединения Восточной Беларуси осуществляли сбор этнографических, исторических и археологических материалов, сведений о природно-климатических условиях, состоянии экономики; изучали населенные пункты и отдельные территориальные единицы. Они организовывали экскурсии и экспедиции, проводили археологические раскопки, вели учет и охрану памятников культуры, распространяли научные знания, участвовали в создании местных архивов и музеев, открывали курсы краеведения, издавали журналы «Наш край», «Беларуская архітэктура», «Беларускае мастацтва», «Барысаўшчына», «Віцебшчына», «Крашаніна» и др. В 1927 г. создано 18 местных краеведческих музеев, в которых насчитывалось 11 239 экспонатов, а в 1929 г. имелось 4 окружных, 15 районных, 12 школьных краеведческих музеев и 8 краеведческих уголков².

Белорусское научное общество создало музей, занималось подготовкой к изданию сборника «Гадавік Беларускага навучолага таварыства». Члены этого общества редактировали школьные учебники, разрабатывали научную терминологию. Они переводили на белорусский язык произведения мировой литературы, отмечали важные исторические события Беларуси, собирали предметы материальной культуры белорусов, устраивали выставки рисунков и фотографий народной одежды и ткачества³.

Просветительские общества начала XX в. (Гродненское педагогическое общество, Общество распространения просвещения между жителями Слонима и его уезда, Слуцкое общество «Образование», Общество полоцкой библиотеки, Общество «Образование» в Витебске, Культурно-просветительное общество «Знание» в Витебске, Общество распространения образования в Бобруйске, Союз учителей Бобруйска и его уезда, Культурно-просветительное общество «Папараць-кветка» в Слуцке, Белорусское культурно-про-

светительное общество «Отечество», Минское научное педагогическое общество, Белорусское ученическое общество в Минске, Общество белорусской молодежи в Гродно, Минское общество истории и древности, Общество работников белорусского искусства в Минске) внесли значительный вклад в развитие отечественной педагогики, народного образования. Они вели важную научно-методическую и просветительскую работу, были основными центрами педагогической и общественной жизни Беларуси, заботились о повышении профессионального уровня преподавательского состава в учебных заведениях, а также разрабатывали проекты дошкольного, школьного и внешкольного образования. Общества создавали научно-методические кабинеты, устраивали музыкальные вечера, проводили семейно-педагогические собрания, организовывали лекции, совместные чтения, собеседования, экскурсии, отмечали юбилеи выдающихся писателей и поэтов и др. Гродненское педагогическое общество открыло общеобразовательный музей и издавало журнал «Педагогическое дело». Это было единственное общество в Российской империи, выпускавшее свой журнал и первое негосударственное издание в Гродно⁴. Собственный журнал «Наша каляіна» издавало и Культурно-просветительное общество «Папараць-кветка» в Слуцке⁵.

В 20-е гг. XX в. просветительские общества (Культурно-просветительное общество в Витебске, Белорусское культурно-научное общество в Борисове, Всебелорусское общество «Долой неграмотность», Общество белорусской школы) популяризировали знания о культуре этноса, обучали население грамоте. Они собирали этнографические материалы, распространяли книги на белорусском языке, устраивали книжные выставки, организовывали лекции, совместные чтения, спектакли и концерты по произведениям белорусских писателей и композиторов. Всебелорусское общество «Долой неграмотность» занималось учетом неграмотных и малограмотных, содействовало органам народного образования в открытии школ и пунктов ликвидации неграмотности, создавало кружки и ячейки⁶, а Общество белорусской школы, в условиях отсутствия в Западной Беларуси белорусских школ, занималось организацией внешкольной работы. Общество белорусской школы создавало библиотеки-читальни, народные дома, музеи, кружки, книжные склады,

курсы для неграмотных. В 1928 г. на территории Западной Беларуси действовали 362 кружка, 180 библиотек-читален, более 40 народных домов этого общества⁷.

Общественные художественные объединения конца XIX — начала XX в. (Минское музыкальное общество, Литературно-музыкальное общество в Гродно, музыкально-драматические общества в Минске, Могилеве, Бресте, Гомеле, общества любителей изящных искусств в Минске, Витебске и Мозыре, Литературно-драматическое и музыкальное общество в Слониме, литературно-артистические общества в Минске и Слуцке, Общество художественно-промышленного музея при Минском коммерческом училище, Общество друзей музыки, Первое белорусское общество драмы и комедии в Минске) ставили любительские спектакли, организовывали концерты, литературно-музыкальные вечера, в том числе и с благотворительной целью.

Художественные общества проводили и конкурсы, а также создавали студии и мастерские различных видов искусств, специальные библиотеки, школы для обучения игре на фортепиано и скрипке. Кроме того, они открывали курсы вокального и сценического искусства, устраивали художественные выставки, торжественно отмечали юбилей выдающихся деятелей культуры, устанавливали стипендии и выдавали денежные пособия бедным одаренным ученикам музыкальных и художественных учебных заведений. Члены общества изучали произведения писателей, композиторов и художников, распространяли литературные и музыкальные знания. Минское общество любителей изящных искусств проводило также публичные чтения и обсуждения произведений писателей на фабриках и заводах. Оно открыло музыкальную школу, школы живописи, пластики и декламации, имело оркестр, организовывало по субботам танцевальные вечера (их проводило и Слуцкое литературно-артистическое общество). Кроме того, Минское общество любителей изящных искусств совместно с Обществом минских врачей собирало средства для создания общественной библиотеки им. А. С. Пушкина. Оно широко отметило столетний юбилей великого поэта. Вечер памяти украинского поэта Т. Г. Шевченко в 1907 г. провело и Минское литературно-артистическое общество⁸.

В 20-е гг. XX в. в Восточной Беларуси общественные художественные объединения «Маладняк», «Узвышша», «По-

лымя», «Пробліск», «Белорусская литературно-художественная коммуна» проводили литературные вечера, издавали журналы «Маладняк», «Росквіт», «Полымя» и др., в которых члены объединений публиковали свои произведения⁹.

Таким образом, общественные объединения второй половины XIX — 20-х гг. XX в. играли важную роль в удовлетворении духовных потребностей белорусов. Они внесли существенный вклад в популяризацию знаний о культуре белорусского этноса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Беларусь: у 8 т. Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння / В.К. Бандарчык; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Мінск: Бел. навука, 1999. С. 83—84, 198—199.

² См.: Ваганова А.Н., Загорульский Э.М., Космылев В.С. и др. Историческое краеведение Белоруссии: учеб. пособие / под ред. Э.М. Загорульского. Минск: Изд-во БГУ, 1980. С. 19, 21—24.

³ См.: Гадавік Беларускага навуковага таварыства. Вільня: Друк. Я. Левіна, 1933. Кн. 1. С. 5—6, 8—16.

⁴ См.: Отчет о деятельности Гродненского педагогического общества за шесть лет его существования (1907—1913). С. 6, 8, 23, 25, 29, 41, 48, 68—69, 72—81, 89, 95, 97—98, 101—102, 105—106.

⁵ См.: Ваганова А.Н., Загорульский Э.М., Космылев В.С. и др. Историческое краеведение Белоруссии. С. 18.

⁶ См.: Отчет Могилевского окружного совета Всебелорусского общества «Долой неграмотность» за 1927 год // Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь». Ф. 258. Оп. 2. Д. 12. Л. 1—26.

⁷ См.: Пазашкольная асвета. Культурна-асветная праца ў гуртках Таварыства Беларускае школы. Вільня: Друк. беларус. імя Фр. Скарыны, 1926. С. 8, 10—14.

⁸ См.: Шибeko З.В., Шибeko С.Ф. Минск: страницы жизни дореволюционного города. Минск: Полымя, 1990. С. 186, 213—214, 216, 218, 220.

⁹ См.: Гарэцкі М. Маладняк за пяць гадоў (1923—1928). Мінск: Беларус. дзярж. выдавецтва, 1928. С. 7, 9—11, 19, 22, 30.

Поступила 24.06.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Belarusy: u 8 t. T. 3: Gistoryja jetnalagichnaga vyvuchjennja / V.K. Bandarchyk; rjedkal.: V.K. Bandarchyk [i insh.]; In-t mastactvaznaŭstva, jetnagrafii i fal'kloru. Minsk: Bel. navuka, 1999. S. 83—84, 198—199.

² Sm.: Vaganova A.N., Zagorul'skij Je.M., Kosmylev V.S. i dr. Istoricheskoe kraevedenie Belorussii: ucheb. posobie / pod red. Je.M. Zagorul'skogo. Minsk: Izd-vo BGU, 1980. S. 19, 21—24.

³ Sm.: Gadavik Belaruskaga navukovaga tavarystva. Vil'nja: Druk. Ja. Levina, 1933. Kn. 1. S. 5—6, 8—16.

⁴ Sm.: Otchet o dejatel'nosti Grodnenskogo pedagogicheskogo obshhestva za shest' let ego sushhestvovaniya (1907—1913). S. 6, 8, 23, 25, 29, 41, 48, 68—69, 72—81, 89, 95, 97—98, 101—102, 105—106.

⁵ Sm.: Vaganova A.N., Zagorul'skij Je.M., Kosmylev V.S. i dr. Istoricheskoe kraevedenie Belorussii. S. 18.

⁶ Sm.: Otchet Mogilevskogo okruzhnogo soвета Vsebelorusskogo obshhestva «Doloj negramotnost'» za 1927 god // Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus'». F. 258. Op. 2. D. 12. L. 1—26.

⁷ Sm.: Pazashkol'naja asveta. Kul'turna-asvetnaja praca ў gurtkah Tavarystva Belaruskaj shkoly. Vil'nja: Druk. belarus. imja Fr. Skaryny, 1926. C. 8, 10—14.

⁸ Sm.: Shibeko Z.V., Shibeko S.F. Minsk: stranicy zhizni dorevoljucionnogo goroda. Minsk: Polymja, 1990. C. 186, 213—214, 216, 218, 220.

⁹ Sm.: Garjecki M. Maladnjak za pjac' gadoŭ (1923—1928). Minsk: Belarus. dzjarzh. vydavectva, 1928. C. 7, 9—11, 19, 22, 30.

**V. F. Batyaev. Importance of Public Associations
of the Second Half of the XIX — the 20s of the XX Centuries
in the Byelorussians Moral Requirements Satisfaction**

The necessity for the thorough investigation of the social culture of the ethnos and its important component — public associations is evident. Proper attention was not paid to its research. At that investigation of the role of public associations in the second half of the XIX — the twenties of the XX centuries in the Byelorussians moral requirements satisfaction presents scientific interest and has an important practical meaning.

In the second half of the XIX — the twenties of the XX century public scientific, educational and artistic associations operated in Belarus. They promoted increase in the educational level and moral portrait of the people and seriously contributed to the studies in the history and culture of Belarus, to the development of the domestic pedagogics, education and arts. Public associations organised scientific expeditions, protected cultural monuments, participated in the establishment of local archives, museums, including those of the local lore, established studios and workshops, developed projects for elementary, school and out-of-school education, cared about modernisation of educational process, taught people literacy. They also carried out scientific and methodical organisational and educational work, organised lectures, excursions, amateur performances, concerts, edited journals, scientific and literature collections, were centres for scientific, pedagogical and public life in Belarus.

BATYAEV Vasily F., senior scientific officer of the Centre for the Research of the Byelorussian Culture, Language and History of the National Academy of Sciences of Belarus, candidate of historic sciences (Minsk).

Г. П. ТУМАНОВА

**ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ДИСКУРСЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Ключевые слова: свобода выбора, принцип системного рационализма, правовопонимание, культурологические константы, изоморфность, многоструктурность, традиционность, инновационность

Key words: freedom of choice, systematic rationalism principle, legal consciousness, culturological constants, isomorphism, multi-structure, conventionalism, innovativeness

В статье анализируются информационно-правовые отношения и использование позиционной системы счисления, сохраняющей внутреннюю информационную структуру. Коммуникативные процессы в правовых объект-субъектных отношениях характеризуются семиотической неоднородностью (многоструктурностью и многоязычием).

Information and legal relations as well as application of the positional computation system preserving its inner information structure are analysed in the article. Communicative processes in the legal object-subject relations are characterised by the semiotic inconsistency (multi-structure and multilingualism).

Права и свободы человека как ценности либерально-индивидуалистического правовопонимания обусловлены соотношением научной рациональности в общественных отношениях. Это отражается в отношениях между инновационностью и традиционностью, «техническим» отношением человека к миру, «калькулирующим мышлением» и традицией, унаследованной коллективной идентичностью, а также адаптацией западных культур к вызовам современной рыночной экономики¹. Выделяют несколько правовых концепций рациональности: естественное право (классический рационализм), социология права (позитивистский рационализм), психологическое учение о праве (нормативизм). При изучении

ТУМАНОВА Галина Павловна, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

правовых явлений используют методологию юридического позитивизма и догматическую юриспруденцию, или аналитическую юриспруденцию.

Отечественная наука стоит перед необходимостью пересмотра имеющейся трактовки либерально-индивидуалистического правопонимания². Область «политики права», «перспективного права» в ситуации информационного общества становится определяющей. Исследуя вопрос о соотношении совокупности норм, регулирующих однородные общественные отношения, можно отметить, что охватывается не только формализованное право, но и отношения, принадлежащие к конкретному предмету регулирования. Чтобы показать особенности правовых отношений в информационном обществе, вводится понятие «структурное образование отрасли». В него включается «не только формализованное право, но и самые разнообразные конституционно-правовые отношения»³. Речь в данном случае идет о правореализующей деятельности, но она также процессуально оформляется правом, что тоже является формализованной деятельностью.

Правореализующая деятельность при анализе структуры правовых объект-субъектных отношений государственного управления предполагает, во-первых, официальное наименование органа, используемые им атрибуты, гербовую или иную печать, порядок учреждения органа, порядок формирования его личного состава, придание органу определенной структуры (штатное расписание); во-вторых, цели и задачи органа управления, его компетенцию, соответствующую функциям и методам управления, наименование, юридическую силу и порядок издания правовых актов управления, виды и порядок получения, использования и предоставления информации; в-третьих, порядок финансирования органа управления и его характеристику как юридического лица; в-четвертых, подчиненность, подотчетность, подконтрольность, поднадзорность и подответственность органа управления, а также гарантии его деятельности и применяемые к нему санкции как выражение ответственности.

Правовые основы формирования объект-субъектных информационных отношений органов государственного управления, важным элементом которых являются характеристики их административно-правового статуса, «включают в себя три обязательных элемента: правовые основания, предусмотренные правом условия и порядок создания этих органов»⁴.

Социологии права в гносеологическом плане следует рассматривать юриспруденцию как некий результат, включающий определенные культурологические константы, которые формируются на противопоставлении ограниченных (национальных) и всеобщих (общечеловеческих) составляющих менталитета народа. Истоки этих составляющих формируются по типу отношения человека к миру под влиянием культурно-типических факторов. Выявление этих взаимосвязей необходимо для понимания того, как пополняется информационный объем⁵.

Количественная характеристика информационного объема определяет топологические и метрические свойства. Метрические (количественные) различия пространства связаны с понятием протяженности, расстояния. Топологические различия — это различия отношений порядка (сосуществования объектов), размерности, связности. Первые различия соответствуют арифметизации правовых отношений, вторые — его геометризации. Методология количественных отношений наиболее четко определяет жесткую связь между объектами в правовых отношениях индуктивно-дедуктивным методом. Он представляется горизонтальными связями, матричными числами.

Анализируя различные точки зрения на информационный объем и информационное содержание системы правовых отношений в современном информационном обществе, можно говорить об определенных тенденциях восточной и западноевропейской школ, которые могут «перетекать» друг в друга. Гомоморфность численно-количественных представлений правовых отношений дает возможность по основным понятиям количественных и качественных методов информации сформировать определенный образ мира. Он характеризуется соотношением информационного объема и информационного содержания в системе определенных отношений современного общества. Изначально правовые отношения характеризуют информацию, поступающую по информационным каналам культуры народа вследствие географического положения, менталитета. Таким образом, при анализе правовых отношений в рамках социологии права речь идет о нескольких каналах получения информации, учитывающих разноплановость использования власти права.

Начало XX в. ознаменовало изменение правовых отношений, в том числе и правовой области с точки зрения

информационного пространства с определенной степенью порядка. Информационное содержание изменяется под влиянием внешней среды и активной деятельности субъектов в системе правовых отношений.

Анализ правовых отношений в контексте информационного рационализма выделяет информационный объем, характеризующийся топологическими и метрическими свойствами информации как сигнала-сообщения, и информационное содержание, которому свойственна изоморфность информационной модели. Информационные связи в интеграции правовых объект-субъектных отношений, где воля индивида занимает пассивную позицию, приводят к делению мира (материи) на совокупность однородных групп, состоящих из одинакового количества информационных элементов. Следовательно, для определения информационно-правовых отношений используется позиционная система счисления, которая доступна для перестройки внешней структуры информации с сохранением внутренней. Коммуникативные процессы в правовых объект-субъектных отношениях характеризуются семиотической неоднородностью (многоструктурностью и многоязычием). Особенности функционирования коммуникативных связей определены процессом циркуляции некоторых сформулированных сообщений, но отнюдь не образованием новых.

Итак, особенности функционирования правовых объект-субъектных отношений в контексте информационной культуры обусловлены смысловой неоднородностью информационного содержания основных категорий и понятий юриспруденции. Методология информационной культуры определяется изменением информационного содержания в рамках ее формы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белкин А.А., Гумерова Л.Ш. Понятие и особенности правового статуса органа советского государственного управления // Государственное управление и право: история и современность. Л., 1984. С. 6—12.

² См.: Конин Н.М. Российское административное право. Общая часть: курс лекций. Саратов: СГАП, 2001. 166 с.

³ Хаманева Н.Ю. Понятие и сущность административно-правового статуса гражданина // Административно-правовой статус гражданина. М.: ИГиП РАН, 2004. 150 с.

⁴ Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. 167 с.

⁵ Там же.

Поступила 14.06.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Belkin A.A., Gumerova L.Sh. Ponjatie i osobnosti pravovogo statusa organa sovetского gosudarstvennogo upravlenija // Gosudarstvennoe upravlenie i pravo: istorija i sovremennost'. L., 1984. S. 6—12.

² Sm.: Konin N.M. Rossijskoe administrativnoe pravo. Obschaja chast': kurs lekcij. Saratov: SGAP, 2001. 166 s.

³ Hamaneva N.Ju. Ponjatie i sushhnost' administrativno-pravovogo statusa grazhdanina // Administrativno-pravovoj status grazhdanina. M.: IGiP RAN, 2004. 150 s.

⁴ Hachaturov R.L., Jagutjan R.G. Juridicheskaja otvetstvennost'. Tol'jatti, 1995. 167 s.

⁵ Tam zhe.

G. P. Tumanova. Legal Relations in Information Culture Discourse

The definition for information and legal relations and application of the positional computation system preserving its inner information structure are analysed in the article. Legal base provisioned by the right of the condition and the order for the establishment of these bodies is included into the structure of information and legal relations. At that methodology of legal positivism and analytical jurisprudence are applied. Communicative processes in the legal object and subject relations are characterised by semiotic inconsistency (multi-structure and multilingualism). Quantitative characteristics of information volume in the system of legal relations are determined by topologic and metric properties. Metric (quantitative) characteristics are determined by the notions of the distance. Topologic relations of the order (co-existence of objects) in the structure of information and legal relations are the notions of the size and cohesion. The first characteristics correspond to arithmetisation of information and legal relations, the second — to the geometrisation of these relations.

So peculiarities in the functioning of the legal subject relations in the context of information culture are conditioned by semantic inconsistency of information contents of the basic categories of jurisprudence.

TUMANOVA Galina P., post-graduate of Chair of Socio-Humanitarian Disciplines of Saransk Cooperative Institute (Branch) of Autonomous Non-Commercial Organisation of Higher Professional Education of Tsentrosoyuz of the Russian Federation «The Russian University of Cooperation».

Н. Н. СИНДЯНКИН ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ СОЦИУМА

Ключевые слова: информация, право, социум, коммуникация, статус, правоотношение

Key words: information, right, society, communication, status, legal relations

В статье предпринята попытка анализа информационно-правовых отношений в социуме и механизма их формирования. Выделяются структурные элементы конституционно-правового статуса.

An attempt to analyse information and legal relations in the society and the mechanism for their formation is made in the article. Structural elements of the constitutional and legal status are determined.

Современная наука анализирует теоретическую конструкцию права и правовой системы и тем самым модифицирует и сближает логический позитивизм и юридическую лингвистику на основе смыслового содержания категориально-понятийного аппарата права.

Смысловое содержание любого категориально-понятийного аппарата определяется теорией информационного обмена, в основе которого лежит элемент «тела знака», т. е. двустороннее представление плана выражения и содержания, причем первое служит строительным материалом для второго. Концепция Л. Ельмслева в отношении содержания коммуникационных сообщений различает субстанцию плана содержания — аморфный, несформулированный замысел, мысленный образ будущего текста¹. В плане выражения обнаруживается субстанция плана выражения (звуки, изображения, пантомима и другие материальные носители сообщений); форма плана выражения — фонетический состав разговорного языка, алфавит, выразительные средства живописи, музыки, танца и т. п.

Таким образом, имеются два уровня коммуникационно-информационного континуума, элементами которых являются знаки, коды и материальные носители. Особое место занимает знак как материальный, чувственно воспринимаемый пред-

СИНДЯНКИН Николай Николаевич, доцент кафедры государственного и административного права Мордовского гуманитарного института, кандидат юридических наук.

мет (шире — явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей и репрезентирующий предметы, свойства или отношения действительности.

В данном случае право рассматривается как формально-логическая система «первичных» и «вторичных» правил. Первичные представляют собой законодательные установления (определенная информация), которые были сформулированы суверенным органом. Вследствие этого обстоятельства возникли определенные обязательства и правомочия. По концепции Г. Харта, вторичные правила состоят из трех разновидностей: правил признания, правил изменения и правил вынесения судебного решения. Они определяют план содержания. Закон воспринимается как словесное выражение мысли законодателя, в контексте внутренней логической связи — как совершенная система соподчинения и распределения².

Сложно выглядит толкование правил признания, которые определяют характерную черту современной позитивистской школы права. Закон является законом лишь при условии, если он признан таковым, ибо он исходил из признанного, учрежденного и в этом качестве воспринимаемого источника права. Для вынесения судебного решения необходим анализ правовых явлений, заложенных в правовых конструкциях нормативных актов, который влечет несогласованность законодательных текстов и отсутствие смысловой преемственности используемых в них терминов и норм. Ничто так не «зашифровывает» логику рассуждений и аргументацию выводов, как различное понимание содержания тех или иных терминов и определений. Следует помнить и о том, что научные определения являются инструментарием правовой доктрины и ложатся в основу нормативных понятий, а также выступают элементом законодательной техники³.

Рассматривая конституционно-правовые характеристики субъекта Федерации, А. Н. Лебедев выделяет в структуре его статуса «совокупность установленных нормами основного закона государства прав, гарантий их реализации, обязанностей, ответственности»⁴. Предложенное вычленение структурных элементов конституционно-правового статуса на основе их содержательно-смысловых характеристик ценно в силу самого факта их формулирования.

А. А. Ливеровский отмечает некоторое смешение статусных характеристик субъектов конституционно-правовых

отношений с предпосылками к обладанию статусом. По его мнению, «общая правоспособность является не элементом статуса, а предпосылкой к его обладанию. Представляется, что такой подход приемлем для защиты интересов участников правоотношений, но он не учитывает различие юридических конструкций по их целевому назначению»⁵. Информационное понимание отношений в структуре элементов статуса ученый формулирует следующим образом: «Представляется наиболее «классической» структура статуса субъекта права, включающая в себя следующие обязательные элементы: права, обязанности, гарантии и ответственность»⁶.

Характеристики субъектов права обуславливают определенную структуру в информационно-правовых отношениях социума. Следует учитывать, что разрабатываемые различными авторами неинформационные подходы к изложению статусных характеристик субъектов права были ориентированы на необходимость раскрытия нормативного содержания конкретных статусов субъектов конституционно-правовых отношений. В то же время они могут быть использованы как юридико-конструктивная и терминологическая основа для характеристики статуса иных субъектов конституционно-правовых отношений, например, статуса высшего должностного лица субъекта РФ.

В структуре информационно-правовых отношений выделяют понятия «статус высшего должностного лица» и «институт высшего должностного лица». Последнее включает статические и динамические составляющие статуса, а также предпосылки и условия их возникновения. Статус же включает права, обязанности, гарантии и ответственность, т. е. те сущностные характеристики, которые определяют роль и место носителя статуса в системе субъектов конституционно-правовых отношений.

Раскрывая нормативно-законодательную технику информационно-правовых отношений, Б. Н. Габричидзе предполагает, что в структуре правовых отношений выделяют правовую характеристику; дифференциацию систем, подсистем и видов органов, их соотношение, а также взаимоотношения, виды компетенций, правовые акты. Конструкция, вобравшая правовые характеристики в отношениях между субъектами и объектами, в итоге определяет процессуальные нормы⁷.

Информационные характеристики пространственно-временных представлений по отношению к региону представлены этнокультурными связями в системе правового государства. Информационный объем несет этнокультурность в рамках информационно-правовых отношений региона. Примером непрерывности информации служит человеческая речь⁸. Временные характеристики информации обусловлены ее старением — утратой информацией практической полезности для потребителя вследствие ее кумулятивности или изменения самого описанного объекта. Степень старения информации неодинакова для разных видов объект-субъектных отношений.

Публичность отношений через механизм диспутов и дискуссий отражает статику правовых отношений и выражает их положение как субъектов публичного права. Во вторую группу элементов правовых отношений входит функциональная составляющая, которая в достаточной степени не выражает принадлежность информационно-правовых отношений к специфике региона. К этой группе отношений элементов относятся совокупности правовых актов, принимаемых по этим предметам ведения. Третья группа правовых отношений определяется юрисдикционной составляющей, которая связывает две первые составляющие на основе планов содержания и выражения. Эта группа элементов характеризует подконтрольность деятельности субъект-объектных отношений и их ответственность.

Функциональная характеристика правовых отношений через взаимоотношения с иными субъектами права в системе органов государственной власти (компетенционная составляющая статуса) представлена юрисдикционной характеристикой правовых отношений как совокупности материальных и процессуальных норм, закрепляющих ответственность⁹.

Статистическая составляющая нормативно-процессуальных норм в информационно-правовых отношениях социума представлена понятием «институт», охватывающим более широкий круг норм, которые в определенной степени предопределяют содержание статуса. Например, на статус высшего должностного лица субъекта РФ может повлиять процедура занятия им должности посредством проведения всенародных выборов или путем голосования депутатов на заседании представительного органа. Процедура досрочного

освобождения от должности также может влиять на характеристики элементов статуса.

При информационно-правовом анализе самого категориально-понятийного аппарата и функций, которые он выполняет, можно отметить то, что важным элементом статистических характеристик информационно-правовых отношений являются три обязательных элемента: правовые основания, предусмотренные правом условия и порядок создания этих органов.

Итак, информационно-правовые отношения в аналитической юриспруденции, которые сближают логический позитивизм и юридическую лингвистику, рассматриваются на основе деления на план содержания и план выражения как статические, динамические и компенсационные составляющие правовых отношений. Причем первые трактуются в качестве формально-логической системы «первичных» и «вторичных» правил как представление определенной информации в ее внутренней логической связи. Вторая составляющая рассматривается как функционально-динамическая, которая представлена подвижностью процессуальных норм. Объединением этих составляющих на основе сближения логического позитивизма и юридической лингвистики является юрисдикционная составляющая. Первая отражает этнокультурность информационно-правовых отношений региона на основе топологических и метрических характеристик права (например, публичности выступлений и нормативно-процессуальных норм). Конструкция, вобравшая правовые характеристики (статическую, компетенционную, юрисдикционную), в отношениях между субъектами и объектами определяет процессуальные нормы и информационно-правовые отношения социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Новое в лингвистике. М., 1965. Ч. 2. С. 57—67.

² См.: Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 104—136.

³ См.: Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. С. 40—41.

⁴ Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации (основы концепции, конституционная модель, практика). М., 1999. С. 29.

⁵ Цит. по: Виноградов В.А. Конституционная ответственность ... С. 40.

⁶ Там же.

⁷ См.: Габричидзе Б.Н. Конституционный статус Советского государства. М., 1982. С. 10—11.

⁸ См.: Хаманева Н.Ю. Понятие и сущность административно-правового статуса гражданина // Административно-правовой статус гражданина. М., 2004. С. 117.

⁹ См.: Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997—2000. Электронная статистика: в 2 т. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. Т. 2. С. 698—700.

Поступила 01.08.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: El'mslev L. Metod strukturnogo analiza v lingvistike // Novoe v lingvistike. M., 1965. Ch. 2. S. 57—67.

² Sm.: Hart G.L.A. Pozitivizm i razgranichenie prava i morali // Pravovedenie. 2005. № 5. S. 104—136.

³ Sm.: Vinogradov V.A. Konstitucionnaja otvetstvennost': voprosy teorii i pravovoe regulirovanie. M., 2000. S. 40—41.

⁴ Lebedev A.N. Status sub#ekta Rossijskoj Federacii (osnovy koncepcii, konstitucionnaja model', praktika). M., 1999. S. 29.

⁵ Cit. po: Vinogradov V.A. Konstitucionnaja otvetstvennost' ... S. 40.

⁶ Tam zhe.

⁷ Sm.: Gabrichidze B.N. Konstitucionnyj status Sovetskogo gosudarstva. M., 1982. S. 10—11.

⁸ Sm.: Hamaneva N.Ju. Ponjatie i sushhnost' administrativno-pravovogo statusa grazhdanina // Administrativno-pravovoj status grazhdanina. M., 2004. S. 117.

⁹ Sm.: Vybory v organy gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii. 1997—2000. Jelektronnaja statistika: v 2 t. M.: Izd-vo «Ves' mir», 2001. T. 2. S. 698—700.

N. N. Sindyanin. Information and Legal Relations in the Society

The problem of information and legal relations in the framework of analytical jurisprudence is analysed. They are considered in the contents of statistic and dynamic or compensational components detached on the basis of the division into the plan of content and the plan of expression. Semantic contents of each categorical and conception construct in the framework of information and legal relations are determined by the theory of information exchange. The plan of contents is considered as formally logical, the plan of expression — as the system of «primary» and «secondary» rules for presentation of certain information. Two levels in the communication and

information continuum are recognised. Signs, codes and material carriers are its elements. In this case the right is treated as formally logical system of the «primary» and «secondary» rules. Jurisdictional component reflects the ethno-culture in the information and legal relations of the region on the basis of the topologic and metric characteristics of the right (for example, publicity of speeches and normative and procedural norms).

The statistical component of normative and procedural norms in information and legal relations of the society is presented by the notion «institute» comprising a broader range of norms predetermining the status contents. For instance, a procedure of holding a post can substantially influence the status of the principal officer in the Russian Federation constituent entity: by means of holding region-wide all-people elections or voting by deputies at the representational body meeting.

SINDYANKIN Nikolay N., assistant professor of Chair of Public and Administrative Law of Mordovia Humanitarian Institute, candidate of juridical sciences.

А. А. ЧЕРЕВКО ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАТУСА СУДЕЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: этика, судебная этика, судейская этика, этические требования, моральные требования, высоконравственное судопроизводство

Key words: ethics, legal ethics, judicial ethics, ethic requirements, moral requirements, moral legal proceedings

В статье анализируется этический статус судей, сравниваются статистические данные по количеству жалоб граждан на неэтичное поведение судей, поданных в квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации и Мордовии, а также по количеству фактов привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

Ethic status of judges is analysed in the article. Statistic data by the number of citizens complaints for non-ethic behaviour of judges made to the Qualification Collegiums of Judges in the Russian Federation constituent entities and in Mordovia as well as by facts of judges disciplinary responsibility are compared.

Соответствие поведения судьи определенным морально-этическим требованиям и стандартам, предъявляемым обществом к представителям этой профессии, принадлежит к числу наиболее острых вопросов современной этики и судопроизводства наряду с такими этическими характеристиками судьи, как справедливость, независимость и беспристрастность. Актуальность темы обсуждения заключается в том, что соответствующий статистический материал и развитие судебной этики в России вообще и Республике Мордовия в частности не были предметом научного анализа. Именно поэтому обращение к этой теме в аспекте изучения отечественной этико-философской традиции чрезвычайно важно.

Судопроизводство немислимо без высоконравственных судей и работников аппарата суда, следующих нормам морали и неукоснительно соблюдающих этические нормы и стандарты поведения. Для поддержания чести и независимости судебной власти каждый судья должен участвовать в создании, развитии и поддержке требований судейской этики. Кандидатам в судьи следует быть юридически и

ЧЕРЕВКО Александр Андреевич, аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

этически подкованными. Процесс отбора и назначения на должность кандидатов должен быть прозрачным и отсеивать недостойных претендентов¹.

Учитывая высокий морально-этический и правовой статус судей, основанный на исполнении ими обязанностей по осуществлению судопроизводства, общество и государство предъявляет к ним особые требования, включающие соответствие нравственным идеалам. Завышенные нормативы морально-этического облика судей основаны на их особом статусе и им же компенсируются. Ограничения для судей, включая особые требования к поведению при осуществлении судопроизводства, принимаются ими по личной инициативе с момента вступления в судейскую должность.

Решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (ВККС РФ) и квалификационных коллегий судей субъектов РФ (ККС субъектов РФ) затрагивают вопросы, касающиеся соответствия поведения конкретных судей нормам этики и морально-этическому облику судей в целом. В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики РФ на 1 января 2004 г., в федеральных судах работали 21 569 государственных служащих. За совершение поступка, позорящего честь и достоинство судьи или умаляющего авторитет судебной власти, прекращены полномочия в 1994 г. у 67 судей; в 1995 г. — у 50; в 1996 г. — у 96; в 1997 г. — у 75; в 1998 г. — у 115; в 1999 г. — у 92; в 2000 г. — у 75; в 2001 г. — у 45; в 2002 г. — у 36; в 2003 г. — у 70².

Анализ статистических данных с 2009 по 2012 г. по количеству жалоб и иных обращений граждан в ККС субъектов РФ о неэтичном поведении судей, включая грубость в отношении участников процесса, иных граждан и недостойное поведение судей в быту, представленные ВККС РФ в обзорах результатов своей деятельности³, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, число судей судов общей юрисдикции, в отношении которых были поданы жалобы о неэтичном поведении, значительно превышает число судей арбитражных судов, в отношении которых были поданы подобные жалобы. Полагаем, что это соотношение объясняется высокими профессиональными требованиями, предъявляемыми к судьям арбитражных судов. Образование оказывает непосредствен-

ное влияние на морально-этический облик конкретного судьи. Следовательно, чем выше уровень образованности и грамотности лица, тем глубже его этические и нравственные убеждения и тем выше его моральный облик. Кроме того, судьи судов общей юрисдикции, особенно низших звеньев системы, более загружены по сравнению с арбитражными судьями и, как следствие, более подвержены стрессу в результате умственных и физических перегрузок. По нашему мнению, подобную ситуацию возможно исправить путем повышения квалификации судей основного звена судов общей юрисдикции, например, на соответствующих курсах, а также путем реформирования организации системы судов общей юрисдикции для разгрузки мировых судей и судей районных судов.

Во-вторых, количество жалоб о неэтичном поведении, поданных в отношении судей с 2009 по 2011 г., медленно, но неуклонно растет, и лишь в 2012 г. наблюдалось их незначительное снижение. Такая тенденция, на наш взгляд, говорит о ненадлежащей эффективности положений, закрепленных в Кодексе судейской этики, а также о недостаточном уровне морально-этического развития многих судей.

На основании жалоб и иных обращений граждан о неэтичном поведении судей, о которых было сказано ранее, по решениям ККС субъектов РФ за совершение дисциплинарных проступков судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов, признанные виновными с 2010 по 2012 г. были привлечены к дисциплинарной ответственности⁴. В том числе по решению ККС субъектов РФ у некоторых судей были досрочно прекращены полномочия, а остальные судьи и руководители судов получили предупреждение. Основанием для привлечения судей и руководителей судов к дисциплинарной ответственности были грубые или систематические нарушения этических норм, ущемление прав и законных интересов участников судебного процесса, причинение ущерба авторитету судебной власти и судьи. При сравнении статистических данных о количестве жалоб с данными по привлечению судей к ответственности за нарушение этических норм очевиден тот факт, что количество жалоб, поданных на судей, ежегодно увеличивается, в то время как количество дисциплинарных взысканий, налагаемых на судей за совершенные ими правонарушения, падает, причем

довольно существенно. Возможно, причина этого кроется в необоснованности большинства жалоб или в корпоративности судебной системы.

Анализ статистики количества жалоб и иных обращений граждан в ККС субъектов РФ о неэтичном поведении судей, включая неэтичное поведение, грубость судей в отношении участников процесса и иных граждан, а также данных привлечения виновных судей и руководителей как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов к дисциплинарной ответственности на примере анализа обзора результатов деятельности Квалификационной коллегии судей РМ (ККС РМ) с 2006 по 2012 г.⁵ позволяет говорить о тенденции небольшого, но стабильного ежегодного снижения общего количества жалоб, что противоречит общероссийской тенденции ежегодного их увеличения, выявленного нами при предыдущем анализе. Полагаем, что подобное снижение количества претензий общества к представителям судейского сообщества РМ основано на продуманной и своевременной политике руководителей судов РМ и ККС РМ по повышению квалификации судей, ознакомлению их с морально-этическими нормами, закрепленными в Кодексе судейской этики, что способствует еще большему доверию и уважению к судьям РМ. Что касается числа судей, привлеченных к дисциплинарным взысканиям за неэтичное поведение, то, на наш взгляд, эти показатели сомнительны.

В соответствии с общероссийской тенденцией число судей Арбитражного суда РМ, в отношении которых были поданы жалобы на неэтичное поведение, значительно меньше количества жалоб, поданных в отношении судей системы судов общей юрисдикции, что еще раз доказывает более высокий морально-этический и профессиональный уровень арбитражных судей.

Согласно обзорам результатов деятельности ККС РМ, с 2008 по 2010 г. больше всего жалоб в квалификационную коллегию поступило в отношении судей Ленинского районного суда г. Саранска (61 жалоба). В отношении судей Лямбирского районного суда РМ поступило 27 жалоб, а в отношении судей Октябрьского районного суда г. Саранска — 26. Анализ обзора результатов деятельности ККС РМ за 2012 г. позволяет сделать вывод о том, что наибольшее количество жалоб на неэтичное поведение судей было в крупных судах:

Зубово-Полянский районный суд — 57 жалоб, Ленинский районный суда г. Саранска — 56 жалоб, Октябрьский районный суд г. Саранска — 29 жалоб, Рузаевский районный суд — 17 жалоб⁶.

Только судья, соблюдающий морально-этические принципы поведения и нравственные нормы, постоянно стремящийся к повышению своего профессионального и этического уровня, с уважением относящийся ко всем участникам судопроизводства, способен вызывать уважение и доверие общества к суду вообще и к себе в частности. Давая судьям дополнительные материальные и процессуальные гарантии, в том числе и гарантии независимости, государство требует с них взамен соблюдения не только процессуального законодательства, регулирующего процесс осуществления судопроизводства, но и соответствия высокому нравственному статусу, установленному для членов судейского сообщества, а также соблюдения морально-этических правил, существующих в обществе, повседневной жизни и во внеслужебных отношениях. Судья не вправе своими действиями подрывать авторитет судебной власти, давать обществу повод сомневаться в своей справедливости, объективности и беспристрастности. Однако не стоит путать независимость со вседозволенностью. Именно поэтому не только судьи, но и все члены судейского сообщества обязаны принимать участие в формировании и укреплении высоких стандартов судейской этики, постоянно самосовершенствоваться, чтобы им соответствовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горский Г.Ф., Котов Д.П. Судебная этика. Воронеж: Норма, 1978. С. 26.

² См.: Отчет о работе Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации за период 1994—2003 гг. // Вестн. Высш. квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124.

³ См.: Обзор результатов деятельности ВККС РФ. Анализ практики. URL: <http://www.vkks.ru/category/8> (дата обращения: 11.06.2013).

⁴ Там же.

⁵ См.: Обзор результатов деятельности ККС РМ. Отчеты, справки, итоги работы. URL: <http://mo.vkks.ru/category/374> (дата обращения: 11.06.2013).

⁶ См.: Обзор результатов деятельности ККС РМ. URL: <http://mo.vkks.ru/category/374> (дата обращения: 11.06.2013).

Поступила 01.08.2013.

REFERENCES

- ¹ Sm.: Gorskiy G.F., Kotov D.P. Sudebnaja jetika. Voronezh: Norma, 1978. S. 26.
- ² Sm.: Otchet o rabote Vysshej kvalifikacionnoj kollegii sudej Rossijskoj Federacii za period 1994—2003 gg. // Vestn. Vyssh. kvalifikacionnoj kollegii sudej Rossijskoj Federacii. 2004. № 3. S. 124.
- ³ Sm.: Obzor rezul'tatov dejatel'nosti VKKS RF. Analiz praktiki. URL: <http://www.vkks.ru/category/8> (data obrashhenija: 11.06.2013).
- ⁴ Tam zhe.
- ⁵ Sm.: Obzor rezul'tatov dejatel'nosti KKS RM. Otchety, spravki, itogi raboty. URL: <http://mo.vkks.ru/category/374> (data obrashhenija: 11.06.2013).
- ⁶ Sm.: Obzor rezul'tatov dejatel'nosti KKS RM. URL: <http://mo.vkks.ru/category/374> (data obrashhenija: 11.06.2013).

A. A. Cherevko. Ethic Aspect of Judges Status in the Region

On the basis of the research of statistical data on the number of citizens complaints for non-ethic behaviour of judges including rudeness towards participants of the process and other citizens, disgraceful behaviour in everyday life made to the Qualification Collegiums of Judges in the Russian Federation constituent entities including those to the Qualification Collegiums of Judges in the Republic of Mordovia as well as on the basis of the number of facts of judges disciplinary responsibility problems in the judicial ethics in Russia are brought to light.

The judge of general jurisdiction in respect of whom complaints for non-ethic behaviour have been made by ten times exceeds the number of judges of arbitration boards in respect of whom analogue complaints have been made. Such correspondence may be explained by the increased professional demands towards arbitration judges. The higher educational level of the person, the higher his or her moral portrait and the deeper ethic and moral conceptions are. The number of complaints for non-ethic behaviour of judges grows from year to year. Such tendency proves an inappropriate efficiency of clauses in the domestic legislation in the sphere of judicial ethics.

The analysis of the results of the Qualification Collegiums of Judges in the Republic of Mordovia activity demonstrates the tendency for not large but stable annual decrease in the total number of complaints for non-ethic behaviour of judges that contradicts to the all-Russian tendency. This statistics is based on the deliberate policy of heads of the courts and the Qualification Collegiums of Judges in the Republic of Mordovia in judges professional training, acquainting them with ethic norms, nurturing these norms in judicial establishments and their proper execution that promotes the increase in trust and respect towards judges.

CHEREVKO Alexander A., post-graduate of Chair of Philosophy for Humanitarian Specialities of Mordovia National Research State University.

В. П. ИЗЕРГИНА

**«БЕЛАЯ» ИДЕОЛОГИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ИЛЬИНА
ШВЕЙЦАРСКОГО ПЕРИОДА
ЭМИГРАЦИИ**

Ключевые слова: И. А. Ильин, Белый съезд, Россия, эмиграция, белая идеология, православие, РОБС, НТСНП

Key words: I. A. Ilyin, the White Congress, Russia, immigration, the White ideology, Russian Orthodoxy, the Russian Military Union, People's Labour Union of Russian Solidarists

В статье анализируются деятельность и творчество И. А. Ильина в эмиграции, направленные на разработку идеологии Белого движения. Рассматривается работа Белого съезда (1938 г.).

Activity and creative work of I. A. Ilyin aimed at the development of the White Movement ideology are analysed in the article. The work of the White Congress (1938) is considered.

Актуальность обсуждаемой темы определяется злободневностью изучения революционных событий 1917 г. и Гражданской войны в России как этапа всемирного исторического значения, характеризующегося не только крушением российской государственности, но и активным политическим творчеством, созданием различных государственных моделей. Свое видение будущего развития России имело Белое движение. Поэтому белая идеология, ее творческий характер, указывающий «нашу историческую задачу и наш духовный путь», — важный объект исследования. В трудах И. А. Ильина (1883—1954), особенно на зарубежном этапе с 1922 по 1954 г., изложено осмысление и обоснование главных принципов Белого дела и Белой идеи как «русской идеи», без которой, на наш взгляд, невозможно возродить и обновить Россию постсоветского периода. Несмотря на то что И. А. Ильина принято считать идеологом Белого движения,

ИЗЕРГИНА Вера Павловна, аспирант кафедры экономической истории и информационных технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

работ, посвященных анализу его вклада в разработку идеологии этого движения, пока мало. В связи с этим целью статьи является анализ творчества И. А. Ильина периода его пребывания в Швейцарии с 1938 по 1954 г.

26 сентября 1922 г. И. А. Ильин как представитель интеллигенции, «помогающий контрреволюции», был выслан за границу. С 1 октября 1922 г. и до 9 июля 1938 г. он жил в Берлине. 9 июля 1938 г. супруги Ильины переехали в Швейцарию. В прошении о выдаче разрешения на жительство в Швейцарии, поданном в кантональную полицию г. Цюриха, И. А. Ильин писал, что он не политический борец, что никогда и нигде не состоял ни в какой партии, не мог терпеть чуждое, авторитарно навязанное ему мировоззрение, «особенно — следовать расовой доктрине. Мыслитель отстаивал христианскую свободу совести. 1 декабря 1938 г. он получил разрешение на пребывание в Швейцарии, где ему было позволено «заниматься только научной деятельностью»¹.

В Швейцарии с июля и до ноября 1938 г. супруги Ильины проживали в Локарно-Монти. Здесь в июле 1938 г. (а не в августе — сентябре 1938 г. в Румынии, как отмечает Ю. Т. Лисица) Ильин созвал Белый съезд — закрытое совещание ряда виднейших представителей русской национально-политической элиты в эмиграции. Текст 14 итоговых резолюций съезда, по всей видимости, готовился Ильиным, но в окончательном виде является коллективным².

В резолюции «О благе России» высказывается идея о том, что «каждый русский человек, любящий Россию и верный ей, должен руководиться в своих политических суждениях и поступках только благом национальной России»³. Вторая резолюция съезда характеризовала общее положение дел в Советской России периода сталинского террора, который, будучи «бесмыслием коммунизма», приведет русский народ «к ликвидации коммунизма и к самоосвобождению». Национальная Россия заинтересована, чтобы это произошло «без внешней войны и не вследствие нее», но в быстром «назревании внутреннего переворота»⁴. Третья резолюция освещала общее положение в Европе и вопрос о войне. В ней было отмечено, что «ошибочная» европейская политика просмотрела «заразу большевизма... зарождение новой воинственности в диктаториальных странах», в результате

чего «назревает новая, чудовищная война». Она станет «неизбежной, как только какая-нибудь держава решится на интервенцию в России или на вторжение в нее». Спасение России от большевизма посредством иностранного завоевания объявлялось в резолюции «предательской» мыслью⁵.

Весьма любопытна резолюция, посвященная русской эмиграции. В ней нашли отражение ее достижения и недостатки. В числе первых — напоминание миру «о мировой опасности безбожия и большевизма», особенно создание «противосоветской обличительной литературы», выдвижение «ряда героев» в активной борьбе с советской властью. В числе вторых — отсутствие «заметных успехов внутри России» из-за «недооценки сил врага», «партийного дробления», «предательства иностранных полиции и разведок», «упадка духа», «неверия в самостоятельные силы русского народа», «вредоносной веры в иностранных «спасителей»», «снижения воли и идейного горения», «большого честолюбия» и т. д. В связи с этим высказывается опасение, что русская эмиграция как политическая сила может сойти на нет, если «процесс распада будет продолжаться и углубляться»⁶.

В резолюции «Об Украине» было подчеркнуто, что «украинский сепаратизм» имеет искусственный характер, что «всякой державе выгодней иметь Россию другом, а не врагом» и что «история не сказала своего последнего слова»⁷.

Династический вопрос также нашел отражение в резолюциях Белого съезда. Историческая роль 300-летнего царствования дома Романовых как «нашего великого прошлого» может закончиться, если это прошлое не поведет страну в «славное будущее». Династия призвана «служить» всероссийскому национальному интересу: «Не народ существует для династии, а династия — для народа». Поэтому белые заявляли о готовности помогать «всякому русскому человеку, который мужественно поведет Россию к спасению от большевизма и от иностранного вторжения», если такой не выдвинется из династии Романовых⁸.

В вопросе о церковном расколе в зарубежной церкви Белый съезд констатировал «значение православия в истории России» и отказывался «признавать правоту какой-либо одной стороны». Выражалась уверенность, что влияние политических партий на какой-либо стороне принесет вред «православной церкви, ее мировому значению и возрождению»⁹.

В резолюциях Белого съезда четко выражена идея «неприменимости» для дела возрождения России «всевластного» государства с его «партийной монополией» в лице любой партии и подчеркнута необходимость «в освобождении творческой инициативы народа». В них также однозначно заявлен протест против попытки навязать «рецепт» спасения национальной России через фашизм. «Русский фашизм» оценивается как «течение больное», новый вид «слепого подражания» Западу и проявление «творческого бессилия в эмиграции». Опасность его состоит в стремлении «захватить власть в эмиграции при помощи иноземной политической полиции и пропаганды, а впоследствии захватить власть в России при помощи иностранных штыков»¹⁰. В связи с этим также осуждаются попытки вовлечь Русский общевоинский союз (РОВС) в фашистские группировки или подчинить его указаниям иностранной тайной полиции как противоречащие русскому национальному интересу. Несмотря на промахи, ошибки и недостатки, РОВС характеризуется в резолюциях Белого съезда как «драгоценное достояние России и ее национальной эмиграции». Поэтому борьба с РОВС со стороны Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП), протекавшая на личной почве, признается в одной из резолюций съезда «вредной» русскому национальному делу¹¹.

При оценке НТСНП сделан акцент на общем духе и личном составе его членов, а также тактике, программе и газете этого союза. С точки зрения общего духа и личного состава НТСНП есть «национальный и белый», имеющий «драгоценный запас людей с благородной волей, чистым сердцем и государственным будущим». Но тактика этого союза во многом признана ошибочной: несостоятельное и вредное «деление эмиграции на поколения»; нарушавшая правила конспирации «фразеология активизма», борьба с РОВС. Недостатком программы союза назван отказ «от исторического прошлого России». Отмечается также, что «в ней есть немало наивного и противоречивого». Главные изъяны идеологии союза — общий характер и отсутствие религиозной основы. В отношении газетной полемики союза сказано, что она была «часто обидлива и несправедлива»¹².

Отдельная резолюция Белого съезда посвящена крайне правым течениям в эмиграции. Их идеология характеризуется как ругань «жида» и «масона» ради захвата власти;

их программа — требование «царя», способного подчиниться их партийному влиянию; их тактика — партийная грызня и оклеветание лиц, с ними несогласных; их цель — разложение РОВС. Режим, который они создали бы в России в случае успеха, в резолюции называется «новым большевизмом на выворот». Этот режим скомпрометировал бы монархическое начало в России, направил в сторону племенных погромов русское национальное движение. В резолюции также констатируется, что крайне правые не могут «исправиться» и их успех принес бы России «неисчислимыя беды»¹³. По еврейскому вопросу в резолюции Белого съезда было обозначено, что он в России «должен быть разрешен не антисемитскими погромами, а новой, сильной и самостоятельной властью, мыслящей христиански, национально и государственно»¹⁴.

В том же 1938 г. И. А. Ильин написал «Проект основного закона Российской империи», который был представлен им на совещании в Женеве 22—28 января 1939 г. в виде доклада «Основы государственного устройства будущей России» (некоторые разделы вошли позже в «Наши задачи»). В обсуждении доклада участвовали 22 чел., среди которых были известные в эмиграции люди: митрополиты Анастасий (Грибановский) и Серафим (Соболев), протопресвитер Сергей Орлов, Александр и Юрий Лодыженские и др.

В 1940—1941 гг. И. Ильин начал новый издательско-просветительский проект «О грядущей России» (заочные чтения), осуществлять который приходилось полулегально. Тексты выпусков этих чтений размножались на mimeографе в издательстве мадам де Рибопьер, гражданки Швейцарии и жительницы Женевы, и рассылались единомышленникам во все уголки мира. В этом ему помогали дочери его соратника Б. А. Никольского Елена и Наталия, которые ставили на конвертах свои имена и швейцарские адреса, тем самым защищая Ильина от излишнего любопытства местной полиции. Средства на издание Ильин получал от чтения лекций. Необходимо было собирать с присутствующих 20 фр. в месяц (по 1 фр. с 1 чел.)¹⁵. Он читал лекции немецкоязычным швейцарцам в народных университетах, ученых и культурных обществах, в церковных общинах, а также русским эмигрантам. Для последних, отмечает В. А. Томсинов, «лекция русского профессора, да еще о родной стране, была событием»¹⁶.

У И. А. Ильина не было сомнений в нужности этого проекта, который, по его замыслу, был призван предотвратить остановку всего живого, духовно-идейного: «Минимум духа побеждает максимум мрака. Только чтобы совсем не гасло!! Искра остается — и огню есть откуда разгореться»¹⁷. В свет вышли только 9 выпусков чтений: «Вера в Россию», «О свободе», «В поисках справедливости», «Основная задача», «О сильной власти», «О русском национализме», «Утверждение личного начала», «О русской идее», «Идея предметного воспитания». Однако война прервала этот проект. Часть этих тем позже войдет в отдельные бюллетени «Наших задач».

В марте 1948 г. мыслитель задумал новое предприятие при посредстве РОВС и его руководителей (председателя генерала А. П. Архангельского и его заместителя генерала А. А. фон Лампе, а также историка С. П. Мельгунова в качестве редактора). Было налажено регулярное еженедельное снабжение РОВС политико-идеологическими «соображениями» о «важнейшем»; «образованием единого, неприкрыто белого мнения»¹⁸. В дальнейшем «белое мнение» (белая идеология) получило концентрированное выражение в двух томах под общим названием «Наши задачи» (216 статей), изданных в 1956 г. в Париже учениками и последователями философа. В обращении, написанном 2 июля 1948 г. для 6-го бюллетеня «Наших задач», подчеркнута главная цель этого предприятия, состоящая в том, что национальной России «нужны новые воззрения и новые формы», а «не доктринеры, выучившие наизусть десяток чужих, идеологических или программных тезисов и намеревающиеся насильственно... калечить ими русскую жизнь»¹⁹.

Таким образом, швейцарский период жизни и творчества И. А. Ильина стал весьма значимым в развитии религиозно-философского, политико-философского, историософского обоснования Белой идеи (русской идеи). В его изложении она представляет собой «те убеждения, на которых следует строить грядущую Россию». Их должен вырабатывать «каждый самостоятельно» на основе не только «личного», но и нашего «русского национального опыта», исторического и особенно современного. И «отправную точку» для этого стремилась дать редакция «Наших задач»²⁰.

В «Наших задачах», включающих статьи И. А. Ильина, которые конфиденциально рассылались членам РОВС и другим единомышленникам в эмиграции, обоснована идея грядущего возрождения России. Философ излагает «принципиальные основы» государственного устройства будущей России «реалистически и исторически», отвергая все несостоятельное в политических «идеалах» анархистской, конституционно-демократической и социалистической предреволutionной интеллигенции.

Будущее Российское государство для И. А. Ильина было «верным выводом» из русской истории и христианских аксиом правосознания и государственности, воплощенных «в меру их исторической вместимости в живую ткань современной русской народной жизни»²¹. В итоге его принципиальные основы формулируются следующим образом: христианское и национальное по духу (призвано к осуществлению «закона правды» в жизни российских народов); правовое («праву подчинены все без исключений»); единое (единая территория, единая государственная власть и т. д.); священное («служит делу Божьему на земле»), исторически-преемственное (основано нашими предками, утверждено всенародными жертвами, не может прекратиться временными «смутами, восстаниями, вторжениями и засилиями»); связывает людей в братский союз (один за всех и все за одного) единой патриотической солидарностью (общими «отечеством», «целью», «властью», «правопорядком»)²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Томсинов В.А. Иван Александрович Ильин // В.А. Томсинов. Российские правоведы XVIII—XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М.: Зерцало, 2007. Т. 2. С. 629—631.

² См.: Лисица Ю.Т. Комментарии // И.А. Ильин. Собр. соч.: статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). М.: Рус. кн., 2001. С. 546.

³ Резолюции Белого съезда // Там же. С. 499.

⁴ Там же. С. 500.

⁵ Там же. С. 501.

⁶ Там же. С. 501, 502.

⁷ Там же. С. 503.

⁸ Там же. С. 503, 504.

⁹ Там же. С. 504.

¹⁰ Там же. С. 504—505.

¹¹ Там же. С. 505.

- ¹² Там же. С. 506.
¹³ Там же. С. 506, 507.
¹⁴ Там же. С. 508.
¹⁵ См.: Лисица Ю.Т. Аксиомы политической жизни // И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 т. М.: Айрис-пресс, 2008. Т. 1. С. 11, 12.
¹⁶ Томсинов В.А. Иван Александрович Ильин. Т. 2. С. 633.
¹⁷ Лисица Ю.Т. Аксиомы политической жизни. С. 14.
¹⁸ Там же. С. 15, 16.
¹⁹ Ильин И.А. Наши задачи. С. 30.
²⁰ См.: Его же. О «наших задачах» // Там же. С. 370—371.
²¹ Его же. Надо готовить грядущую Россию // Там же. Т. 2. С. 73.
²² См.: Его же. Кое-что об основных законах будущей России // Там же. С. 81—83.

REFERENCES

- ¹ См.: Tomsinov V.A. Ivan Aleksandrovich Il'in // V.A. Tomsinov. Rossijskie pravovedy XVIII—XX vekov: ocherki zhizni i tvorcestva: v 2 t. M.: Zercalo, 2007. Т. 2. S. 629—631.
² См.: Lisica Ju.T. Kommentarii // I.A. Il'in. Sobr. soch.: stat'i. Lekcii. Vystuplenija. Recenzii (1906—1954). M.: Rus. kn., 2001. S. 546.
³ Rezoljucii Belogo s#ezda // Tam zhe. S. 499.
⁴ Tam zhe. S. 500.
⁵ Tam zhe. S. 501.
⁶ Tam zhe. S. 501, 502.
⁷ Tam zhe. S. 503.
⁸ Tam zhe. S. 503, 504.
⁹ Tam zhe. S. 504.
¹⁰ Tam zhe. S. 504—505.
¹¹ Tam zhe. S. 505.
¹² Tam zhe. S. 506.
¹³ Tam zhe. S. 506, 507.
¹⁴ Tam zhe. S. 508.
¹⁵ См.: Lisica Ju.T. Axiomy politicheskoi zhizni // I.A. Il'in. Nashi zadachi. Stat'i 1948—1954 gg.: v 2 t. M.: Ajris-press, 2008. Т. 1. S. 11, 12.
¹⁶ Tomsinov V.A. Ivan Aleksandrovich Il'in. Т. 2. S. 633.
¹⁷ Lisica Ju.T. Axiomy politicheskoi zhizni. S. 14.
¹⁸ Там же. С. 15, 16.
¹⁹ Il'in I.A. Nashi zadachi. S. 30.
²⁰ См.: Ego zhe. O «nashih zadachah» // Там же. S. 370—371.
²¹ Ego zhe. Nado gotovit' grjadushhuju Rossiju // Там же. Т. 2. S. 73.
²² См.: Ego zhe. Koe-chto ob osnovnyh zakonah budushhej Rossii // Там же. S. 81—83.

Поступила 19.06.2013.

V. P. Izergina. «White» Ideology in Creative Work
of I. A. Ilyin in the Swiss Period of Immigration

Creative work of Russian philosopher I. A. Ilyin (1883—1954) while staying in Switzerland (1938—1954) from the point of view of the development of the White Movement is analysed in the article. Final resolutions of the White Congress of the brightest representatives of the Russian national and political elite in immigration (July 1938, Switzerland) prepared by I. A. Ilyin are considered in detail. Patriotic trend of this document can be vividly traced in the following ideas: every Russian in his or her political opinions and deeds should follow the national weal of Russia; rescue of Russia from Bolshevism by means of foreign conquest — «treacherous» thought; the dynasty is intended to «serve» the All-Russian national interest; protest against the attempt to dictate the rescue recipe for the national Russia through Fascism.

Patriotism being the essence of the White philosophy was reflected in the works of the philosopher in the period under analysis: «Foundations of State Order in Russia of the Future» (1938), «On the Future Russia» (1940—1941), «Our Objectives» (1948—1954). «Principal foundations» for the state order in Russia in the future as Christian and national by moral spirit, legal, united, sacred, historically successive, connecting people into the union of brothers and united by patriotic solidarity state are presented there.

In general the Swiss period in the creative work of I. A. Ilyin became rather significant in the context of the political and philosophic substantiation of the «White Idea» as the Russian idea representing «the convictions to build the Russia of the future».

IZERGINA Vera P., post-graduate of Chair of Economic Theory and Information Technologies of Mordovia National Research State University.

Н. Л. НОВИКОВА

А. В. ЛЕБЕДЕВ

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Ключевые слова: Библия, динамическая эквивалентность, духовно-нравственные ценности, интерпретация, лингвокультурология, переводоведение, разноструктурные языки, формальная эквивалентность

Key words: the Bible, dynamic equivalency, moral values, interpretation, lingvo-cultorology, theory of translation, languages with different structures, formal equivalency

В статье рассматривается проблема переводов Библии на разноструктурные языки, а также их влияние на толкование Библии и духовно-нравственное воспитание общества.

The problem of translation of the Bible into languages with different language structures as well as their influence on the Bible interpretation and moral upbringing of the society are considered in the article.

Существуют частичные и полные переводы Библии почти на всех языках и диалектах мира. Тексты Библии начали распространяться по всему миру благодаря влиянию

НОВИКОВА Надежда Львовна, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

ЛЕБЕДЕВ Антон Валерьевич, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат культурологии.

христианства, а Реформация способствовала ее переводу на языки народов мира. Со времен И. Гуттенберга Библия переведена и издана более чем на 2 370 языках. Каждый перевод Библии в той или иной мере подвержен влиянию религиозных, социальных и социолингвистических факторов, в связи с чем Ш. Абрамсон выделяет четыре основных вида библейских переводов: этнический перевод, перевод на общенародный язык, перевод на литературный язык, традиционный перевод. Этнический перевод характерен для народов, не обладающих долгосрочной литературной и письменной традицией. Это, например, переводы на абхазский, ингушский, калмыцкий, коми-зырянский и другие языки. Перевод на общенародный язык, по мысли Ш. Абрамсона, подразумевает сообщества людей с более высоким уровнем общественной, языковой дифференциации и наличием литературной традиции¹. Подобный вид перевода необходимо ориентировать на общедоступность текста для каждого представителя данной культуры, например, «Современная английская версия» Р. Братчера. Перевод на литературный язык также ориентирован на развитое общество с обширным культурным наследием и более высоким образовательным уровнем (перевод на английский язык — «Новая английская Библия», русский — Синодальное издание). Традиционный перевод представляет собой сакрализацию библейского текста и очень распространен в развитых в социокультурном плане обществах. Сюда относятся канонизированные переводы, например, английский — Исправленная Стандартная версия; русский церковнославянский — Елизаветинская Библия. Каждый из этих переводов сыграл свою роль в создании, развитии и укреплении христианской церкви, способствовал формированию богословской и литургической традиций.

Перевод Ветхого Завета на греческий язык является тщательно исследованным рукописным текстом. У разговаривающих на греческом (эллинском) наречии евреев появилась необходимость в переводе богослужебных книг, использовавшихся для религиозного поклонения. Пятикнижие переведено 72 иудейскими учеными за 72 дня во II в. до н. э. и получило название «Септуагинта», т. е. перевод семидесяти толковников, сделанный с древнееврейских манускриптов. Перевод Библии с еврейского на арабский язык осуществлен в X веке С. Гаоном. Наиболее ранним дошедшим

до нас библейским еврейско-персидским текстом является Пятикнижие в списке 1319 г. Существуют и другие более древние переводы Библии: армянский, грузинский, готский, коптский, сирийский, эфиопский.

Библия в Средние века была переведена и на европейские языки, источником которых являлся традиционный вариант Библии на разговорной латыни, использовавшийся в Римской империи. По мере развития народной латыни текст претерпел морфологические и фонетические изменения. Первыми голландскими изданиями Библии можно считать фламандскую Вульгату (1477 г.), а также перевод Библии Лютера (1526 г.). В «Библиологическом словаре» А. Мень упоминает и более раннее полное датское издание — Библию Христиана III (1550 г.) на основе Библии Лютера. Католический перевод Вульгаты архиепископа А. Мартини и два итальянских издания Библии, основанные на Вульгате, напечатаны в Венеции в 1471 г. Переводы на испанский язык сделаны благодаря сотрудничеству представителей иудаизма с христианами в XIII в., а полный французский перевод Библии осуществлен по заказу Людовика IX в середине XIII в. К концу столетия опубликован известный средневековый французский вариант — «Bible Historiale» Г. де Мулена. Чешские переводы Библии начали появляться в XIII в., а в начале XV в. сделан новый перевод с Вульгаты Я. Гусом. В XIV в. появляются библейские книги на польском языке, а в XVI в., после Реформации, издаются полные переводы Библии на польском языке. Лучшим переводом Библии на современный сербохорватский язык является перевод П. Власича в 20-е гг. XX в.²

Существует несколько десятков переводов Библии на английский язык, не считая исправленных и дополненных изданий. Английская Библия имеет 500-летнюю историю. Начавшаяся с Библии У. Тиндэйла, напечатанной в 1526 г., и закончившаяся в 2002 г. изданием Английской стандартной версии, она внесла огромный вклад в теорию и практику переводоведения, богословия и истории. Особо следует отметить, что перевод Библии обогатил англоязычную культуру, вдохновив десятки литераторов на создание художественных и научных трудов. Но для рядового читателя многообразие библейских переводов является проблемой: выбор изданий Священного Писания огромен. Большое количество дено-

минаций и конфессий не позволяет говорить о применении единого стандартного общепринятого перевода. Выбор того или иного перевода обусловлен его прагматической функцией, т. е. конкретной ситуацией использования.

На основе исследования материалов крупных издательств религиозной литературы (Collins и Zondervan) можно выделить два основных подхода к переводу Библии на английский язык. Буквальный перевод стремится к максимальной дословности. По возможности переводчики передают каждое слово, взятое из древнееврейского или греческого текста. Сюда можно отнести Библию короля Иакова — достаточно сложный для современного читателя перевод, принятый, однако, за единственно правильный в некоторых деноминациях; английскую стандартную версию, в которой при переводе использованы современные технологии и надежные источники, однако текст несколько архаизирован; Новую американскую стандартную версию — издание, не предназначенное для чтения вслух, так как перевод тяготеет к буквализму, но очень точен и идеален для научных изысканий.

Другой подход к библейскому переводу можно охарактеризовать как семантический. Сюда относится Благая Весть — издание, предназначенное для нерелигиозных людей и не содержащее многих привычных для верующих церковных терминов; Живая Библия — работа К. Тэйлора, стремившегося упростить понимание библейского текста для группового изучения и вставившего в текст комментарии; Новая международная версия, содержащая новейшие методики и основанная на более надежных манускриптах-источниках, и др.

В связи с разнородностью англоязычного христианского пространства и весьма неоднозначной оценкой современных переводов современные представители различных конфессий большое внимание уделяют соотношению многочисленных подходов к эквивалентности и библейской герменевтике. Особый интерес в связи с этим представляет концепция динамической эквивалентности (ДЭ) Ю. Найда. По его мнению, задача герменевтики состоит в выявлении параллелей между библейскими истинами и современными событиями, а цель — в раскрытии актуальности библейских истин и правильном отношении к ним верующего. Такое определение отличается от традиционного. Новый студенческий словарь

М. Вебстера определяет герменевтику как «изучение методологических принципов толкования», а экзегетику — как непосредственно толкование, интерпретацию отрывка³. Особенностью теории динамической эквивалентности является опора на методологические принципы, традиционно относящиеся к сфере библейской экзегетики.

Перевод, согласно теории ДЭ, по мнению Ю. Найда, состоит из трех основных шагов: редукция текста оригинала, доведение его до самых простых и семантически ясных структур; передача с языка оригинала его смысла на язык перевода; создание стилистически и семантически эквивалентных выражений в языке перевода. Традиционная методика перевода с использованием формальных эквивалентов сводит к минимуму толкование переводчика, сохраняя по возможности формальные структуры языка оригинала. Методика ДЭ в большей степени содержит толкование, чем при переводе формальные эквиваленты, и, следовательно, может претендовать на звание герменевтической системы. Сравнивая две переводческие методики, У. Л. Вондерли называет формально-эквивалентный метод «прямой передачей смысла», а динамически-эквивалентный — «косвенной передачей смысла», который включает декомпозицию и рекомпозицию, или анализ и реструктуризацию⁴.

Неоднозначно оценивают концепцию ДЭ и отечественные библеисты. Так, А. С. Десницкий не соглашается с ориентацией теории ДЭ на реципиента перевода, полагая, что задачей переводчика является максимально возможная передача всех оттенков смысла, а «ответственность за правильное понимание текста и его верное применение на нем не лежит». Исследователь приводит несколько примеров культурной трансформации при переводе Нового Завета: например, народам Океании чужд образ ягненка как пасхальной жертвы, поэтому при переводе он представлен как поросенок, свинья, что было бы оскорбительным для ближневосточного читателя⁵.

Особый путь прошли переводы Библии на старославянский, а затем и русский языки. Во время Крещения Руси существование библейских книг на славянском языке способствовало развитию христианства в России. В связи с этим трудно переоценить значение перевода Библии на славянский язык Кириллом и Мефодием. Эта Библия со-

держит только «канонические книги без апокрифов, азбука и язык которой через богослужение и православные школы получила название церковнославянской»⁶. После изобретения книгопечатания в России стали распространяться напечатанные типографским способом книги Священного Писания, например, Деяния Апостолов и Четвероевангелие И. Федорова и П. Тимофеева. Переломным в русской переводческой деятельности стал момент, когда в 1863 г. вышел в свет полный Новый Завет, а в 1876 г. — полная Библия на русском языке. Синодальная Библия сохранила порядок и состав церковнославянской Библии. Канонические книги Ветхого Завета были переведены с древнееврейского языка, а неканонические — с греческого.

Следует отметить, что русский перевод Священного Писания предпринимался не раз с XVII в. Так, в 1683 г. дьякон А. Фирсов перевел на русский язык Псалтирь с протестантской Библии. На рубеже XVII—XVIII вв. пастор Э. Глюк работал над русским переводом Нового Завета. Затем в 1794 г. вышел труд архиепископа Мефодия (Смирнова) «Послание к Римлянам», в котором параллельно славянскому тексту была представлена русская версия послания. Это был первый изданный русский перевод библейского Писания. Вопрос о русском переводе поднимался в начале XIX в. А. А. Яковлевым, обер-прокурором Священного Синода, но лишь с открытием Российского библейского общества такой перевод удалось осуществить. 6 декабря 1812 г. основано Русское библейское общество, задачами которого стали «способствование к приведению в России в большее употребление Библий без всяких на оное примечаний и пояснений; обитателям Российского государства доставлять Библии на разных языках, за самые умеренные цены, а бедным без всякой платы; доводить Библию до рук азиатских в России народов из магометан и язычников состоящих, каждому равномерно на его языке»⁷. Важно, что это общество объединило православных, протестантов и католиков для напечатания и распространения Священного Писания на всех языках России. В этом же году Библия была напечатана на финском и немецком, а Новый Завет — на армянском и калмыцком языках (в дальнейшем — на 41 языке). В 1815 г. созданы отделения общества в провинциях страны, где организовывалась переводческая и

издательская работа, осуществлялся перевод Священного Писания на бурятский, калмыцкий, марийский, татарский, удмуртский, чувашский и другие языки.

Большое значение для распространения Священного Писания на Руси имело издание Псалтыря в 1822 г., русский перевод которого осуществил протоиерей Г. П. Павский. В состав его перевода, сделанного с еврейского масоретского текста, входили книги Иова, Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Исаяи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, 12 малых пророков. Этот труд по переводу Ветхого Завета уникален, поскольку это был первый опыт длительной работы над русской Библией при отсутствии терминологии, твердых принципов перевода. Согласимся и с высокой оценкой этого труда И. А. Чистовичем, утверждающим, что «это был первый опыт перевода священных книг Ветхого Завета на русский язык, сделанный ученым, владевшим в превосходной степени знанием еврейского и русского языков. Ни до него, ни после него не было ученого, профессора, так счастливо и в такой мере соединившего знание еврейского языка со знанием языка отечественного. Последующие переводчики... опирались на его труд, и мы не знаем, чтобы кто-нибудь из них отказал ему в существенных достоинствах»⁸.

Только в середине 90-х гг. XX в. руководство Российского библейского общества приняло решение о переводе Ветхого Завета на современный русский язык. Главным редактором и руководителем переводческой работы стал М. Г. Селезнев, ведущий научный сотрудник Института восточных культур Российского государственного гуманитарного университета. Серия получила название «Ветхий Завет. Перевод с древне-еврейского». Текстуальной основой перевода стало научное издание в 1990 г. еврейского Ветхого Завета под названием *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Главными принципами, которыми руководствовались авторы, были научная корректность и соответствие нормам современного русского языка, следование древнему тексту оригинала при безупречной художественной форме перевода. В работе тщательно анализируются последние достижения мировой библеистики, в частности данные кумранских рукописей. Авторы серии придерживаются мнения, что пробелы в восприятии древнего текста современным читателем призваны восполнить

историко-филологические примечания, ориентированные на широкий круг читателей. Одновременно с ветхозаветными книгами осуществлялся перевод писаний Нового Завета. В основу нового перевода положены работы В. Н. Кузнецовой — редактора издательства «Русский язык», начавшей работу над переводом «Радостная Весть» еще в середине 1980-х гг.

Перевод, над которым работали Ц. Г. Гурвиц, игумен Иннокентий (Павлов), Д. Кларк, И. С. Козырев, А. А. Руденко, С. В. Тищенко, Э. Г. Юнц, осуществлялся в соответствии с принципами ДЭ.

Перевод текстов Священного Писания является объектом изучения многих научных дисциплин и сталкивается с большим количеством текстологических, культурологических и богословских проблем. В России все чаще обсуждаются вопросы нового перевода Священного Писания на русский язык и соответственно использования либо формально-эквивалентных методов, либо динамико-эквивалентного подхода. Выбор в пользу той или иной переводческой парадигмы неоднозначен, и, безусловно, отдельно взятый перевод не сможет выполнить свою прагматическую функцию в религиозной, бытовой и научной области применения.

Не так давно началась работа по переводу Библии на мордовские языки. Она осуществляется учеными-филологами, писателями Мордовии совместно с финскими исследователями. В начале 90-х гг. XX в. мордовский филолог Д. Т. Надькин первым предпринял подобный перевод. Восемнадцать лет переводу Нового Завета и Псалтыри на эрзянский язык посвятила Н. С. Адушкина. Отдельными брошюрами издание Нового Завета и Псалтыря в мордовском переводе выходило в Финляндии. В 2006 г. в г. Саранске прошла презентация Библии на эрзянском языке. Выпуск этого издания сопровождался проведением международной научно-практической конференции «Библия: язык и культура».

В настоящее время группа ученых участвует в заключительном этапе работы над полным текстом Библии — Ветхим и Новым Заветами. Финские богословы Р. Пююккё, Л. Лейриваара при активном участии мордовских языковедов осуществляют стилистическое и семантическое редактирование, проверку на благозвучность конечного текста. Внимание обращается на мельчайшие лексические (смысловые)

особенности. Требуется не только соблюсти полное соответствие оригиналу, но и сделать содержание библейских текстов литературно грамотным и легко доступным пониманию современных носителей мордовского языка. В связи с этим ученые-богословы сверяют соответствие подстрочного мордовского перевода первоисточнику на еврейском языке. Языковеды в свою очередь вносят филологическую корректуру. Главными принципами, которыми стараются руководствоваться авторы перевода Библии, являются научная корректность и соответствие нормам современного языка, следование древнему тексту оригинала при безупречной художественной форме перевода. Пробелы в восприятии древнего текста современным читателем призваны восполнить историко-филологические примечания.

Следует отметить, что на территории Мордовии в настоящее время активно идет процесс возрождения духовной культуры. Так, за десять лет отреставрировано большое количество икон и церковных реликвий, в несколько раз увеличилось количество православных церквей, восстановлено более двухсот храмов, в том числе тринадцать монастырей. В центре Саранска построен кафедральный собор святого праведного воина Ф. Ф. Ушакова. С именем адмирала связаны и христианские молодежные организации, которые существуют не только в Саранске, но и, например, в Темникове.

Таким образом, в истории перевода Священного Писания интерес представляют различные аспекты перевода этого текста на разноструктурные языки. Сопоставительный анализ переводов, как и проблема интерпретации библейского текста в контексте лингвистических и культурно-языковых различий, помогает глубже осознать значимость идей, наставлений, проповедей, содержащихся в Библии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13178&query=%CF%C5%D0%C5%C2%CE%C4> (дата обращения: 15.02.2008).

² См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 467.

³ См.: Merriam-Webster Online. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 14.03.2008).

⁴ См.: Wonderly W.L. Bible Translations for Popular Use. L.: United Bible Soc., 1968. С. 51.

⁵ См.: Десницкий А.С. Форма — значение — истолкование. URL: http://krotov.info/lib_sec/05_d/des/nizky_03.htm (дата обращения: 20.07.2008).

⁶ Вернштейн С.Б. Константин-философ и Мефодий: начальные главы из истории славянской письменности. М.: Наука, 1984. С. 48.

⁷ Тихомиров Б.А. К истории отечественной Библии. М.: РБО, 2006. С. 43.

⁸ Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. М.: РБО, 1997. С. 228—229.

Поступила 04.02.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=13178&query=%CF%C5%D0%C5%C2%CE%C4> (data obrashhenija: 15.02.2008).

² Sm.: Brokgauz F.A., Efron I.A. Jenciklopedicheski slovar'. Sovremennaja versija. M.: JeKSMO-Press, 2002. S. 467.

³ Sm.: Merriam-Webster Online. URL: <http://www.merriam-webster.com> (data obrashhenija: 14.03.2008).

⁴ Sm.: Wonderly W.L. Bible Translations for Popular Use. L.: United Bible Soc., 1968. S. 51.

⁵ Sm.: Desnickij A.S. Forma — znachenie — istolkovanie. URL: http://krotov.info/lib_sec/05_d/des/nizky_03.htm (data obrashhenija: 20.07.2008).

⁶ Bernshtejn S.B. Konstantin-filosof i Mefodij: nachal'nye glavy iz istorii slavjanskoj pis'mennosti. M.: Nauka, 1984. S. 48.

⁷ Tihomirov B.A. K istorii otechestvennoj Biblii. M.: RBO, 2006. S. 43.

⁸ Chistovich I.A. Istorija perevoda Biblii na russkij jazyk. M.: RBO, 1997. S. 228—229.

N. L. Novikova, A. V. Lebedev. Problems in Lingvo-Cultural Interpretation of the Bible Text in the Theory of Translation

The problem of translation of the Bible into languages with different language structures (Jewish, Greek, English, Russian, Mordovian) as well as their influence on the Bible interpretation and moral upbringing of the society are considered in the article.

Studying the Bible and different aspects of the Holy Writ into languages with different structures is still one of the key objectives in the modern philology. Translating the Bible text from one language to another is connected with linguistic difficulties expressed in discrepancies in grammar and lexical structures in the language of the original and the language of translation. Substantial differences in grammar categories in the Classical Hebrew and the Russian language do not allow proper translation into Russian of the

opposition of the definite and indefinite forms of nouns whereas incongruities in the system of verbal tenses cause problems in the translation from Hebrew into Greek. Creating verbal correspondences reflecting cultural and language differences led to the introduction of interlinear translation (verbal translation of the Bible with linguistic comments). Importance and complicity of translation of the meaningful and thematic component of the text itself represent a special problem in interpretation of the Bible text. It is visible that numerous difficulties faced by researchers and interpreters of the Bible as well as ordinary readers represent the «time gap» between the modern and the Biblical cultural, historical and linguistic backgrounds.

NOVIKOVA Nadezhda L., professor of Chair of Philosophy of Mordovia National Research State University, doctor of philosophic sciences,

LEBEDEV Anton V., assistant professor of Chair of the English Language for Professional Communication of Mordovia National Research State University, candidate of culturology.

Е. А. СКОПЦОВА

**ДИСКУССИИ О ЛИТЕРАТУРЕ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКИХ КРУЖКОВ XVIII в.**

Ключевые слова: кружковая деятельность, тематика бесед, комментирование произведений, обсуждение переводов, издательская деятельность, популяризация знаний

Key words: coteries activity, conversation topics, works commenting, discussions on translations, publishing activity, knowledge popularisation

В статье систематизированы факты о деятельности кружков XVIII в., представлена их деятельность в контексте дискуссий о литературе.

Facts on the activity of coteries in the XVIII century are systematised in the article. Their activity in the context of discussions on the literature is presented.

Понятие «кружок» подразумевает «группу лиц, объединенных общностью взглядов и целей»¹. Систематизируя факты о деятельности кружков XVIII в.², приведем перечень кружков и содержательную часть их деятельности. Следует иметь в виду, что он не может претендовать на точность датировки первых заседаний кружков и места их функционирования, поскольку изложенные в источниках сведения в ряде случаев противоречивы.

В России XVIII в. кружковая деятельность велась в домах, при учреждениях и при дворе.

В домах действовали кружки архиепископа Ф. Прокоповича (СПб., 1720—1736 гг.); государственного деятеля, дипломата А. П. Волынского (СПб., 1730—1740 гг.); капитана Дж. Филиппса (СПб., 1731—?); генерала Я. Кейта (СПб., 1741—?); графа А. П. Шувалова (СПб., 1750-е — 1760-е гг.); генерал-адъютанта И. И. Шувалова (СПб., 1750—1763, 1779—1797 гг., М., 1787—? гг.); графа А. С. Строганова (СПб., 1760-е — 1811 гг.);

СКОПЦОВА Екатерина Андреевна, соискатель кафедры теории речи и перевода Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

актера И. А. Дмитревского (СПб., середина 1760-х гг.) и др. При учреждениях существовали кружки Московской Славяно-греко-латинской академии, Харьковского коллегіума и ряда провинциальных семинарий (конец 1720 — начало 1730 гг.); Академии наук (СПб., конец 1720 — начало 1730 гг. и 1735 — 1738 гг.); Московского университета (1760-е — 1770-е гг.); журналиста, общественного деятеля Н. И. Новикова при Московском университете (1779—1784 гг.); переводчиков-любителей при тамбовской типографии (1787 г.); Е. А. Болховитинова при духовной семинарии (Воронеж, 1789 г.); Александро-Невской духовной семинарии (СПб., 1790 г.). При дворе действовал кружок Екатерины II (СПб., 1780-е гг.).

В XVIII в. кружковая деятельность в России осуществлялась в основном в домах. Следует отметить, что кружки существовали и у находившихся на российской службе иностранцев. Например, в Санкт-Петербурге у английского капитана Дж. Филиппса, английского генерала Я. Кейта, немецкого барона П. Б. Рейхеля³. Кроме того, иностранцы были постоянными участниками российских кружков. Например, французский посол в России (1785—1789 гг.) Л. Ф. Сегюр посещал кружок А. С. Строганова, французский посол в Петербурге (1756—?) маркиз де Лопиталь, французский аббат Э. Лефевр — кружок А. П. Шувалова и т. д. Общение русских дворян с иностранцами накладывало определенный отпечаток на культуру столичного общества. Во-первых, российские завсегдатаи этих собраний имели возможность совершенствовать свою речь на иностранном языке. Во-вторых, в неофициальном кружковом общении иностранцы культивировали европейский этикет и светский стиль жизни.

Конец XVIII в. характеризовался распространением кружков не только в столицах, но и в провинциальных городах (кружки при Тамбовской типографии, Е. А. Болховитинова в Воронеже, Г. Р. Державина в Тамбове, А. М. Каховского в Смоленске). Кружки были тесно связаны между собой одними и теми же участниками. Так, историк В. Н. Татищев и поэт-сатирик А. Д. Кантемир посещали кружки Ф. Прокоповича и А. П. Волынского, поэт И. Ф. Богданович — кружки И. И. Шувалова, Московского университета, Е. Р. Дашковой, Н. А. Львова, Г. Р. Державина.

В XVIII в. важное место в кружковых занятиях занимали вопросы о литературе, языке, эстетике, философии, искусстве, науке, политике. Тематическая классификация имеет условный характер, так как анализ деятельности кружков показывает, что на область знаний, являющуюся приоритетной, «нанизывались» другие дискутируемые проблемы. Постоянной темой в российских кружковых беседах XVIII в. были проблемы западной и отечественной литературы. В связи с этим деятельность кружков была ориентирована, во-первых, на чтение иностранных произведений разных жанров на языке оригинала с их последующим комментированием и оценкой на иностранном и русском языках. Например, Ф. Прокопович «знал стихи Вергилия, Горация, Авзония, Ювенала», «Кантемир к древним образцам прибавлял Буало», а «Татищев знал произведения Бэйля»⁴. В кружке И. А. Дмитревского с середины 60-х гг. XVIII в. начинается активное изучение «статей и пьес Дидро»⁵. А. П. Шувалов «хорошо знал произведения французских поэтов»⁶. Авторитетными текстами в кружке Н. А. Львова были произведения члена Французской академии, философа, филолога, аббата Ш. Бате⁷. В кружке Н. П. Николаева обсуждалось творчество Ж. Расина, Н. Буало, Вольтера⁸. На заседаниях у А. М. Каховского читались произведения Вольтера, К. А. Гельвеция, Ш.-Л. Монтескье⁹. Труды античных и современных французских классиков были основным предметом дискуссий в российских кружках XVIII в.

Чтение и обсуждение произведений на иностранных языках расширяло интеллектуальный кругозор участников кружков, способствовало накоплению их литературного опыта. Участники кружков предпринимали попытки написать собственные сочинения на иностранном языке. Сохранилось немало отзывов о французских произведениях графа А. П. Шувалова, графа С. П. Румянцева (кружок А. И. Мусина-Пушкина), статского советника В. В. Ханькова (кружок Я. Б. Княжнина), князя А. М. Белосельского (кружок А. С. Строганова). Так, в кружковом пространстве статья А. П. Шувалова «Lettre d'un jeune seigneur russe a M. de ***» «первоначально была прочитана на заседании существовавшего в Петербурге на рубеже 1750-х — 1760-х гг. литературного общества»¹⁰. Из-под пера С. П. Румянцева вышло много французских поэтических произведений («Топ

esprit sans se faire craindre», «Les Catherines», «La Vérité» и др.), получивших положительную оценку¹¹. Французское наследие В. В. Ханыкова насчитывает более тридцати стихотворений, написанных с «большим вкусом, тактом и искусством»¹². Можно предположить, что во время кружковых заседаний французские произведения А. М. Белосельского, посвященные композитору А. Э. М. Гретри (1774), стихотворения («Poésies françaises d'un prince étranger», 1784), философский этюд («Dianyologie, ou le Tableau philosophique de l'entendement», 1790) также являлись предметом дискуссий¹³.

Во-вторых, деятельность кружков была направлена на обсуждение переводов (художественной, нравоучительной, философской, научной, политической литературы). Например, увлечение Н. А. Львова лирикой Ф. Петрарки, Анакреона «передалось членам кружка: переведенные произведения стали источником вдохновения для кружкового творчества»¹⁴. Л. Е. Татаринова утверждает, что «басни И. И. Дмитриева с удовольствием читались в дворянских кружках. Он переводит французских авторов Лафонтена, Флориана»¹⁵. Г. П. Макогоненко считает, что в кружке И. А. Дмитриевского велась работа над переводами произведений Д. Дидро, и полагает, что «переводы читались и обсуждались приятелями»¹⁶.

Более того, в литературном кружковом пространстве проходили поэтические турниры, где участники старались превзойти друг друга в искусстве стихотворного переложения одного и того же текста. Например, в журнале кружка М. М. Хераскова «Вечера» в 1772—1773 гг. напечатаны три перевода псалма молитвы «Царь Небесный»¹⁷.

Кружковая деятельность XVIII в. ориентировалась не только на сам факт выполнения переводов, но и на то, как правильно их делать. Богатый фактический материал по этому вопросу содержится в «Словаре русских писателей XVIII века». Например, в предисловии к переводу трактата Ф. Кемпийского «О подражании Христу», выполненному советником А. Ф. Хрущевым (кружок А. П. Вольнского), излагались следующие методы перевода: «Переводил я не от слова до слова, то б была на русском языке французская книга, но изъяснил всякое авторово мнение простыми словами». Офицер С. И. Глебов (кружок Е. Р. Дашковой) «привлечен к сотрудничеству в журнале “Невинное упражнение”, первую книжку которого открыл его перевод из

Вольтера “О равенстве состояний” (ок. 1760) <...> Дашкова оценила перевод как столь отличный, что мало подобных на нашем языке найти можно». Драматург Д. И. Фонвизин (кружок И. П. Елагина) при переводе поэмы П.-Ж. Битобе «Иосиф» заявил: «Потребно держаться токмо важности славенского языка, но притом наблюдать и ясность». Сенатор П. Г. Дивов (кружок Г. Р. Державина) опубликовал перевод поэмы французского писателя Ф.-Ф. де Лорана де Рейка «На сотворение мира». О переводе сохранился отзыв участников кружка Г. Р. Державина: «При переводе он стремился к точной передаче священных чувствований, коими сия поема наполнена»¹⁸.

Особо следует подчеркнуть «теорию переложения иностранных сочинений на наши нравы», распространенную в кружке И. П. Елагина. Завсегдатаи кружка ратовали за то, что «речи, нравы, поведение персонажей, заимствованных из иностранных пьес, должны быть приведены в соответствие бытовым условиям русской жизни, русским нравам, русской речи»¹⁹. Следовательно, в кружках существовала тенденция к вольному переводу (широкое использование приема культурной адаптации). Н. М. Карамзин считал, что «славяно-русские переводы» кружка Елагина составили эпоху в развитии русской прозы²⁰.

Другая точка зрения на принципы перевода существовала в кружке Г. Р. Державина. Сенатор И. С. Захаров в предисловии к переводу романа Ф. Фенелона «Странствия Телемака, сына Улисса» писал, что необходимо «выступить против дерзновенных от подлинника отклонений, без галлицизмов». Более подробно эта переводческая «установка» рассмотрена И. С. Захаровым в труде «Рассуждение о переводе книг». Она направлена одновременно и против буквального «слово в слово и к чтению трудного», и против русифицированного (приблизительного) перевода «неверного и несходного с подлинником, но коего сложение гладко и удобно-понятно». Совершенный перевод «долженствует изобразить подлинник со всею верностью, то есть принять на себя точный смысл, а паче образ писания авторского», и соединить все это с «гладкостью слога». «Гладкость» И. С. Захаров рассматривал как реализацию теории «трех штилей» М. В. Ломоносова. Подобные переводческие принципы культивировались и в кружке Екатерины II (отказ

от буквального «словознаменительного» и вольного «слово-описательного» перевода): «Надлежит войти в дух подобных писателей, проникнуть тончайшим умопостижением порядок их мыслей и, сообразив все последствия умственности, дать расцвести рассудку в подобном слоге». Следовательно, в течение XVIII в. члены кружков ориентировались на дискуссии о принципах перевода: они ратовали и за вольный, и за эквивалентный перевод. Однако основными задачами переводческой кружковой деятельности были точность передачи смысла, соответствие нормам языка перевода, забота о художественном достоинстве переводного произведения.

В-третьих, огромное внимание уделялось комментированию произведений, написанных на русском языке. Для большей убедительности наших рассуждений приведем ряд примеров. На одном из собраний кружка И. И. Шувалов ознакомил своих гостей с одой Г. Р. Державина «Фелица». «Обедали у меня граф Безбородко, граф Завадовский, Стрелков и другие любители литературы; при разговоре, что у нас еще нет легкого и приятного стихотворства, я прочел им стихи ваши»²¹. Участники кружка М. М. Хераскова собирались раз в неделю для чтения своих произведений²². В. В. Капнист неоднократно читал комедию «Ябеда» в кружках Г. Р. Державина, Н. А. Львова²³.

Коллективные обсуждения произведений участников кружков сопровождалась коррекцией текста. «Хемницер много обязан чистотой слога своих басен Оленину и Н. А. Львову»²⁴. На рукописях стихотворений Г. Р. Державина имеется правка Н. А. Львова и В. В. Капниста²⁵. У М. М. Хераскова собирались поэты и «редко что выпускали в печать, не прочитавши предварительно ему»²⁶. Таким образом, шлифуя свои сочинения, участники кружков добивались звучности, легкости, плавности речи произведений, способствуя становлению норм литературного языка.

Произведения, созданные в «домашних обществах», выходили за рамки кружка и становились известными широкой публике. Во-первых, благодаря просветительской деятельности Екатерины II «широко практиковалось издание русских авторов за счет Кабинета е. и. в.» (сочинения статского советника М. И. Веревкина, перевод романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака», выполненный П. С. Железниковым²⁷).

Во-вторых, произведения распространялись благодаря журналам, издаваемым самими кружками. Например, при кружке Московского университета работал журнал «Собрания лучших сочинений», у Е. Р. Дашковой — «Невинное упражнение», у И. Г. Рахманинова — «Утренние часы» и «Почта духов», у М. М. Хераскова — «Вечера», «Полезное увеселение», «Свободные часы»²⁸.

В-третьих, благодаря сторонним публицистическим изданиям. В частности, издатели «С.-Петербургского вестника» привлекали к активному участию литераторов кружков Н. А. Львова, Г. Р. Державина; «Зерцало света» сотрудничало с Д. И. Фонвизиным, Г. Р. Державиным, В. В. Капнистом²⁹.

Таким образом, отличительной чертой российских кружков XVIII в. являлась связь с издательской деятельностью, посредством которой кружки способствовали популяризации полезных знаний, приобщению читателя к лучшим образцам европейской и отечественной литературы, развитию тонченного читательского вкуса.

Кружковое пространство имело большое значение не только как место формирования идей, но и как объединение, открывшее многих талантливых литераторов того времени (Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин и др.). Российские кружки XVIII в. подняли авторитет русской литературы в культурной и общественной жизни России. Они осуществляли связь русской литературы с европейской при помощи кружковых переводов, которые приобрели особую популярность. В какой-то мере благодаря кружковой переводческой деятельности в России стала известна не только античная, но и современная западная литература. Кружковая переводческая деятельность XVIII в. также способствовала дальнейшей разработке принципов перевода, осуществляемого в течение многих веков, а издательская кружковая деятельность — популяризации полезных знаний. Вне сомнения, кружки XVIII в. сыграли значительную роль в становлении норм русского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. С. 1730.

² См.: Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг.: Типогр. Акц. О-ва Типогр. Дела в Петрограде, 1917. 285 с.;

Заборин П.Р. Русско-французские поэты XVIII в. // Многоязычие и литературное творчество. Л.: Наука, 1981. С. 66—106; Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина: о деятельности кружка «любителей Российских древностей», конец XVIII — начало XIX вв. // Рус. rech'. 1988. № 2. С. 111—115; Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб.: Типогр. Императорской Академии Наук, 1869. 224 с.; Словарь русских писателей XVIII века: в 3 вып. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1988. Вып. 1. 372 с., 508 с. Вып. 3. 474 с.; Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопр. истории. 1952. № 9. С. 111—122.

³ См.: Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. С. 2; Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 32.

⁴ Пыпин А.Н. История русской литературы: в 4 т. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 3. С. 383, 347.

⁵ См.: Макогоненко Г.П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. С. 128.

⁶ Заборин П.Р. Русско-французские поэты XVIII в. С. 86.

⁷ См.: Словарь русских писателей XVIII века. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5420> (дата обращения: 03.08.2013).

⁸ См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 223.

⁹ См.: Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века. С. 118.

¹⁰ Заборин П.Р. Русско-французские поэты XVIII в. С. 75.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Там же. С. 86—89.

¹⁴ Глумов А. Н.А. Львов. М.: Искусство, 1980. С. 128—129.

¹⁵ Татаринова Л.Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. М.: МГУ, 1982. С. 329.

¹⁶ Макогоненко Г.П. Денис Фонвизин. Творческий путь. С. 129.

¹⁷ См.: Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. URL: <http://www.kinderbooks.ru/books/g-rannie/maikov-imena-drugikh-ucha> (дата обращения: 12.08.2013).

¹⁸ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 153, 174, 197, 242, 264, 306, 329; Вып. 3. С. 129, 310, 375.

¹⁹ Татаринова Л.Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. С. 179.

²⁰ См.: Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: АCADEMIA, 1935. С. 29.

²¹ Художественное своеобразие оды Гавриила Державина «Фелица». URL: <http://school-essay.ru/xudozhestvennoe-svoebrazie-ody-gavriila-derzhavina-felica.html> (дата обращения: 12.05.2012).

²² См.: Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М.: Гос. учеб.-педагогич. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1945. С. 277.

²³ См.: Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Л.: Лениздат, 1983. С. 24—25.

²⁴ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 167.

²⁵ См.: Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. С. 430.

²⁶ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 161.

²⁷ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 298, 149, 315.

²⁸ Там же. С. 34, 350.

²⁹ Там же. С. 281.

Поступила 23.09.2013.

REFERENCES

¹ Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. T. 5. S. 1730.

² См.: Vernadskij G.V. Russkoe masonstvo v carstvovanie Ekateriny II. Pg.: Tipogr. Akc. O-va Tipogr. Dela v Petrograde, 1917. 285 s.; Zaborin P.R. Russko-francuzskie poety XVIII v. // Mnogojazychie i literaturnoe tvorcestvo. L.: Nauka, 1981. S. 66—106; Kozlov V.P. Kruzok A.I. Musina-Pushkina: o dejatel'nosti kruzka «ljubitelej Rossijskih drevnostej», konec XVIII — nachalo XIX vv. // Rus. rech'. 1988. № 2. S. 111—115; Pekarskij P.P. Dopolnenija k istorii masonstva v Rossii XVIII stoletija. SPb.: Tipogr. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1869. 224 s.; Slovar' russkih pisatelej XVIII veka: v 3 vyp. L.: Nauka. Leningr. otd., 1988. Vyp. 1. 372 s., 508 s. Vyp. 3. 474 s.; Snytko T.G. Novye materialy po istorii obshhestvennogo dvizhenija konca XVIII veka // Vopr. istorii. 1952. № 9. S. 111—122.

³ См.: Pekarskij P.P. Dopolnenija k istorii masonstva v Rossii XVIII stoletija. S. 2; Vernadskij G.V. Russkoe masonstvo v carstvovanie Ekateriny II. S. 32.

⁴ Пыпин А.Н. История русской литературы: в 4 т. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 3. С. 383, 347.

⁵ См.: Makogonenko G.P. Denis Fonvizin. Tvorcheskij put'. M.; L.: Gos. izd-vo hud. lit., 1961. S. 128.

⁶ Zaborin P.R. Russko-francuzskie poety XVIII v. S. 86.

⁷ См.: Slovar' russkih pisatelej XVIII veka. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5420> (дата обращения: 03.08.2013).

⁸ См.: Slovar' russkih pisatelej XVIII veka. Vyp. 1. S. 223.

⁹ См.: Snytko T.G. Novye materialy po istorii obshhestvennogo dvizhenija konca XVIII veka. S. 118.

¹⁰ Zaborin P.R. Russko-francuzskie poety XVIII v. S. 75.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Там же. С. 86—89.

¹⁴ Glumov A. N.A. L'vov. M.: Iskusstvo, 1980. S. 128—129.

¹⁵ Tatarinova L.E. Istorija russkoj literatury i zhurnalistiki XVIII veka. M.: MGU, 1982. S. 329.

¹⁶ Makogonenko G.P. Denis Fonvizin. Tvorcheskij put'. S. 129.

¹⁷ См.: Rannie raboty po istorii russkoj poezii XVIII veka. URL: <http://www.kinderbooks.ru/books/g-rannie/maikov-imena-drugikh-ucha> (дата обращения: 12.08.2013).

¹⁸ Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. Vyp. 1. S. 153, 174, 197, 242, 264, 306, 329; Vyp. 3. S. 129, 310, 375.

¹⁹ Tatarinova L.E. Istorija russkoj literatury i zhurnalistiki XVIII veka. S. 179.

²⁰ Sm.: Vinogradov V.V. Jazyk Pushkina. Pushkin i istorija russkogo literaturnogo jazyka. M.; L.: ACADEMIA, 1935. S. 29.

²¹ Hudozhestvennoe svoeobrazie ody Gavriila Derzhavina «Felica». URL: <http://school-essay.ru/xudozhestvennoe-svoeobrazie-ody-gavriila-derzhavina-felica.html> (data obrashhenija: 12.05.2012).

²² Sm.: Blagoj D.D. Istorija russkoj literatury XVIII veka. M.: Gos. ucheb.-pedagogich. izd-vo Narkomprosa RSFSR, 1945. S. 277.

²³ Sm.: Timofeev L.V. V krugu družej i muz. L.: Lenizdat, 1983. S. 24—25.

²⁴ Dmitriev M.A. Melochi iz zapasa moej pamjati. M.: Mosk. rabochij, 1985. S. 167.

²⁵ Sm.: Blagoj D.D. Istorija russkoj literatury XVIII veka. S. 430.

²⁶ Dmitriev M.A. Melochi iz zapasa moej pamjati. S. 161.

²⁷ Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. Vyp. 1. S. 298, 149, 315.

²⁸ Tam zhe. S. 34, 350.

²⁹ Tam zhe. S. 281.

E. A. Skopstova. Discussions on Literature in the Cultural Space of Russian Coterie in the XVIII Century

An essential part in the cultural heritage in Russia is closely connected with the coterie history. Coterie meetings in the XVIII century were the period for «poetical» high society behaviour orientated on the compulsory discussion of the issue of domestic and foreign literature.

Coterie space was important not only as the place for the formation of ideas but also as an association brought up many talented writers of the period (D. I. Fonvisin, G. R. Derzhavin, N. M. Karamzin). Russia coterie in the XVIII century raised the authority of the Russian literature in the cultural and public life of Russia. In the XVIII century the connection of the Russian literature with European literatures by means of coterie translations gained a special intensity. To some extent thanks to the coterie translation activity not only Antique but also Western literature became famous in Russia. Coterie translation activity in the XVIII century promoted further development of translation principles carried out by interpreters through many centuries. Editing coterie activity promoted the popularisation of useful knowledge. So coterie in the XVIII century played the important role in the formation of norms of the Russian literary language.

SKOPSTOVA Ekaterina A., candidate of Chair of the Theory of Speech and Translation of Mordovia National Research State University.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ»

21 ноября 2012 г. в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете в рамках Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Музыкальная культура финно-угорских народов: проблемы изучения, сохранения и преемственности» состоялся круглый стол, цель которого заключалась в обсуждении теоретических и практических проблем, связанных с бытованием музыкального фольклора в условиях полиэтнического культурного пространства; вопросов национального музыкального образования и воспитания в финно-угорском мире; обмена позитивным опытом по сохранению и изучению культурного наследия финно-угров. Обозначенная проблематика позволила определить основные направления работы круглого стола: музыкальная культура финно-угорских народов: изучение, сохранение и перспективы развития; народная музыка в современной образовательной и исполнительской практике; фольклорные истоки в композиторском творчестве: проблема интерпретации.

Музыкальная культура финно-угорских народов: изучение, сохранение и перспективы развития

Ж. Пяртлас,

старший научный сотрудник
Эстонской академии музыки и театра,
кандидат искусствоведения (г. Таллин)

Звуковысотный строй и манера пения как социальные маркеры в песенной традиции сету в юго-восточной Эстонии

Традиционная вокальная музыка народов обладает специфическим звуковым колоритом, который часто называют «этническим звукоидеалом». Он является этническим и социальным маркером традиционного общества и составляет важную часть его культурного идентитета. Традиционный звукоидеал имеет определенные тембровые, громкостные и

звукорядные характеристики и зависит от таких факторов исполнения, как способ звукоизвлечения, тембр голоса, артикуляция, звукорядный строй и т. п.

Наше внимание сосредоточено на двух компонентах этнического звукоидеала народности сету в юго-восточной Эстонии: звукорядном строе и тембровых характеристиках пения. Методология исследования включает акустический анализ многоканальных записей разных лет и эксперимент восприятия, проведенный с носителями изучаемой традиции. Цель исследования — проследить процесс изменения этнического звукоидеала сету на рубеже XX—XXI вв. и показать его функционирование в качестве социального маркера.

Для акустического анализа и эксперимента восприятия выбрана свадебная песня *Hähkämīnō*, которая принадлежит к древним песням, основанным на звукоряде «полутон-полуторатон» (*d-es-fis-g-ais-h*). Анализ записей разных лет показал, что в течение последних десятилетий произошла диатонизация напевов этого слоя. Изменилась и манера пения: вместо традиционного напряженного и несколько нозального звукоизвлечения появилась более мягкая манера пения, понизился регистр исполнения, замедлился темп. При этом разные манеры исполнения и разный строй сосуществуют в пределах одной локальной традиции (деревни) и характеризуют пение женщин разного возраста. Традиционный певческий стиль характерен для пения очень пожилых и юных певиц. Представители среднего поколения применяют диатонические варианты напевов, используя мягкую манеру звукоизвлечения.

Эксперимент восприятия, проведенный с пожилыми певицами, дал неожиданные результаты. Он показал, что певицы не различают на слух вариантов напева, основанных на звукорядах разной структуры («полутон-полуторатон» и диатоника), а также предпочитают мягкую манеру пения, хотя сами поют в старой напряженной манере и используют лишь слегка диатонизированный лад «полутон-полуторатон». Это свидетельствует о том, что изменения в стиле пения сету связаны не только с потерей традиционных певческих навыков, но и с изменением самого этнического звукоидеала. В то же время часть молодых певиц сознательно культивирует старую манеру пения и звукорядный строй, что говорит о сосуществовании разных звукоидеалов

в современной песенной традиции сету и дает надежду на возрождение в будущем своеобразного стиля вокального многоголосия этой народности.

С. А. Исаева,
заведующая кафедрой народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат культурологии, доцент

Функционирование финно-угорской музыкальной культуры в современном социокультурном пространстве

Фольклорное музыкальное наследие представляет собой многомерную сферу национальной и общемировой культуры, компоненты которой функционируют в диалектическом единстве. Многовековая история развития музыкальной культуры показывает, что народные традиции способствовали формированию массовых видов художественной самодетельности, композиторскому и концертно-исполнительскому искусству. Фольклор и в настоящее время оказывает значительное влияние на их развитие: возникают новые формы его творческого освоения, появляются оригинальные стилевые направления в композиторском творчестве и исполнительской практике.

В развитии фольклора можно наблюдать две тенденции, определяющие характер его функционирования в современном социокультурном пространстве. Во-первых, в той среде, в которой у фольклора своя естественная жизнь, первоочередной задачей является его сохранение без внешнего вмешательства. Обязанностью исследователей в данном случае становится фиксация, запись и ознакомление с образцами народного музыкального творчества. Во-вторых, там, где процесс угасания традиционного фольклора неизбежен и необратим, его сохранение в современных условиях возможно посредством профессионального и самодетельного творчества, а также в виде вторичных фольклорных форм (фольклоризм).

Следует отметить, что в настоящее время в обществе достигнуто понимание того, что возрождение народов невозможно без сохранения и творческого освоения национальных духовных ценностей. В последние годы активизировалось

взаимодействие финно-угорских народов, обладающих своеобразным видением мира, самобытной культурой. И. Рюйтел отмечает: «В культурной ситуации современных финно-угорских народов проблемы национального идентитета и сохранения нации, а также проблемы развития культуры неотделимы друг от друга. В широком контексте сохранение и развитие финно-угорских культур связывается с более общей идеей национального и культурного плюрализма как источника богатства и разнообразия всей мировой культуры»¹.

В соответствии с Посланием Президента Российской Федерации от 22 декабря 2011 г., а также его Указом «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. особое внимание в ближайшее время будет уделяться сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России, совершенствованию системы подготовки национальных кадров в сфере культуры. В связи с этим актуально исследование процессов современного бытования и развития народной музыкальной культуры, методов ее сохранения в современной композиторской, исполнительской и образовательной практике. При этом финно-угорская музыкальная культура выступает как интегративный феномен, аккумулирующий в себе научный, образовательный и творческий потенциал.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Рюйтел И. Изучение финно-угорской народной музыки в Эстонии // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 280.

И. А. Галкина,
преподаватель Музыкальной гимназии Аравиппу,
кандидат искусствоведения (г. Ларнака, Республика Кипр)

Б. С. Урицкая и музыкальная культура Мордовии

Важные задачи современного финно-угроведения — изучение жизни и деятельности ученых, людей творческих профессий, внесших значительный вклад в становление и развитие науки и культуры финно-угорских народов. Одним из ярких представителей музыкальной культуры Мордовии является Б. С. Урицкая (1907—1989).

Она хорошо известна в России как музыковед, а также как автор книги «Ромен Роллан — музыкант» (1974), переводов с французского труда Р. Роллана «Последние квартеты Бетховена» (1976) и статей о музыке Э. Ансерме (1986). Выпускница Ленинградской консерватории (она окончила класс фортепиано И. С. Миклашевской), аспирантка Государственной академии искусствознания Б. С. Урицкая оказалась в г. Саранске в силу трагических жизненных обстоятельств: после 5 лет (1938—1943 гг.) заключения в Темлаге НКВД ей, «члену семьи изменника Родины», запрещалось проживать в больших городах. Период жизни Б. С. Урицкой в Саранске охватывает 14 лет — с 1947 по 1961 г., но именно здесь она ярко проявила себя во всех сферах музыковедческой деятельности: науке, музыкальной критике, педагогике и просветительстве.

«Мне хотелось бы принести пользу мордовскому народу, где я живу и работаю», — написала Б. С. Урицкая своему учителю Х. С. Кушнареву через год после приезда в Саранск¹. Позже она в полной мере осуществила желаемое. Она многое успела сделать за короткий период пребывания в Саранске. Например, в числе первых она опубликовала во всесоюзном издании статьи, посвященные анализу мордовской народной песни². Именно Б. С. Урицкая написала «первую главу» истории мордовской профессиональной музыки в очерке «Музыкальная культура Мордовской АССР»³, сделала первые «наброски» творческих портретов композиторов Мордовии. Будучи одним из первых музыкальных просветителей республики, она способствовала тому, чтобы музыка Мордовии стала известна не только специалистам-музыкантам, но и широкому кругу любителей искусства, в том числе подрастающему поколению, детям. Продолжая традиции своих учителей, Б. С. Урицкая показала тот уровень профессиональной культуры, к которому необходимо стремиться педагогу-музыканту, о чем ярко свидетельствуют достижения ее учеников⁴. Все перечисленное позволяет считать Б. С. Урицкую основоположником музыковедения Мордовии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КР РИИИ. Ф. 127. Оп. 1. Дело Берты Соломоновны Урицкой. Ед. хр. 22. Письмо Б.С. Урицкой к Х.С. Кушнареву. Черновик.

² См.: Мордовская народная песня // Сов. музыка. 1950. № 2. С. 55—57; Национальная система интонирования // Там же. 1952. № 6. С. 65—67; Урицкая Б.С. О некоторых чертах мордовской многоголосной песни // Проблемы музыкального фольклора народов СССР / сост. и ред. И.И. Земцовский. М.: Сов. композитор, 1973. С. 147—155.

³ См.: Музыкальная культура Мордовской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М., 1957. С. 227—244.

⁴ См.: Макарова А.И. Спасибо тебе за память // Странник. 2012. № 2. С. 198—206.

Н. И. Бояркин,
профессор кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
доктор искусствоведения

Мордовские обрядовые программные наигрыши, связанные с культурами деревьев и воды

Из символически программных наигрышей озксов (от озномс — молиться, поклоняться), связанных с культурами деревьев, до нас дошли в различных инструментальных тембрах лишь произведения о березе и липе. Образы этих священных для мордвы деревьев широко представлены в традиционной песенной поэзии, звучавшей в прошлом в тех же озксах. Это позволяет говорить об их общих исторических и мифологических корнях. В этих песнях нашли отражение древние концепции строения мира. Например, в образе березы (традиционного объекта поклонения мордвы) прослеживаются представления о «мировом древе», имеющие параллели в поэзии многих финно-угорских и других народов. В мордовском фольклоре священное дерево олицетворяет взаимосвязь трех миров: его корни уходят в подземный мир, отождествляемый в народных верованиях с миром умерших, миром предков; крона находится в мире мифологических покровителей; ствол располагается в земном мире: он соединяет миры покровителей и предков. Песни о березе в наши дни бытуют именно в тех селах, в которых до сих пор сохранились программные наигрыши «Келу» («Береза»).

По музыкально-стилевым особенностям и манере интонирования программная инструментальная музыка, связанная с анимистическим культом священных деревьев, делится на

два вида наигрышей (плясовые и протяжные), по характеру близких напевам протяжных мифологических песен. К последнему виду примыкают пьесы вокально-инструментальной музыки, которые тематически соотносятся с анимистическим культом деревьев. Оба вида — ритмически упругие плясовые и протяжные наигрыши (а также примыкающие к ним протяжные песни гимнического характера, интонируемые совместно с музыкальными инструментами) обращены к одному и тому же объекту, но, как видим, составляют оппозицию. Этим уравновешивается композиция озксса и во многом создается его драматургия. В современной мордовской деревне из приведенных видов инструментальной музыки хорошо сохранились плясовые наигрыши (в меньшей степени — протяжные). Вокально-инструментальные произведения, имеющие старые программные названия, интонируются уже без инструментального сопровождения.

К символическим программным наигрышам, связанным с анимистическими культурами, относятся также плясовые наигрыши «Ведяват» (от ведь — вода и ава — женщина, мать). Образ этой мифологической покровительницы воды, брака и чадородия многозначен. В свадебных озксах, содержащих, кроме обрядовых действий, молебные песни и ритуальные плясовые наигрыши, наряду с карпогонической магией (умилостивление покровительницы) имеют место элементы катартической магии (очищение после первой брачной ночи). Ведява выступает как носительница плодородия, ее просят дать здоровье и многочисленное потомство, приносят ей жертву (бросают в воду хлеб, льют пиво), задабривают ритуальной пляской под игру на пуваме/фаме (волынке), нюди (двойном кларнете), а позднее и на гарзе (это один из родов скрипки). В весеннем обряде девушек, проводимом в период ледохода, ее молят об обуздании раскрепощенных сил природы, накопленных за время зимы. В волшебных сказках, легендах и быличках она наделяется свойством насыпать порчу. Своей песней она околдовывает молодого пастуха, заводит его в непроходимое болото.

Наигрыши «Ведяват» до настоящего времени сохранились лишь в небольшом количестве образцов. С разрушением озкссов они не исчезли бесследно и перешли, как и многие другие ритуальные плясовые наигрыши, в необрядовую танцевальную музыку, изменив общую функцию и частично

свой музыкальный строй в соответствии с техническими свойствами новых, более совершенных, заимствованных инструментов.

Л. Б. Бояркина,
профессор кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат искусствоведения

Литературные тексты музыкальных сочинений композиторов Мордовии

Мордовская письменная поэзия тесно связана с устным народным творчеством. Ее первые ростки появились еще на рубеже XVIII—XIX вв. Ученые связывают это с изданием в 1787 г. в Москве книги «Торжество Нижегородской семинарии о вступлении на престол императрицы Екатерины Алексеевны», в которую вошли «стихотворные тексты, речи, комплименты на родных языках».

Литературный процесс второй половины XIX в. в основном связан с записью и публикацией народно-песенных текстов (А. Ф. Юртов, М. Е. Евсевьев, Х. Паасонен и др.), а также их авторских версий в исполнении певцов-импровизаторов (И. Цыбин, И. Зорин, Т. Завражнов, С. Ларионов, В. Савкин, Р. Учаев, С. Чигин, А. Шувалов и др.). Первые самостоятельные хоры и песни на стихи мордовских поэтов З. Ф. Дорофеева, Ф. М. Чеснокова, М. П. Герасимова и др. появились в 20-е гг. XX в. и связаны с деятельностью основоположников мордовской профессиональной музыки Л. П. Кирюкова, И. П. Пономарькова, А. А. Тряпкина.

В своих основных идейно-тематических и стилевых направлениях мордовская песенная поэзия сформировалась в 30—50-х гг. XX в. Весомый вклад в развитие песенно-хоровой поэзии внесли И. П. Кривошеев, А. М. Моро, М. А. Бебан, П. У. Гайни, А. К. Мартынов, Н. Л. Эркай, С. Е. Вечканов, П. С. Кириллов и др. Основное место в песенной поэзии этого периода занимало творчество И. Е. Кривошеевой и Ф. И. Беззубовой. В это время появились и первые либретто. Их создали поэты: Я. П. Григошин — для оперы Д. М. Мелких «Эрмезь» (произведение не было окончено), П. С. Кириллов — для музыкальной драмы Л. П. Кирюкова

«Литова», А. Д. Куторкин — для оперы Л. П. Кирюкова «Несмеян и Ламзурь» и др. Мордовская песенная поэзия стала поэтической основой и для крупных вокально-хоровых сочинений: «Торжественной кантаты» М. И. Душского на слова Ф. И. Беззубовой; кантаты для хора, солистов и оркестра «Край родной» Л. И. Воинова на слова Н. Эркай; кантат Л. П. Кирюкова на слова П. У. Гайни, И. П. Кривошеева, посвященных юбилеям Октября, комсомола и т. п.

Заметный вклад в песенную поэзию второй половины XX в. внесли Ф. С. Атянин, С. А. Самошкин, А. С. Малькин, И. М. Девин, И. А. Калинин, Р. С. Кемайкина, А. М. Доронин, Н. А. Снегирев, В. Я. Бардин, А. И. Пудин, П. К. Любаев и др. Плодотворно развивалась песенная поэзия на русском языке. На стихи И. Д. Пиняева, П. Н. Черняева, Б. С. Соколова, А. Н. Терентьева, В. Ю. Юшкина и др. создано большое количество произведений в вокально-симфонических жанрах. Многие мордовские поэты были исполнителями своих сочинений: они использовали традиционные напевы и собственные мелодии. Таким дарованием обладали И. П. Кривошеев, А. М. Моро, П. У. Гайни, Ф. С. Атянин, А. С. Малькин, А. У. Эскин, С. М. Люлякина и др. Исполнителями своих стихов-песен являются поэты А. В. Арапов, Н. Н. Балашкин. Они создали свой оригинальный музыкально-исполнительский стиль.

Таким образом, развитие вокально-хоровой музыки Мордовии неотделимо от русской классической и современной поэзии. Русская поэзия обогащает образно-тематическое содержание мордовской песенной и хоровой музыки, приобщает к традициям русской поэтической культуры.

И. Е. Молоствовва,
доцент кафедры музыкального образования
Мордовского государственного педагогического института,
кандидат педагогических наук

Пластические миры мордовского композитора Н. В. Кошелевой

Музыка Н. В. Кошелевой поражает своей почти зримой достоверностью и внутренней проникновенностью. Ее музыкальные сочинения — пример глубинного экзистенциального художественно-содержательного взаимодействия художественного образа и этнически достоверного музыкального

языка. Взаимодействие базируется на смысловом единстве невербальных информационных систем, составляющих основу различных видов искусства: интонации, жеста, мимики. Это ведет к появлению почти визуально воспринимаемой «пластики» музыки национального мордовского композитора. Суть этой пластики заключается в этнически ориентированной мелодике, которая может быть адекватна линии жеста, живописного штриха, очертаниям скульптуры.

Симфоническая сюита по скульптурам С. Д. Эрзы «Женские портреты» (2001) — яркий пример воплощения этномызыкального пластического мышления композитора. Обращение Н. В. Кошелевой к творчеству С. Д. Эрзы далеко не случайно. Его работы несут в себе неотъемлемые качества музыкального искусства: движение и его характер, ритм, мелодическую текучесть линий и очертаний пластических форм, полифоничность психологических состояний. Его женские скульптурные портреты называют воплощенной музыкой.

В каждой из четырех частей цикла даны различные олицетворения женского начала. Радостное, юное созерцание и переживание мира пьесы «Утро» выражено в идее «круговращения», творчески претворенной в специфической интонационности, характерной для народной мордовской песенности с ее трихордовыми и тетрахордовыми оборотами в рамках пентатонного звукоряда. Вальсообразное движение в «Юности» сочетается с элементами народного танца. В пьесе «Любовь» дано *quasi*-визуализированное воплощение сольного хореографического *adagio*, переходящего в психологический дуэт влюбленных. Заключительная часть «Портрет матери» основана на принципе организации музыкальной ткани, связанном с народным мордовским многоголосием: вертикаль образуется в результате одновременного звучания основного напева и подголосков, свободно развивающихся в музыкальном пространстве.

В целом в цикле «Женские портреты» Н. В. Кошелевой ярко показан один из важных даров композитора-профессионала — мелодическое мастерство, в котором пластика человеческого тела нашла этномызыкальное воплощение в стилистике мордовской народной песни и танца.

Л. Р. Мухаева,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат культурологии

Деятельность диаспор по сохранению родной культуры

В Республике Мордовия проживает лишь одна треть мордвы. Диаспора расселена по всей России и за ее пределами. В настоящее время в 12 регионах России действуют национально-культурные автономии мордовского народа, работают более 50 национально-культурных обществ. Самое большое их количество (21) функционирует в Ульяновской области (в Самарской области — 12, в Москве и Московской области — 11, в Пензенской области — 8, в Республике Татарстан — 5 и др.). Целенаправленное решение вопросов удовлетворения национально-духовных потребностей мордовского народа за пределами малой родины во многом зависит от активной деятельности диаспоры в различных сферах жизни общества.

Политическое, экономическое, культурное влияние столицы России на страну огромно. Это возлагает особую ответственность на работу мордовской диаспоры в Москве. Еще в 1920—1930-х гг., когда в СССР формировались автономные республики и округа, в крупных городах страны создавались национально-культурные общества (НКО) проживающих в них представителей разных народов. В эти годы было учреждено НКО эрзы и мокши «Сыргозема» («Пробуждение»), которое своими задачами ставило подьем культурного уровня членов эрзя-мокшанской диаспоры, их включение в полноценную трудовую и общественную жизнь, содействие сохранению мордовской культуры. Аналогичные задачи стояли и перед вновь созданным в период перестройки, в 1989 г., городским добровольным обществом мордовской культуры «Масторава».

В настоящее время в Москве и Московской области действует ряд общественных организаций: «Региональная национально-культурная автономия мордвы Московской области», общество мордовской культуры «Масторава» и региональная общественная организация «Эрзянь вайгель»

(«Голос эрзи»). Между ними и Мордовией налажены прочные культурные, экономические и др. связи, развитие которых стало одной из актуальных задач национальных общин и органов государственной власти. Деятельность организаций, направленная на осуществление научно-исследовательских работ в области истории, этнографии, языка, литературы и искусства мордвы, способствует участию ее членов в научных и культурных программах в России и за рубежом. Таким образом, землячества, национально-культурные центры мордвы в разных регионах России и за ее пределами объединяют общественные силы различного статуса и уровня, которые решают проблемы возрождения языка и культуры, национального самосознания мордовского народа.

Народная музыка в современной образовательной и исполнительской практике

М. Г. Хрущева,
доцент кафедры теории и истории музыки
Астраханской государственной консерватории (академии),
кандидат искусствоведения (г. Астрахань)

К проблеме психологии исполнителей — носителей традиционного песенного фольклора

Почти полувековой экспедиционный и исследовательский опыт побуждает сопоставлять условия бытования музыкального фольклора в обозримом историческом времени и поставить вопрос «Что в настоящее время можно считать традиционным музыкальным фольклором, а что — современным»? Эта проблема до сих пор остается дискуссионной.

Исполнители являются носителями музыкальных, в том числе песенных традиций. На наш взгляд, если стабильна этническая музыкальная, эстетическая среда, то стабильна и психология носителей традиции («поем, как наши деды и прадеды пели»). Здесь действуют самоохранительные «механизмы» традиции, имеющие глубокие этногенетические корни (личностная этногенетическая музыкальная память, заложенная в генетическую структуру души). Это психологическое состояние можно обозначить как преемственно-традиционное и бесконфликтное проявление личного внутри

устойчивой музыкально-эстетической сферы. Наверное, именно этот многовековой этап гармонии личности и среды, естественности и традиционности — явление традиционного фольклора. Следующий этап, повлиявший на психологию исполнителей, можно назвать «корректирующим вторжением», первыми ростками фольклоризма (т. е. исполнение традиционных песен на сцене в сельских клубах уже на уровне «клубной самодеятельности», что наблюдалось в середине XX в.). «Поставленные» песни отличались отсутствием обычной вариационности, тогда как весь остальной репертуар отдельных певцов и певческих деревенских групп не подвергался изменениям в стиле, манере исполнения. Трансляция даже композиторских песен по радио не влияла столь заметно: полюбившиеся мелодии, песни принимались в свою среду и «подлаживались» под бытующий в местности стиль, манеру исполнения. Композиторские мелодии становились песенными напевами. Наиболее «конфликтный» период — последующие стадии фольклоризма (вопрос о его подробной классификации давно назрел). Но средой для него стали город и пригород, тогда как в сельской местности этому разрушительному процессу подвержены далеко не все. Сопоставляя материалы различных экспедиций по регионам, полагаем, что именно финно-угорские этносы до сих пор сохраняют свой традиционный музыкальный фольклор.

Т. Н. Гулая,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат культурологии

Обработки и аранжировки композиторов Мордовии для детей

Мордовская народная песня в исполнении детских вокальных коллективов органично включена в процесс приобщения и передачи из поколения в поколение ценностей традиционного культурного наследия мордовского народа. Творчество композиторов Мордовии, создающих аранжировки и обработки народно-песенного фольклора для детей, является составляющей этого процесса и способствует формированию национального самосознания.

Освоение фольклора детским вокальным коллективом начинается с создания руководителем исполнительской аранжировки народной песни для конкретного состава. Композиторы руководствуются возрастным исполнительским потенциалом, включающим как вокальные способности, так и возможности постижения художественно-смыслового содержания, не противоречащего детскому восприятию окружающего мира. Репертуарные обработки и аранжировки песен для детей композиторов Мордовии — это оригинальные произведения, демонстрирующие музыкально-поэтический колорит традиционного фольклора. Сочинения песенных жанров отличает ярко выраженный интонационный фонд, основанный на народной (мокшанской, эрзянской) мелодике, ладовой оригинальности, характерных ритмоформулах.

Для авторских обработок и аранжировок народных песен для детей характерна ярко выраженная жанровая принадлежность. Так, игровое и танцевальное начало обработки плясовой эрзянской народной песни «Кавто церат тикше ледить» (Два парня сено косят) Г. И. Сураева-Королёва является определяющим для привлечения ее в детский репертуар.

В триптихе для детского хора «Минек масторсо» («На нашей земле») Н. В. Кошелевой представлены различные жанры народной музыки с цитированием первоисточников: протяжная (I часть), плясовая «Луганяса келуня» («Во поле березонька») (II часть), игровая «Ай, шякшата, шякшата» («Ай, дятел, дятел») (III часть) песни. В репертуар детского коллектива также могут быть включены две обработки мордовских народных песен этого автора — «Каляда» («Колыда») и «Катоня» («Кошечка»).

Мастерство интонационного воплощения образно-эмоционального содержания представлено в аранжировках для детского хора с фортепиано «Иисус, коснись ты нас» и «Кто создал цветок?» Г. Г. Вдовина. Для создания художественного образа композитор использует одноголосное изложение мелодии, развертывающейся в объеме квинты; простую ритмику; аккомпанемент, дублирующий вокальную партию.

Н. И. Бояркин принадлежит к числу немногих авторов, создающих хоровые обработки таких произведений детского фольклора, как колыбельные песни и потешки. Так, «Поэяра» в обработке композитора сохраняет жанровую определен-

ность первоисточника, а театральное-сценическое воплощение сочинения может сопровождаться игрой на традиционных народных инструментах: фаме, гарзе, шавоме, бубне.

В обработках и аранжировках обнаруживается новаторский характер творчества композиторов Мордовии, профессионально синтезирующих традиционные и современные средства музыкальной выразительности, а народные песни в исполнении детей предстают как многогранное явление в поликультурном музыкальном пространстве республики.

Е. В. Герасимова,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Творчество Л. П. Кирюкова в педагогической практике учебных заведений Мордовии

Л. П. Кирюков — первый национальный композитор, солист и исследователь мордовского фольклора, хоровой дирижер, педагог, музыкальный общественный деятель. С его именем связано зарождение и становление профессиональных музыкальных традиций, мордовской композиторской школы, музыкального образования, исполнительства и просветительства. Образцы его театральной, камерно-инструментальной, вокальной и хоровой музыки, введенные в образовательный процесс, педагогически целесообразны. Особенно важны они в музыкально-эстетическом, нравственном воспитании молодежи, ее приобщении к истории и культуре мордовского народа.

Музыка Л. П. Кирюкова вводит слушателей и исполнителей в мир народного музыкального творчества, сольного и ансамблево-хорового исполнительства, народных игр, плясок и театрализаций, обрядов и праздников. Ярко и гармонично произведения композитора воспринимаются в контексте современного поликультурного пространства России и зарубежья и способствуют выявлению диалоговых связей финно-угорских, славянских и тюркских этносов, воспитанию уважительного отношения к искусству других народов.

Введению творчества Л. П. Кирюкова в концертно-исполнительскую и художественно-педагогическую практику способствовало издание его записей, обработок и аранжировок народных песен, а также авторских сочинений в

нотных собраниях 30—60-х гг. XX в. («Мокш-эрзянь морот», «Мокша-мордовские песни» и др.). На рубеже XX—XXI вв. изданы сборники «Хоровые произведения», клави́р музыкальной драмы «Литова», цикл «Одиннадцать фортепианных миниатюр», ряд учебно-методических пособий, содержащих избранные произведения композитора¹.

Расширению научной и методической базы музыкального образования способствовали появившиеся в советское время грампластинки и фонозаписи музыки Л. П. Кирюкова. Большую роль в пропаганде творчества композитора играют мордовская музыкальная фольклористика и музыковедение, творческие коллективы, певцы и музыканты-инструменталисты, художественная самодеятельность. Творчество композитора составляет содержательную часть национально ориентированного обучения в образовательных учреждениях Мордовии всех типов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Одинокова Т.И. Мордовский музыкальный фольклор в школе. Саранск, 2004. 424 с.; Педагогический репертуар для фортепиано мордовских композиторов: учеб. материалы для студентов пед. факультета / сост. И.С. Кобозева. Саранск, 1990. Ч. II. 57 с.; Гулая Т.Н., Исаева С.А. Полифонические произведения композиторов Мордовии: педагогический репертуар. Саранск, 2007. 43 с.

Э. Н. Киласония,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета,
кандидат искусствоведения

Музыкальный фольклор как средство воспитания детей

В настоящее время возрождается интерес к музыкальному фольклору, который всегда был средством духовного воспитания личности. Фольклор — не статичное искусство, а подвижное явление. При каждом новом звучании рождается оригинальный вариант исполнения той или иной песни, наигрыша. Изустность фольклора предполагает его варьированность, импровизационность, что становится важным выразительным средством. Синкретизм фольклора подразумевает органичное соединение музыки (вокальной и инструментальной), поэзии, танца и других видов искусства.

В последние десятилетия большую популярность в Мордовии приобретают фольклорные коллективы, опирающиеся на традиции музыкальной культуры финно-угорских (мордовских) народов. Создаются этноцентры, в которых дети разного возраста занимаются сбором и исследованием песенных и инструментальных образцов. В последние годы одним из основных в Мордовии стал Детский этнокультурный центр при Детской музыкальной школе № 1 г. Саранска, образованный в 2008 г. Руководитель этноцентра тесно сотрудничает с мордовской, татарской и другими диаспорами, официально зарегистрированными на территории г. Саранска.

В этом коллективе занимаются дети разных возрастов, что создает особую творческую обстановку. Музыкальный материал, избранный для интерпретации (фрагменты обрядового фольклора, песни), позволил использовать хоровое и сольное исполнение. В процессе музыкально-драматического воплощения фрагментов обрядового фольклора школьники расширили свои познания в области традиционной музыкальной культуры мордвы и родственных народов, усовершенствовали свой художественно-эстетический вкус, усвоили лучшие образцы искусства.

Таким образом, деятельность этнокультурного центра направлена на объединение детей различных национальностей, при этом фольклор выступает как универсальный язык общения разных этносов, преодолевающий стереотипы сознания и выступающий важным средством воспитания детей.

Ю. Л. Колесникова,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Становление творческого стиля студентов в процессе овладения навыками народно-хорового исполнительства

Проблемы развития творческого стиля профессиональной деятельности привлекают внимание многих исследователей. Большое значение эта проблема имеет для вузовского музыкального образования. Практика работы со студентами Института национальной культуры Национального исследовательского Мордовского государственного университета показала, что процесс овладения навыками народно-хорового

исполнительства в области многоголосных форм традиционной финно-угорской песенной культуры связан с различным уровнем становления творческого стиля деятельности.

Педагогика исследует сущностные характеристики стиля деятельности. Так, в работах В. А. Слостенина подчеркивается, что стиль деятельности присущ любой личности, и можно выстроить «уровневую иерархию», где низкий уровень является подражательным, копирующим другого человека. Далее каждая развивающаяся личность стремится овладеть собственным, неповторимым стилем. Для становления же творческого стиля, «для выхода за рамки привычного, известного, нормативного», на его взгляд, «необходимо овладение этим известным, уже существующим»¹.

Анализ и осмысление проблемы творческого стиля деятельности раскрыло новые личностные и профессиональные возможности будущих студентов. Так, абитуриенты, поступающие по направлению подготовки «Искусство народного пения», часто имеют портфолио, состоящее из наград за выступления на различных конкурсах и фестивалях. Это позволяет предположить наличие у них некоторого уровня музыкальных профессиональных навыков и личных достижений. Особый разряд составляют абитуриенты, поступающие в вуз без начального музыкального образования, так как их учебно-профессиональная деятельность осуществляется способом «копирования по образцу».

В связи с этим мы выделили уровни творческого стиля деятельности студентов-музыкантов: копирование по образцу — непродуктивный; результат выполнения требований педагога — полупродуктивный; личностная интерпретация произведения — продуктивный; создание нового произведения — высший уровень творчества. В результате изучения этой проблемы мы обнаружили некоторое противоречие между личностной оценкой студента своих достижений в учебно-творческой деятельности и оценкой педагога уровня профессионализма студента, определяющего стиль его деятельности. Это обуславливает задачу применения образовательных технологий, снимающих выявленное противоречие.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Слостенин В.А. Профессионализм педагога: акмеологический контекст // Пед. образование и наука. 2002. № 4. С. 4—8.

С. В. Колесникова,
доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Специфика народно-певческого исполнительского искусства мордвы

В традиционной мордовской музыкальной культуре сложились устойчивые и высокоразвитые формы вокального исполнительского искусства, характерного в основном для женщин, и инструментального, характерного для мужчин. Вокальное искусство мордвы развивалось в двух основных исполнительских формах — одиночной и совместной. Одиночно исполнялись причитания (свадебные, похоронные, рекрутские), колыбельные, детские потешки, а также некоторые эпические и лирические песни как сольный вариант многоголосной вокальной партитуры. Песни земледельческого календаря и свадебной обрядности, неприуроченные долги, плясовые, круговые песни интонировали в форме развитого многоголосия. Голоса в хоровой (ансамблевой) партитуре песни выполняли определенную функцию в разработке многоголосия и по народной терминологии имели определенное подразделение: основной голос песни, который исполняют средние голоса; подголоски: высокие, низкие; бурдон на основном и квинтовом тоне лада, исполняющийся остинато или мелодически развивающийся.

Для певческих голосов одиночного и коллективного творчества мордвы характерно насыщенное, в основном грудное звучание женских голосов в низких и средних тесситурных условиях (от фа — соль малой октавы до ля — си первой); мягкое, осветленное или напряженное и яркое звучание высоких женских голосов (от си первой октавы до ре — ми второй); темброво-насыщенное звучание у низких мужских голосов, ярко-выразительное — у высоких (баритонально-теноровый характер).

Темброво-динамическая выразительность и голосо-речевой характер исполнения определялись местом звучания и жанровой принадлежностью песни. На открытом пространстве (в лесу, поле, у родника) пели зычно, проголосно, динамично, насыщенно; в помещении — более мягко, певуче, динамически сдержанно, собранно и округло. В результате

взаимодействия вокальной и инструментальной традиций в творчестве мордвы возникла и функционирует совместная исполнительская форма — вокально-инструментальная.

Таким образом, при всем многообразии характерных особенностей народно-певческого исполнительского искусства мордвы вокальная и инструментальная музыка сопровождала различные жизненно-бытовые ситуации, традиционные обряды и ритуалы. Это озксы, свадьба, молодежные весенне-летние гуляния, календарные праздники, детские игры и др. При этом пение в сопровождении традиционных музыкальных инструментов могло быть статичным или сопровождать круговые пляски, пляски на месте, хороводы.

Т. В. Тюринна,

доцент кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

К проблеме сценического воплощения фольклора

Различные жанры фольклора допускают разную степень их сценического претворения и зависят от субъективного видения интерпретатора. Диалектная фонетика и особенности жанра песни рождают неповторимую окраску тембрально-го звучания, которое создает «звукоидеал» национальных особенностей музыкального интонирования каждой этнической культуры.

Сегодня наряду с аутентичным фольклором получило распространение его вторичное «репродуктивное» звучание, воссоздаваемое на основе аудиозаписей и нотированных образцов. Возможность иного «прочтения» фольклора дал Д. В. Покровский в 60—70-е гг. XX в. Он объединил фольклор и джаз, сотрудничая с такими известными музыкантами, как А. Козлов, В. Резицкий, П. Гэбриэл, П. Уинтер. Это явление следует трактовать как разновидность «фольклоризма», имеющую место на современной концертной эстраде, в том числе и в Мордовии.

Смелые эксперименты ставились в фольклорном ансамбле «Торама». Они были задуманы В. И. Ромашкиным для реконструкции традиционного мужского многоголосия мордвы. Ансамбль представлял аранжировки мордовских песен в различной интерпретации и разнообразных стилях

современной музыки. Так, совместно с Саранским городским оркестром русских народных инструментов исполнялись вариации на тему мокшанской народной песни «Сюре кштирде» («Пряха»). В 2003 г. совместно с А. Куриным в Эстонской музыкальной академии (г. Таллин) записан диск этнофутуристической музыки, где посредством применения разработанной системы гармонических замен, джазовых импровизаций и бурдонного басса-остинато традиционная мордовская песня получила новое звучание.

Арт-фолк оркестр «Морданс» дает иное прочтение народного фольклора, акцентируя внимание на одновременное соединение различных исполнительских стилей: традиционного народно-певческого звучания, академического вокала, элементов эстрадного пения, разнопланового инструментального сопровождения.

Фольклорный ансамбль «Мерема» реализовал ряд интереснейших работ по сценическому воплощению фольклора с использованием широких возможностей киноискусства.

Степень точности воспроизведения фольклора на сцене связана с творческой позицией интерпретаторов, что вносит изменения в облик первоисточника. Сценическое воплощение фольклора — вопрос дискуссионный. Для одних сохранить первозданное репродуктивное звучание — обязательное требование, а для других — это принципиально невыполнимо. «Фольклоризм» в современной сценической практике способствует пропаганде народного искусства в адаптированном виде и возрождению интереса к этнической музыке у широких слоев населения.

Фольклорные истоки в композиторском творчестве: проблема интерпретации

М. В. Медведева,

заведующая кафедрой хорового и сольного народного пения
Российской академии музыки им. Гнесиных,
кандидат педагогических наук, профессор (г. Москва)

Претворение фольклорных интонаций в кантате А. Г. Шнитке «Песни войны и мира»

Для осознания взаимосвязи творчества выдающегося композитора современности А. Г. Шнитке с истоками на-

родной музыки необходимо проникнуться его духовными установками в отношении искусства в целом. Композитор особо подчеркивал извечность существования художественных произведений, которые расшифровывает и улавливает извне. В процессе накопления впечатлений, образов и формирования творческой самобытности А. Г. Шнитке большую роль играла окружающая его с детства этномызыкальная среда. Этнокультурное окружение, в котором находился композитор в Поволжье с 1934 по 1946 г., отличалось многоликостью. Народная культура немцев Поволжья еще сохранила черты исконных традиций. Последнее обусловлено центристскими культурными тенденциями в условиях иноэтнического окружения (славяне, финно-угры, тюрки, монголы) и удаленностью, оторванностью от Германии. На народное музыкальное творчество немцев Поволжья большое влияние оказал процесс культурной ассимиляции, синтезирование «своего» и «чужого» и образование нового качества — конгломеративности. Эти культурные явления, изначально воспринятые А. Г. Шнитке на уровне генетической памяти, нашли отражение в его творчестве.

Погружение в окружающий природный мир звуков, собственное носителям фольклорного песнетворчества, было одной из характерных черт мировосприятия и воображения композитора. В своем творчестве композитор воплощал различные свойства звукового пространства. Например, в третьем номере кантаты «Песни войны и мира» велика роль унисона как своеобразного средства погружения в медитативное состояние. Музыкальную тему этого номера «Ой, да сердце, горько сердце стонет» композитор заимствовал из фольклорных записей.

Вероятно, запись могла быть сделана на Русском Севере, поскольку в основе ладового строения напева лежит уменьшенная квинта (до-диез — соль-бекар), столь свойственная севернорусским плачам. В творческом подходе А. Г. Шнитке к претворению фольклора проявляется открытость музыкального мира композитора, способность синтезировать различные народно-явления.

Н. П. Трегулова,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Хоровые обработки в творчестве композиторов Мордовии

Работа с хоровыми и оркестровыми коллективами обусловила специфику композиторской деятельности первых мордовских музыкантов. Так, Л. П. Кирюков в основном работал в жанрах вокальной музыки, а Л. И. Воинов — инструментальной. Жанр хоровой обработки произведений народной музыки составляет значительную часть творческих достижений композиторов Мордовии.

Хоровой обработкой мордовской народной песни в период зарождения жанра занимались А. А. Тряпкин, И. П. Пономарьков, П. А. Органов, К. Д. Промптов, И. Д. Тулупников и др. В 30—40-е гг. XX в. обработки мордовских народных песен для хора созданы Ф. П. Базерским, Л. С. Мандрыкиным, Е. Б. Манаевым, М. Г. Ильиным. В этот период в творческий процесс по освоению и обработке мордовской народной песни были включены московские композиторы, такие как М. И. Душский, Б. М. Трошин, С. Б. Евсеев, М. О. Грачев и др. Значительный вклад в жанр обработки мордовской народной песни для хора внес московский композитор и собиратель народных песен Д. М. Мелких. В 40—60-е гг. в области хоровой обработки интенсивно работали П. П. Емец, Н. Г. Дехтярев, В. А. Белоклоков. В 60—70-е гг. обработки создавались Г. В. Павловым, Б. И. Арановичем, И. И. Игнатовым и др.

В последующие десятилетия второй половины XX в. значительный вклад в теорию и практику рассматриваемого жанра внес композитор, музыковед, педагог и хормейстер Г. И. Сураев-Королёв. Он обосновал принципиально новые подходы к обработке народной песни, определил ее цели, задачи, приемы, типологию.

Мастерски владел обработкой для хора дирижер-хоровик И. Г. Резепов. Его обработки колыбельной Л. П. Кирюкова «Тютю-балу» включены в репертуар различных хоровых коллективов.

Хоровые обработки Г. Г. Вдовина отличает впечатляющая экспрессия музыкального высказывания, мастерство эмоционально-смыслового, интонационно-мелодического развития. Авторский почерк композитора формировался в процессе освоения многих художественных явлений: национальной специфики мордовской (мокшанской, эрзянской) культуры, региональных традиций среднерусской песенности, достижений отечественного и зарубежного музыкального искусства. Бережно сохраняя первозданную красоту фольклорного источника, он увеличил его художественный потенциал, обновил традиционную лексику и художественную форму.

Большое количество аранжировок и обработок народных песен принадлежит Н. И. Бояркину. Его сочинения с наибольшей полнотой представляют музыкальную и поэтическую стилистику песенных жанров мордовского фольклора, их органические связи с традиционной музыкой.

Большое место хоровая обработка мордовской народной песни занимает в творчестве Н. В. Кошелевой. Для нее характерен интерес к развернутым вариационным формам развития напева, совмещение в одном произведении нескольких народных мелодий, полифоническое развитие фактуры.

В целом успехи композиторов Мордовии в области хоровой обработки народной песни во многом обусловлены их интересом к народной музыке и богатством мордовского народного музыкального искусства.

М. В. Бутусова,

соискатель кафедры культурологии, этнокультуры
и театрального искусства Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Проявление фольклорных и неофольклорных стилевых тенденций в вокально-хоровых сочинениях Г. Г. Вдовина

Творчество Г. Г. Вдовина — это огромный пласт в музыкальной сокровищнице мордовского искусства, являющийся частью российского культурного наследия. Все произведения композитора демонстрируют глубокое проникновение в сущность мордовского народного мелоса. Участие Г. Г. Вдовина в музыкально-фольклорных экспедициях, запись и нотная фиксация мордовских песен, изучение специфики поэтиче-

ских и музыкальных текстов аутентичного фольклора способствовали становлению профессионального оригинального почерка композитора.

На фоне многогранного творчества Г. Г. Вдовина ярко выделяется его вокально-хоровая музыка. Формирование стиля продиктовано спецификой мордовской музыкальной культуры, а также ее проявлением во взаимосвязях с культурами славянских и финно-угорских народов. Произведения 60—70-х гг. XX в. (хор «Чиньжарамо» («Подсолнух»), обработки мокшанских и эрзянских народных песен, хоровая миниатюра «Минь листьяно улицав» («Выйдем мы на улицу»), кантаты «Здравица 50-летию Мордовии» и др.) — это бережное отношение автора к устному народному творчеству. Фольклоризм идентифицируется здесь на уровне заимствования, перепева, подражания подлинных образцов традиционной мордовской музыкальной культуры.

Неофольклорные тенденции предполагают владение целым комплексом выразительных средств композиторской техники. Для Г. Г. Вдовина это не просто трансформация, видоизменение фольклорного материала, а его философское переосмысление: от мелоса до тончайших интонаций, ладогармонической вертикали и линейного мышления; специфика многоголосия, построение музыкальных фраз в соответствии с метро-ритмическими особенностями; композиционное строение. В зависимости от эмоционально-образного и тематического содержания эти средства привлекаются в хоровых сочинениях 80—90-х гг. (хоры «Чачома мода», сл. Р. С. Кемайкиной; «Шумбрачи, Мордовия, Шумбрат!», сл. А. К. Мартынова; хоровые сцены из музыкальной драмы «Ветер с Понизовья» по пьесе П. С. Кириллова; хоровой концерт «Баллада о Ефрейторе и Деве белого плеса», сл. Т. Ю. Кибирова; баллада «Вересковый мед», сл. Р. Стивенсона и др.).

Таким образом, можно говорить о том, что вокально-хоровые сочинения Г. Г. Вдовина отличает музыкальный язык, органично синтезирующий фольклорные и неофольклорные тенденции.

Л. В. Кинякина,
старший преподаватель кафедры народной музыки
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета

Обработка мордовской народной песни для хора в творчестве Н. И. Бояркина

Песенный фольклор мордовского народа — это память о прошлом, часть самобытной национальной культуры. В настоящее время наблюдается процесс активизации теоретического изучения фольклора. Данные исследования приобретают все большую практическую значимость. Запись, аранжировка и обработка произведений традиционной народной музыки являются основой деятельности композиторов, выступая важнейшей составляющей современного творческого процесса.

Значительный вклад в область аранжировки и обработки мордовских народных песен внес композитор, дирижер и педагог Н. И. Бояркин. Глубокое проникновение в специфику мордовского мелоса, его детальный анализ позволили композитору обрабатывать аутентичную мордовскую песню на высоком профессиональном уровне, сохраняя при этом неповторимую красоту народных мелодий, метро-ритмические особенности, образную атмосферу. Многолетняя дирижерская практика в Хоре народной песни, а впоследствии и в качестве художественного руководителя Народно-хоровой капеллы Мордовского государственного университета позволила апробировать созданные композитором сочинения.

Обработки Н. И. Бояркина передают ощущение первоисточника, владение народными приемами выразительности, связанными с наиболее традиционными элементами этнического стиля: остинатными формами развития музыкального материала, ритмикой и тембрами народных инструментов, стереофоничностью звучания мордовского вокального и инструментального ансамбля. Постоянный поиск новых форм и методов работы с фольклорным материалом позволяет композитору тонко и художественно цельно показывать народную песню на профессиональной сцене.

Композитор использует весь жанровый состав произведений песенного фольклора. Кроме эпоса и лирики, он обрабатывает также календарные и семейно-обрядовые

песни («Поэяра» («Весеннее корильное заклинание»), «Роман Аксясь» («Романова Аксинья»), «Каляда» («Коляда»), «Ёру» («Егор»), «Свадбань мора» («Свадебная песня»), «Срхкада, кудат, срхкада» («Собирайтесь, сваты, собирайтесь») и др.), редкие песенные образцы древних молян — пазморот. В числе немногих авторов он создал хоровые обработки произведений детского фольклора («Детская потешка», «Колыбельная», «Нюряфнема мора» («Колыбельная») и др.). Композитор придает большое значение воссозданию звучания тембров мордовских народных инструментов (шавомы, кальцаемат, пайгонят, нюди и др.). Яркие примеры подобных произведений — обработки «Кизоняньке сашендыхть» («Летушко к нам приходит»), «Ёру» («Егор»), «Торонь кандысь» («Дружка») и др.

Н. И. Бояркин создал более 80 обработок мордовских народных песен для хора и солистов. Многие произведения вошли в репертуар хоровых коллективов Мордовии. Часть из них представлена в сборниках «Из репертуара Народно-хоровой капеллы Мордовского университета. Они стали первыми специальными публикациями произведений этого жанра в Мордовии.

И. Г. Коленченко,
аспирант Российской академии музыки им. Гнесиных (г. Москва)

Значение и развитие феномена духовного стиха

«Духовный стих» в русской культуре представляет собой сложное явление, затрагивающее различные области отечественной культуры и тесно связанное с мировосприятием русского человека. Духовный стих как неотъемлемая часть фольклора оказал большое влияние на формирование народной духовной культуры. Понятие «духовный стих» — определение комплекса произведений народного творчества, объединенных высшим художественным выражением народной веры. Термин «стих» выделяет этот жанр среди других фольклорных произведений (песен, былин и т. д.). Кроме того, он ассоциируется с письменной, книжной культурой и поэтическими жанрами.

В отличие от жанров, имеющих строгое закрепление в ритуале, духовный стих изначально вовсе не предназначен для богослужебного исполнения и относится к внелитургиче-

ским жанрам. Он существовал практически во всех сферах жизни: от церковной до народной и светской. Исследователи этого жанра высказывают различные мнения относительно времени его возникновения, динамики распространения и эволюции. Существует несколько гипотез относительно времени возникновения духовных стихов: от дохристианского периода до XVII в. Изначально духовные стихи бытовали среди калек переходных — особой социальной группы, просуществовавшей с периода Средневековья до начала XX в. Они вобрали в себя канонические и народно-крестьянские представления о христианстве, старообрядческое и сектантское понимание православия.

В настоящее время духовные стихи также бытуют в христианских общинах. Основные свойства духовного стиха — содержание текста религиозной направленности; форма бытования, несущая в себе закономерности неразрывного восприятия слова и музыки; распространение в разных культурных средах; направленность на восприятие христианских основ различными социальными группами; эмоциональность, выражающаяся в большой силе воздействия на слушателей и исполнителей.

Применение комплексного подхода к изучению духовных стихов призвано обеспечить объективность в их понимании. Большое значение этих стихов в формировании внутренней духовности человека сделало этот жанр привлекательным не только для собирателей, исследователей, фольклористов, но и для отечественных композиторов и исполнителей XIX—XXI вв.

**Panel «Musical Culture of the Finno-Ugric Peoples:
Problems in Studies, Preservation and Succession»**

On November 21, 2012 in Mordovia National Research State University in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation «Musical Culture of the Finno-Ugric Peoples: Problems in Studies, Preservation and Succession» a panel was organised. Its main objective was in the discussion of theoretic and practical problems connected with the existence of the musical folklore in the conditions of the poly-ethnic cultural space; issues in the national musical education and upbringing in the Finno-Ugric world; exchange of the positive experience in preservation and investigation of the cultural heritage of the Finno-Ugrians. Main trends in the work of the panel were integrated by three blocks.

In the framework of the first one — «Musical Culture of the Finno-Ugric Peoples: Problems in Studies, Preservation and Succession» functioning of the Finno-Ugric musical culture in the modern socio-cultural space, activity of the Mordovian diaspora in Moscow in the sphere of traditional culture preservation, sound ideal in the modern Setusk song tradition in the South-Eastern Estonia, symbolic Mordovian rite programme folk-tunes connected with the cults of the trees and the water, Mordovian song poetry and its connections with the Russian poetic culture, activity of B. S. Urtskaya as the founder of musical studies in Mordovia and ethno-musical plastic thinking of N. V. Kosheleva in the symphonic suite by S. D. Erzya sculptures «Women's Portraits» are considered.

The second one — «Folk Music in Modern Educational and Performing Practice» is devoted to the problems in the psychology of singers — bearers of song folklore in the modern conditions, application of adaptations, orchestrations, authors compositions of Mordovian composers in pedagogic practice in educational institutions of the republic, specificity of national singing arts of the Mordva and stage impersonation of the traditional singing culture of the Finno-Ugric peoples in the modern stage.

In the third block «Folklore Origin in the Composers Creative Work: Interpretation Problems» issues of the formation and the meaning of «spiritual verse» in the domestic musical culture, folklore and non-folklore stylistic tendencies in vocal and chorus compositions of G. G. Vdovin and musical and poetic stylistics of song genre of the Mordovian folklore in the chorus work of Mordovian composers were presented.

The Finno-Ugric musical culture is an integrate phenomenon accumulating scientific, educational and creative potential. The importance of such discussions for the research of the processes of modern existence and development of people's musical culture, methods for its preservation and transformation in the modern composing, singing and educational practice is evident.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод на английский язык *С. И. Лагущенко*

Транслитерация примечаний выполнена посредством обращения к интернет-ресурсу <http://www.translit.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 31.12.2013. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 18,47. Тираж 1 000 экз. I завод — 500 экз. Заказ № 1824.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.